

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕНЬ ЗА ДНЁМ

Когда самолёт набрал высоту, и «в тумане скрылась милая Одесса», мысли мои сосредоточились на городе, что был конечным пунктом рейса. Если об Одессе я был слышан ещё в детстве, много о ней читал и многое увидел за годы студенческой жизни, то о Минске и Белоруссии мне было известно совсем мало. Со школы помнил, что республика эта по территории и населению примерно в пять раз меньше Украины, а её столица Минск в несколько раз меньше Одессы. Знал, что там до войны жило много евреев. Вспомнил, что когда в 1933-ем году на Украине разразился голод, и люди от него помирали тысячами, из нашего местечка несколько еврейских семей выехали к своим родственникам в Белоруссию, где не было голода. Если там не хватало хлеба, то была картошка. Во время войны читал об обороне Брестской крепости и защите Могилёва, о героической борьбе белорусских партизан.

Когда перед отъездом из Одессы я зашёл попрощаться с Туллерами, и они узнали, что я еду в Белоруссию, Янкель Туллер подарил мне небольшую книжицу «Мстители гетто», автором которой был Герш Смоляр. Янкель сказал, что ещё недавно у него в киоске эта книга свободно продавалась, но потом была изъята из продажи и его предупредили о её запрете. Он просил никому эту книгу не показывать, так как за это могут быть серьёзные неприятности.

Желая пополнить свои скудные сведения о городе, где мне предстояло жить и работать, я раскрыл запретную книжицу и на одном дыхании прочёл её от первой до последней страницы. Из грустного рассказа автора сложилось более полное впечатление о том, чего стоила прошедшая война этой древней земле, какие бедствия и разрушения она причинила. Приведенные в ней цифры обжигали сердце. За годы войны республика потеряла 2 миллиона 240 тысяч своих жителей. Каждого четвёртого унесла война. Об этом я и раньше слышал, но впервые из этой кровавой повести можно было себе представить масштабы потерь еврейского населения республики. Из одного миллиона евреев, что жили здесь до войны, погибло восемьсот тысяч.

Впервые из рассказа Смоляра я тогда узнал о Минском подполье, возглавляемом евреем Исаем Казинцом, о героической борьбе узников минского гетто, о тридцати тысячах евреев, мужественно сражавшихся в партизанских отрядах Белоруссии. Об этом раньше не писали нигде. Это была великая тайна, запретная тема для писателей, журналистов, учёных. Вот оказывается почему книга была изъята и уничтожена.

Благодаря этой «крамольной» книжице я ступил на землю Белоруссии, насыщенный неведомой мне ранее информацией о мужестве еврейского населения этого многострадального края, его борьбе с врагом и массовой гибели.

За чтением не заметил, как самолёт совершил посадку и подрулил к зданию аэровокзала. На круглой площади у аэропорта шла посадка на рейсовый автобус в центр города. Свободных мест уже не было, но посадка продолжалась до тех пор, пока стоящие пассажиры не утрамбовались до предела. За окнами мелькали небольшие здания, многие из которых были полуразрушены. До центра было недалеко, и вскоре кондуктор объявила конечную остановку «Дом правительства».

То, что я увидел на центральной площади города, поразило моё воображение. Из довоенных построек уцелело только несколько домов, в том числе огромное многоэтажное здание Дома правительства, которое, по рассказам очевидцев, уцелело по чистой случайности. По обе стороны от него, в сторону проспекта Ленина и Московской улицы было чистое поле, по которому двигались бульдозеры, выравнивающие грунт для укладки асфальта. Вдали от площади, по обе стороны главного проспекта столицы, видны были леса новостроек. Большинство домов строилось вновь на месте разрушенных и разобранных, и только изредка можно было заметить старые постройки, пригодные к восстановлению.

Город вставал из руин. Кругом были следы пожарищ и разрухи - мрачные отметины свершившейся трагедии. Мне приходилось не раз видеть разрушенные войной города. Я был в Ростове и Харькове в 1944-ом, после их освобождения, видел разрушенный центр Одессы в 1945-ом, но то, что пришлось увидеть здесь через три года после окончания войны, не шло в сравнение с тем. Может быть впечатление усиливалось объёмами и размахом строительства. На глазах подымался новый город, который должен стать краше и лучше прежнего. Вместо узких кривых улочек, строились широкие и прямые проспекты, взамен небольших двух-трёхэтажных домиков подымались огромные многоэтажные комплексы, создающие архитектурный ансамбль современного большого города.

С помощью первого встречного нашел оказавшуюся недорогой гостиницу на тихой улочке старой части города, где к великому моему удивлению нашлась свободная кровать в четырёхместном номере.

В гостиничном буфете обратил внимание на цены. Они здесь были на порядок ниже одесских. Картофельная бабка в горшочке оказалась удивительно вкусной и её было достаточно для утоления голода после утреннего чая.

Выполнив привычный ежедневный ритуал бриться и, сменив свой дорожный наряд, я поспешил в наркомат, что располагался в уже упомянутом Доме Правительства. Дежурный милиционер, тщательно проверив мой паспорт и направление на работу, велел подняться лифтом на пятый этаж.

Наркомат мясной и молочной промышленности занимал угловой отсек здания, состоящий из полутора десятков комнат, разделенных широким коридором. На одной из дверей была стеклянная табличка с надписью «Отдел кадров».

В углу комнаты стоял широкий письменный стол, а рядом с ним массивный, двухметровой высоты металлический сейф. В жестком кресле сидел низкого роста, худощавый пожилой человек в военном кителе с морщинистым лицом и седой головой. Узнав о цели моего визита, он пригласил сесть и представился:

-Евглевский Николай Иванович, начальник отдела кадров.

Он внимательно ознакомился с документами, изучил вкладыш к диплому, где был перечень и объём изученных в институте дисциплин, а также оценки по каждой из них, предложил заполнить личный листок по учёту кадров и написать подробную автобиографию.

Когда, наконец, это было сделано и тщательно проверено Николаем Ивановичем, он потребовал мой партбилет, заявив при этом, что является секретарём парторганизации наркомата.

Вероятно, он остался доволен первым знакомством с молодым специалистом, добродушно улыбнулся мне и, сняв телефонную трубку, попросил соединить его с наркомом. Когда в трубке раздался хриплый мужской голос, Евглевский заискивающе доложил:

-Алексей Павлович, прибыл молодой специалист из Одессы. Позвольте его Вам представить.

Получив согласие наркома, Николай Иванович велел мне следовать за ним. В приёмной пришлось подождать, пока из кабинета вышел посетитель, а из двери напротив вышла Марфа Дмитриевна Шаройко, которая тепло поздоровалась со мной и пригласила к наркому.

Впервые в жизни я должен был увидеть живого наркома. Само это слово вызывало незнакомое доселе чувство тревоги и трепета. О народных комиссарах приходилось раньше только читать в книгах или видеть их в кино. Все они представлялись мне какими-то особо выдающимися личностями, отличающимися от простых смертных необычайным умом и способностями, решительностью и смелостью, мужеством и героизмом.

Нам же навстречу со своего стола вышел обыкновенный, среднего роста, худой и, как мне показалось, болезненно-слабый старичок в тёмном костюме с черным галстуком поверх белоснежной, тщательно выглаженной рубашки. Он пожал мне руку и тихим хриплым голосом произнёс:

-Мельников Алексей Павлович, нарком.

Мы троём уселись за длинным столом, стоящим вдоль окон просторного кабинета, а Алексей Павлович занял место в его торце. Оказанная мне честь свободно беседовать с народным комиссаром и его тёплый приём оказали на меня такое сильное воздействие, что я еще до начала беседы был готов повиноваться любому его желанию и идти за ним хоть в огонь и в воду.

Выслушав представление своего заместителя Шаройко, подтвердившую обещание предоставить мне инженерную должность в производственно-техническом отделе и комнату в жилфонде наркомата, а также доклад начальника отдела кадров Евглевского, отметившего некоторые положительные особенности из моей биографии, листка по учёту кадров и вкладыша к диплому, нарком подтвердил согласие на мою работу в аппарате, но предложил подумать о возможности поработать какое-то время на разрушенных в войне мясоконсервных комбинатах в Орше или Барановичах, где, по его мнению, я смог бы более полно и эффективно применить полученные в институте знания и дать больше пользы промышленности. При этом он заявил, что в таком случае он лично окажет мне всемерную помощь в решении производственных и жилищно-бытовых вопросов.

Я смутно представлял себе что такое Орша и Барановичи в первые годы после войны. Мне было известно только то, что Барановичи небольшой город в Западной Белоруссии, входивший до 1939-го года в состав Польши и, что он был центром одноимённой области до начала Отечественной войны. Об Орше я знал, что это крупнейший железнодорожный узел на востоке Белоруссии, где в годы войны прославился Константин Заслонов, которому за мужество и героизм в тылу врага было присвоено звание Героя Советского Союза. Знал и о том, что этот город расположен в центре богатой сырьевой зоны, где по известному постановлению ЦК ВКП(б) от 1929-го года «О разрешении мясной проблемы в стране» был построен самый крупный в Белоруссии мясоконсервный комбинат.

Конечно, в душе мне тогда хотелось больше остаться в столице, где, как мне казалось, будет легче жить и работать, но под воздействием настроения, овладевшего мной на приёме у наркома, я заявил, что согласен поехать туда, куда меня сочтут нужным послать и буду работать там, где во мне больше нуждаются.

Такой мой ответ пришелся по душе наркому, он встал со стула, пожал мою руку в знак благодарности, и предложил прямо завтра выехать с ним в Оршу, где лично познакомит меня с руководством комбината и позаботится о моём обустройстве. Он записал номер моей комнаты в гостинице, тепло попрощался и велел ждать его водителя в семь часов утра.

Я вышел из Дома Правительства в приподнятом настроении. Остаток дня посвятил знакомству с городом. Совершил кольцевую поездку по трамвайному маршруту номер один, что позволило осмотреть не только центр, но и окрестности. Побывал на Комаровском рынке, погулял по парку имени Горького, сходил на вокзал, где узнал о направлениях движения поездов, формирующихся в Минске и проходящих через его железнодорожный узел. В итоге сложилось мнение, что хоть это и не Одесса, но город имеет хорошие перспективы роста и развития, и что здесь заботятся об этом.

Первый день моей трудовой жизни подходил к концу. Полный впечатлений и тревожных ожиданий я крепко уснул в неудобном номере дешевой столичной гостиницы.

2

Когда шофёр наркома постучал в дверь нашей комнаты, трое моих соседей, с которыми я не успел накануне даже познакомиться, ещё спали.

В машине, кроме Мельникова, находился пожилой мужчина с густой шевелюрой седеющих волос и пышными усами. Он пригласил меня на заднее сидение и представился:

-Перетицкий Константин Сергеевич, начальник «Белглавмясо».

Дорога на Оршу шла по самой лучшей в стране автострате «Брест - Москва». Такую дорогу мне приходилось видеть впервые. С каждой её стороны были три полосы движения с развязками, почти полностью исключая пересечение поперечными дорогами, с заправочными станциями и благоустроенными пунктами отдыха. Шофёр держал предельно допустимую скорость и расстояние в двести километров потребовало немногим более двух часов езды. Наркомовская новая «Победа» с правительственными номерами была застрахована от подозрений, проверок и придинок постовых милиционеров ГАИ, и они брали под козырёк, приветствуя её владельца, когда машина проходила мимо.

По дороге между Мельниковым и Перетицким шел оживлённый разговор о ходе работ по восстановлению гиганта мясной индустрии Белоруссии. Из него я узнал, что прибывшее дорогостоящее импортное оборудование, в том числе купленная за валюту английская линия «BLISS» для изготовления жестяных банок и производства мясных и мясорастительных консервов, хранится под открытым небом. Она подвергается коррозии, из неё расхищаются ценные приборы и детали, а монтаж задерживается из-за низкой готовности производственных площадей и отсутствия грамотных специалистов.

Алексей Павлович поделился новостью, что 18-го августа в Москве созывается Всесоюзное совещание работников консервной промышленности с участием заместителя Председателя Совета Министров СССР и члена Политбюро ЦК КПСС Анастаса Ивановича Микояна, курировавшего в правительстве пищевые отрасли промышленности. На нём планируется организовать выставку консервной продукции. Нарком мясной и молочной промышленности Союза Кузьминых считал крайне важным участие двух мясоконсервных предприятий Белоруссии в этом совещании и представление на выставке образцов их продукции. От этого зависело выделение капиталовложений в строительство и дефицитных материалов для новостроек.

Перетицкий утверждал, что на Барановичи надеяться не следует, а вот Орша смогла бы, по его мнению, в оставшиеся полтора месяца смонтировать оборудование и выпустить первую партию консервов. Я в разговоре не участвовал и только отвечал на адресованные мне вопросы касательно технологии или организации консервного производства. Как выяснилось, в этих вопросах они были абсолютно не сведущи и помочь им до сих пор в этом никто из работников наркомата или главка не мог. Вот оказывается почему так усиленно агитировала меня Шаройко дать согласие на работу в наркомате Белоруссии и в чём была причина столь внимательного и тёплого отношения ко мне наркома.

Директор Оршанского мясоконсервного комбината Иван Иванович Поляков знал о приезде высокого начальства и встречал машину наркома у здания заводоуправления. Это был средних лет мужчина, закончивший до войны Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. До недавнего времени он работал в службе движения железной дороги и на мясокомбинат его направил горком партии

после ареста предыдущего директора за хищение соцсобственности в крупных размерах. Тогда партийные органы часто направляли на укрепление кадров коммунистов из различных отраслей народного хозяйства, подобно тому, как когда-то, во время коллективизации, направляли коммунистов-рабочих на подъём сельского хозяйства.

Поляков ещё носил китель железнодорожника и не скрывал, что о мясном и консервном производстве не имел ни малейшего понятия.

Мельников представил меня, как молодого специалиста-консервщика, согласного приступить к работе в качестве начальника консервного цеха. Он отказался подняться на второй этаж, где был кабинет директора, а также от предложенного завтрака и пожелал немедленно идти на производство, чтобы ознакомиться с ходом строительства и монтажом оборудования.

Возле проходной нас встретил главный инженер Алпатов Владимир Николаевич - здоровенный, ещё сравнительно молодой мужчина двухметрового роста, который взял на себя функции гида. Он бодро докладывал о производственных делах и ходе строительства, подчеркивая достигнутые успехи, словно представлял комбинат к правительственной награде.

Мельников и Перетицкий терпеливо слушали хвастливый рапорт Алпатова, пока они не подошли к ящикам с импортным оборудованием, многие из которых были полуоткрыты, стояли в лужах от недавно прошедших дождей и имели неприкрытые следы хищения приборов, аппаратуры и электродвигателей. Здесь их терпению пришел конец и Перетицкий, не подбирая слов и выражений отругал главного инженера за допущенную бесхозяйственность и халатность. Еще в большую ярость он пришел в консервном и жестянобаночном цехах, где за последний месяц после его посещения комбината ничто существенно не сдвинулось в монтаже и наладке оборудования. И совсем сник Алпатов в подвальном помещении, которое оказалось затопленным водой, в связи с чем были приостановлены работы по сооружению термостатных камер и склада консервов.

Нарком выразил также недовольство низкими темпами реконструкции котельной, трансформаторной подстанции, очистных сооружений и холодильника. На оперативном совещании он критиковал руководство предприятия и подрядные строительно-монтажные организации за неудовлетворительную организацию строительства и поставил задачу завершить работы по пусковому комплексу консервного цеха к 15-му августа. Директору было предложено любой ценой доставить в Москву образцы изготовленной в цехе продукции ко дню открытия Всесоюзного совещания.

Перед отъездом Мельников велел Полякову выделить мне квартиру и создать необходимые условия для работы.

3

Первый день работы в должности начальника ещё не существующего консервного цеха я посвятил изучению проектной документации и составлению перечня подлежащих выполнению работ для пробного пуска цеха. Подготовил также ведомость недостающего оборудования, приборов и материалов для комплектации первой очереди строительства.

Несмотря на то, что меня почти никто не отвлекал на текущие дела, закончить эту работу в длинный летний день не удалось и я продолжил её в отведенной мне жилой комнате, где кроме металлической кровати и прикроватной тумбочки был небольшой столик, два стула и настольная лампа.

Уже было далеко за полночь, когда работа была, в основном, закончена.

Рано утром, задолго до начала рабочего дня, вооружённый подготовленными накануне материалами, я ожидал директора и главного инженера в их приёмной. Первым пришел Поляков. Свой ранний приход он объяснил тем, что любит поработать утром с почтой. В это время ему никто не мешал и к приходу работников заводоуправления он успевал выполнить эту рутинную, но важную работу. Он подробно распросил о моём обустройстве на новом месте, поинтересовался наличием продуктов для завтрака и ужина и велел приходить на обед в директорскую комнату столовой, где обслуживают лучше и обеды повкуснее.

Вскоре пришел главный инженер Алпатов, который, не заходя в свой кабинет, уселся в кресло у директорского стола и приготовился слушать меня. Я начал с того, что теперешние темпы работ исключают возможность выполнить задание наркома по вводу цеха в эксплуатацию к середине августа. В подтверждение этого я показал подготовленные мною комплектовочные ведомости и перечень оставшихся работ. Мною было предложено готовить суточные задания по монтажу и наладке оборудования и проверять их исполнение на ежедневных планёрках до начала работы с участием руководителей подрядных организаций и специалистов комбината. Кроме того я просил дать указание по набору рабочих и организации месячных курсов по их подготовке.

Мои предложения и просьбы были приняты, и главный инженер отправился со мной в цех для решения ряда неотложных вопросов на месте. По дороге зашли в отдел строительства. Там Алпатов приказал его начальнику Кузьменко в суточный срок создать и возглавить бригаду маляров-штукатуров для выполнения отделочных работ в консервном цехе в помощь подрядной строительной организации. Напрасно тот доказывал, что это приведёт к срыву работ по капитальному и текущему ремонту других цехов, их подготовке к сезону массового поступления скота. Главный инженер был неумолим и настаивал на безусловном выполнении своего распоряжения, а когда Кузьменко сослался на отсутствие красок и других необходимых материалов, он вынул из бокового кармана несколько сотенных купюр и велел купить всё в магазинах или на рынке с предоставлением ему счетов и актов.

Я тогда удивился с какой лёгкостью Алпатов отдавал свои деньги на покупку стройматериалов. Словно угадав мои мысли он объяснил, что без этого нельзя обойтись когда необходимо что-либо срочно сделать, а добыть дефицитные материалы в организациях централизованного государственного снабжения невозможно.

Главному механику Кобышеву и главному энергетiku Минцу, явившимся в консервный цех по вызову Алпатова, было приказано выделить в помощь подрядным организациям слесарей и монтеров, и лично возглавить их работу. Когда они стали возражать, что это не может быть сделано без ущерба работе других цехов, главный инженер велел организовать сверхурочную и двухсменную работу, которую обещал щедро оплатить. Кроме того, он выделил крупную сумму для премирования работников за ввод в эксплуатацию консервного цеха.

В беседе с прорабами подрядных организаций Алпатов призвал ускорить работы с расчётом их завершения к середине августа. Его призывы не возымели на них должного воздействия и они открыто называли эти планы авантюрой. По их оценке сдать цех в эксплуатацию раньше октября было просто невозможно. Настроение прорабов заметно не изменилось и после того, как им было обещано бесплатное питание для строителей и выделение дополнительных рабочих из ремонтных служб комбината.

Признаюсь, что и мне тогда не верилось в возможность выполнения такого большого объёма работ за несколько недель. Самую большую тревогу вызывал монтаж и наладка импортной линии «Bliss» производительностью 80 банок в минуту. По своему техническому уровню и степени автоматизации она существенно отличалась от подобной отечественной техники. Не было и опыта её эксплуатации. Вся документация была на английском языке, которым прилично владел только главный энергетик Миша Минц - выпускник Одесского политехнического института, направленный на комбинат по распределению специалистов в прошлом году.

Я попросил Алпатова договориться с Мишей о переводе на русский язык объяснительной записки и инструкции по эксплуатации линии.

С помощью старожиллов удалось разыскать опытного механика по жестяно-баночному оборудованию, который работал на комбинате ещё с довоенных времён и в прошлом году ушел на пенсию. Иван Захарович Михайлов был механиком самоучкой. Хотя у него и не было никакого технического образования, он имел редкое чутьё к пониманию техники, позволявшее ему сравнительно быстро изучить практически любое, даже самое сложное оборудование. Этому способствовали его умелые руки и большой опыт. До войны его часто приглашали на другие консервные предприятия страны в случаях неполадок в жестяно-баночных цехах. Правда, с такой сложной и высокопроизводительной техникой, как линия «Bliss», ему пришлось встретиться впервые, но, польщенный вниманием и персональным окладом, который ему назначили, Михайлов смело взялся за порученное дело.

В течение нескольких дней положение в цехе резко изменилось. Количество строителей и монтажников удвоилось, организовали двухсменную работу, возросла организация труда и ответственность за выполнение заданий.

На ежедневных планёрках оперативно решались возникающие проблемы и с каждым днём росла уверенность в возможности пуска цеха в установленный срок. К каждой планёрке я готовил информацию о выполнении заданий и перечень возникших нерешённых вопросов.

Нужно отдать должное Алпатову. Он проводил в цехе большую часть своего рабочего времени и проявил завидные организаторские способности. При этом он умело пользовался различными методами поощрения, включая доплаты за сверхурочные работы, аккордную оплату труда, премии за выполнение особо важных заданий. Наиболее трудные вопросы нередко решались за бутылкой. При этом стоимость спиртного обычно оплачивалась им из собственного кармана. Нужно сказать, что такой способ решения трудных проблем оказывался тогда весьма эффективным. От него не отказывались и позднее. Более того,

масштабы его применения всё более росли и им пользовались практически на всех уровнях управления и руководства народным хозяйством страны.

Когда работа пошла на лад и уже не было сомнений в её своевременном завершении, случилась беда, чуть не сорвавшая всё дело. В конце июля арестовали Алпатова. Его привезли на комбинат для передачи дел в милицмейской спецмашине с решетками на окнах, в сопровождении двух милиционеров. Обвиняли его в хищении в особо крупных размерах.

Тогда действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7-го июня 1947-го года, согласно которому даже за мелкое хищение виновные осуждались на срок до семи лет тюремного заключения. По этому Указу за решеткой оказались миллионы людей во всех отраслях экономики, но больше всего от него пострадали работники пищевой промышленности.

Многим было трудно удержаться от соблазна и не прихватить из цеха, уходя домой, кольцо колбасы или кусок мяса, когда семья голодала, а зарплаты хватало, в лучшем случае, на хлеб и молоко. Как не ухищрялись спрятать «патепу», как тогда называли краденую продукцию, как не договаривались с охраной о расчётах за пронесенные через проходную продукты и их дележе, при налётах и засадах милиции и проводимых ими тщательных обысках, похищенные продукты часто изымались и расхитители оказывались на скамье подсудимых. Судили тогда очень жестоко, не принимая во внимание никакие причины и обстоятельства.

Указ был подготовлен по личному указанию Сталина и его исполнение находилось под жёстким контролем. Особо строго наказывались групповые хищения и воровство в особо крупных размерах. Алпатова именно в этом и обвиняли. Вместе с ним были тогда арестованы ряд других работников производственных цехов и отдела сбыта комбината.

Судя по тому, как бывший главный инженер тратил личные деньги на покупку дефицитных материалов для строительства консервного цеха, можно было догадаться, что деньги эти не были трудовыми и что он был соучастником или организатором хищения в крупных размерах.

Как мне тогда рассказали, за последние четыре года на комбинате сменилось четыре директора и шесть главных инженеров. Почти все они обвинялись в хищениях, к которым были сами причастны, или не смогли предотвратить. Трудно сказать были ли все они действительно в этом повинны, но за решёткой на большие сроки оказались все. Тогда часто нельзя было доказать свою правоту, если даже ты не совершал преступления.

В случае с Алпатовым не было сомнений в его виновности. Тем не менее мне было очень жаль, что мы лишились организатора строительства. Его арест не мог не сказаться на темпах стройки. Они заметно снизились и ввод цеха в установленный срок вновь стал вызывать большие сомнения.

Исполнение обязанностей главного инженера было возложено на главного механика Кобышева. Он к этой должности не рвался, чувствовал себя в ней временно, поэтому большой инициативы и активности не проявлял. В этой обстановке помочь делу мог только директор. Он хоть и мало разбирался в строительстве, совершенно не знаком был с производством, но всё же активно включился в работу.

Теперь он, а не главный инженер, проводил ежедневные планёрки и оперативно решал возникающие проблемы. Особенно эффективным было его участие в решении кадровых вопросов. По его указанию отделом кадров были, в основном, укомплектованы штаты инженерно-технических работников и произведен набор рабочих. Была создана школа по их подготовке. Обучением технологии консервного производства мне приходилось заниматься самому, что оказалось полезным не только для рабочих, но и для меня. Пришлось подробно изучить технологические инструкции и незнакомое импортное оборудование.

В конце июля директор выполнил своё обещание и освободил для нашей семьи всю трёхкомнатную квартиру, в которой мне до сих пор принадлежала только одна небольшая спальня. Две другие комнаты занимал ведомственный санитарный врач, который работал в прямом подчинении наркомата. Это был ещё молодой человек, неженатый, отрабатывающий в Орше трёхлетний срок, как молодой специалист, после окончания Ленинградского медицинского института. Звали его Виктором, а на службе величали ещё Васильевичем. Вёл он себя независимо от руководства комбината и отличался большим нахальством и наглостью. Пользуясь своим положением он мог оштрафовать любого начальника цеха и даже приостановить производство, если не удовлетворялись его требования или просто капризы.

Желая угодить грозному доктору, ему носили домой любые изделия, что производились в цехах и даже спирт, который применялся в жестянобаночном производстве и использовался для анализов в лаборатории. Продуктов приносили больше, чем он мог употребить, и много их плесневело и выбрасывалось. Виктор раздавал колбасные изделия, копчёности своим знакомым и пользовался ими для презентов в нужных случаях.

Предлагал он и мне эти продукты, но у меня в них не было необходимости и я от этого отказывался. Чтобы сохранить добрососедские отношения мы несколько раз вместе поужинали и даже выпили из его неиссякаемых спиртных запасов. Поскольку я не часто мог себе это позволить, а в пьянке мы с ним вообще находились в разных весовых категориях, он вскоре отказался от моей компании и почти ежедневно пьянствовал с разными незнакомыми мне людьми.

Застолья эти были очень шумными и нередко продолжались до полуночи, что лишало сна и покоя. Поэтому, когда мой сосед объявил мне в середине июля о переселении в отдельную двухкомнатную квартиру в директорском доме, я не смог скрыть своей радости за него и, конечно, в первую очередь за себя. Это означало, что мне достанется трёхкомнатная квартира вполне достаточная для всей нашей семьи, приезд которой ожидался в конце месяца.

Кузьменко, который жил в нашем доме и занимал с женой двухкомнатную квартиру на втором этаже, получил указание директора произвести необходимый ремонт и подготовить выделенные нам комнаты к приезду семьи. Желая укрепить добрососедские отношения, он, несмотря на дефицит в материалах и недостаток людей, выполнил ремонтные работы быстро и на высоком уровне и, когда пришла телеграмма о приезде семьи, шикарная по тому времени квартира была в полной готовности.

4

Одесский поезд прибывал в четыре часа ночи. Накануне вечером зашёл шофёр директора Николай и велел не беспокоиться. Он обещал своевременно заехать за мной для поездки на вокзал. Такое указание он получил от хозяина. Внимание Полякова в этом случае оказалось очень уместным, так как найти машину ночью тогда было совсем не просто.

Из купейного вагона скорого поезда Одесса-Ленинград в Орше никто, кроме нашей семьи не выходил, и мы с Колей успели выгрузить чемоданы и помочь Анечке без спешки выйти из вагона. Она была уже на шестом месяце беременности, выглядела утомлённой, бледной и еле двигалась. Уставшими были и родители.

Директорской машины еле хватило для вещей и пассажиров. Дорога с вокзала по пустынным ночным улицам Орши заняла не более получаса и к пяти часам утра мы уже выгружали чемоданы в сверкающей свежей краской гостиной. Мои родственники не верили своим глазам. После Одесской коммуналки, где они снимали половину комнаты, просторная трёхкомнатная квартира с удобствами казалась им барскими хоромами. Мебелью нам служили металлические кровати и пара столиков со стульями, выделенные директором из общежития ГПТУ, что готовило рабочих для мясокомбината. Но для начала этого было вполне достаточно.

Утром я представил директору второго молодого специалиста и, несмотря на то, что Анечка была почти нетрудоспособной, он зачислил её на должность технолога консервного цеха, что давало право на получение зарплаты во время дородового и послеродового отпуска.

Получил работу на комбинате и Абрам Александрович. Его назначили начальником отдела снабжения. Анечкину сестру Полечку определили в среднюю школу, что находилась в жилпосёлке льнокомбината, в двух километрах от нас. Мама Рета в трудоустройстве не нуждалась и приступила к привычным обязанностям домохозяйки.

5

Несмотря на большие старания подрядных, субподрядных организаций и всех служб комбината, сдать цех в эксплуатацию к назначенному наркомом сроку не удалось. Государственная приёмочная комиссия, санитарная и пожарная инспекции нашли ряд недостатков, исключающих возможность приёмки пускового комплекса консервного и жестянобаночного цехов, и требующих некоторого времени для их устранения.

Однако, учитывая, что основные работы были закончены, комиссия разрешила изготовление пробной партии консервов с целью проверки работоспособности основных узлов и агрегатов импортной линии.

В процессе пробного пуска цеха производственным испытаниям подверглись агрегат для образования корпусов банок из листов белой жести, прессы для штамповки крышек и донышек, закаточные машины для образования банок, тестеры для проверки на герметичность, конвейеры для транспортировки банок в ходе их наполнения сырьём и специями, автоклавы для стерилизации консервов и другое оборудование. При этом были изготовлены опытные партии консервов трёх наименований: «Мясо тушёное», «Гуляш мясной», «Паштет печёночный». На крышках банок значились цифры, обозначающие номер предприятия-изготовителя - Оршанского мясоконсервного комбината.

В акте заводской приёмочной комиссии подтверждалась работоспособность линий по производству банок и изготовления консервов, их готовность к пуску в эксплуатацию после устранения вскрытых недоделок.

Проверку прошли также люди, которым предстояло работать в двух новых цехах комбината. Я называю их новыми потому, что производственный корпус, в котором до войны производили консервы был полностью разрушен и в эксплуатацию вводился новый комплекс зданий и сооружений, оснащённых импортной техникой на базе прогрессивной технологии. В ходе строительства был создан коллектив работников, обученных процессам производства и способных работать на новом высокопроизводительном оборудовании. В день производственных испытаний этот небольшой дружный коллектив отмечал свой первый день рождения, который стал настоящим праздником.

Изготовленные в этот день консервы подверглись химическим и бактериологическим анализам, проверке дегустационной комиссией и были признаны соответствующими действующим стандартам и техническим условиям.

Директор Поляков тепло поздравил меня с достигнутым успехом и велел готовиться к отъезду в Москву для участия во Всесоюзном совещании консервщиков.

Конечно, это был не только мой успех. В напряжённой работе по строительству цеха, монтажу и наладке оборудования, освоению технологии участвовали сотни работников. Большая заслуга в этом была директора Полякова и бывшего главного инженера Алпатова, руководителей многих служб и отделов. Выполнение такой большой и сложной работы за столь короткое время иначе как коллективным подвигом назвать нельзя, но почему-то все тогда связывали этот успех с моим приездом в Оршу, считая, что без меня консервного цеха в том году не было бы. Может быть такое мнение и имело основание, но мне тогда казалось, что мои заслуги явно преувеличивались.

Как бы там ни было, но поздравления с достигнутой победой шли в мой адрес, и я принял как должное решение директора командировать именно меня в Москву на почётную встречу с Микояном.

6

Накануне отъезда директору позвонил нарком Мельников и велел не беспокоиться о билете для моей поездки в Москву. Он забронировал двухместное купе в спальном вагоне прямого сообщения.

Впервые в своей жизни я садился в вагон высшего класса, в котором, по моему мнению, могли ездить только члены правительства или партийные руководители высокого ранга. Всё здесь было необычно: ковровая дорожка в коридоре, шелковые занавеси на окнах, картины с видами Москвы.

Алексей Павлович занимал купе с электросамоваром, баром и умывальником. На двух мягких диванах лежали комплекты белоснежных постельных принадлежностей.

Молоденькая проводница, в отутюженном фирменном костюме с беретиком поверх модной мальчишеской причёски, предложила чай, кофе, печенье, находящееся в баре, и пожелала нам спокойной ночи.

Мельников посоветовал поскорее уснуть, так как завтра предстоял напряжённый день, а до Москвы в скором поезде всего несколько часов езды.

Утром меня разбудил бодрый голос диктора: «Доброе утро, товарищи! Скорый поезд Минск-Москва прибывает в столицу нашей Родины - город-герой Москву!». Зазвучала маршевая музыка на мелодию песни «Дорогая моя столица, золотая моя Москва» и в лучах восходящего солнца замелькали силуэты огромного города.

Хоть я никогда раньше не бывал в Москве, многое из того, что возникало в вагонном окне, было удивительно знакомо. Ведь столько о ней прочитано, услышано, увидено в кино, на картинах, плакатах и фотографиях.

Впервые по движущейся чудо-лестнице спускался в подземный город столичного метро. Всё здесь было сказочно красиво и величественно: колонны, облицованные уральским мрамором; стены, покрытые разноцветной плиткой; мозаичные полы, богатые люстры-светильники, картины и скульптуры на историко-патриотическую тематику.

Вспомнилось, когда в детстве читал и слушал по радио о строительстве подземных дворцов под Москвой, не мог никак понять зачем такое нужно, когда даже хлеба не хватает и люди пухнут и умирают от голода. Это было время, когда от дистрофии умирали мои родители и сотни других наших односельчан.

То, что не могли понять тогда мы, несмышлёныши-подростки, не понимали мои взрослые братья и родители, было ясно «вождю нашему и учителю», который вёл народ неизведанным путём к светлому будущему, которое ему мерещилось. И не имело для него никакого значения, что будет стоить дорога, которую он прокладывал, какие жертвы понадобятся для её строительства.

При входе в метро золотыми буквами светилось: Метрополитен имени В.И.Ленина. Станция «Белорусская». Построена в 1933-35гг. Когда-то метро носило имя ближайшего соратника Сталина - Лазаря Кагановича, который тогда был наркомом путей сообщения и усердно старался во всём угождать вождю. Теперь метрополитену присвоили имя Ленина и он продолжал расти. Полным ходом шло строительство второй очереди, которая должна была быть ещё краше первой. Умели тогда строить «на показуху». Не важно было какой ценой приходилось платить за эти стройки. Важно было показать всему миру на что способна Страна Советов.

Красавец-поезд с большой скоростью мчался под центральными улицами и площадями столицы с небольшими остановками на станциях, которые были одна краше другой. Вот и станция «Маяковская», где 6-го ноября 1941-го года, когда у стен Москвы стояли немецкие танки, на торжественном собрании, посвящённом 24-ой годовщине Октябрьской революции, выступал Сталин.

Понадобилось всего десять минут, чтобы прибыть на станцию «Смоленская», где на одноимённой площади размещалось огромное здание Министерства мясной и молочной промышленности.

Удостоверения наркома, которое предъявил Мельников, было достаточно, чтобы мы вошли в просторный вестибюль, где были скоростные лифты и располагался гардероб.

В бюро обслуживания нам выдали бронь в гостиницу «Москва», одну из лучших в столице. Получили мы и по чемоданчику-дипломату с материалами предстоящего совещания. Образцы консервов я сдал в оргкомитет выставки и остался налегке с небольшой сумочкой.

Мельникову нужно было попасть на приём к союзному наркому Кузьминых, а мне он посоветовал побродить по Москве и в семь вечера встретиться в вестибюле гостиницы, чтобы получить номер на двоих. По душе пришлось мне это предложение и я воспользовался им с удовольствием. Трудно было предугадать, когда ещё мне представится возможность провести целый день в столице без всяких служебных или других поручений.

Многое удалось увидеть за этот день в Москве. Был в мавзолее Ленина и прошёлся вдоль кремлёвской стены, где установлены урны с прахом выдающихся деятелей Советского государства. Посетил Третьяковскую галерею и погулял по Центральному парку культуры и отдыха, прошел пешком по Арбату и улице Горького от Белорусского вокзала до Красной площади, и пришел к назначенному сроку в гостиницу, где меня уже ждал Мельников. Мы сняли просторный двухкомнатный номер с уютной гостиной, удобной спальней, ванной комнатой и телефоном, и спустились в ресторан, где вкусно поужинали.

Полный незабываемых впечатлений от достопримечательностей столицы, уставший от многокилометровой прогулки, уснул я под шум автомобилей, спящих за окном гостиничного номера в центре Москвы.

7

В фойе, перед конференц-залом наркомата, царил оживлённый суета, которая обычно бывает, когда встречаются люди, которых связывает профессиональная общность и которые давно не видели друг друга.

При регистрации от каждого участника совещания потребовали заполнить специальную форму, в которой, кроме обычных анкетных данных, содержались вопросы, касающиеся верности линии партии и советской власти, участия в антисоветских акциях, наличия родственников, репрессированных органами НКВД, судимости, нахождения в плену.

Как мне потом объяснили, всё это делалось по требованию органов безопасности, представители которых присутствовали на совещаниях с участием членов правительства.

Ровно в назначенный час на сцену вышли Микоян, члены коллегии наркомата во главе с наркомом Кузьминых, заведующие отделами пищевой промышленности ЦК партии и совнаркома.

В речи наркома говорилось об успехах в развитии мясоконсервной промышленности, мерах по её дальнейшему развитию и имеющихся проблемах. От каждой республики выступили по одному-два представителя, речи которых содержали цифры роста производства консервов и просьбы о выделении средств на строительство цехов, их реконструкцию и расширение.

От Белоруссии выступил Мельников. Он говорил о работе по восстановлению разрушенных в годы войны мясоконсервных предприятий, отметил заслуги в этом деле коллектива Оршанского мясоконсервного комбината и в числе наиболее отличившихся работников назвал и мою фамилию.

Выступление Микояна слушали с особым вниманием. Говорил Анастас Иванович свободно, не часто заглядывая в лежащие перед ним тезисы, с заметным армянским акцентом, что делало его речь ещё более живой и интересной. Он критически оценил уровень развития консервной промышленности страны. По объёму производства консервов Америка опережала СССР в 15 раз, а по производительности труда в этой отрасли в десятки раз. Это не только отрицательно сказывалось на обеспечении полноценного питания населения, но исключало возможность создания надлежащих продовольственных резервов для нужд армии в военное время.

Микоян призвал ученых и новаторов совершенствовать технологию консервного производства, создавать новые образцы техники, которые бы позволили сократить ручной труд и повысить его производительность.

Он рассказал эпизод из его поездки в начале войны в США с целью заключения договора на поставку мясных консервов для армии и голодающего населения страны. Американцы с пониманием отнеслись к этой проблеме и в принципе были готовы организовать производство и поставку в СССР необходимого количества консервов, но когда речь зашла о производстве мясной тушёнки по советским стандартам, категорически от этого отказались из-за множества ручных работ, неизбежных при соблюдении нашей технологии. Они отказались, к примеру, от выполнения технологических операций сортировки мяса, на три сорта с укладкой в банку весовых порций по сортам, отделения сухожилий и других трудоёмких процессов. Американские специалисты предложили свою технологию, согласно которой мясо измельчалось на мощных мясорезательных машинах и в виде фарша автоматически загружалось в банки специальными объёмными наполнителями. Такая технология исключала ручной труд на этих операциях и многократно повышала производительность, а по внешнему виду и вкусовым качествам американская тушёнка была не хуже нашей и сыграла важную роль в обеспечении армии и народа продовольствием в трудные годы войны.

Микоян поставил задачу удвоить производство консервов в первой послевоенной пятилетке, а в течении 15-20 лет достичь объёмов их производства в развитых капиталистических странах, включая США. Он обещал всемерную помощь правительства в этом деле, в том числе в выделении капиталовложений на строительство и реконструкцию отрасли. Речь признанного вождя пищевой индустрии часто прерывалась аплодисментами, а когда он её закончил, все поднялись со своих мест и устроили ему дружную овацию.

После совещания состоялся осмотр и дегустация образцов продукции, выставленной в смежном зале. Богаче и красивее всех выглядели стенды предприятий Прибалтийских республик: Таллинского, Рижского и Поневежского мясоконсервных комбинатов. Их консервные цеха почти не пострадали в годы войны и они ещё сохранили традиции довоенного времени, когда их продукция отличалась высоким качеством, широким ассортиментом, хорошим внешним видом и пользовалась большим спросом не только в нашей стране, но и за рубежом.

Микоян долго любовался выставочными стендами этих предприятий, попробовал на вкус некоторые изделия и дал им отличную оценку. Его внимание привлёк стенд Семипалатинского комбината - самого крупного мясоконсервного предприятия страны. От таких заводов в первую очередь зависели объёмы производства консервов.

Несмотря на то, что доставленные мною образцы были самыми малочисленными и содержали только три наименования консервов, Микоян задержался возле нашего столика, подробно расспрашивал о ходе реконструкции комбината, похвалил за восстановление консервного цеха и в знак благодарности крепко пожал руку Мельникову и мне. Стоящему рядом наркому Кузьминых он предложил отметить наши успехи премией.

В приподнятом настроении, с чувством выполненного долга и гордые от похвалы Микояна, уезжали мы поздно вечером того же дня из Москвы.

8

Поляков выслушал мой рассказ о совещании в Москве с большим вниманием и предложил повторить его на созванном в тот же день собрании актива с участием руководителей служб, цехов и отделов комбината. Рассказал я об участии в совещании и встрече с Микояном и работникам консервного цеха. Информация вызвала большой интерес. Строители обещали ускорить работы по устранению недоделок, а работники цеха заверили, что не подведут и выполнят годовой план производства консервов.

Хоть цех ещё не был введен в эксплуатацию, плановое задание уже было доведено и до конца года нужно было выпустить полмиллиона банок консервной продукции.

За выполнение плана тогда очень строго спрашивали. За это был строгий спрос и раньше и позднее, во времена правления Хрущева, Брежнева, Андропова, но в годы диктатуры Сталина ответственность была

особой. Мало того, что руководителей, не выполняющих план, привлекали к дисциплинарной и партийной ответственности и освобождали от занимаемой должности, они ещё становились объектом пристального внимания правоохранительных и других органов, последствия которого были непредсказуемыми. План считали законом, который нужно выполнять.

Так обстояло дело в первый год моей работы в должности начальника цеха. Нужно было иметь крепкую поддержку сверху, со стороны руководства, и снизу, со стороны рабочих, чтобы в сложившихся сложных условиях обеспечить выполнение плана. И такую поддержку я получил. Поддержали строители, устранившие в обещанные сроки недоделки. В конце августа Государственная приёмочная комиссия приняла в эксплуатацию пусковой комплекс жестяно-баночного и консервного цехов и разрешила производство консервов. Руководство комбината обеспечило цех необходимым сырьём, материалами, инвентарём на начальный период освоения производства. Рабочие изучили технологические процессы и с первых же дней активно включились в работу.

Не всё сначала ладилось. Особенно много проблем возникало в жестяно-баночном цехе. Никогда не удавалось наладить стабильную работу корпусообразующей машины. На помощь со стороны мы рассчитывать не могли и все надежды были только на Ивана Захаровича Михайлова. И этот пожилой человек, которому бы наслаждаться рыбалкой, находясь на заслуженном отдыхе, не уходил из цеха сутками, пытаясь установить причины брака и наладить работу сложного агрегата. Ему нелегко это давалось. Не хватало образования и знания английского для изучения техдокументации на импортное оборудование, не было опыта работы с такой сложной техникой. Когда у Ивана Захаровича дела не шли на лад, к нему лучше было не подходить. Он был мало разговорчив, зол, и мог нагрубить каждому, кто приставал с вопросами, независимо от должности или возраста.

Я как мог поддержал Михайлова и защищал его от необъективной критики или необоснованных подозрений. Мы допоздна оставались вдвоём в цехе, разбирались со словарём в документации и вместе терпеливо искали решения возникающих проблем. Часто это делалось методом проб и ошибок, но настойчивость и терпение всё же дали результат. Брак стало меньше и через несколько недель производство банок намного превысило потребность консервного цеха, работавшего тогда ещё в одну смену.

Заботы по организации производства консервов легли, в основном, на плечи Анечки. Несмотря на плохое самочувствие она много и напряжённо работала, выполняя обязанности и мастера, и технолога, и инструктора по производственному обучению.

Наши опасения на счет семейственности были напрасными. Отношение к нам было добрым и уважительным, как со стороны подчинённых, так и со стороны руководителей.

Были проблемы с освоением производства и в консервном цехе. Долго не могли наладить работу агрегата для автоматической закатки банок. При тестировании выявлялась негерметичность шва и банки шли в брак. В наладке этой сложной машины отличился молодой парень, выпускник ГПТУ Лёва Лифшиц, который часами после работы возился возле неё, проявляя при этом завидное упорство, трудолюбие и смекалку. Его старания, наконец, увенчались успехом и дело пошло на лад.

Много неполадок было в работе автоклавного отделения. Только благодаря усердию и настойчивости уже немолодого опытного аппаратчика Бурлацкого, работавшего на этом участке ещё в довоенное время, удалось преодолеть все трудности на этом важном участке производства.

Когда возникали проблемы, мешающие нормальной работе, всегда находились люди желающие прийти на помощь. И делали они это искренне, без расчёта на материальное вознаграждение или выгоду. Благодаря такой поддержке коллектива удалось в сравнительно короткий срок наладить ритмичную работу и обеспечить стабильное выполнение производственных планов.

На доброе отношение людей к нам мы старались ответить вниманием и чуткостью к ним. Я находил время посещать заболевших рабочих дома и в больнице, отмечались важные даты в жизни работников цеха, оказывалась помощь в решении бытовых вопросов. В цехе редко звучал приказной тон и окрики, установилась та гармония отношений, которая характерна для дружного и сплочённого коллектива.

Вспоминая начальный период работы в Орше, первую в своей жизни руководящую должность в качестве специалиста пищевой промышленности, могу сказать, что эти годы стали для меня настоящей школой познания науки человеческих взаимоотношений - личных, служебных, производственных. На мой взгляд, знания эти нельзя получить ни в одном учебном заведении, их невозможно почерпнуть из книг или учебников, они не перенимаются из чужого опыта. Здесь у каждого своя школа.

Оглядываясь назад с высоты своего жизненного пути вижу, что Оршанская школа снабдила меня бесценными знаниями и опытом, сыгравшими важную роль на всех последующих этапах жизни и работы.

Из писем Полечки было ясно, что её замужество не принесло ей достатка, радости и счастья. Муж её, Володя, дослужившийся за годы срочной службы до звания сержанта, получал жалкие гроши, которые не могли обеспечить даже минимальные потребности семьи. Благодаря несколько возросшей Поличкиной зарплате в сберкассе, они как-то сводили концы с концами. Когда же им нужно было купить что-либо из одежды или другое они брали деньги в долг в кассе взаимопомощи. К этому способу решения своих финансовых проблем они прибегали и позднее, когда их доход заметно возрос, но всё-же оставался недостаточным для обеспечения нужд семьи, а так как достаточным он так и не стал, то кассой взаимопомощи они пользовались всю свою совместную жизнь.

Иногда Полечка одалживала деньги у своих друзей или соседей и, получив зарплату, немедленно их возвращала. Друзей у неё было много и они так и жили в постоянных долгах.

Увольнение в запас мужа не давало никаких реальных перспектив в их жизни и они решили, что лучше сверхсрочная служба и поступление Володи в военное училище, дающее высшее образование и звание офицера. Вскоре его перевели на службу в Старокопстантинов, куда переехала и Полечка, навсегда покинув местечко в котором родилась, где прошло столь трудное сиротское детство, и полная тревог и волнений юность.

В письмах с нового места жительства Полечка писала, что у них всё хорошо и что она опять встретила многих замечательных людей, ставших её друзьями. Они жили на частной квартире, хозяйка которой была удивительной доброты женщиной. В этом можно было и не сомневаться, так как все её хозяйки, до этой и после неё, тоже были очень добрыми и милыми людьми.

Устроиться на работу она не могла, но Володе повысили зарплату и им хватало на повседневные нужды, а всё остальное они по-прежнему покупали из займов кассы взаимопомощи, в которой они оставались постоянными должниками.

Наша договорённость о поступлении в вечернюю школу так и осталась невыполненной. Теперь она все свои силы и свободное время отдавала домашней работе, заботе о муже. Такая была особенность у Полечки. Она должна была о ком-то заботиться, на кого-то работать. Раньше помогала друзьям, соседям и знакомым, а теперь появился муж, о котором сам Бог велел заботиться. На учёбу времени опять не оставалось.

В конце года Полечка сообщила, что ждёт ребёнка. Теперь начались заботы о будущем малыше, и об учёбе можно было забыть надолго, а может быть и навсегда.

Мы написали Елизаровым тёплое письмо, в котором выразили поддержку их жизненным планам и пообещали помощь в сложный период становления их молодой семьи.

Своим пред родовым отпуском, в течении которого сохранялась зарплата, Анечка так и не воспользовалась и работала до последнего дня, а точнее до седьмого ноября - праздника Октябрьской революции. В том году мы не участвовали в праздничных мероприятиях и просидели всей семьёй дома, так как по расчёту врачей роды ожидались со дня на день.

Ночью девятого ноября Анечка почувствовала первые признаки приближающихся родов и мы пешком пошли с ней в больницу, что была в двух километрах от нас, в районе льнокомбината. Как только медсестра увела роженицу в палату, я поспешил на работу, нужно было открыть цех и организовать смену. Когда конвейер заработал в привычном ритме, я передал свои обязанности молодому специалисту Соколовой и побежал в больницу, где всё это время дежурила мама Рета. Вместе мы просидели в комнате ожидания до четырёх часов дня, пока медсестра не сообщила о рождении мальчика весом в 3,4 килограмма. Радости нашей не было предела, но когда мы уже собрались покинуть больницу, чтобы побежать за цветами для Анечки, сестричка остановила нас и велела подождать несколько минут до её возвращения. Радость сменилась волнением. В беспокойном ожидании прошло минут двадцать, пока сестричка не объявила очередную новость:

-Родился второй мальчик! Вес 3,3 килограмма! Самочувствие роженицы нормальное!

В радостном возбуждении мы бросились обнимать сестричку, и я на всякий случай спросил:

-Больше ждать не нужно? Третьего не будет?

-Нет, не будет, ишь чего захотели?! Несите скорее цветы, соки, фрукты и молоко.

Я принёс Анечке букет свежих роз и написал ей тёплое, нежное письмо. На второй день я впервые увидел через оконное стекло палаты своих сыновей. Рассмотреть что-нибудь по настоящему в кукольных

свёртках, которые мне показывали было почти невозможно, но отцовские чувства к этим маленьким беспомощным существам, закутанным в многослойные больничные одеяния, проснулись во мне с первого взгляда.

Я никогда не признавался в том, что хотел бы, чтобы первым нашим ребёнком был только мальчик, но в душе я желал именно этого, а когда стал отцом сразу двух мальчиков, казалось, что счастье моё беспредельно. Я тогда даже не отдавал себе отчёта в том, что вырастить двух сыновей одновременно - не только радость, а и трудная и почти непосильная задача. Нанять няню по уходу за детьми нам тогда было не по карману. Моя зарплата была всего девяносто рублей в месяц и содержать семью на одну такую зарплату было невозможно. Мама Рета соглашалась нам помочь, когда речь шла об одном ребёнке. Когда же их стало двое, а муж её не соглашался ни на какие скидки по уходу за ним, по-прежнему требуя готовить ему отдельную кошерную еду с обедами из трёх блюд и фаршированной рыбой по субботам, рассчитывать на её существенную помощь не приходилось. Не могла и Анечка оставаться дома дольше, чем позволял ей послеродовой отпуск, по тем же финансовым соображениям.

В общем появление на свет одновременно двух сыновей, к которым мы с первых дней их жизни испытывали чувства безграничной родительской любви, принесло не только радость и счастье, но и большие заботы и новые проблемы.

11

Производственные будни приносили попеременно успехи и неудачи, радости и огорчения. В общем работа спорилась, нас нередко похваливали не только в наркомате Белоруссии, но и в союзных обзорах работы предприятий консервной промышленности. Ежемесячно выполнялись планы, сокращался брак, росли объёмы производства.

Были, однако, и серьёзные неприятности. Отгруженная в конце года вагонная партия консервов была забракована на складе госрезервов. Наш представитель, направленный по телеграмме получателя в Казахстан, где находился этот склад, привёз акт, согласно которому консервы подлежали очистке от ржавчины и повторной смазке вазелином с отнесением всех расходов за счёт отправителя.

За выпуск нестандартной продукции тогда спрашивали и наказывали почти так же, как и за невыполнение плана. Одного такого случая было достаточно для лишения премиальных, которые составляли заметную часть нашей небольшой зарплаты, а если таких случаев было несколько и ущерб от них был значительным, руководители цехов и даже крупных предприятия отдавались под суд. Виновные в допущении брака привлекались и к материальной ответственности. Особенно строго взыскивали за отгрузку нестандартной продукции на склады госрезервов.

Нужно было любой ценой решить проблему коррозии банок при хранении консервов. Чтобы уберечь их от ржавчины они покрывались слоем технического вазелина. Если вся поверхность банки была покрыта такой смазкой, она не ржавела даже при длительном хранении, а если какие-то участки оказывались не смазанными, они покрывались коррозией, которая затем распространялась на всю поверхность.

Смазка банок вазелином выполнялась вручную. На этой операции было занято много людей и поскольку работа была сдельной и каждый стремился больше заработать, гарантировать надлежащее качество было невозможно.

Несколько бессонных ночей навели на мысль, что если банкам дать катиться по направляющей, выполненной подобно Американским горкам, которые приходилось видеть в Московском парке, а в конце их пути поместить ёмкость с жидким горячим вазелином, то перемещаясь в этой жидкости они покроются слоем смазки, достаточным для предотвращения коррозии. Когда я на следующий день поделился этой идеей с механиком-самоучкой Михайловым, он горячо поддержал её и в течении нескольких дней соорудил действующую модель будущей машины. Она была снабжена устройствами для автоматического поддержания температуры жидкого вазелина, его уровня в ёмкости и удаления лишней смазки с банки при выходе из машины. Ручными оставались только загрузка и выгрузка банок. После производственных испытаний экспериментального образца устройства и устранения выявленных недостатков, был изготовлен опытный образец машины, которая не только решила проблему качественной смазки банок вазелином, но и высвободила рабочих, занятых ручным трудом на этой операции.

Рады были рабочие, довольно было начальство, а мы с Михайловым просто ликовали. Для меня это было первым проявлением самостоятельного технического творчества. Были после этого в том же году и другие разработки и, наверное, не менее важные, но больше всего радости доставило именно это устройство.

Удалось с участием того же Михайлова разработать устройства для автоматического наполнения банок жиром, а также смесью соли со специями, внедрить ряд других усовершенствований техники и

технологии консервного производства. Они затем были «доработаны» конструкторскими организациями Минска и Москвы, на их основе изготовлены промышленные образцы и начато серийное производство ряда машин для механизации ручного труда. Не думали мы тогда о необходимости патентования своих разработок, о заявках на изобретения. Всё это пришло потом. Пока же мы получали моральное удовлетворение от внедрения своих разработок и какое-то, пусть небольшое, материальное вознаграждение за внедрённые рацпредложения.

Именно в Орше началось моё увлечение техническим творчеством. Оно позднее всё более расширяло свои границы и с годами принесло мне широкую известность в мясной промышленности не только Белоруссии, а и Союзе и даже за его пределами. Начало же этому было положено в первые годы трудовой деятельности на Оршанском мясоконсервном комбинате.

Кроме необходимости стабильного выполнения планов и обеспечения качества продукции, одной из главных проблем работы в пищевой промышленности была сохранность собственности и борьба с хищениями продукции.

Складывалось положение при котором работники, получающие мизерную зарплату, обойтись без куска мяса или кольца колбасы, вынесенных с комбината, практически не могли, ибо в таком случае их семьи оставались голодными. В то же время они подвергались большому риску быть уличёнными в хищении, за что могли не только лишиться работы, но и подвергнуться уголовному наказанию. И всё же рисковали и, уходя домой, что-нибудь умудрялись припрятать под одеждой. Для уменьшения риска подкупали охранников деньгами или частью вынесенных продуктов, нанимались осведомителями в милицию, но всё это не давало абсолютной гарантии. Некоторых задерживали и они становились жертвами жестокого Сталинского закона, а большинство других всё же выносили продукцию через проходную. Так продолжалось годами. Материально-ответственные лица в других производственных цехах к этому приспособились и, пользуясь резервами, заложенными в нормах выхода продукции и нормативах естественной убыли, как-то сводили концы с концами, не допуская крупных недостач.

Хуже дело обстояло в консервном цехе. Здесь скрыть недостачу было труднее из-за автоматического учёта банок и жёстких нормативов их выхода. Это мы усвоили с первых дней работы и, опасаясь недостачи консервов, жёстко контролировали передачу продукции на склад. Исключили допуск посторонних лиц. Ежемесячно проводили тщательные инвентаризации в отделениях цеха и на складе. Нельзя сказать, что эти и другие меры принятые нами, исключили хищения в цехе. Сделать это было просто невозможно. Когда рабочие уносили с собой кусок мяса или банку жира, то это можно было, как и в других цехах, скрыть за счёт нормативов выходов, а сохранность консервов нам всё же удавалось обеспечить.

Многому мы были обязаны своим рабочим, которые хорошо к нам относились и знали об уголовной ответственности, которая угрожала нам при недостаче на складе готовой продукции. Они хорошо понимали, что частая смена руководителей производственных цехов, большинство из которых попадали на скамью подсудимых, ни к чему хорошему привести не могла и искренне стремились этого не допустить. В нашем случае, наверное, сказывалась и жалость к двум молодым инженерам, которые трудились на совесть, стремясь сделать всё как можно лучше для цеха и его работников. Как бы там ни было, но в течении первого года работы недостач в цехе и на складе не было.

В то же время в других цехах и в целом на комбинате положение с сохранностью собственности продолжало ухудшаться в результате чего были освобождены от занимаемых должностей начальники колбасного цеха и холодильника, на которых было заведено уголовное дело, а директор комбината Поляков был переведен на другую работу и избежал уголовной ответственности только благодаря поддержке горкома партии, который его на эту должность направил.

Старожилы здесь уже привыкли к частым сменам руководства, а я с нетерпением ждал назначения нового директора. Несмотря на то, что Поляков не был специалистом мясной промышленности и поэтому с ним трудно было решать многие специфические вопросы работы консервного цеха, я искренне сожалел об его уходе, ибо человек он был порядочный и много доброго для меня сделал. В течении года работы с ним не заметил каких-либо последствий из-за моего еврейского происхождения. В то время, когда в Белоруссии, как и в других республиках Союза набирал силу антисемитизм, и евреев повсеместно преследовали, недооценивать этого было нельзя.

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что директором комбината назначен Илья Григорьевич Уткин, чье еврейское происхождение не вызывало никакого сомнения. Такие отклонения от принятых тогда принципов подбора кадров иногда допускались в случаях, когда национальные кадры с безупречным партийным и социальным статусом не в состоянии были обеспечить важные государственные или производственные участки работы.

Весть о назначении Уткина директором была встречена на комбинате почти единодушным одобрением. Многие помнили его с довоенных лет, когда он работал здесь главным инженером. Тогда комбинат находился в ведении Союзного наркомата и обеспечивался грамотными и инициативными руководителями. В бытность его работы главным инженером, предприятие достигло хороших показателей в работе и считалось лучшим не только в Белоруссии, но и передовым во всей отрасли. Илья Григорьевич запомнился старожилам высокой трудоспособностью, эрудицией, требовательностью и справедливым отношением к людям. Он был уже в зрелом возрасте и имел большой опыт работы в мясной промышленности. Ещё в двадцатые годы закончил пищевой техникум, а позднее заочно учился в Московском мясомолочном институте, где получил диплом инженера. В 1941-ом году, несмотря на непризывной возраст, добровольно ушёл в армию, прослужил всю войну и был награждён многими правительственными наградами.

После войны Уткин работал главным инженером на ряде предприятий мясомолпрома России и теперь был рекомендован на должность директора в Оршу. Союзное министерство (так с недавнего времени стал называться наркомат) направило его сюда, наверное, потому, что с нового года Оршанский мясоконсервный комбинат вновь должен был перейти в Союзное подчинение.

В связи с назначением нового директора и предстоящей через несколько месяцев передачей комбината в подчинение Москвы ожидалась большая перемена на предприятии, а также в моей жизни и работе.

12

После отъезда Мани и Изи из Одессы я не терял с ними связь и мы переписывались довольно часто. В начале тон их писем был довольно бодрым и они, вроде, всем были довольны. Изя, как и намечалось, поступил на первый курс исторического факультета Туркменского госуниверситета, а Маня продолжала преподавать историю в школе, где по-прежнему пользовалась авторитетом. Жизнь в Ашхабаде была намного дешевле, чем в Одессе, и там меньше чувствовался дефицит на многие промышленные и продовольственные товары. Город продолжал строиться и хорошел с каждым днём.

Однако, со временем, оптимистический настрой Изи сменился явно выраженной грустью по Одессе и всему тому, что было для него там так любо и дорого. Скучал он и за своей девушкой Мартой, к которой, как теперь выяснилось, он испытывал глубокие чувства. Оказалось, что и друзей таких, какие были там, у него здесь не было. В общем Изя не скрывал своего желания вернуться в Одессу и как можно скорее. Маня, хоть поначалу и возражала против его отъезда из Ашхабада, была, наконец, вынуждена согласиться с его намерениями, признав возможным жить какое-то время вдали друг от друга. Она просила помочь Изе с переводом в Одесский госуниверситет и поддерживать его с помощью наших друзей и знакомых во время обустройства на новом месте.

Хоть и зол я был на Маню за её упорство любой ценой увезти Изю в Ашхабад, ещё до отъезда в Белоруссию я начал готовить почву для его возвращения в Одессу. Костя Высота и Рома Коганский через знакомых в университете договорились о его переводе на истфак, в принципе был решён вопрос с общежитием и мы стали ждать приезда Изи. Ждали и не дождались...

Помешало тому несчастье, происшедшее в том году в Ашхабаде, о масштабах которого мы долго не имели реального представления. Когда по радио и в газетах сообщили о имевшем там место землетрясении с человеческими жертвами, размеры которых «уточняются», мы представляли себе, что разрушено несколько домов и при этом пострадало какое-то ограниченное число жителей этого города. Поначалу у меня и мысли не было, что среди пострадавших могут быть, чудом уцелевшие в войну, мои милые родственники. Почему-то мне казалось, что если им удалось пережить ужасы долгих лет войны, то в течении нескольких минут землетрясения они непременно должны были уцелеть. Моим надеждам способствовал успокоительный тон советских средств массовой информации. Только позднее, когда безответными остались мои телеграммы, когда о действительных масштабах трагедии дошли слухи из передач зарубежного радио, когда, наконец, встретил побывавших на месте людей, я понял, что произошло на самом деле. В результате ужасной катастрофы Ашхабада фактически не стало. Вместо цветущего города, которым так восторгалась моя милая сестричка Манечка, осталась груда развалин, под которыми были погребены многие тысячи его жителей.

Трудно было смириться с мыслью, что нет больше в живых так неожиданно явившихся после войны дорогих моих родственников, с которыми не успел даже как следует пообщаться, и которые так внезапно трагически погибли во время этого страшного стихийного бедствия.

И вновь из всей нашей большой родни остались в живых только мы вдвоём с сестричкой Полечкой.

Ожидания существенных перемен на комбинате после смены руководства не заставили себя долго ждать. Новый директор с первых же дней приступил к осуществлению крупных организационных и технических преобразований. В приёмной был вывешен разработанный им порядок проведения производственных и общественных мероприятий и распорядок работы директора. Были отведены дни и часы проведения производственных совещаний, заседаний различных комиссий и советов, дегустаций продукции, общих собраний, приёма работников по производственным и личным вопросам.

Поначалу казалось, что всё это дань моде и делается больше для показухи. Тогда как раз начиналась компания по внедрению научной организации труда. Однако, вскоре можно было убедиться, что задуманы эти нововведения были всерьёз и надолго. Когда я как-то позвонил директору по производственным делам, которые, как мне казалось, я мог решить только с ним, его секретарь Мария Ивановна любезно посоветовала по этим вопросам обратиться к главному инженеру, так как директор работал с почтой.

Не скажу, что новый порядок пришёлся по вкусу всем или большинству инженерно-технических работников и служащих, которые привыкли обращаться по любому вопросу к директору, но постепенно к нему начали привыкать и со временем он был принят и даже одобрен. Это подняло роль заместителей директора, главных специалистов и руководителей служб и повысило их ответственность за результаты работы.

Был установлен порядок проведения еженедельных планёрок у директора, в ходе которых заслушивались отчёты руководителей цехов и производственных участков о выполнении планов, информации служб и отделов о решении вопросов, тормозящих успешной работе производства. При этом Уткин строго требовал ритмичной работы основных цехов и выполнения заданий по поставкам продукции, но ещё более строго спрашивал со вспомогательных служб и отделов за обеспечение надлежащих условий труда в производственных цехах.

Илья Григорьевич редко повышал голос и никогда не грубил своим подчинённым, но в необходимых случаях применял жёсткие меры к нерадивым работникам. Уже через несколько недель после вступления в должность директора он освободил от занимаемой должности мастера стройучастка за срыв поставки ящиков для упаковки консервов и объявил строгий выговор начальнику мехмастерской за несвоевременный ремонт оборудования в колбасном цехе.

Новый директор ввёл порядок ежедневного обхода цехов в начале рабочего дня. Он начинал его обычно в семь утра и до девяти успевал всё посмотреть собственными глазами. В ходе обхода, а иногда и после него, он давал указания об устранении выявленных недостатков, выполнении просьб и предложений, поступивших при обходе.

Уткин не замыкался только на текущих делах и заботах. Он серьёзно занимался вопросами развития предприятия, его реконструкции и технического перевооружения. По его указанию были разработаны перспективные планы внедрения новой техники, передовой технологии и законченных научных разработок. Стиль работы Ильи Григорьевича пришёлся мне по вкусу. В этом уже пожилом, опытном, грамотном и умном человеке я впервые встретил настоящего современного руководителя, каким представлял его себе по книгам, кинофильмам и лекциям. Я многому научился у Уткина и, позднее, став директором, старался максимально использовать его опыт в своей работе.

Уже через несколько месяцев после назначения нового директора результаты не замедлили сказаться. Вместо отстающего предприятия, от которого республика стремилась избавиться, комбинат становился лучшим в отрасли и его всё чаще стали приводить в пример другим.

Как-то после майских праздников на комбинат прибыл начальник «Белглавмясо» Перетицкий и его заместитель - главный инженер Славиковский. Они ознакомились с работой производственных цехов, провели совещание с активом и дали высокую оценку работе коллектива и руководства.

После совещания директор попросил меня остаться и в присутствии руководителей главка предложил должность главного инженера и своего первого заместителя. Предложение застигло меня врасплох. Я не мог принять его по многим причинам. Во-первых я считал, что такой высокой должности ещё не соответствую, так как не имел достаточного опыта и необходимых знаний. Кроме того я не видел кандидатуры на должность начальника консервного цеха, без чего нельзя было решать вопрос об освобождении меня от занимаемой должности. Всё это и многое другое я высказал высокому начальству, поблагодарил за доверие и категорически отказался от сделанного мне предложения. Единственное, чего я не сказал, но о чём подумал в первую очередь, было моё еврейское происхождение. Не хватало ещё, чтобы на комбинате был не только директор еврей, но и главный инженер впридачу.

Уткин не признал мои доводы основательными. Он утверждал, что знаний у меня достаточно, а если чего и не будет хватать - книги и журналы помогут, на худой конец можно в институт на консультацию съездить или к нам специалиста пригласить. Что же касается опыта, то у него его в избытке и он охотно с ним поделится. Директор не видел проблемы и в вакансии начальника консервного цеха. На эту должность он предлагал назначить Анечку, считая, что в этом случае я передам цех в надёжные руки и за него можно будет не беспокоиться.

Более внимательно к моим доводам отнёсся Перетицкий. Он признал уважительной причину, связанную с отсутствием достаточного опыта и знаний и предложил мне месячные курсы главных инженеров при Ленинградском мясокомбинате имени Кирова, которые должны были начаться с первого июля. От курсов у меня не было оснований отказываться, тем более, что давно мечтал увидеть город на Неве и побыть на одном из самых крупных и, безусловно, лучшем предприятии страны. Приняв предложение поехать на курсы, я предупредил руководство, что это не является моим согласием по возвращении стать главным инженером комбината.

Сделанное мне предложение активно обсуждалось в семье до глубокой ночи. Анечка наотрез отказывалась от выдвижения на должность начальника цеха, считая, что не готова к этому по многим причинам. В первую очередь из-за того, что это потребует сверхурочной работы и будет в ущерб детям, которых она и так редко видит.

Мама Рета выразила решительный протест против возможного выдвижения нас на такие ответственные должности, заявив, что в таком случае откажется от ухода за детьми, которым она до сих пор уделяла больше времени и внимания, чем мы - родители.

Единственным сторонником нашего выдвижения был мой тесть. Ему льстило, что нам была оказана такая честь и так высоко оценены наши деловые качества и способности. Он был рад нашим трудовым успехам и столь удачному началу служебной карьеры. Больше всего удивило нас его обещание не ревновать маму Рету к детям, как это было до сих пор. Он соглашался даже помогать ей в уходе за внуками, если мы согласимся на новые должности.

Мы с Анечкой ещё долго обсуждали эту тему без участия родителей и пришли к выводу, что нам следует пока воздержаться от столь быстрого служебного роста, а с предложением о поездке на курсы в Ленинград мы были оба согласны.

14

Рождение ребёнка в семье Елизаровых ожидалось в конце августа или начале сентября и мы с Анечкой решили, что в этот ответственный период Полечке лучше всего было бы быть с нами. Наше предложение было с радостью принято ею и Володей. В конце июня, за два месяца до родов, мы встретили их на Оршанском вокзале.

Непривычно было видеть Полечку в предродовом состоянии. В её возрасте ей бы учиться, приобретать профессию, ума-разума набираться, а она уже в семейную жизнь впряглась и матерью стать готовилась. С её характером это означало вечную кабалу в служении мужу и детям. Ни о какой учёбе и служебной карьере не могло быть и речи.

Во всём этом я в душе упрекал себя. Что-то упустил в этот важный период её жизни, что-то просмотрел, где-то передоверил её чужим людям. Не должен был я, её единственный старший брат, в отсутствии родителей, допустить её замужество в восемнадцать лет, без жизненного опыта, специальности и образования. Эту свою вину перед Полечкой я чувствую всю свою жизнь и грех этот останется со мной до конца дней моих. Мы ведь планировали увести её из Красилова, как только получим назначение на работу после института, а она опередила все наши планы и на несколько месяцев раньше ушла к тому, кто первый её позвал.

С Володей мы теперь только впервые познакомились. Он не произвёл впечатления пылкого Ромео, способного увлечь свою Джульетту хоть на край света, или хотя бы яркого, интересного, современного юношу, за которым может побежать молодая романтическая натура. Перед нами был обыкновенный провинциальный мужичок (он был намного старше Полечки), с уже довольно чётко наметившейся лысиной, на лице которого нельзя было заметить что-то особенно примечательное. Мы даже не увидели признаков большой любви между молодыми супругами, которая обычно бывает в первые годы совместной жизни.

Володя, как и Полечка, не имел законченного образования и какой-нибудь гражданской специальности. Его зарплаты сверхсрочника еле хватало на самое скромное питание, не говоря уже о чём-нибудь другом, необходимом молодой семье.

Правда, глава семейства вынашивал планы поступления в военное училище, что дало бы ему возможность надеяться на сколько-нибудь удачную военную карьеру в обозримом будущем. Этому с одной стороны могло способствовать его членство в КПСС, а с другой стороны помешать наполовину еврейское происхождение.

Мы не стали помехой их семейного счастья, одобрили планы жизненного благополучия и через несколько дней проводили Володю в Старокопонино, где его ждала служба после краткосрочного отпуска.

Полечка же прошла необходимое обследование, получила врачебные назначения и готовилась стать матерью. Аня как могла помогала ей своими советами, заимствованными из собственного опыта.

26 августа в семье Елизаровых появился первенец - сын Валерий, а у меня - первый племянник. Продолжился новый жизненный цикл у малочисленных наследников семьи Гимельфарбов.

15

Курсы в Ленинграде оказались очень полезными. В качестве преподавателей были привлечены профессор и доценты Ленинградского холодильного института, ведущие специалисты “Минмашмолпрома” Союза и крупнейших предприятий отрасли. Была возможность закрепить полученные теоретические знания практикой в производственных цехах лучшего предприятия страны. Я с интересом изучал опыт работы цехов и участков комбината, и проводил на производстве всё свободное время не только в первой смене, но нередко и в вечернее время. От ненасытного желания побольше познать нового на этом современном крупном предприятии существенно пострадала моя культурная программа. Я не успел много посмотреть из достопримечательностей Ленинграда, не похожего ни на один другой город страны. Но и то, что удалось увидеть в дворцах, музеях, театрах и парках Ленинграда обогатило мои познания в искусстве, культуре, музыке, архитектуре.

Будучи в Ленинграде, я впервые встретился с тётёй Фримой и её милой дочерью Фанечкой. Они жили на улице Красная, недалеко от площади Труда в одной комнате большой коммунальной квартиры, в которой проживало около десяти семей и на всех была общая кухня, и один туалет. Её муж Исаак Павлович, известный в Ленинграде инженер, к тому времени умер, и она жила с дочерью Фаней. Старший сын её Муля, талантливый учёный, ставший соавтором ряда уникальных монографий, вот уже несколько лет не мог защитить диссертацию из-за своей неблагозвучной фамилии Эйдельштейн, и работал в скромной должности научного сотрудника.

Фанечка была ровесницей нашего Зюни. Она блестяще закончила ленинградский университет и могла бы рассчитывать на хорошую научную карьеру, но по той же причине, что и Муля, довольствовалась многие годы такой же должностью научного сотрудника.

О тётё Фриме у меня и до знакомства с ней сложилось мнение, как о добром, отзывчивом и благородном человеке, но общение с ней в течение нескольких дней в её ленинградской квартире, создало новый образ этой удивительной и редкой натуры. Она оказалась высоко образованным и интеллигентным человеком, большим знатоком и любителем искусства, литературы, музыки. Мне доставляло огромное удовольствие быть рядом с ней, слушать её интересные рассказы об Исааке Павловиче, с которым она имела удовольствие прожить несколько десятков лет счастливой семейной жизни; о трудных годах войны, которые провела в далёком Ташкенте; о детях, судьба которых заботила её теперь, на старости лет, не меньше, чем раньше, когда они были маленькими. Очень тепло тётя Фрида вспоминала наших родителей, которых хорошо знала и восхищалась ими до сих пор.

Наверное, не только мне было интересно общаться с Фримой Ефимовной. В этом можно было убедиться по тому, как часто её навещали многочисленные друзья и просто знакомые, с которыми она дружила ещё с довоенных лет. Они нередко допоздна засиживались у неё за чашкой чая, обсуждая разные интересующие их темы.

Я был рад возможности общения с тётёй Фримой и пригласил её и Фанечку приехать к нам в гости на отдых в Белоруссию.

Месяц учёбы в Ленинграде оставил не только много приятных незабываемых впечатлений, но оказался весьма важным в моём становлении, как инженера и специалиста мясной промышленности.

16

В Оршу вернулся в воскресенье, что позволило весь выходной провести в семье с моими милыми малышами, которых целый месяц не видел и за которыми, как и за Анейкой, ужасно соскучился. Нужно сказать, что с мальчиками мы и без моих нередких командировок не часто виделись. Я уходил на работу,

когда они ещё спали и возвращался домой, когда они либо уже спали, либо готовились к тому. Даже в выходные дни, которые тогда были только раз в неделю, редко удавалось целый день побыть дома. Обычно в эти дни проводились ремонтные работы и меня часто вызывали в цех для решения возникающих вопросов.

Забегая вперёд скажу, что так было не только в Орше. Так продолжалось всю мою трудовую жизнь. Я всё надеялся, что со временем мои служебные дела наладятся, войдут в нормальный ритм и я смогу иметь достаточно свободного времени, чтобы уделить должное внимание семье, а может быть что-нибудь останется ещё для личного досуга и интересных занятий, вроде шахмат, рыбалки, охоты, спорта или туризма.

К сожалению, моим надеждам не суждено было сбыться. Почти вся жизнь прошла в работе. К стыду своему я не только не находил времени на воспитание детей и, тем более, на интересный досуг, но даже не исполнял таких своих обязанностей по дому, как заготовку топлива, пилку и колку дров, ремонт домашней утвари и многое другое, что должен делать мужчина в семье. Вместо меня это обычно делали другие люди, а некоторую мужскую работу выполняла Анечка и научилась делать её потом лучше меня. До сих пор мучает совесть, что получив хорошую техническую подготовку в институте, обладая инженерной смекалкой, позволявшей часто на ходу находить решения сложных производственных проблем, владея способностью к разработке технических решений на уровне изобретений, я так и не нашел времени научиться работать молотком, зубилом, топором, пилой. До войны меня этому не научили, в войну это делать не пришлось, а после войны этому научиться помешала другая работа, которая поглощала всё моё время и силы.

Но главное, что отняла у меня та большая работа и о чём я до сих пор более всего жалею, это возможность достаточного общения с детьми и их воспитания.

В этом я в вечном долгу перед ними и перед всей нашей семьёй. О долге этом я никогда не забывал и не раз давал клятвенные обещания восполнить упущенное. К великому моему сожалению выполнить эти обещания я так до глубокой старости, по крайней мере до тех пор пока дети в этом нуждались, не смог. Сознание невыполненного перед детьми долга всегда угнетало меня, и грех этот останется со мной до конца жизни.

А вот то воскресенье, когда никто еще не знал о моём возвращении из Ленинграда и поэтому не беспокоил служебными делами, удалось полностью посвятить семье и моим милым мальчикам. Им уже исполнилось девять месяцев и я только теперь заметил как здорово они подросли и окрепли. Мишка был крупнее и сильнее Вовки и, наверное, поэтому его часто обижал. Мама Рета предупреждала, что теперь они нуждаются в постоянном надзоре и большем внимании, ибо уже могут нанести один другому увечье или травму.

Я привёз им массу игрушек, много одежды и обуви, истратив на это большую часть своих командировочных. Среди достопримечательностей Ленинграда был, конечно, огромный магазин «Детский мир», которому я отдал целое воскресенье и где пришлось выстоять несколько многочасовых очередей чтобы купить подарки своим малышам. Мне тогда казалось, что я достиг в этом больших успехов, но, как потом оказалось, не все мои покупки были в пору ребятам. Им ещё долго пришлось ждать возможности воспользоваться ими. Тем не менее они были рады подаркам, и вместе с ними ликовали и мы, взрослые.

Дети спали вальетом в одной кровати, которую для них соорудили в механической мастерской комбината, и постоянно сохранялась опасность избиения друг друга ножками. Вовке нельзя было позволять плакать, так как он болел спазмофилией и при плаче у него прерывалось дыхание, что вызывало у нас большую тревогу и волнения.

Поскольку Анечка буквально через месяц после родов пошла на работу, основные функции по уходу и надзору за детьми в первые месяцы их жизни легли на плечи бабушки. Нельзя сказать, что это пришлось по вкусу дедушке. Никак нет. Более того, мы получали неоднократные предупреждения от деда Абрама о запрещении им своей жене выполнять обязанности няни. Он утверждал, что имеет приоритетное право на свою жену и она обязана в первую очередь ухаживать за ним, а потом уже за внуками, а поскольку обеспечить обе эти функции она не в состоянии, мы обязаны решить проблему ухода за нашими детьми собственными силами и средствами. Нельзя сказать, что дед Абрам не любил своих внуков. Он по-своему их любил и даже гордился ими. Как только они начали произносить какие-то членораздельные звуки, он приложил много усилий, чтобы научить их произнести по-еврейски: «Их бин а ид!», то есть подтверждать своё еврейское происхождение. И представьте себе - он этого добился, когда им ещё и года от роду не было. Дед Абрам заставлял их повторять эту фразу, как только в доме появлялся новый человек. Однако, всё это не мешало ему требовать от мамы Реты готовить для него еврейскую пищу, соблюдая субботу и праздники, ежедневно стирать и гладить свежую рубашку, обеспечивать весь остальной сервис по уходу за ним без

каких-либо исключений и маме Рете стало нелегко совмещать обязанности по уходу за мужем и внуками. Мы были вынуждены отдать детей в детские ясли, что были при мясокомбинате, рядом с нашим домом.

Наверное, больше всех от этого страдала бабушка, которая очень любила внуков и лучше всех понимала, как нужен им её уход и внимание. Она очень волновалась за мальчиков и по несколько раз в день навещала их в яслях, подкармливая разными сладостями, которые сама готовила.

Не скажу, что и мы были спокойны, отдав так рано детей в ясли. Несмотря на то, что заведующая яслей получила строгое указание Уткина обеспечить индивидуальный уход за близнецами и поручить это лучшей няне, а весь персонал яслей оказывал им повышенное внимание, мы очень волновались за мальчиков и не раз обсуждали вопрос об уходе Анечки с работы, хотя бы на один-полтора года, пока они не окрепнут и не пойдут в детсад. Однако, каждый раз когда такое решение созревало, Анечка с карандашом в руках убеждала нас в том, что одной моей зарплаты никак не хватит на содержание семьи из пяти человек, включая её сестру Полечку, которая ещё училась в школе и была на полном нашем иждивении.

Обсуждался и вопрос поиска няни, но и от этого пришлось отказаться по тем же финансовым соображениям. Ясли стоили очень дешево и не каждая няня, которой пришлось бы платить в несколько раз больше, смогла бы обеспечить такой уход, какой получали наши дети в яслях.

В этом мы позднее смогли убедиться, когда всё же взяли няню. Нашим мальчикам больше нравилось в садике и они посещали его до самого отъезда из Орши, когда они уже были в четырёхлетнем возрасте. Конечно, нам повезло, что это были «свои» ясли и «свой» садик. Не в каждом другом им был бы обеспечен такой уход и такое внимание. Долго ещё мы с благодарностью вспоминали Оршанские детские дошкольные заведения, которые так много хорошего сделали для становления наших детей и для нас самих в тот трудный период нашей жизни.

17

Разговор с Уткиным после моего возвращения из Ленинграда был не из приятных. Илья Григорьевич настоятельно уговаривал меня дать согласие на замещение должности главного инженера. Он по отечески убеждал меня, что так будет лучше и для дела и для меня, искренне полагая, что при нём я быстро дозрею до этой высокой должности и надеясь, что пока он будет директором я смогу избежать служебных неприятностей.

Доброе ко мне отношение директора не вызывало сомнений. Мне даже верилось, что рядом с ним я смогу обеспечить выполнение нелёгких обязанностей технического руководителя предприятия. Именно рядом с ним - опытным, грамотным, умным директором мне было бы легче, чем с другими, сменившими друг друга в последнее время руководителями. Если признаться честно, мне даже льстило столь быстрое выдвижение на такую ответственную должность. Очень хотелось взяться за эту работу, чтобы убедить всех, что не зря мне оказано такое доверие, но здравый смысл подсказывал воздержаться от этого и поработать ещё пару лет в цеху, где у меня всё ладилось и установились добрые отношения и с подчинёнными, и с начальством. Больше всего, конечно, пугала уголовная ответственность за допущение хищений и выпуск нестандартной продукции. При наличии желания у органов власти, в любое время можно было найти основания для расправы с любым руководителем по одному из этих «правонарушений», или по обоим в совокупности. А кто может гарантировать, что такое желание раньше или позже у них не появится, особенно если оба руководителя евреи?

Боязнь эта подкреплялась и статистикой смены директоров и главных инженеров за весь послевоенный период работы комбината. Они менялись ежегодно и при этом большинство из них увольнялись с привлечением к уголовной ответственности. Из-за этой боязни я и отказался тогда от должности главного инженера, что вызвало явное недовольство Уткина и надолго изменило его отношение ко мне. Он заявил, что передаст решение этого вопроса на рассмотрение главка, министерства и партийных органов, а пока велел исполнять прежние обязанности начальника цеха.

На следующей неделе на комбинат приехал начальник “Белглавмясо” Перетицкий, который с участием секретаря горкома партии Карпенко провёл со мной второй тур переговоров. Там были и уговоры, и обещания, и даже угрозы привлечения к партийной ответственности. Когда же они убедились, что моя позиция остаётся прежней, начальство сменило гнев на милость и предложило мне должность главного технолога, которую главк впервые учредил только на Оршанском комбинате. Поскольку в этом случае я не нес ответственности за сохранность собственности, у меня не было оснований отказываться от предложенной должности и было решено, что после передачи цеха я приступлю к исполнению своих новых обязанностей.

Чтобы сгладить неприятный осадок от недавних угроз, Карпенко спросил, когда, наконец, я покажу своих близнецов, а Перетицкий предложил сделать это прямо теперь, поскольку завтра утром он должен возвращаться в Минск.

Я успел позвонить домой и предупредить о визите высоких гостей. Уткин согласился пойти с нами и, когда вся эта компания вошла в гостиную, стол уже был накрыт и всё выглядело очень прилично. Была пятница и дед Абрам решил подать гостям фаршированную рыбу, приготовленную к субботе, и кое-что из своих запасов спиртного.

Близнецы-братья в ленинградских обновках выглядели нарядно, вели себя дружелюбно и произвели на всех приятное впечатление. Перетицкий и Карпенко восхищались трудолюбием и мужеством Анечки и поздравили её и мужа с повышением в должности (её тогда назначили начальником консервного цеха). Они также высоко оценили помощь родителей в воспитании внуков. Допоздна засиделись гости за праздничным столом.

Начинался новый этап нашей трудовой деятельности.

18

Должность главного инженера оставалась вакантной на протяжении трёх лет моей работы главным технологом. Уткин невзлюбил Кобышева, исполнявшего эти обязанности после Алпатова, и добился его перевода на другое предприятие, как только стал директором. Он считал, что лучше не иметь главного инженера вовсе, чем иметь плохого. На самом же деле это означало, что эти обязанности пришлось выполнять мне, так как согласно должностной инструкции главный технолог являлся заместителем главного инженера.

Нужно сказать, что выполнял я их с удовольствием, особенно в период работы Уткина директором. Официально я тогда считался главным технологом и потому не нёс ответственности за сохранность собственности, а фактически мне были предоставлены все права главного инженера, что открывало большие возможности для технического творчества и производственной инициативы.

Работать с Уткиным было приятно. Он стал для меня и строгим учителем и старшим другом. Ежедневно с семи утра мы вместе проводили утренний обход производства, после чего я получал полную возможность самостоятельно управлять им, а вечером мы подводили итоги прошедшего дня и намечали программу на завтра.

Илья Григорьевич был очень требовательным к себе и подчинённым. Оценивая работу за день, он в первую очередь искал в ней недостатки, ошибки и редко довольствовался достигнутым. Такой критический подход звал к поиску нового, движению вперёд, открывал неведомые ранее возможности.

Возвращаясь поздно вечером домой после итоговой «планёрки» у Уткина, я чувствовал прибавку опыта и знаний, прилив свежих сил для решения возникающих проблем и преодоления трудностей.

Уткин отличался предельной честностью и порядочностью. Я часто бывал у него дома и поражался тому, как скромно, а точнее бедно, жила семья директора. Его жена Сара была намного моложе его. Это была вторая жена. Вся его семья погибла в гетто в 1942-ом году и он женился после войны на молодой вдове, которая была врачом-гинекологом и воспитывала своего болезненного сына школьного возраста. Они занимали директорскую квартиру в жилом доме для администрации, построенном перед самой войной. Сара долго не могла устроиться на работу, так как ближайшая больница была на льнокомбинате, что в нескольких километрах от их дома, куда городские автобусы не ходили.

Шофёру служебной легковой машины Васе, который целыми днями книжки читал, ожидая очередного вызова директора в горком или горисполком, ничего не стоило «подбросить» Сару утром на работу и забрать её оттуда, но Уткин не разрешал ему, считая это злоупотреблением служебным положением. Он запрещал подвозить её в магазин или на рынок и, только когда сам по служебным делам выезжал в город, ей разрешалось пользоваться этим попутным рейсом.

На одной, даже директорской зарплате, тогда было трудно прокормить семью и Сара покупала в комбинатском ларьке удешевлённые мясные продукты, вроде свиных голов, ножек или рёбрышек. Никому и в голову не могло прийти предложить ей что-нибудь из мясных деликатесов, что готовились для закрытых buffeтов горкома и обкома партии, ибо знали отношение Уткина к таким предложениям.

Всё это давало директору моральное право требовать такой же честности и порядочности от своих подчинённых. Он строго наказывал рабочих за любую попытку хищения продукции, а к инженерно-техническим работникам и служащим, уличённым в таком грехе, был непомерно жесток и безжалостен.

Уткин много сил и времени отдавал борьбе с хищениями и сохранности собственности. При нём были введены ежемесячные неформальные инвентаризации во всех цехах и на складах готовой продукции,

он сам возглавил центральную инвентаризационную комиссию и принимал действенные меры при выявлении недостатков.

Однако, изжить хищения ему, как и всем директорам до него и после него, так и не удалось. Они, как инфекция, поразили все предприятия, организации, колхозы и совхозы, всю страну и причины их были в социально-экономическом устройстве общества, неверных принципах оплаты труда и распределения материальных благ. Изжить хищения не мог ни один руководитель не только предприятия, но и целой отрасли промышленности. Даже жестокие Сталинские законы о борьбе с хищениями, по которым сотни тысяч людей были заточены в тюрьмы и «трудовые» лагеря не дали фактически никаких результатов.

Неудивительно поэтому, что не удалось и Уткину покончить с этим социальным злом на своём, отдельно взятом предприятии. Наверное, это было единственное из многого задуманного им, чего он осуществить не смог.

А сделал он очень много. За два с небольшим года его работы директором комбинат полностью преобразился. По оценке «Минмашмолпрома» Белоруссии, а позднее и союзного министерства, которому предприятие непосредственно стало подчиняться с 1950-го года, оно стало одним из лучших в отрасли и здесь проводилась учёба по повышению квалификации специалистов многих предприятий. Были достигнуты лучшие показатели по качеству продукции и производительности труда. Осуществлялись крупные организационно-технические мероприятия, внедрялась отечественная и зарубежная техника, шла реконструкция производственных и вспомогательных цехов.

Своей энергией Уткин увлекал подчинённых и стал генератором технических идей, производственных и творческих инициатив, которые исходили не только от инженерно-технических работников, но и от многих рабочих и служащих. Атмосфера трудового и творческого подъёма охватила весь коллектив. В такой благоприятной обстановке мне посчастливилось поработать два года и это время стало для меня прекрасной школой управления производством.

К сожалению только два года. Летом 1951-го года на комбинат нагрянула многочисленная комиссия Комитета партгосконтроля, как тогда назывался карающий меч партии для расправы с неугодными руководителями предприятий, организаций, колхозов и совхозов страны. Органы с подобными функциями у партии были и позднее в годы правления Хрущёва, Брежнева, Горбачева, но при Сталине они отличались особой жестокостью. Их решения были окончательными и обжалованию, практически, не подлежали.

Неугодными в то время были в первую очередь руководители-евреи. В центральных, республиканских и местных газетах систематически публиковались статьи и фельетоны об «антипартийном» и «антигосударственном» поведении руководителей с типично еврейскими фамилиями. Нарастала новая волна неприкрытого государственного антисемитизма. Прошел слух о готовящемся выселении евреев на Дальний восток. Был распущен Еврейский Антифашистский комитет, во главе которого был выдающийся артист, директор Московского еврейского театра Соломон Михоэлс. Члены этого комитета - видные еврейские писатели Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Лейб Квитко, Ицик Фефер и другие деятели еврейской культуры были арестованы. Злым предзнаменованием стала инсценированная властями «случайная» смерть Михоэlsa в Минске.

В такой обстановке начала работу комиссия Госпартконтроля на Оршанском мясоконсервном комбинате. Несмотря на явно преднамеренный характер проверки, собрать необходимый компромат на директора не удалось и комиссия довольствовалась материалами последней ревизии, где были отражены данные о хищениях продукции за прошедший год. Этого оказалось достаточно для представления рекомендации в партийные органы об освобождении директора с занимаемой должности и привлечения его к партийной ответственности за необеспечение сохранности социалистической собственности.

На основании этого документа бюро Оршанского горкома партии освободило Уткина от обязанностей директора и исключило его из партии.

На этом закончилось восхождение Оршанского мясоконсервного комбината в передовое предприятие страны и служебная карьера Ильи Григорьевича Уткина - одного из лучших специалистов отрасли.

Наступили чёрные дни для коллектива комбината и один из самых трудных этапов в моей трудовой жизни. Царила обстановка недоверия и подозрительности. Казавшийся сплочённый и дружный коллектив вдруг разобщился. В нём появились враждующие между собой группы из числа сторонников бывшего директора и его противников. Последними были «обиженные» Уткиным рабочие и служащие, которые привлекались к ответственности за хищение продукции, допущение брака, нерадивое отношение к работе,

недисциплинированность. Их хоть и было немного, но вели они себя очень агрессивно и их следовало опасаться.

Комбинат подвергался непрерывным проверкам и ревизиям. Нас не покидало чувство тревоги и неуверенности. Если не стоило больших трудов так безжалостно расправиться с директором, то какая могла быть гарантия у каждого из нас, что с нами не поступят подобным образом.

Относительно спокойно в этой обстановке чувствовала себя Анечка. Ещё задолго до освобождения от должности директора Уткин назначил её заведующей химико-бактериологической лабораторией комбината, где над ней не висела материальная ответственность за продукцию и работа была менее напряжённой чем в цехе.

Особая опасность нависла надо мной в связи с близостью отношений с Уткиным. Положение усугубилось ещё моим выступлением на закрытом партийном собрании комбината, призванном одобрить решение горкома партии об исключении директора из партии. Вместо одобрения этого «мудрого» решения, как это сделали секретарь парторганизации Закревская, начальник отдела кадров Луганов и некоторые другие «принципиальные» коммунисты, я позволил себе взять под защиту Уткина, заявив, что считаю решение жестоким и несправедливым. Напомнив о заслугах Уткина перед партией и государством, о его ратных подвигах в войне с фашизмом, трудовых заслугах на предприятиях отрасли и особенно на Оршанском комбинате, я предложил ограничиться партийным взысканием.

Несколько руководителей цехов и отделов, выступивших после меня, поддержали это предложение и просили оставить Уткина в должности директора.

У присутствовавшего на собрании секретаря горкома Карпенко возникли серьёзные проблемы с «одобрением» решения. В своём выступлении он резко осудил «незрелых» и «беспринципных» коммунистов, выступивших против линии партии в работе с кадрами и обеспечении сохранности социалистической собственности. Больше всех досталось мне.

При голосовании половина присутствовавших на собрании отказались одобрить решение бюро горкома. Понадобилось ещё одного выступления Карпенко, чтобы при повторном голосовании собрать необходимый минимум голосов.

Можно было не сомневаться в том, что мою «незрелость» и «беспринципность» мне не забудут.

20

Новым директором стал Николай Васильевич Варакин, русский, член партии с двадцатилетним стажем, из рабочих, выпускник Московского мясомолочного института. Ранее работал директором ряда мясокомбинатов России.

При первой же встрече со мной Варакин предупредил, что терпеть дальше неопределённость в моём служебном положении он не намерен и предложил должность главного инженера. Когда же я категорически отказался вступить в новую должность, он возложил на меня обязанности своего первого заместителя и главного инженера временно до замещения этой должности новым работником.

Как мне объяснили тогда юристы, такое право директор имел, и его приказ мог действовать в течении шести месяцев. Уволиться же по собственному желанию я не мог, так как не отработал ещё обязательных три года, как молодой специалист, и на это требовалось согласие горкома партии, в чью номенклатуру я входил, как главный технолог.

Выбора не было. Я был вынужден официально вступить в должность главного инженера. Варакин потребовал, чтобы я занял положенный мне кабинет и полностью взял на себя ответственность за работу производства. Он чётко распределил обязанности между собой и своими заместителями, оставив себе чисто директорские функции.

Кончились уткинские обходы производства по утрам, вечерние планёрки, директорские инициативы по техническому развитию предприятия. Всем этим директор заниматься не стал. На работу он приходил к девяти утра, просматривал почту, подписывал банковские документы, решал по телефону вопросы с министерством и местными органами власти, участвовал в различных заседаниях и совещаниях в горкоме и горисполкоме.

Варакин редко беспокоил меня своими вызовами и поручениями, заявляя, что полностью мне доверяет и не собирается подменять. Он слабо вникал в работу производства и ограничивался только требованиями безусловного выполнения плана. К этому скоро все привыкли и к директору с производственными вопросами никто не обращался. Смирился с этим и я, стараясь самостоятельно находить

решения по всем возникающим проблемам. Этому в большой мере помогал двухлетний опыт совместной работы с Уткиным.

Производственные планы выполнялись стабильно, росли объёмы выпуска продукции, повышалось качество выпускаемых изделий. Предприятие, если и не было передовым, как раньше, то и отстающим не считалось.

Варакин был доволен моей работой, не раз предлагал пройти утверждение в занимаемой должности в “Минмясомолпроме” и обкоме партии, и сменить статус временного работника на постоянного. Он даже обещал, в случае моего согласия, решить вопрос о персональной надбавке к должностному окладу главного инженера. На все его предложения был один ответ: я вернусь к исполнению обязанностей главного технолога, как только пройдёт шестимесячный срок.

Между тем на комбинате продолжались ревизии и проверки. Их проводило родное министерство, контрольно-ревизионное управление Минфина, комиссии правоохранительных органов. Этим каждое из этих ведомств демонстрировало партийным органам всех уровней своё внимание к вопросам сохранности собственности. При одной из проверок КРУ Минфина были обнаружены недостатки в холодильнике и складе консервов.

По материалам проверки началось следствие, которое было поручено следователю по особо важным делам прокуратуры республики Сокольчику. Кроме допросов предполагаемых обвиняемых и многочисленных свидетелей, на службу следствию были поставлены осведомители органов безопасности и милиции, наговоры недовольных и «обиженных», анонимные письма и телефонные звонки, советы партийных органов и другие испытанные методы, которыми тогда широко пользовались органы МВД и прокуратуры.

Хоть недостача консервов по времени не совпадала с моей работой в должности начальника консервного цеха и обнаружена была не в цехе, а на складе, куда продукция передавалась по документам другому материально-ответственному лицу, я явно ощущал, что следствие с самого начала ведётся против меня.

Допросы продолжались по несколько часов. Сокольчик требовал раскрытия каналов хищения и порядка распределения похищенного. При этом он не только грубил и сквернословил, но и запугивал пистолетом и изоляцией от общества на период следствия. Порой он менял гнев на милость и обещал мягкую меру наказания без тюремного заключения, если я назову действительных организаторов хищения.

Когда следователь вёл себя тактично, я пытался убедить его, что такой недостачи консервов быть не может, что скорее всего допущены ошибки в учёте, и в этом нужно тщательно разобраться с помощью опытных бухгалтеров-ревизоров, но об этом Сокольчик и слушать не желал. Складывалось впечатление, что такой оборот дела не в его интересах и в его задачу входит только доказать наличие хищения, и привлечь нужных ему людей к ответственности.

В ходе одного из допросов начальник жестяно-баночного цеха Устименко убеждал следователя, что в консервном производстве учёт поставлен намного лучше, чем в других цехах и поэтому недостача маловероятна, что у него в цехе никто даже пустой баночки не выпросит, а что касается спирта, который используется для пайки банок, то он у него под семью замками. В порыве откровения Устименко признал, что был только один случай, когда бывший главный инженер Алпатов попросил у него пол-литра спирта, а больше за все три года его работы в цехе к нему даже никто не обращался с такими просьбами.

Этого признания было достаточно Сокольчику, чтобы выделить дело о хищении спирта в отдельное производство, предъявить Устименко обвинение и предать его суду. На показательном процессе в клубе мяскокомбината он был признан виновным и приговорён к десяти годам лишения свободы.

В конце сентября я был вызван по повестке в прокуратуру республики, в Минск и подвергнут длительному и особо строгому допросу. К концу рабочего дня Сокольчик предъявил мне обвинение в допущении хищения консервов в крупных размерах и заявил, что в целях ускорения следствия должен взять меня под стражу. Он велел подождать в коридоре пока за мной придёт охрана, подумать о дополнениях к протоколу допроса и признании своей вины, и разрешил написать письмо домой, которое завтра же будет передано.

Мне пришлось долго ждать и поэтому письмо Анечке получилось длинным. Я велел ей не волноваться, беречь детей и своё здоровье, верить в моё скорое освобождение, так как никакой вины за мной нет.

В коридоре встретил заведующую складом консервов Лобанову, которая тоже ждала конвоиров и готовила себе клочки газеты для махорочных самокруток. За время следствия она стала заядлым курильщиком. Поговорить с ней не удалось, так как за нами посматривал Сокольчик, но она одной фразой

заверила меня, что такой недостачи у неё быть не могло и нужна повторная ревизия. В этом для меня не было ничего нового.

Лобанову вызвали первой и я больше её не видел. Наконец, Сокольчик вызвал меня и спросил не желаю ли дополнить или уточнить свои показания. Я ответил, что ничего нового сказать не могу. Каково же было моё удивление, когда следователь вручил мне направление в гостиницу «Белорусь» и заявил, что сегодня я больше не нужен, а завтра мне следует позвонить ему в 10 утра.

В недоумении уходил я в тот вечер от Сокольчика. Никак не мог понять, что заставило его изменить решение о моём аресте. Было ли чьё-то вмешательство в это дело или он сам к этому пришёл? Может это был тактический приём с целью ещё больше запугать меня и вынудить дать нужные ему показания? Исполнит он свою угрозу завтра, если я не подчинюсь его требованиям?

Когда утром, после бессонной ночи, я позвонил Сокольчику, он сказал, что пока во мне не нуждается, а когда я ему понадоблюсь, то сообщит об этом повесткой.

Так и не узнал я тогда, кто помог мне остаться на свободе в тот пасмурный и дождливый сентябрьский вечер 1951-го года.

21

Кроме меня и завскладом Лобановой предполагаемой обвиняемой была и Анечка. Недостача была обнаружена в период её работы начальником консервного цеха. Её часто допрашивали в Орше и несколько раз вызывали в Минск, но с ней обходились мягче и обвинения не предъявляли. Может потому, что она женщина и мать двоих малолетних детей, может потому, что им был нужен в первую очередь я.

Когда я рассказал ей о допросе в Минске и показал письмо, что писалось перед ожидаемым арестом, она пришла в ужас. Следствие было в полном разгаре и возможность ареста ещё не исключалась.

Волнения и тревога усилились, когда в первых числах октября, перед моим уходом на работу, к нам домой нагрянула группа милиционеров во главе с майором для производства обыска. В качестве понятых они пригласили соседей нашего дома и вывернули квартиру наизнанку. Не знаю, что они искали, но изъяли только сберкнижку на которой было всего 260 рублей. Это были все наши сбережения и, если бы дело дошло до суда, у нас даже не было бы денег на приличного адвоката.

Теперь о предъявленном мне обвинении и обыске на квартире знали все на комбинате и в жилом посёлке. Трудно было себе представить, как я смогу после этого смотреть людям в глаза и продолжать исполнять обязанности главного инженера.

Однако, Варакин мою просьбу об освобождении от занимаемой должности отклонил, и велел спокойно работать. Он не верил, что невинных людей могут осудить, а поскольку не сомневался в моей честности и порядочности, то был уверен, что я смогу доказать свою правоту.

Больше он волновался за себя. В отличие от Уткина, Варакин излишней скромностью не отличался. Его жена не покупала дешёвых субпродуктов в мясном ларьке мясокомбината, как это делала жена Уткина. Ей приносили домой изделия самого высокого качества из тех, что готовились для горкома и обкома партии. До меня дошли слухи, что доверенные люди директора должны были по несколько раз в месяц приносить ему определённые суммы «на жизнь». Не мог же он жить на своём персональном окладе в 150 рублей в месяц, когда одна командировка в Москву, при его широкой натуре, потребности угощения нужных людей и любви повеселиться, обходилась ему в 500-600 рублей. А таких командировок в месяц было несколько.

Из своей зарплаты, которая была намного меньше директорской, эти люди, естественно, ничего собрать не могли. Для этого нужно было совершать какие-то комбинации, которые в ходе следствия могли раскрыться. Это и беспокоило Варакина.

В одной из командировок в Москву весной 1952-го года мне сообщили по секрету, что наш директор решает с помощью своих людей в министерстве вопрос о переводе его на другое предприятие, в связи с «неподходящим» климатом в Белоруссии.

В мае того же года был получен приказ министра о назначении нового директора, Доброшинского Юрия Николаевича, и отзыве Варакина в распоряжение министерства, в связи с переводом на другую работу.

Не отработав и года, не сделав ничего полезного для комбината, нечистый директор ушёл по чистому.

22

Как только мне было предъявлено обвинение и у нас дома произвели обыск, мой тесть решил уехать из Орши. Он ушёл из отдела снабжения ещё в год нашего приезда, как только убедился в том, что его

зарплаты не хватит даже на фаршированную рыбу по субботам и устроился на работу в небольшой ларёк. За эти годы ему удалось скопить кое-какие сбережения на «чёрный» день. Теперь он больше не был в финансовой зависимости от нас и решил не рисковать своим состоянием.

Трудным было прощание Анечки с родителями. Они покидали её в самое трудное время, когда в любой день она могла остаться одна с двумя детьми, когда совсем не исключалась возможность и её ареста по делу о недостатке консервов. Больше всего нас обоих тревожила мысль о судьбе трёхлетних близнецов, которые в этом случае становились сиротами.

Уезжали родители на Украину, в Днепродзержинск, где они жили до войны и где находились многочисленные родственники. В ночь перед их отъездом никто из взрослых, кроме деда Абрама, не спал. Баба Рета не отходила от кровати внуков и плакала. Она очень любила их и не представляла себе, как они будут одни. Было тяжело и обидно, что так удачно начатая служебная карьера внезапно оборвалась, что в этот трудный час от нас отвернулись все, даже родители.

Я часто тогда задавал себе вопрос: как могло случиться, что никому до нашей беды не было дела, что никто даже не пытался нас защитить. В стороне оказались и директор, и руководство министерства, которые ещё недавно восторгались нашими успехами в работе и самопожертвованием ради дела, которому служили. Даже коллектив, которому часто отдавали предпочтение перед семьёй и детьми, вроде оказался безразличен к нам.

Уезжали родители накануне Хануки. Перед отъездом дед тепло попрощался с внуками, поцеловал их и дал каждому необычно большую сумму «ханукагелт».

На прощание мальчики дружно воскликнули:

-Их бин а ид!

Бодрый и довольный своими внуками, дед Абрам направился к ожидавшей его директорской машине, на которой мы проводили родителей на вокзал.

23

Юрий Николаевич Доброшинский был родом из Одессы и в своё время закончил наш институт. Он был моложе Варакина, высокого роста, весёлый и жизнерадостный. Своё знакомство со мной он начал с предложения о дружбе и взаимопомощи. Он считал, что между нами много общего и от нашего взаимопонимания будет обоим лучше жить и легче работать. Для начала Юрий Николаевич предложил вернуть меня на должность главного инженера, с которой я ушёл незадолго перед уходом Варакина. Его устраивал мой временный статус в этой должности, что не требовало участия министерства и партийных органов в моём назначении.

Ссылки на следствие под которым я до сих пор находился им не были приняты во внимание и он считал, что уголовное дело должны прекратить, если так долго не могли закончить. Доброшинский обещал сделать всё возможное, чтобы ускорить такой финал следствия.

Будучи уверенным, что он подпишет такой приказ, независимо от моего согласия, я не стал возражать против временного исполнения обязанностей главного инженера, оговорив своё согласие сроком в несколько месяцев, пока прибудет другой специалист на эту должность.

Поначалу мы с новым директором работали дружно. Как и Варакин, он старался не перегружать себя работой и полностью передоверил мне производство. Юрий Николаевич больше занимался благоустройством территории, общественными организациями, художественной самодеятельностью и часто выезжал по разным вопросам в городские и областные партийные и советские органы.

Однако со временем я стал замечать его тесную связь с заведующим скотоприёмной базой, что навлекло на мысль о возможных злоупотреблениях при приёмке скота и косвенном участии в этом директора.

На комбинате всё продолжались многочисленные проверки, шло следствие по недостатке консервов и нужно было исключить всякую возможность крупных хищений или недостач. Выявление таких правонарушений привело бы к новым судебным процессам, в которые были бы вовлечены не только непосредственные виновники, но и руководители комбината, в том числе и я.

Заведующим скотобазой работал Ефим Лернер, в прошлом управляющий Шкловской районной конторой «Заготскот», который считался непревзойдённым специалистом по определению упитанности скота. Ему не требовалось ощупывать животных для определения наличия жировых отложений в определённых местах, предусмотренных стандартом, как это делали другие приёмщики. Достаточно было одного беглого взгляда Фимы, чтобы отнести животное к той или иной категории упитанности. Всем было известно, что Лернер в этом практически не ошибался и поэтому с ним никто не спорил. Разница же в

стоимости одной головы скота смежной упитанности составляла 200-250 рублей, которые конторы “Заготскот” выплачивали наличными при закупке его у населения. Отсюда не сложно было догадаться какие большие возможности для злоупотреблений были у заведующего скотобазой и приёмщиков районных пунктов.

Пришлось предупредить Лернера об опасности, которой он подвергает себя и в которую может вовлечь директора и меня. При этом я недвусмысленно дал ему понять, что при определении степени ответственности на нас с ним возложат львиную долю вины с учётом нашего еврейского происхождения. Фима, вроде, понял меня правильно, поблагодарил за предупреждение и заверил, что сделает всё необходимое, чтобы не было оснований для беспокойства по этому поводу.

Что конкретно было сделано Лернером мне узнать не удалось, но в скором я почувствовал реакцию директора на этот разговор и заметил изменения в отношениях с Доброшинским. Его как будто подменили. Он пересмотрел распределение служебных обязанностей между ним и его заместителями, взял на себя непосредственное руководство работой скотобазы и холодильника. Кроме того он потребовал моих ежедневных отчётов о работе производства, стал вмешиваться в решение вопросов, относящихся к функциям главного инженера и в ряде случаев даже отменял мои распоряжения. У меня не было сомнения, что всё это было результатом предупреждения, сделанного мною Лернеру. То ли он рассказал об этом директору, то ли, что более вероятно, Фима прекратил сделки и комбинации при приёмке скота, что Доброшинский почувствовал на собственном кармане.

Напряжение достигло предела и, когда работать в такой обстановке стало просто невозможно, я принял решение уйти с комбината, или, по крайней мере, освободиться от исполнения обязанностей главного инженера.

Разговор на эту тему с директором я отложил в связи с моей поездкой в Москву, куда был вызван на совещание к министру по вопросам капитального строительства и реконструкции предприятий отрасли.

24

Анечка уже более двух лет работала в лаборатории, но по-прежнему курировала консервный цех, начальником которого работала молодой специалист Соколова. Несмотря на возросшую нагрузку по дому и уходу за детьми в связи с отъездом матери, она успешно справлялась со сложными служебными обязанностями и в меру сил помогала в работе новому начальнику цеха.

У неё сохранились хорошие отношения с коллективом, который в прошлом оказывал ей поддержку в трудных производственных ситуациях. Когда под угрозой невыполнения оказывались месячные или квартальные планы производства консервов, она находила общий язык с рабочими и они без принуждения работали сверхурочно и даже по две смены, чтобы преодолеть отставание.

Особенные трудности тогда были с обеспечением консервного производства необходимым количеством мяса, освобождённого от костей и сухожилий. Эту трудную физическую работу, требующую высокой квалификации и определённого опыта, выполняли обвальщики, которые проходили годичную подготовку в профтехучилище. Их всегда не хватало. Из-за отсутствия рабочих этой дефицитной специальности, нередко срывались планы и в колбасном производстве, где выполнялась аналогичная работа по подготовке мяса. Анечке удавалось как-то решать эту проблему и обеспечивать цех достаточными запасами сырья.

Со многими обвальщиками у неё сложились не только хорошие производственные, но и прочные дружеские отношения. Такими они стали с бригадиром сырьевого отделения Василием Шебеко, который затем следовал за нами при переводе на другие предприятия, и молодым обвальщиком Иосифом Мигурским, с которым мы позднее встретились в Могилёве, где он с нашей помощью прошёл путь от рабочего до директора крупного предприятия.

Предельная занятость на работе не позволяли ей, как и мне, уделять достаточное внимание детям. Перед работой мы отводили их в детсад и забирали оттуда вечером, когда приходили с работы. Только несколько часов в день они находились с нами.

Раньше какую-то посильную помощь в уходе за малышами нам оказывала Полечка, которая забирала их из садика до нашего прихода с работы. Но она, закончив среднюю школу, уехала в Одессу, где поступила в учительский институт, и мы лишились её помощи.

Мальчики заметно выросли и окрепли. Мишенька несколько опережал Вовочку в росте, но и тот теперь уже не болел и в своём развитии догонял братика. Воспитатели в детсаде были ими очень довольны и говорили, что они заметно опережают многих сверстников в своём развитии.

Несмотря на сложную обстановку на работе и дома, мы пришли к выводу, что для полного семейного счастья нам не хватает дочки и, когда сыновьям исполнилось три года, Анечка призналась, что ждёт ребёнка.

Беременность и на этот раз протекала не просто, со многими отклонениями от нормы. На третьем месяце врачи посоветовали аборт, но Анечка категорически отказалась.

Обеспокоенные состоянием её здоровья и возможными послеродовыми осложнениями, мы оформили отпуск и за месяц до родов всей семьёй поехали в Днепродзержинск к маме Рете, надеясь на её помощь и поддержку.

Родители встретили нас тепло. Особенно была рада встрече с внуками бабушка. Она очень за ними соскучилась и не отпускала от себя ни на шаг. Дед, оказывается, тоже скучал и теперь не только не запрещал бабушке ухаживать за детьми, но и сам помогал ей и подолгу гулял с ними в парке.

Может причиной тому была его безработица и наличие свободного времени, может желание похвастать внуками перед своими родственниками, друзьями и знакомыми, а может отсутствие стабильного заработка, что освобождало бабушку от необходимости стоять целыми днями у плиты, но в его поведении стали заметны разительные перемены.

На свои небольшие сбережения они купили маленький домик с садом и летней кухней, которую обещали расширить и переоборудовать под квартиру для младшей дочери Полечки. Приобрели они и недорогую мебель, необходимую домашнюю утварь и придали своему жилищу вполне приличный вид.

Домашняя обстановка и уход матери благоприятно сказались на состоянии Анечки и она благополучно дождалась родов.

12 июля 1952-го года в семье появилась желанная доченька, которую назвали по матери моей Доре, что по еврейски Двойра, а по русски Вера. Теперь один из наших сыновей носил имя моего отца, а дочь - имя матери, увековечив память о дорогих моему сердцу родителях.

Наши желания сбылись! Семейные планы осуществились.

25

Совещание по техперевооружению и строительству предприятий мясной и молочной промышленности проводил новый министр. Вместо Кузьминых им стал Сиволап. Он был моложе и энергичнее своего предшественника и болезненно переносил отставание отрасли от зарубежного уровня техники и производительности труда. Перед вступлением в должность министр побывал на международном конгрессе учёных и специалистов мясной промышленности в Лондоне, где мог убедиться в несопоставимости организации производства и труда на советских и зарубежных предприятиях.

Сиволап поставил задачу в течении новой пятилетки осуществить широкую программу строительства, реконструкции и технического перевооружения мясных и молочных предприятий с целью увеличения объёмов производства, повышения производительности и улучшения качества продукции.

Министр обещал выделить необходимые капиталовложения и призвал повысить творческую активность и проявлять больше инициативы в повышении технического уровня предприятий.

Было много выступлений с мест, которые в основном сводились к просьбам о помощи деньгами, материалами, оборудованием.

В докладе начальника Главного управления консервной промышленности Очкина приводился в пример положительный опыт Оршанского мясоконсервного комбината в освоении нового импортного оборудования, техническом творчестве и повышении производительности труда.

На следующий день намечался приём главных инженеров министром, его заместителями и начальниками главков.

С утра зашёл в парикмахерскую при гостинице побриться. Уже немолодая женщина, освежая меня после бритья одеколоном, вдруг на полном серьёзе мне заявила:

-Вас сегодня ждёт приятная новость, молодой человек!

Как не допытывался я мастера, что послужило основанием для её предсказания, она наотрез отказалась ответить, но обещала раскрыть секрет, если слова её сбудутся.

Я не верил в приметы и чудеса, но так уже хотелось услышать какую-нибудь приятную новость, так надоела жизнь в вечной тревоге и постоянном страхе, что вдруг поверил парикмахеру и направился в министерство в надежде услышать там что-нибудь приятное.

На этот раз надежда меня не обманула. Как только я вошёл в приёмную начальника "Главконсервпрома" Очкина, его секретарь Танечка воскликнула:

-Бегите за шампанским быстрее! Уголовное дело по недостатке консервов прекращено из-за отсутствия состава преступления.

Оказалось, только-что ей звонила Анечка и просила передать, что получено письмо из прокуратуры республики о снятии с меня обвинения и прекращении дела.

Это была самая желанная новость, о которой я мог только мечтать. Честно говоря, мне не верилось, что такое возможно. Я не представлял себе подобного исхода следствия, которое длилось полтора года и носило явно целенаправленный тенденциозный характер. Этого не скрывал и следователь Соколичик, который неоднократно обещал мне покончить с засильем евреев на комбинате.

Не владея своими эмоциями, я ворвался в кабинет Очкина и стал обнимать и целовать его, как близкого родственника или давнего друга. Он тепло поздравил меня с победой справедливости и рассказал об участии бывшего министра Кузьминых в спасении меня от казалось бы неминуемой тюрьмы. Он неоднократно обращался по моему делу в ЦК КПБ и даже в ЦК КПСС с заверениями в моей честности и просил прекратить уголовное преследование. По его указанию была проведена тщательная ревизия, которая подтвердила, что недостача консервов являлась плодом запущенного учёта, а не организованного хищения, что вменялось мне в вину.

Вот оказывается что помешало тогда Соколичу взять меня под стражу и что вынудило его, наконец, прекратить уголовное дело.

Вечером того же дня я пригласил Очкина в ресторан, где мы отметили самое радостное событие за все годы моей работы на Оршанском комбинате. Считая, что мне не следует больше испытывать судьбу на предприятии, где руководители долго не задерживаются и из которого, как правило, попадают на скамью подсудимых, Очкин обещал помочь с переездом в другой город и предоставлении работы на другом комбинате.

Утром я опять брился в той же парикмахерской и вручил своей предсказательнице большую плитку шоколада. Она рассказала о том, что радостную весть для меня принёс паук, спустившийся вчера утром к моей голове во время бритья.

Истратив остаток денег на подарки для Анечки и детей, я первым же поездом отправился домой, чтобы отпраздновать свою победу в кругу семьи и друзей.

26

Разговор с Доброшинским был долгим и трудным. Я решительно отказался от исполнения обязанностей главного инженера и просил его дать согласие на мой перевод на другое предприятие. Если с первым моим требованием он, наконец, был вынужден согласиться, то о выезде из Орши и слушать не пожелал.

Юрий Николаевич хорошо понимал, что даже в должности главного технолога я буду работать в том же ритме и стиле, и ему не придётся опасаться невыполнения планов производства или выпуска некачественной продукции. Может быть такой вариант теперь его даже больше устраивал с точки зрения освобождения от помех, создаваемых мною для его вольготной жизни.

Он обещал мне полную самостоятельность и невмешательство в работу производственных цехов и всемерную поддержку в решении возникающих проблем.

Когда я заявил о моём твёрдом решении уйти с комбината, как только мне будет предложена другая работа, Юрий Николаевич велел забыть об этих моих намерениях, предупредив, что без неприятностей я отсюда не уйду. Он посоветовал не забывать о развернувшейся в стране антиеврейской кампании в связи с только начинавшимся в то время «Делом врачей». На лице Доброшинского появились искорки открытой злобы и я понял, что в его намёках и угрозах нет ни капли шуток.

Вспомнил о недавнем сообщении в газете «Правда» об аресте в Москве виднейших профессоров Кремлёвской больницы, якобы повинных в смерти ряда руководителей партии и правительства. По фамилиям арестованных можно было без труда догадаться об их еврейском происхождении. Вслед за этим во всех газетах печатались требования «широкой общественности» о расправе над врачами-убийцами и публичной их казни на глазах у честных советских людей.

В такой обстановке вступать в открытое противоборство с директором было опасно и я согласился остаться в должности главного технолога.

27

Несмотря на редкие письма из Староконстантинова, мы постоянно следили за переменами в семье Елизаровых и как могли старались помочь им и делом, и советом. Кое-чего нам удавалось достичь, но в

главном - в учёбе Полечки и приобретении ею специальности добиться чего-нибудь существенного не удавалось.

Положение ещё более усугубилось после рождения сына. Теперь моя сестрёнка посвятила себя полностью уходу за ребёнком. У неё не оставалось ни времени, ни средств что-нибудь сделать для себя. Не то чтобы учиться, она не находила времени газету почитать или в кино сходить. Основная часть Володиной зарплаты уходила на любимца Валерочку, который должен был получать самое лучшее питание, самую красивую одежду, самые дорогие игрушки.

Приоритеты в этой семье с самого её создания распределялись не в пользу хозяйки. Она всегда была на последнем плане. Когда не было ребёнка главное внимание уделялось мужу, а с его появлением главенствующую роль занял Валерочка.

Если даже и выпадало пару часов свободного времени, когда ребёнок спал, она всегда находила какую-то работу у своей хозяйки или у добрых соседей, которые почему-то постоянно в этом нуждались.

Нельзя сказать, что все в семье были с этим согласны. Нам было известно о недовольстве Володи, которое постоянно нарастало и нередко приводило к серьёзным конфликтам между супругами, но изменить что-нибудь ни он, ни мы, ни кто-нибудь другой не могли.

Непомерное желание угодить во всём ребёнку требовало расходов, превышавших доходы единственного кормильца, но Полечку это не смущало и она покупала всё, что ребёнок хотел, занимая деньги в кассе взаимопомощи и у своих знакомых. Ещё с тех лет в нашей семье сложилась поговорка: «Если ребёнок хочет...»

По понятиям Полечки, если ребёнок чего-нибудь хочет, он должен это получить, независимо от стоимости и возможностей. Этой своей философии она была верна всю свою жизнь, чем причинила много вреда семье, своим детям и, в первую очередь, себе.

Все в их семье чего-то достигли: в учёбе, служебной карьере, жизни. Все за исключением Полечки. Она так и осталась без образования, без специальности, без личного счастья. Всё беззаветно отдавалось другим.

Володе, наконец, удалось поступить в Рижское высшее военное училище лётчиков и они всей семьёй переехали в столицу Латвии.

Однако и там Полечка не нашла возможности учиться и оставалась только заботливой матерью. Более того, здесь у неё забот заметно прибавилось. В начале 1952-го года она забеременела и 9-го ноября родила второго сына Бореньку. С тех пор мы всегда отмечали день рождения наших мальчиков-близнецов и младшего племянника в один день.

Теперь ещё в большей мере все силы Полечки, все средства, все её жизненные планы и желания были всецело подчинены интересам детей, которым всегда чего-то не хватало и поэтому и мысли не было об удовлетворении каких-то своих нужд или потребностей.

Было очень обидно, что моя единственная сестрёнка, столько выстрадавшей в сиротском детстве и беспризорной юности, чудом уцелевшая в годы фашистской оккупации и больше чем кто-нибудь другой имевшая право на своё личное счастье, оставалась несчастной, безграмотной, затурканной в своём рабском служении детям и мужу. Её материнская любовь и беззаветная преданность детям не знали предела.

28

Работать в Орше становилось всё труднее и опасней. После моего ухода с должности главного инженера, некоторым из руководителей, включая и самого Доброшинского стало свободней и вольготней зарабатывать «на жизнь». Они теперь освободились от моих подозрений и предупреждений, и вернулись к привычному «стилю и методам» работы.

По роду своих служебных обязанностей я вроде не нёс прямой ответственности за сохранность собственности и хищения, но при желании всегда можно было найти и мою долю вины, если будут искать виновных в каких-нибудь злоупотреблениях. А в том, что они имели место, я теперь уже не сомневался. Жить на той мизерной зарплате, которую получали работники комбината, в том числе и директор, было трудно и многие шли на риск, не считаясь с опасностью.

Как мне теперь стало понятно, из всех директоров, которые сменились за прошедшие четыре года, лишь один Уткин работал сам честно и не позволял злоупотреблять подчинённым. Финал же у него был хуже, чем у других. Если Поляков и Варакин были освобождены от занимаемой должности «в связи с переводом на другую работу», то Уткин был выдворен из партии, что исключало возможность его работы в любой руководящей должности.

Если так обошлись с таким опытным, талантливым руководителем и честным человеком, как Уткин, только потому, что он еврей, то не было никакой гарантии в том, что моей честной и прилежной работы достаточно, чтобы спокойно продолжать трудиться в сравнительно безопасной должности главного технолога.

Я всё больше склонялся к мысли, что нужно любой ценой и как можно скорее уходить с комбината, где проработал более четырёх лет, поставив абсолютный рекорд продолжительности непрерывной работы руководителя на этом предприятии. Этому способствовал и всё более нарастающий вал антисемитизма, началом которого послужило надуманное на самой вершине власти пресловутое «дело врачей».

Новую волну возмущения «трудящихся» вызвало недавнее сообщение в печати о патриотическом подвиге врача Тимошук, оказавшей неоценимую услугу следствию в разоблачении злодеяний «убийц в белых халатах», за что она была награждена высшей правительственной наградой - орденом Ленина.

Обстановка всё более накалялась и можно было в любой день ожидать массовых антиеврейских акций. В такой ситуации любой проступок или допущенная ошибка в работе могли быть использованы для привлечения к самой строгой, в том числе и уголовной ответственности.

В это время ещё продолжалось следствие по недостатке мясопродуктов на холодильнике и в качестве эксперта-технолога на комбинат прибыл начальник производственно-технического отдела «Белглавмясо» Алексей Николаевич Кравчук. Это был опытный и грамотный инженер, который мог бы стать крупным руководителем промышленности, если бы не лень и пристрастие к водке. Об этом его недостатке я знал по совместной работе, когда комбинат был ещё в подчинении «Мясомолпрома» Белоруссии.

Кравчук хорошо ко мне относился и во многом помогал в первый год работы в Орше. Я поделился с ним своей бедой и просил оказать влияние на директора, чтобы он дал согласие на мой перевод. Алексей Николаевич охотно согласился помочь мне при условии, что я подготовлю вместо него заключение технологической экспертизы по недостатке на холодильнике, которое он «подкорректирует» и подпишет.

Наш «сговор» сохранялся в глубокой тайне и, когда через две недели я положил ему на стол моё сочинение, он остался очень доволен, а в качестве коррекции добавил в нескольких местах своё излюбленное выражение «установленным является...», которое по его мнению усиливало значимость выводов и делало их более убедительными.

Перед отъездом из Орши Кравчук зашёл попрощаться с Доброшинским, с которым был в хороших отношениях, а мне велел в это время посидеть в своём кабинете, откуда легко прослушивались разговоры в директорском кабинете из-за отверстия в смежной стене.

Я услышал следующий диалог между ними:

Кравчук: «И долго ты собираешься работать без главного инженера?»

Доброшинский: «Хорошего не найду, а плохого не хочу. Вот если бы ты согласился?»

-Могу согласиться, только синагога мне здесь не нужна. С евреем -заместителем работать не буду. Если уберёшь его, мы с тобой поработаем.

-В этом нет проблемы. Он ведь сам просится-молится.

-Ну, и отпускай его с Богом, и - по рукам!

На следующий день директор предложил мне командировку в Москву для решения ряда производственных вопросов и заодно сказал, что не будет больше возражать против моего перевода на другое предприятие.

29

Очкин был удивлён, что казавшаяся неразрешимой проблема моего освобождения от работы на Оршанском комбинате, вдруг так внезапно решила сама собой. Он провёл предварительный разговор в Управлении кадров министерства и предложил должность главного инженера Паневежского мясоконсервного комбината в Литве. По его словам на этой должности временно работает практик с неполным средним образованием и министерство республики настоятельно просило помочь им дипломированным и опытным специалистом.

Не скажу, чтобы это предложение мне очень понравилось. Было хорошо известно о разгуле национализма в Прибалтийских республиках и имевших там место гонениях не только над евреями, а даже над русскими, но отказываться было опасно, ибо я мог лишиться единственной возможности уехать невредимым из Орши. Мне бы очень хотелось остаться в Белоруссии, где ко мне хорошо относились раньше и в «Белглавмясо», и в министерстве, и где соглашались предоставить другую работу, но выбирать не приходилось. Я дал согласие, даже не посоветовавшись с Анечкой.

При мне состоялся разговор с заместителем министра мясомолочной промышленности Литвы Мураускасом, который дал предварительное согласие на мой приезд.

На следующий день я положил Доброшинскому на стол приказ об освобождении меня с должности главного технолога и отзыве в распоряжение министерства.

Материальных ценностей за мной не числилось и в тот же день я получил на руки трудовую книжку с желанной записью. Мне всё ещё не верилось, что ничто не помешает моему отъезду из Орши и я второпях стал готовиться к нему.

Весть о моём уходе с комбината произвела эффект разорвавшейся бомбы и вызвала недоумение не только инженерно-технического состава, но и рабочих. Группа работников обратилась в горком партии, где этот вопрос решили рассмотреть на закрытом партсобрании. Всё это заставило сильно поволноваться. Пришлось переговорить до собрания со многими моими друзьями и доброжелателями, чтобы голосование на собрании прошло в мою пользу.

Больше всего я боялся разоблачения задуманной Кравчуком аферы. Мне ведь было хорошо известно, что он и не собирался уезжать из Минска, тем более в Оршу, и всё разыграл только с целью помочь мне вырваться из западни, которая неминуемо привела бы меня туда, где оказались все мои предшественники - главные инженеры.

Только очутившись в купейном вагоне поезда «Москва - Вильнюс», я твёрдо поверил в то, что из Орши удалось вырваться окончательно и бесповоротно.

30

Вильнюс не был похож ни на один из городов Советского Союза, в которых мне довелось побывать до сих пор. Тут всё было непривычно: и узкие улочки, покрытые брусчаткой; и маленькие магазины, и лавочки с большим разнообразием товаров; и непонятная речь на улицах, в городском транспорте; и одежда, совсем не похожая на нашу.

Когда я попытался обратиться к первому встречному с просьбой показать дорогу в министерство, он, ответив, что по-русски не понимает и отвернулся от меня. Только с помощью милиционера удалось найти нужный адрес и я попал в приёмную заместителя министра по кадрам Мураускаса.

После доклада секретаря пришлось довольно долго ждать приёма, хоть в кабинете никого не было. Наконец раздался звонок и меня пригласили войти. Просторный кабинет был обставлен добротной мебелью и в нём легко мог бы развернуться легковой автомобиль. Хозяин принял меня довольно холодно и долго читал и рассматривал адресованное ему письмо начальника Управления кадров союзного министерства. Вероятно, всё это время, пока я ждал приёма, он согласовывал по телефону вопрос о моём назначении и решил его не в мою пользу. Меня же он стал допрашивать о причинах моего увольнения с последней должности и выезда из Белоруссии, полученном образовании и опыте работы, прочих пунктах анкеты по учёту кадров. Затем он предупредил о необходимости изучения литовского языка, на котором ведётся вся служебная переписка и разговаривают все работники Паневежского комбината.

Когда Мураускас узнал, что моя жена инженер-технолог и нуждается в работе по специальности, он заявил, что на комбинате для неё работы не будет. Кроме того мне было сказано, что в настоящее время свободной жилплощади нет и в ближайшее время не предвидится.

Из всего этого я понял, что здесь во мне не нуждаются и предоставить работу не собираются. Мне было ясно, что если даже меня бы и назначили главным инженером согласно направления, то работать там я бы не смог.

С учётом этого я и заявил заместителю министра, что, как я понимаю, ему так хочется меня послать в Поневежес, как мне хочется туда поехать, поэтому было бы лучше, если бы он откомандировал меня обратно в Москву.

Наверное, такой вариант его более всего устраивал, но он заявил, что сам этот вопрос решить не может и велел прийти за решением завтра.

Из гостиницы, куда я с трудом устроился на одну ночь, я позвонил в Минск Перетицкому и попросил его договориться с союзным министерством о возможности моего направления в Белоруссию. Он обещал немедленно переговорить с Москвой, но предложил в любом случае заехать на обратном пути к нему.

Как я и ожидал, на следующий день я получил желанное письмо о невозможности моего использования в должности главного инженера Поневежского мясоконсервного комбината в настоящее время.

Первым же рейсовым автобусом я отправился в столицу Белоруссии.

Перетицкий принял меня очень тепло. Он подробно расспрашивал о семье и детях, о положении на Оршанском комбинате. Я узнал грустную историю о неудачных попытках назначения Уткина на должность инспектора по качеству товаров и на другие рядовые неноменклатурные должности. Везде ему в работе отказали из-за строгого запрета партийных органов. Чтобы не дать семье талантливого инженера умереть от голода, он, Перетицкий, взял на себя ответственность назначить его мастером транспортного участка маленького мясокомбината в Слониме, Гродненской области.

Он признал, что по требованию парторганов был вынужден освободить от занимаемых должностей ряд хороших директоров-евреев, на некоторых из них завели уголовные дела.

Особенно ужасной была история с увольнением и преданием суду одного из лучших и самых опытных директоров Григория Гельфанда. Он работал директором Молодечненского мясокомбината с 1939-го года, со времени присоединения Западной Белоруссии к БССР. В 1948-ом году, к тридцатилетию образования Белорусской ССР, он и заместитель наркома Шаройко были награждены орденами Трудового Красного Знамени. Тогда очень редко награждали орденами работников пищевой промышленности и наградили к юбилею только двух человек за их особые заслуги в развитии отрасли.

Гельфанд, как и Уткин, отличался редкой трудоспособностью и предельной честностью, но это не оградило его от преследований и судебного приговора, которым он был осуждён к десяти годам лишения свободы за допущение хищений социалистической собственности.

Перетицкий и предложил мне должность главного инженера Молодечненского мясокомбината, где в этом году должно было начаться строительство нового комбината. Он считал, что после только закончившегося судебного процесса, в ближайшие несколько лет там ожидается некоторое затишье, и мне удастся благополучно поработать до окончания строительства, а как только введут в эксплуатацию новый комбинат, он представит мне работу в Минске или другом месте по моему выбору.

Его предложение диктовалось ещё и тем, что секретарём горкома в Молодечно недавно была избрана образованная и культурная женщина Забело, допускающая работу евреев на руководящих должностях, и осуждающая рознь и преследования на национальной почве. Марфа Дмитриевна Шаройко, только что назначенная министром, вместо ушедшего на пенсию Мельникова, в хороших с ней отношениях и уже договорилась о моём назначении. Перетицкий обещал поехать со мной в Молодечно, чтобы представить меня в горкоме и обкоме партии и познакомить с коллективом. С союзным министерством вопрос о моём переводе в Белоруссию был решён положительно.

Я понимал, что меня ожидает нелёгкая жизнь, но выбора не было и пришлось согласиться с предложенной работой.

Молодечно находится в восьмидесяти километрах западнее Минска, на территории Западной Белоруссии, принадлежавшей до 1939-го года Польше. Служебный “газик” Перетицкого преодолел это расстояние за полтора часа и к девяти утра мы уже были на комбинате.

То, что мы увидели там, шокировало нас. Шла передача предприятия бывшим директором Гельфандом вновь назначенному директору Блажевичу, который до этого работал здесь старшим ветеринарным врачом. Их неотступно сопровождали два вооружённых милиционера, запрещающие общение с арестованным “посторонних”, в том числе работников комбината и даже членов его семьи.

Перетицкий представил меня новому и бывшему директору и попросил у милиционеров разрешения на ознакомление нового главного инженера с предприятием. Гельфанд взял на себя миссию гида и подробно рассказал о возникновении и развитии мясохладобойни в этом небольшом польско-еврейском городке. Её история тянется ещё с начала века и вскоре ей должно было исполниться пятьдесят. Прославленный директор-орденоносец с любовью говорил о предприятии, где проработал без малого тридцать лет и где прошёл путь от бойца скота до директора. Он гордо называл кустарную небольшую бойню мясокомбинатом, желая подчеркнуть достижения предприятия в росте производственных мощностей и повышении производительности труда. С особым подъёмом рассказывал Гельфанд о колбасном цехе, построенном по его инициативе в послевоенные годы и отличающемся высоким качеством производимой продукции. Он акцентировал наше внимание не столько на здания, сооружения и оборудование, сколько на человеческие качества работников цехов, отделений и участков. Казалось, рассказчик забыл о своём положении арестованного, сопровождающих нас милиционерах, и вновь почувствовал себя директором, в чьём добром слове, похвале и улыбке так нуждаются подчинённые ему работники.

Как бы почувствовав это, и, желая напомнить арестованному о его роли и месте в этой компании, один из милиционеров потребовал перерыва на обед и все послушно подчинились.

За обедом Гельфанд продолжил свой рассказ, обращая теперь главное внимание на перспективы развития комбината и капитальное строительство. По его инициативе и настоятельным просьбам был разработан проект строительства нового мясокомбината на юго-восточной окраине города мощностью в 20 тонн мяса и 10 тонн колбасных изделий. Строить новое предприятие должны были начать только во второй половине года, но он уже гордился им, как своим детищем.

Я слушал Гельфанда и вспоминал Уткина. Такой же самоотверженный и бескорыстный труженик, такой же самозабвенный патриот своего дела и такой общий финал их многолетнего безупречного служения неблагодарной Родине.

Прощаясь с нами, Гельфанд не жаловался на несправедливое и жестокое обращение, не просил о помощи. Он выразил удовлетворение моим назначением на должность главного инженера, сказал, что с хорошей стороны наслышан обо мне и поэтому верит в успешное осуществление его планов развития предприятия.

Поручив новому директору позаботиться о моём обустройстве и обсудив ряд неотложных вопросов текущей деятельности, Перетицкий связался по телефону с секретарями обкома и горкома партии, договорился о времени приёма и стал прощаться с руководителями предприятия. Особо тепло он попрощался с Гельфандом, выразив уверенность в том, что правоохранительные органы во всём разберутся и он в скором времени будет на свободе.

Было видно, что находящийся под стражей бывший директор не разделял оптимизма начальника Главка, но прощаясь с ним, попросил не выселять семью из ведомственной квартиры и позаботиться о трудоустройстве его жены и старшего сына, заканчивающего летом среднюю школу.

С болью в сердце прощался я с Гельфандом, которого ждала камера предварительного заключения. Как мне позднее стало известно, весь назначенный судом срок он отбыл в лагерях строгого режима и вернулся домой больным и старым. Он уже не был в состоянии работать и вскоре умер от неизлечимой болезни.

33

Обком партии находился в бывшем военном городке, в пригороде, вместе с другими областными организациями. Этот район был отделён от города парковой зоной и носил название “Геленово”.

Для входа в здание обкома надо было предъявить постовому милиционеру партбилет и получить согласие на приём от соответствующего партийного руководителя. В приёмную первого секретаря мы шли по длинным коридорам огромного здания, напичканного множеством кабинетов на дверях которых значились только фамилии и инициалы их владельцев. Всюду полы были устланы дорогими коврами дорожками преимущественно красного цвета, а у окон стояли аккуратные кадки с вечнозелёными растениями. Поражали удивительная чистота и образцовый порядок. По дороге мы не встретили ни одного человека и казалось, что в здании или никого нет, или все замерли по чьей-то команде.

В приёмной первого секретаря, кроме машинистки и его помощника, были другие люди, и мы стали ждать своей очереди.

О первом секретаре Молодечненского обкома партии, Притыцком, было написано несколько книг, демонстрировался полнометражный художественный фильм и рассказывали много легенд. Он был одним из бывших руководителей Польской коммунистической партии и за свою революционную деятельность в Западной Белоруссии подвергался гонениям и многократным арестам. Перед началом Второй мировой войны Притыцкому чудом удалось бежать из зала суда во время громкого процесса над руководителями компартии и он скрывался от полиции до самого прихода Красной армии.

Всё это создало ему славу нестигаемого большевика-ленинца и после воссоединения Западной Белоруссии с БССР он быстро выдвинулся в число крупных государственных и партийных деятелей республики.

Притыцкий отличался редкой деловитостью и оперативностью при решении текущих хозяйственных и внутрипартийных вопросов. В его кабинете подолгу никто не задерживался и посетители уходили от него, как правило, с чёткими и ясными ответами по всем рассматриваемым вопросам.

Не задержались и мы в его кабинете. Он встретил нас у порога, пригласил присесть в мягкие кресла у своего стола и стал рассказывать о важности мясоперерабатывающей промышленности для народного хозяйства области, пообещал всемерную помощь и поддержку в решении всех возникающих вопросов, в том числе и в капитальном строительстве. Уже в конце беседы Притыцкий поинтересовался моим

обустройством и сказал, что воздействует на строителей, тянущих с вводом ведомственного жилого дома в центре города. Он крепко пожал мне руку и пожелал успехов в работе.

После одобрения моего назначения первым секретарём обкома, посещение секретаря горкома партии уже смахивало на визит вежливости. Тем не менее он должен был состояться и Перетицкий скомандовал водителю следовать в горком.

Вопреки нашим ожиданиям здесь мне был учинён настоящий экзамен, который больше походил на допрос, чем на проверку моего соответствия предложенной должности. Первый этап беседы прошёл в промышленном отделе, где были подвергнуты тщательной проверке сведения из листка по учёту кадров и автобиографии. Особое внимание было уделено моему социальному происхождению и периоду работы на Оршанском мясоконсервном комбинате. Дотошный инструктор никак не мог понять, что заставило меня поменять самое крупное и технически оснащённое предприятие республики на маленькую и примитивную хладобойню. Он даже счёл нужным поделиться своими сомнениями с заведующим промышленным отделом, который, не взирая на его подозрения, поверил моим объяснениям и сопроводил к секретарю горкома Забело.

Она приняла нас довольно тепло. Наверное сказался телефонный разговор с Шаройко, которая в принципе согласовала с ней вопрос о моём назначении. Здесь уже основным собеседником секретаря горкома был Перетицкий, который дал мне хорошую характеристику и заверил в помощи Главка в преодолении трудностей возникших на комбинате в связи с арестом директора.

Когда мы вышли из горкома уже стемнело и пришла пора распрощаться с начальником Главка, но он велел водителю заехать на комбинат, чтобы решить вопрос моего временного жилья.

Новый директор ждал нас в своём кабинете и с ходу предложил мне пожить какое-то время у него. Они с женой Клавой снимали комнату в частном доме, недалеко от комбината, где жили уже более трёх лет, со времени своего приезда из Москвы, после окончания ветеринарного факультета института мясной и молочной промышленности. Сюда они были направлены, как молодые специалисты. Он, до ареста Гельфанда, работал старшим ветврачом, а она заведовала лабораторией.

Я поблагодарил Блажевича за столь любезное приглашение, но принять его отказался, не желая стеснять молодых людей. Не располагая другими вариантами, я попросил разрешения временно пожить в своём служебном кабинете, благо там был ещё вполне приличный кожаный диван, а рядом находился умывальник и туалет.

На том мы с ним и порешили, а Перетицкий порекомендовал нам обоим активно заняться строительством жилого дома, что позволило бы скорее решить наши жилищные проблемы. С жильём на комбинате было туго, многие специалисты и рабочие жили на частных квартирах и поэтому решение этой проблемы являлось одной из главных задач, которую нужно было решить до начала строительства нового комбината.

Обговорив еще ряд важных и неотложных вопросов работы комбината на ближайший период, Перетицкий отбыл в Минск.

Ушёл на отдых и Блажевич, а я остался один в абсолютно пустом и неудобном бараке заводоуправления, обдумывая новый поворот моей жизни.

34

По сравнению с огромным Оршанским комбинатом, занимавшим территорию в тридцать гектар и состоящим из многих многоэтажных корпусов, Молодечненская хладобойня выглядела убого и примитивно. Она состояла из двух небольших зданий, в которых производилась первичная обработка скота и выработка небольшого ассортимента колбасных изделий. Большинство производственных операций выполнялись вручную, что требовало больших физических усилий и давало низкую производительность труда. Слабая техническая оснащённость и отсутствие нужных санитарно-технических устройств придавали производству непривлекательный вид и требовалось много усилий для поддержания минимально необходимого порядка и чистоты.

Вся территория предприятия не превышала полутора гектар и её можно было легко обойти за пятнадцать минут. Большая её часть была немощённой и неасфальтированной, в осенне-зимний период по ней можно было пройти только в резиновых сапогах.

Несмотря на небольшую производственную мощность, предприятие обязано было принять от колхозов и совхозов всё количество скота, которое требовалось для выполнения месячных и квартальных планов заготовок мяса. При этом редко удавалось договориться о равномерной сдаче скота по определённым дням месяца. В конце отчётного периода у ворот комбината скапливалось огромное количество крупного

рогатого скота и свиней, которое невозможно было своевременно переработать. Животные стояли по несколько дней под открытым небом без корма, что приводило к потере веса и снижению упитанности.

Если комбинат отказывался принять скот, прибывший сверх плана и графика, директор привлекался к строгой ответственности. Партийные и советские органы во всех таких случаях защищали только интересы колхозов и совхозов. Не было никакого смысла направлять иски и претензии в арбитражные или судебные органы, так как решения ими принимались не согласно действовавших законов, положений и инструкций, а в соответствии с указаниями обкома или райкома партии. Такое “телефонное право” действовало долгие годы и касалось оно не только арбитражных споров, но и судебных решений по большинству гражданских и уголовных дел.

Если на комбинате скапливалось много скота, рабочих принуждали работать в сверхурочное время и в выходные дни, что вызывало их недовольство и возмущение.

Когда в конце первого квартала, через полтора месяца после смены руководства, у ворот комбината скопилось много скота, поступившего сверх согласованного графика, и директор распорядился принимать только дневную норму, прибыл инструктор обкома, который от имени областного руководства потребовал немедленно принять весь скот и предупредил, что при повторном подобном “самовольстве” вопрос будет вынесен на бюро обкома.

Указание высокого начальства было выполнено, но в результате длительной передержки животных на морозе и без корма был допущен падёж нескольких голов крупного рогатого скота и на директора было заведено уголовное дело. На сей раз всё для него обошлось благополучно. Сработало “телефонное право”, по звонку из обкома дело было прекращено, но Блажевич побоялся оставаться больше директором и подал заявление об освобождении от занимаемой должности. Его не стали ни принуждать, ни уговаривать и на этом его служебная карьера закончилась.

В апреле ему вернули его прежнюю должность старшего ветврача, а на комбинат прибыл новый директор Жулего, который до этого работал в той же должности в Гродно. Тогда широко практиковались переводы руководителей с одного предприятия на другое, когда над ними нависала опасность уголовной ответственности на прежней работе. Их таким образом спасали от суда за допущение хищений и недостат мясной продукции. Чаще всего это касалось директоров мясокомбинатов, которые подолгу на одном месте не засиживались. Таким образом Министерство пыталось сохранить кадры руководящих работников.

У Жулеги это был первый перевод в мясной промышленности. До этого он работал заведующим “Горкоммунхоза” и был выдвинут на должность директора мясокомбината горкомом партии после привлечения к уголовной ответственности предыдущего руководителя. У него не было специального образования и опыта работы в мясной отрасли, но он был дисциплинированным коммунистом и послушно выполнял волю партийных органов.

Новый директор во многом был похож на Полякова - первого директора, которого я встретил на своём служебном пути в промышленности. Он был добрым и отзывчивым человеком, но беспринципным и бездарным руководителем. Занимался, в основном, озеленением и благоустройством территории, ремонтом фасадов, в чём знал толк, а управление производством и многие чисто директорские функции полностью возложил на меня.

Положительной особенностью Жулеги было терпимое отношение к евреям. На комбинате их было довольно много не только среди рабочих. Главным инженером до меня работала Белла Давыдович, которая затем стала инженером по рационализации и технике безопасности. Главным механиком был молодой специалист, закончивший Ленинградский холодильный институт - Миша Дружевский - грамотный, толковый и разумный парень, но воинственно-агрессивный к малейшим проявлениям антисемитизма. Много евреев было среди инженерно-технических работников и служащих. Нередко на почве антиеврейских настроений, которые особенно сильно чувствовались среди поляков, возникали всякого рода распри и конфликты, которые не могли обойти директора. При рассмотрении этих вопросов Жулего всегда занимал объективную позицию. Мне даже иногда казалось, что он отдавал чуть заметное предпочтение евреям, учитывая, наверное, очевидную дискриминацию, которой они повсеместно подвергались.

Примером тому был случай, с Мишей Дружевским, когда верзила-слесарь, отказавшись выполнить его указание по работе, ещё и обозвал его жидом. Миша ходил с палочкой после тяжёлого ранения на фронте. В этот момент нервы его подвели и он нанёс обидчику сильный удар палкой по спине. Стоявшие рядом рабочие предотвратили драку, в результате которой Мише пришлось бы, наверное, изменить группу инвалидности. Жулего ограничился примирительной беседой, в ходе которой с трудом уговорил рабочего не подавать жалобу на Дружевского в суд. Не было случая, чтобы к судебной ответственности привлекли кого-

нибудь за антисемитские выходки, но за нанесение побоев, как ответной меры, принимались суровые меры наказания.

Я же к Мише проникся большим уважением, которое затем переросло в дружбу, продолжавшуюся не только все годы нашей совместной работы, но и после его переезда в Ленинград, до самой его внезапной смерти от сердечного приступа на семидесятом году жизни.

Дружевский оказался очень способным инженером и мы с ним разработали несколько оригинальных устройств по механизации ручного труда. Для их внедрения была образована группа смекалистых рабочих во главе с мастером механической мастерской Авсюкевичем, которая занималась изготовлением, монтажом и наладкой предложенных технических решений. Такой творческий союз инженеров и рабочих оказался очень эффективным и за короткий срок удалось механизировать многие трудоёмкие операции.

Особенно запомнился восторг рабочих, когда была внедрена самодельная машина для механической съёмки шкур. Она позволила высвободить несколько человек, которые до этого выполняли эту тяжёлую работу вручную. Подобные машины тогда уже выпускались заводами “Минпищемаша”, но они требовали больших производственных площадей и поэтому не могли быть использованы на малых предприятиях.

Несколько других подобных устройств позволили заметно повысить производительность труда и увеличить объём производимой продукции. Наряду с этим было внедрено ряд наших предложений по улучшению организации труда в результате чего стали стабильно выполняться производственные планы. Это позволило повысить зарплату работникам за счёт выплаты премиальных, что положительно сказалось на настрое и моральном климате в коллективе.

35

Дни проходили в напряжённой работе и не было времени думать о бытовой неустроенности, вызванной одинокой жизнью в уютном бараке. По вечерам же, когда все расходились по своим домам, становилось очень грустно. Одолевала тоска по дому, жене и детям, которые в разлуке были ещё более любимы. Понимал я, что и им одним нелегко. Хоть мы с Анечкой почти ежедневно разговаривали по телефону и она убеждала меня, что у них всё в порядке, на душе было очень тоскливо. Я всё чаще приходил к выводу, что жить на два дома так долго нельзя и нужно перевозить семью, не дожидаясь окончания строительства жилого дома.

Через два месяца после приезда в Молодечно я снял комнату в частном доме на смежной с комбинатом улице и договорился о недельном отпуске для поездки в Оршу. Директор выделил мне грузовую машину и свой служебный легковой автомобиль. Была середина марта и, хоть уже чувствовалось начало весны, ещё лежал снег и температура воздуха выше нулевой отметки не подымалась.

Выехали на рассвете и к концу дня прибыли в Оршу. Водители, уставшие с дороги, поужинав, улеглись спать, а мы с Аничкой до поздней ночи обсуждали безрадостную перспективу жизни на новом месте. Предо мной стояла трудная задача. Нужно было убедить жену, что переезжая с лучшего предприятия на худшее, с благоустроенной государственной квартиры в частную комнату без удобств, из цивилизованного города в небольшое местечко бывшей панской Польши, мы поступаем верно, и что принятое мною решение является лучшим выбором для нас и наших детей. И в том, что с этой задачей удалось сравнительно легко справиться, наверное было больше заслуг моей жены, которая не хуже меня понимала, что оставаться в Орше нам больше нельзя.

Утром, когда мы начали грузиться, в дом пришло много людей. Было воскресенье и свободные от работы люди предлагали свою помощь в погрузке домашних вещей, уходе за детьми, заготовке продуктов на дорогу. Больше всех старались наши соседи - начальник строительного отдела Кузьменко и главный ветврач Сафронов. Они загрузили мебель в машину и надёжно её укрепили. Их жёны Нина и Клавдия приготовили прощальный обед и упаковали запасы продуктов на дорогу. Было много тёплых слов и заверений в дружеских чувствах к нам.

Пришёл попрощаться и директор Доброшинский. Он заверил, что не имеет к нам претензий и обид, и сохранит добрую память о нашей совместной работе.

Комок подкатил к горлу, когда машины отъезжали от дома, где наша семья прожила свои первые пять лет, когда покидали предприятие, на котором прошли трудную школу становления, как инженеры и специалисты мясной промышленности. В глазах у Анечки стояли слёзы.

Много проблем ожидало нас на новом месте. Дом, в котором мы поселились, был лишён всяких бытовых удобств. Воду нужно было носить из колодца, топить печи дровами, туалет был на улице. Привыкнуть к этому было непросто.

Детсада и яслей на комбинате не было и нам нужна была няня. На одну зарплату прожить было невозможно, надо было искать работу для Анечки. Консервного цеха здесь не было, а должность заведующей лаборатории, которую она в последнее время занимала в Орше, была занята женой Блажевича.

Трудно сказать, как бы нам удалось решить эти и многие другие житейские вопросы, если бы не было постоянной помощи и поддержки со стороны директора. По его указанию нам заготовили дрова, он рекомендовал сельскую дивчину Нину, которая стала ухаживать за детьми и, наконец, ему удалось уговорить жену Блажевича перейти на должность цехового ветврача, что позволило Анечке занять должность заведующей лаборатории.

Кроме того, Жулего очень активно стал заниматься строительством жилого дома, и осенью мы перебрались в новую благоустроенную квартиру, которая была на порядок лучше оршанской.

Нужно, правда, сказать, что в этом он старался не столько для меня, сколько для себя. Он тоже жил на частной квартире, а семья его находилась в Гродно и в жилье он нуждался не меньше меня. В своих стараниях Жулего даже переступил через проект, прибавив к площади двух квартир по одной дополнительной комнате. Эти квартиры были предназначены для директора и главного инженера, и кроме удобств это доставило нам обоим много неприятностей.

Главный ветврач Блажевич, получивший квартиру в этом же доме, сочинил фельетон, который носил явно антисемитскую направленность и был напечатан в областной газете. Озаглавлен он был “Сказка о рыбаке и рыбке”, а объектом сатиры стала Анна Абрамовна. В нём моя жена, подобно героине известной сказки изображалась алчным и ненасытным человеком, вымогающим у своего мужа Натана всё новых благ для себя. То дровишек из лесу требовала, то должность заведующей лаборатории облюбовала, то ей персональные хоромы понадобились.

Такие материалы тогда охотно принимались и печатались не только в местной печати, но и в республиканских и центральных изданиях. Они соответствовали направляемой из центра политике государственного антисемитизма, который к тому времени принял угрожающие масштабы.

Напрасно писал я опровержения в различные инстанции, доказывая, что за дрова мы полностью рассчитались, что должность заведующей лабораторией оказалась вакантной после перевода жены Блажевича на работу по специальности с её ведома и согласия, что площадь выделенной нам квартиры соответствует санитарным нормам на проживающих в ней шесть человек. Всё это никем не принималось во внимание и долго еще ходили по городу сплетни о хитрых и жадных евреях, царящих на мясокомбинате.

Строительство нового комбината началось летом и шло высокими темпами. Еженедельно проводились строительные планёрки с участием заместителей министров мясной и молочной промышленности и строительства, а также секретаря обкома по промышленности. На них устанавливались задания подрядным и субподрядным организациям и строго контролировалось их выполнение. Присутствие на них управляющего облстройтреста, руководителей строительных и монтажных организаций, участвующих в стройке, директора и главного инженера мясокомбината было обязательным.

Особенно активная роль в них принадлежала заместителю министра мясомолочной промышленности республики Горелику. Он приезжал за несколько часов до планёрки, детально разбирался в состоянии дел на объекте и выполнении доведенных заданий. Это позволяло ему быть постоянно в курсе всех дел и давать принципиальную оценку положению на стройке. Лев Яковлевич обычно выступал первым и резко критиковал руководителей, не выполнивших в срок установленные задания. За первые шесть месяцев ход строительства мясокомбината дважды рассматривался на заседаниях бюро обкома партии.

В обязанности заказчика входило своевременная передача монтажникам предусмотренного проектом оборудования, обеспечение их кабельной продукцией и другими материалами, решение всех вопросов проектно-технической документации. Этим и приходилось заниматься мне на стройке.

Решать эти вопросы было довольно сложно. Машиностроительные заводы не отгружали оборудование в установленные сроки, многие материалы и, особенно кабельная продукция, были весьма дефицитными в то время, в проектной документации было много неувязок. Приходилось выезжать в командировки, готовить и отправлять много писем и телеграмм, убеждать и уговаривать поставщиков,

жаловаться в различные инстанции. Хоть работа эта была не из приятных и отнимала много времени, я добросовестно её выполнял, ибо понимал как она важна для ускорения строительства нового комбината. Часто навещал проектные организации. Там я легко находил общий язык со специалистами, и они довольно быстро и оперативно рассматривали и решали все претензии к разработанной ими документации. Удалось также внести ряд существенных изменений в проект, направленных на улучшение санитарно-технического состояния предприятия и механизацию производственных процессов.

Единственное, чего я не умел и так и не научился делать, это задабривать различные организации и отдельных работников продукцией мясокомбината. А без этого тогда нельзя было решить практически ни один вопрос. Как только удовлетворялась очередная просьба пищевого предприятия, от него требовали ответных “услуг”. Мясные продукты, особенно колбасные изделия и копчённости, были в то время дефицитными, их не всегда можно было купить свободно в магазинах, и за помощь в их приобретении можно было ускорить решение любого вопроса. Эта работа была мне не по душе, но когда без неё было не обойтись, за дело охотно брался Жулего, знающий в этом толк.

Как бы там ни было, все вопросы заказчика решались своевременно и у строителей не было оснований на нас жаловаться. Стройка шла довольно успешно и по инициативе Льва Яковлевича Горелика были приняты совместные обязательства строителей и заказчика по досрочному вводу в эксплуатацию мясокомбината.

38

Весть о внезапной смерти Сталина была воспринята как великая и непоправимая беда, постигшая страну. Казалось, что обезглавленная Советская держава станет легкой добычей для многочисленных внешних и внутренних врагов и развалится на враждующие княжества. Самые тяжёлые последствия крушения великой империи могли, как всегда, коснуться евреев.

В эти дни почему-то вспомнился не искусственный голод тридцатых годов на Украине, жертвами которого стали миллионы людей, в том числе и мои родители, не ужасы 1937-го года. Даже не жестокое переселение народов нескольких автономных республик в годы войны, не безжалостное уничтожение выдающихся деятелей еврейской культуры, литературы, искусства и разгул антисемитизма в стране, не многие другие злодеяния, что совершались в стране “победившего социализма” в годы Сталинской диктатуры, а достижения страны за годы мирного строительства и особенно великая Победа в войне против фашистской Германии. Тогда казалось, что все успехи советского народа достигнуты только благодаря Сталину, что без него они были бы невозможны.

Были ещё какие-то сомнения в том, по личному ли указанию Сталина совершались эти и другие преступные деяния в годы его правления. Теплилась мысль, что всё это дело рук “врагов народа”, с которыми великий вождь вёл непрерывную и непримиримую войну. Под воздействием средств массовой информации Сталин в глазах многих представлялся как добрый, чуткий и заботливый отец советского народа и самый большой друг детей. Таким и запомнился он по известной картине, где держит в ласковых объятиях маленькую героиню труда Мамлакат.

Подавляющее большинство людей приняли известие о кончине вождя, как большую трагедию, постигшую страну.

На всех предприятиях и в организациях проходили траурные митинги и собрания, на которых трудящиеся выражали свою печаль, заверяя партию в верности учению и делу великого кормчего. Многие по собственной инициативе выезжали в Москву, чтобы принять непосредственное участие в похоронах Сталина.

Состоялся митинг и у нас на комбинате. Запомнилось выступление на нём Жулеги. Выражая свою скорбь по великой утрате, он не смог сдержать слёзы и, не дочитав заранее подготовленный текст речи, преждевременно сошёл с трибуны.

В Москве на траурной процессии выступили ближайшие соратники вождя - Молотов, Маленков и Берия. Они поклялись в верности делу Ленина-Сталина и обещали быть его верными продолжателями.

Тело вождя забальзамировали и поместили в мавзолей рядом с Лениным.

Грустные мысли овладели мной в эти мартовские дни 1953-го года. Я не рвался в Москву на похороны и слёзы по усопшему меня не душили. Заботило непредсказуемое будущее и, в первую очередь, разгул антисемитизма, который мог возрасти при распаде советского общества и вполне возможной борьбе за власть.

Многие житейские и бытовые проблемы, которые беспокоили нас в первые месяцы жизни в Молодечно, понемногу решились и жизнь на новом месте складывалась намного легче и спокойней, чем в Орше. Здесь над нами не висела постоянная угроза уголовной ответственности, не беспокоили распри в руководстве, меньше ощущались бытовые и финансовые трудности.

Предприятие стабильно выполняло планы производства и поставок продукции, фонды заработной платы позволяли систематически выплачивать премиальные, сложился довольно дружный коллектив работников.

С директором у меня были вполне хорошие отношения. В дела производства он старался не вмешиваться и решал чисто директорские вопросы. Такое распределение обязанностей меня вполне устраивало, так как с некоторыми из них, такими, например, как выполнение заказов обкома и горкома на поставку продукции, я определённо не справился бы. Умел Жулего наладить отношения со снабженческими и другими организациями, где решались вопросы поставок сырья и материалов для производственных и хозяйственных нужд предприятия. В этом у него были свои секреты, с которыми он ни с кем не делился. Я, конечно, догадывался какими методами пользовался директор, но большого интереса не проявлял и делал вид, что меня это не очень интересует.

Жулего вполне устраивал партийные и советские органы города и области, поэтому к нему, а, следовательно, к предприятию, было вполне сносное отношение. Нас теперь не беспокоили частыми проверками и ограничивались только плановыми ревизиями, результаты которых большой тревоги не вызывали.

Я успевал выполнять свои обязанности на действующем предприятии и на строительстве нового комбината, и мог больше, чем на прежней работе, уделять внимание семье и детям. Мы поддерживали дружественные отношения с семьёй Жулеги, начальника планового отдела Щербич Марии Львовны, другими соседями по нашему дому. Но самая большая дружба связывала нас с семьёй Дружевских, которые жили в соседнем подъезде. Жена Миши, Оля, закончила Ленинградский холодильный институт и работала инженером в областном тресте молочной промышленности. Это была женщина редкого обаяния, удивительной доброты и чуткости. Их дочь, Ирочка, была ровесницей нашей Верочки, и они стали подружками с годовалого возраста. Мы вместе проводили свободное время, часто выезжали на природу и весело отмечали праздники.

Из-за отсутствия поблизости детского сада и яслей приходилось держать няню. Деревенская девушка Нина, рекомендованная нам Жулегой, оказалась скромной, трудолюбивой работницей и очень тепло относилась к детям.

Тревожные ожидания роста антисемитизма после смерти Сталина оказались не вполне обоснованными. Новое правительство, возглавляемое Маленковым, каких-либо антиеврейских акций не предпринимало. Стало даже чуть легче устроиться на работу или поступить в институт. Было прекращено следствие по «Делу врачей». Реже стали печатать в газетах антисемитские анекдоты. Не скажу, что новое правительство воспыало большой любовью к евреям. Этого никто не ожидал ни от теперешнего, ни от сменившего его вскоре правительства Никиты Хрущёва, но всё же в меньшей мере, чем при Сталине, чувствовался ничем не прикрытый государственный антисемитизм.

В середине августа я впервые за все годы работы в промышленности получил путёвку в санаторий на Рижское взморье. Я рад был этому не только потому, что нуждался в отдыхе и лечении, а больше из-за возможности побывать в Риге, где жила Полечка, которую не видел уже несколько лет.

До выезда из Орши я поддерживал постоянную связь с Лидой Смыковой. Письма были не частыми, но позволяли быть в курсе дел жизни моих друзей. В Бухаре они прожили около двух лет и у них не было оснований сожалеть о принятом решении остаться в этом городе. Война в нём совсем не чувствовалась и они спокойно могли дожидаться возможности возвращения в Прохладную. Руководство Коганского отделения дороги обеспечило их жильём и питанием, а пенсии Николая Павловича и Васи вполне хватало на всё необходимое. Лиду определили на работу в политотдел отделения дороги, где к ней относились с уважением и она пользовалась большим авторитетом.

В 1944-ом году, когда линия фронта отодвинулась далеко на запад, Лида с матерью и моими друзьями возвратились в Прохладную и зажили прежней жизнью. Их дом и всё имущество оказались в

целости и сохранности, Николай Павлович и Вася обеспечивались продуктами питания ОРСом железной дороги, а Лида возвратилась на прежнее место работы.

Вася научился писать с помощью мизинца, оставшегося после ампутации остальных пальцев правой руки. Он принял на себя функции по уходу за своим слепым другом, которые раньше выполнял я. Они вместе гуляли и ходили в кино, где Вася объяснял, что происходит на экране. По вечерам, когда Лида возвращалась домой, она рассказывала им о событиях в городе, стране, в мире, и вслух читала газеты и книги. Любовь Васильевна, мать Лиды, по-прежнему заботилась об их питании и готовила вкусные обеды.

Так и жила эта дружная семья до лета 1952-го года, пока Николай Павлович не получил письмо от своей жены из Киева. Она разыскивала его все эти годы, не переставая писала запросы в различные инстанции и через десять лет чудом узнала его адрес. Ей было известно, что он ослеп и лишился одной ноги, но она без колебаний умоляла его вернуться к ней и их сыну, которому уже исполнилось 11 лет.

Николай Павлович пытался отказаться от возвращения домой, утверждая, что не желает быть обузой, но жена не вняла его отказу, приехала в Прохладную и уговорила его уехать. Она и Васю приглашала поехать с ними, но тот отказался. Он побыл ещё какое-то время у Смыковых, но заскучал без друга и уехал на родину - в небольшое село под Киевом.

Лида получала частые письма, продиктованные Николаем Павловичем, полные благодарности за её бескорыстную дружбу и заботу о нём. Тёплые письма писал ей и Вася. Он женился и работал бухгалтером в колхозе.

Обо всём этом я узнал из писем Лиды, с которой переписывался до отъезда из Орши. Не терял я также связь и с Надеждой Васильевной Тереховой, которая так тепло приняла меня весной 1942-го года и по матерински заботилась обо мне до внезапной эвакуации из Прохладной в начале июля. Она всё надеялась на чудо и продолжала писать запросы на своего сына Толю, но, к сожалению, она даже не узнала места, где он похоронен. Тётя Надя приглашала в гости всю нашу семью и обещала создать нам все условия для отдыха.

После переезда в Молодечно наша переписка почему-то прервалась. Урвав пару часов перед отъездом в отпуск, я написал письма в Прохладную и своим друзьям на Украину.

41

Рижское взморье заметно отличается от других курортов страны. Благоустроенные песчаные пляжи тянутся вдоль берега моря на многие километры и кажется им нет конца. На противоположной от моря стороне пляжная полоса по всей своей длине упирается в удивительно чистый, ухоженный сосновый лес. В нём расположены курортные городки со многими санаториями и домами отдыха, парками, скверами, спортивными площадками, домами культуры и кинотеатрами. Везде безукоризненная чистота и порядок. Из Риги на взморье, вдоль всего курорта идут электропоезда.

Было ещё раннее утро, когда я сошёл с пригородного поезда на станции Буддури. Небольшое, но довольно уютное здание вокзала утопало в зелени, декоративном кустарнике и цветах. Асфальтированная дорожка вела к центру посёлка. Обратил внимание на кувшины с молоком, баночки со сметаной и пакеты с творогом на скамейках возле частных домиков и не удержался от вопроса первому встречному. Каково же было моё удивление, когда узнал, что таким образом здесь выполняются заказы жителей посёлка на молочные продукты. Частные производители этой продукции развозят её по утрам на ручных тележках и оставляют возле дома заказчиков.

Я попытался представить себе возможность внедрения такого метода обслуживания у нас в Белоруссии, на Украине или в России и тут же отверг эту мысль. Потребовалось бы у каждого дома поставить часового... Оказывается за недолгий период существования советской власти здесь ещё не научились воровать.

Несмотря на ранний час, улицы уже были подметены и политы водой. Встречающихся на тротуарах людей без труда можно было разделить на две категории: местных жителей и отдыхающих. Первые, как правило, были на велосипедах и куда-то спешили, вторые, в спортивных костюмах или пижамах либо совершали утреннюю пробежку, или прогуливались перед завтраком.

Свой профсоюзный санаторий не пришлось долго искать. Он располагался рядом с санаторием “Белоруссия”, в котором отдыхала партийная и советская элита республики и который выглядел намного богаче и роскошнее своих соседей.

Меня определили в четырёхместную комнату, где отдыхали активисты-общественники из Ленинграда. Двое из них были председателями профкомов небольших промышленных предприятий, а один - секретарём парторганизации научно-исследовательского института.

Мне назначили грязевые аппликации в области коленного сустава, электропроцедуры, массаж и теренкурные прогулки, а также рекомендовали побольше бывать у моря. Охотно я выполнял только последнюю рекомендацию. В целебные свойства моря я поверил ещё в детстве, когда болел бронхиальной астмой и лечился в детском санатории на Большом Фонтане в Одессе. Что же касается других назначений, то в их эффективность я мало верил, но в санаторной книжки имелись отметки о выполнении всех процедур, предписанных врачём.

У моря же я проводил всё свободное время и купался ежедневно, независимо от погоды и температуры воздуха. А солнышко нас в конце августа и особенно в сентябре не баловало. За 24 дня пребывания в санатории было может быть пять солнечных дней, а вода в море подымалась выше 17 градусов только два дня. В начале сентября совсем похолодало и вода остыла до 14 градусов, но по утрам я ежедневно делал зарядку у моря и купался. Моими компаньонами по этим занятиям были двое ленинградцев из нашей комнаты.

На второй же день пребывания на взморье поехал в Ригу, чтобы навестить семью Полечки. Они снимали комнату недалеко от центра и, как всегда, были влюблены в свою хозяйку. Было воскресенье, вся семья была в сборе. Володе приходилось усердно заниматься, так как он многое позабыл из школьной программы за годы армейской жизни, а требования в училище были такие же, как во всех технических вузах. Полечка, как и следовало ожидать, всецело посвятила себя уходу за детьми и мужем. Валерочка, хоть ему уже исполнилось четыре года, ещё просился на руки, а Боренька, которому ещё и года не было, вообще с рук не сходил. В семье все любили вкусно поесть, всех нужно было обстирать. А еще надо было не пропустить очереди за продуктами и на рынок поспеть. Нередко она ещё и хозяйке помогала. Так что и здесь она была такая же затурканная, как в Красилове и Староконстантинове, если не больше. Всё же двое детей стало и каждого из них она любила больше всех.

Однако ни она, ни Володя ни на что не жаловались и никакой помощи не просили. По случаю моего приезда был устроен барский обед с дорогими напитками и деликатесными закусками, и нельзя было сказать, что в этой семье от получки до получки постоянно не хватает денег.

В следующее воскресенье семья в полном составе приехала навестить меня. Был один из тех солнечных дней, которые так редко бывают здесь в конце августа. Мы провели весь день на пляже и я даже санаторный обед пропустил, наслаждаясь красной икрой, крабами, воблой с пивом и Полечкиными пирожками, в изготовлении которых она была непревзойдённым мастером. Всем этим нас в санатории не потчевали. Вода в море была сравнительно тёплой и все с удовольствием купались. Даже детям было позволено помочить в морской воде ножки.

Я ещё несколько раз встречался с семьёй Полечки и мы обговорили все волновавшие их проблемы.

Хорошо отдохнув на берегу Рижского залива, я в хорошем настроении покидал Булдури и гостеприимную семью Елизаровых, чтобы с новыми силами взяться за большую работу, которая меня ожидала.

42

Моё настроение испортилось в день приезда в Молодечно, когда прочитал прибывшую на мой домашний адрес телеграмму прокурора Орши Рогольского, требовавшего моей явки для допроса в качестве свидетеля по делу о недостатке продукции на холодильнике. Напрасно я считал, что дело это давно закрыто на основании технологической экспертизы, выполненной Кравчуком.

Срок явки на допрос давно истёк и я, не приступая к работе, отправился в Оршу. Хотелось перед явкой в прокуратуру побывать на комбинате, чтобы выяснить обстановку, но, чтобы избежать возможные упреки по этому поводу, поехал прямо на допрос.

Прокурором города был Михаил Маркович Рогольский, который работал в этой должности с 1944-го года, со времени освобождения Орши от немецкой оккупации. Он неоднократно вызывал меня раньше по ходу следствия, у меня сложилось мнение, что Рогольский полностью мне доверяет, хорошо ко мне относится, и я проникся к нему большим уважением. Он разительно отличался от всех других следователей и прокуроров, с которыми мне доводилось иметь дело в течении пяти лет моей работы в Орше. Я не раз задавался вопросом, почему Рогольского долго держат на такой высокой должности, несмотря на его чисто еврейское происхождение и довольно смелое, независимое поведение.

Михаил Маркович не заставил меня долго ждать в приёмной и принял, как только ему доложили о моём приходе. Свою беседу он начал с извинения за вызов на допрос и объяснения причин вынудивших его это сделать. Среди них было откровенное признание вмешательства партийных органов, требующих закончить следствие и передать дело в суд.

Он допросил меня по всей форме и добросовестно записал мои ответы на поставленные вопросы. Они шли в унисон с известным мне заключением Кравчука, обосновавшем возможность списания имевших место потерь путём применения действующих норм естественной убыли. Я также пояснил прокурору, что руководство работой холодильника принял на себя директор и поэтому за работу этого цеха я не отвечал.

Прочитав написанный Рогольским протокол допроса, я пришел к выводу, что мои ответы изложены верно и прокурор не имел желания воспользоваться ими для поиска оснований привлечь меня к ответственности.

Одновременно я тогда понял, что партийные органы ничего не забывают и с ними лучше не вступать в противоборство. Их требование о привлечении меня к уголовной ответственности по делу о недостатке на холодильнике безусловно было связано с моей неудавшейся попыткой взять под защиту незаконно уволенного Уткина.

Я также ещё раз убедился в том, что даже в то трудное время партийной диктатуры, в органах прокуратуры встречались высоко порядочные и честные люди, для которых соблюдение закона было важнее любого диктата.

43

С Анечкиным братом Борей мы вели регулярную переписку и были в курсе всех его житейских дел. Как я уже упоминал, с ним нас связывала общность взглядов и интересов, а отношения из родственных переросли в высшую степень дружественных. Он близко воспринимал все наши жизненные неудачи, гонения, уголовные преследования и как мог поддерживал нас.

Когда над нами нависла угроза уголовной ответственности по делу о недостатке консервов, Боря приезжал к нам в Оршу, чтобы советом и делом укрепить нашу веру в победу справедливости. В те дни, когда, как нам казалось, от нас все отвернулись, его поддержка была особенно важной и ценной.

После окончания Одесского мединститута они с Люсей работали врачами и с самого начала их трудовой деятельности жили намного лучше нас. Этому способствовала и частная практика Бори, который делал кардиограммы на дому. Он имел собственный портативный аппарат, который в своё время предусмотрительно привёз из Германии. Такая медтехника была тогда очень дефицитна и услуги Бори пользовались большим спросом. Кроме того они привезли из Германии много ценных вещей и добротной одежды, что надолго исключило необходимость расходов на эти цели.

В мае 1948-го года у них родилась дочь Светочка, ставшая кумиром для молодых родителей. С первых дней жизни ей не было ни в чём отказа и для неё приобреталось всё, о чём она ещё и мечтать не могла.

В доме Бойко, на углу улиц Ленина и Жуковского, в самом центре Одессы, они прожили недолго, главным образом из-за ревности второй племянницы их госпитального шефа - Мальвины, которая была примерно Бориного возраста и давно имела на него виды. Она была дочерью очень богатых еврейских родителей и надеялась, что её природная красота, богатство и еврейское происхождение сработают в её пользу, и Боря отдаст ей предпочтение перед своей “шиксой” Люсей. Когда же у Крепсов родилась дочка, в которой отец души не чаял, надежды Мальвины рухнули и она потребовала выселения молодожёнов из их общей квартиры. Мать Мальвины была родной сестрой жены Бойко, а отец, Юлий Лидольев, начальником крупной снабженческой организации в Одессе. Их связывало не только близкое родство, но, наверное, другие интересы, которыми Бойко не мог пожертвовать ради своей племянницы Люси. Пришлось подчиниться требованию богатых родственников о выселении Бориной семьи. Не без помощи денег Лидольев и Бойко “устроили” Боре небольшую двухкомнатную квартиру в непрестижном районе за вокзалом, куда они были вынуждены переселиться.

На новой квартире не было удобств прежнего дома, но зато они приобрели покой и лишились ежедневных скандалов Мальвины, её мамы и всей женской части многочисленных родственников.

Вскоре им удалось поменять её на две комнаты в коммуналке на улице Пастера, в хорошем районе, почти в самом центре города. В квартире этой жило ещё четыре семьи и было совсем не просто достичь “мирного сосуществования” с соседями, но Боря обладал редкой способностью улаживать бытовые споры и, когда случались какие-то стычки между женщинами в его отсутствии, ему удавалось довольно быстро найти общий язык с противоборствующей стороной.

Боря всегда был хорошим семьянином и прекрасным отцом. Он очень любил свою дочь Светочку, но его не покидала мечта о сыне. Когда Люся во второй раз забеременела, он признался нам в своей мечте и с нетерпением ждал второго ребёнка. Можно понять его состояние, когда надежды не оправдались и родилась вторая девочка. Её назвали Аллочкой. Как вскоре выяснилось, она была не менее красивой и стала

не менее любимой, чем Светочка, но со своей мечтой о продолжателе рода он ещё долго не расставался. Не раз, почти на полном серьёзе, Боря предлагал нам поменять любого нашего хлопца на любую его “пишерку”, как он любовно называл своих девочек.

С Борей мне всегда было хорошо и приятно, и я постоянно искал возможности новой встречи с ним.

44

Поводом для новых тревог стала внезапная смена власти в Кремле. Находящийся у руля партии Никита Хрущёв, тщательно подготовил смену руководства страны, и одним ударом расправился почти со всем составом Политбюро ЦК КПСС. Ближайшие соратники Сталина - Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович были отнесены к антипартийной группе, ответственной за многие преступления в период Сталинской диктатуры. Он выступил на закрытом заседании двадцатого съезда КПСС с докладом, в котором разоблачил культ личности Сталина и раскрыл многие злодеяния, совершённые по его указаниям или с его ведома и одобрения.

Трудно описать состояние, которое я испытал на партийном собрании, когда нам прочли этот доклад, не подлежавший огласке в открытой печати. При первом чтении даже не верилось, что всё это на самом деле так и было. В это было трудно поверить потому, что подобные зверства против своего народа здравомыслящие люди совершать не могут. Жертвами этих безжалостных злодеяний стали миллионы ни в чём не повинных людей, точное количество которых, наверное, никогда не будет известно человечеству.

Нас тогда строго предупредили об ответственности за разглашение сведений, содержащихся в докладе Хрущёва. Однако, такое удержать в секрете было невозможно и началось открытое обсуждение везде: на улицах, в цехах заводов и фабрик, на колхозных полях и фермах, в очередях и на кухнях.

В то время уже пользовались транзисторными приёмниками, которые недавно появились на свет и получили широкое распространение. Зарубежные радиостанции не только передавали весь текст доклада, но и снабдили его комментариями и дополнительными подробностями, которые Хрущёв не счёл нужным приводить в докладе. Среди них были и преступления против еврейского народа, в том числе и готовящаяся депортация евреев из европейской части СССР.

Я вновь и вновь задавался вопросом, как могло случиться, что до сих пор я слепо верил в идеалы партии и её широко разрекламированные цели: свободу, равенство, братство и счастье народа.

Мало того, что верил. Я искренне стремился воплощать эти цели в жизнь и был страстным пропагандистом этих идеалов. Только теперь мне стало понятно, что на самом деле Сталин и его команда умело вводили в заблуждение своих граждан, убеждая их в том, что они живут в самой лучшей, самой богатой и самой свободной стране мира. Этому способствовала вся система советской пропаганды, печать, радио, художественные и документальные фильмы.

Я приобрёл транзисторный приёмник и стал слушать передачи зарубежных радиостанций. Хотя они и подвергались массированному глушению, но в отдельные часы суток можно было всё же уловить смысл этих радиопрограмм с Запада. Нужно было подниматься в пять утра, когда меньше было помех от глушителей. Я стал это делать ежедневно, привык, и уже не мог без этого обходиться. Даже тогда, когда запретили глушение радиопередач, и их можно было слушать в любое время, я по привычке продолжал их слушать по утрам.

В первые годы правления Хрущёва действительно стало больше свобод и даже не верилось, что такое возможно, и что так будет всегда. Ослабила свои требования цензура и стали издаваться ранее запретные книги. Журналы начали публиковать произведения в прошлом опальных авторов. Разрешались турпоездки за рубеж. Сперва открыли занавес в соцстраны, а позднее стали возможными поездки и в капстраны. Правда, в каждом таком случае требовалось согласие райкома партии и не всем оно давалось. Особенно трудно было получить согласие на поездку в капстраны. Ограничения и здесь в первую очередь касались евреев. Мне, например, ни при Хрущёве, ни при других бонзах не предоставилась возможность побывать за рубежом, несмотря на большое к тому желание и служебную необходимость. Тем не менее то, что такой возможностью могли воспользоваться многие другие, было безусловным прогрессом в годы Хрущёвской оттепели.

Были и другие демократические нововведения после прихода Хрущёва к власти. Они касались управления экономикой, внутрипартийной демократии и других сторон жизни страны.

Не было только существенных перемен в отношении к евреям. Теперь, правда, инициатива исходила, в основном, снизу, а в верхах отношение к этому было нейтральное. Бытовой антисемитизм и дискриминация по отношению к евреям на предприятиях и в организациях, учебных и научных заведениях,

министерствах и ведомствах не осуждались партией и правительством. Вопрос как бы повис в воздухе и продолжалось тревожное ожидание его решения.

45

Производство работало успешно и, начиная с первого квартала 1954-го года, комбинат стал постоянным участником отраслевого соревнования. Победителям тогда присуждали денежные премии. Их размер зависел от объёмов производства и численности работников. Суммы денежного вознаграждения были небольшими и существенного материального значения не имели. Однако за места победителей соревнования боролись большинство мясокомбинатов и победа в нём была очень престижной. Предприятий в мясной промышленности Белоруссии было больше двадцати, а призовых мест не более пяти. В первую очередь на премии претендовали крупные предприятия, а такие мелкие, как Молодечненская хладобойня, их получали очень редко. Поэтому сообщение о присуждении республиканской премии (впервые за время существования комбината) было воспринято в коллективе с большой радостью.

На собрание, посвящённое этому событию, прибыл начальник Главка Перетицкий. Он высоко оценил успехи коллектива и поблагодарил всех за доблестный труд. Кроме штатных ораторов, выступило несколько рабочих, которые без шпаргалки, от души благодарили за внимание и заботу о них, улучшение бытовых и производственных условий, механизацию ручного труда. Они говорили, что им было бы грешно теперь плохо работать.

Эти слова рабочих для меня были дороже премии, которой я был тогда удостоен за победу в соревновании. Я пообещал на новом комбинате создать для них значительно лучшие условия труда, быта и отдыха.

После собрания были разработаны предложения по корректировке проектно-сметной документации с целью улучшения санитарно-бытовых условий. Они предусматривали дополнительные душевые, комнаты отдыха, усиление вентиляции, расширение столовой и многое другое. Их рассмотрели в проектном институте, министерстве и одобрили. Были выделены дополнительные капиталовложения.

Теперь я большую часть времени проводил на стройке. К концу года предстояло ввести в эксплуатацию пусковой комплекс колбасного цеха и холодильника. Работа шла в две смены. Во вторую смену на помощь строителям приходили работать рабочие и служащие действующих цехов. К этому их никто не принуждал, и делали они это добровольно.

Управляющий стройтрестом Пастушенко, который теперь начинал свой рабочий день с объекта №1, как он называл строительство мясокомбината, как-то сказал, что не помнит другой такой стройки, где “заказчик” так много и полезно помогал “подрядчику”. Во многом помогал обком партии. По звонкам Притыцкого комбинату первоочередно отпускались стройматериалы с заводов стройиндустрии, по его письмам и телеграммам отгружалась кабельная продукция и оборудование.

Общими усилиями строительство первой очереди мясокомбината было закончено в намеченный срок.

В предновогодний день в новом колбасном цехе шла пробная выработка продукции. Государственная приёмочная комиссия, председателем которой был Лев Яковлевич Горелик, приняла пусковой комплекс с оценкой “хорошо”.

46

В управлении промышленностью происходили непрерывные изменения и реорганизация. В первые годы своего правления Хрущёв искал пути повышения эффективности социалистической экономики, которая к тому времени уже давала серьёзные сбои. Одновременно он настойчиво пытался добиться сокращения громоздкого административно-управленческого аппарата, который непомерно возрос. Одной из первых попыток на пути к достижению этих целей было резкое сокращение количества министерств и ведомств в центре и в союзных республиках.

В Белоруссии, вместо трёх министерств, занимавшихся продуктами питания, было образовано одно министерство промышленности продовольственных товаров. В нём были созданы управления по руководству разными отраслями пищевой индустрии со сравнительно небольшим штатом работников.

Учитывая особенности работы и важность мясо-молочной отрасли в обеспечении населения наиболее ценными продуктами питания, в ней временно сохранили трёхзвенную структуру управления: министерство, главк, предприятие. Так сохранили своё существование “Белглавмясо” и “Белмаслосырпром”. Более того, с учётом принятого в те годы курса на ускоренное развитие птицеводства, как наиболее

скороспелой отрасли животноводства, был создан третий главк - "Белптицепром", которому подчинили птицекомбинаты республики. Начальником его стал Александр Иванович Карпенко - бывший секретарь Оршанского горкома партии. Тот самый Александр Иванович, который так настойчиво выдвигал меня на должность главного инженера в Орше, а затем, затаив зло за выступление в защиту Уткина, требовал от прокурора Рогольского привлечь меня к уголовной ответственности.

Можно понять моё удивление телефонному звонку Карпенко, предложившего мне должность своего первого заместителя и главного инженера. Он затем пригласил меня в Минск для серьёзных переговоров по этому вопросу.

Скажу честно, что первой реакцией на этот звонок было желание безотлагательно принять предложение моего бывшего партийного боса. Очень хотелось в Минск. Каждый раз, когда я приезжал в этот хорошеющий с каждым днём город, моё желание росло и крепло. Я полюбил его почти так же, как когда-то Одессу. Это было важно и для детей, которые в большом городе получили бы лучшие возможности для учёбы и развития. Не скрою, что было и желание попробовать себя в большом деле, а главное уйти от постоянной угрозы уголовной ответственности, которая подстерегала руководителей предприятий мясной промышленности на каждом шагу.

Однако, чем больше я об этом думал, готовясь к предстоящей встрече с Карпенко, тем больше находил оснований не торопиться с решением. Из них главным была недостаточная, на мой взгляд, компетентность в работе птицеперерабатывающей промышленности. То, что было моим козырем в работе на мясокомбинате, могло отрицательно повлиять на мой имидж в птицепроме.

Правда, между этими отраслями очень много общего и в институте нам не читали курс технологии переработки птицы, как отдельной дисциплины. Это включалось в общую технологию мяса. Наверное, этот пробел можно было легко восполнить со временем. Кроме того, не трудно было подобрать опытного специалиста на должность начальника производственного отдела, который помог бы ускорить этот процесс.

Другим основанием серьёзно подумать прежде чем принять это предложение было хорошее ко мне отношение в своём коллективе, со стороны "Белглавмясо", а также партийных и советских органов Молодечно. Неизвестно было каким оно будет в Минске.

Немаловажное значение имели и юдофобские взгляды Карпенко, так явно проявившиеся в деле Уткина.

Всё это было детально рассмотрено на семейном совете перед отъездом в Минск. И всё же, взвесив все "за" и "против" было решено дать согласие на мой перевод в столицу, что я и сделал при встрече с Карпенко.

Он принял меня очень дружелюбно, пообещал создать необходимые условия для работы, а также выделить квартиру в строящемся ведомственном доме "Мясомолпрома" в центре города.

Договорились, что он будет согласовывать вопрос о моём назначении в министерстве и в ЦК партии, и сообщит мне результаты в течении месяца. Не сомневаясь в положительном решении, Александр Иванович велел готовиться к отъезду из Молодечно.

Больше всех о моём выдвижении сожалел Жулего. Он поначалу даже собирался помешать этому с помощью обкома партии, но затем передумал и заявил, что не станет помехой в моём служебном росте. Я посоветовал ему назначить главным инженером Дружевского.

Более месяца шло согласование моей кандидатуры. Как потом рассказывал мне Карпенко, было получено согласие министерства, горкома и обкома, а в ЦК партии, после неоднократного рассмотрения, посоветовали подбирать на такие должности национальные кадры. Он заверил меня, что сделал всё возможное и был дважды на приёме у секретаря ЦК, но так и не получил одобрения. Александр Иванович предложил мне должность начальника производственно-технического отдела, на что согласия ЦК не требуется, но я отказался, поблагодарив его за доверие.

На должность главного инженера "Белптицепрома" вскоре был выдвинут уже немолодой инженер Шевченко, ничем ранее не отличившийся и не проявивший себя в промышленности. Карпенко так и не нашёл с ним "общий язык", и через некоторое время его перевели на Брестский мясокомбинат, где он работал главным инженером до пенсии.

Было очень обидно, и я тяжело перенёс очередную пощёчину "родной" партии. Не честно обошлась она со мной и на этот раз. Я к ней был всей душой и так страстно пропагандировал её идеи, а она от меня всё отворачивалась.

Пережив несостоявшееся выдвижение, я сделал для себя вывод, что с моей фамилией лучше не высовываться.

Свой очередной отпуск мы решили провести у родителей, в Днепродзержинске. Они очень скучали за внуками и нужно было предоставить им возможность повидаться с ними. Мальчикам шёл седьмой год и они готовились к школе, а Верочке только исполнилось три. Теперь у Анечки было больше свободного времени, чем в Орше, и дети имели возможность восполнить недополученную там материнскую ласку. Больше внимания мог им уделить и я. По выходным дням мы выезжали с ними на природу, собирали вместе грибы и ягоды, ходили в кино и гуляли в парке. Однако, они нуждались в летнем оздоровлении, особенно мальчики перед школой. Поэтому уход и внимание родителей, бабушки и дедушки в течении целого месяца были для них очень кстати и мы надеялись доставить им много радости.

Надежды нас не обманули. Родители подготовили нам отдельный небольшой домик, переоборудованный из летней кухни во фруктовом саду, примыкающем к их дому, и создали все необходимые условия для отдыха. Стоял конец июня. Деревья в саду были усыпаны спелой вишней и уже созрели абрикосы. Во дворе был обеденный стол и гамак. Рядом - городской парк с детскими площадками, играми, аттракционами и детям скучать не приходилось. Было довольно тепло и мы часто ездили на Днепр купаться.

Боря и Люся с девочками приехали на неделю из Одессы. Светочка в том году тоже готовилась в первый класс, а Аллочка была чуть старше Верочки. Это было первое знакомство наших детей. Они вместе гуляли и хорошо провели время.

В Днепродзержинске жили многие родственники. У бабы Реты было две сестры - Соня и Дора. У самой старшей из сестёр, Сони, была дочь Поля - почти ровесница Анечки и сын Петя - чуть старше нашей Полечки (сестры Анечки). У средней сестры Доры был сын Гриня и три дочки: Полина, Вера и Таня. Отец первых трёх скончался от тяжёлой болезни в годы войны, а отец маленькой Танечки, дядя Ефим, женился на Доре в конце войны после смерти его жены в эвакуации.

Родственники часто бывали у нас. В доме было тесно и баба Рета усаживала их за большой стол, что стоял во дворе, под абрикосовым деревом и угощала чаем из самовара, вкусным печеньем собственной выпечки и вишнёвым вареньем из своего неиссякаемого запаса. Они рассказывали всякие истории и допоздна засиживались у нас.

Дед Абрам был рад гостям и гордился тем, что может, наконец, принять всю родню в собственном доме. А ещё больше он гордился своими детьми и внуками. Что не говори, а все его дети получили высшее образование и стали врачами, инженерами, учителями, чего ещё не достигли дети их родственников. Особую гордость в нём вызывали внуки. Он часто гулял с ними, показывал своим друзьям и знакомым, а мальчиков даже повёл в синагогу. Там они по его команде провозгласили заученное: "Их бин а ид", что вызвало общий восторг. Официальные синагоги тогда были запрещены и верующие евреи собирали свой "минен" на частных квартирах. Туда же дед Абрам приносил мои письма, которые я писал ему на идиш, хвастаясь тем, что его зять настоящий еврей.

Тётя Дора была спокойной, уравновешенной и молчаливой женщиной, полностью посвятившей себя служению детям и мужу. Она всегда была согласна с Ефимом и во всём подчинялась его воле. Даже довольно строгое и сухое его отношение к сыну и двум её старшим дочерям, разительно отличавшееся от мягкого, нежного и внимательного отношения к их общей ещё маленькой Танечке, она сносила терпеливо и безропотно.

Тётя Соня была намного старше двух других сестёр и после замужества старшей дочери видела главную цель жизни в женитьбе сына Пети, у которого с учёбой не сложилось, с работой не клеилось и достойной невесты до сих пор не нашлось. Она давно присматривалась к своей племяннице Полечке, как к невесте для Пети, и пришла к выводу, что лучшей партии ему не найти.

Пете самому Полечка давно нравилась, но он стеснялся в этом признаться из-за их близкого родства. Когда же его поддержала мама и заверила, что по еврейским законам женитьба на двоюродной сестре не запрещена, он признался Полечке в любви и сделал ей предложение. Ей Петя тоже нравился и она охотно с ним встречалась, но когда дело дошло до замужества, она долго не могла решиться и терзала себя разного рода сомнениями. Наконец решение ею было принято и свадьба могла состояться ещё во время нашего отпуска, однако по чисто организационным причинам была назначена на август.

Полечка работала учителем в старших классах вечерней школы и училась заочно в Симферопольском педагогическом институте, а Петя был учителем танцев. А ещё у него был хороший голос и он неплохо пел.

Родители отдали им небольшой домик во дворе, в котором мы жили во время нашего отпуска, помогли в его обустройстве и собрали всё необходимое для жизни. Нам показалось, что Полечка нашла своё счастье.

Наши дети всем очень понравились. В отличие от других детей наших родственников, у них не было никаких проблем с питанием и они ели всё из общего котла без всяких капризов. Как-то баба Рета сказала, глядя на Верочку, с аппетитом поедающую холодную картошку: “Золотой ребёнок! Чтоб ты была здорова, радость моя!”. А Боря перед отъездом признался, что мальчики покорили его своей скромностью, дружбой и добротой, которых так не доставало его девочкам.

И мы, и дети приятно провели время и хорошо отдохнули. Довольны были и родители. Отпуск удался.

48

За время моего отпуска возникло много проблем на работе. Жулего, который принял на себя обязанности главного инженера, не во всём мог разобраться, особенно в вопросах капитального строительства, где нужно было пользоваться проектно-сметной документацией и принимать решения по возникающим вопросам. Для этого ему не доставало знаний и опыта.

Были трудности с освоением техники и технологии в новом колбасном цехе и холодильнике, где впервые внедрялись однофазная заморозка мяса, воздухоохладители, дымогенераторы, фаршеприготовительные агрегаты, другое сложное оборудование и новая технология.

В цехе первичной переработки скота были приостановлены монтажные работы из-за несоответствия прибывшего оборудования проектному и необходимости корректировки документации.

Приближался сезон массовой переработки скота, который обычно наступал в начале сентября. К нему нужно было тщательно готовиться. В том году предстояло работать на старом и новом комбинате одновременно, что намного усложняло дело.

Пришлось много и напряжённо поработать по решению этих и многих других накопившихся проблем. Во многом мне помогал Миша Дружевский, который всё больше проявлял незаурядные способности и знания.

В первую очередь занялись вопросами строительства. Возникшие здесь проблемы могли стать причиной срыва сроков окончания работ по второму пусковому комплексу. С помощью “Белпищепромпроекта” удалось быстро выполнить корректировку проекта и работы на объекте возобновились в нужном темпе. Большую помощь монтажникам оказали слесари и электрики действующего предприятия. Инженерно-технические работники и снабженцы подключились к поиску недостающей арматуры, светильников, кабельной продукции и проводов. Работники столовой организовали двухразовое питание для строителей.

К концу года основные строительные, монтажные и отделочные работы в цехах были закончены и к работе приступили наладчики. Была возможность ввести в эксплуатацию второй пусковой комплекс намного раньше, чем предусматривалось обязательствами. Помешала зима. Из-за мороза и снега нельзя было выполнить работы по замощению и асфальтированию площадей скотоприёмной базы и территории, а также благоустройству.

Всё это пришлось перенести на весну с расчётом приёмки комбината к концу первого полугодия. Это дало возможность качественно и в полном объёме выполнить наладочные работы и обкатку оборудования.

Последний сезон переработки скота на старом комбинате был связан с дополнительными трудностями. Выработанное мясо приходилось перевозить на новый комбинат, где оно направлялось в переработку на колбасные изделия или замораживалось и складировалось. Погрузка его в автомобили и разгрузка на холодильнике производились вручную, что требовало больших трудовых затрат и создавало благоприятные условия для хищения.

В сентябре освободили от занимаемой должности старшего ветврача Блажевича в связи с его поступлением в аспирантуру. После публикации в газете его явно антисемитского фельетона он чувствовал себя очень неуютно в коллективе. У него сложились напряжённые отношения не только со мной и моими друзьями, но и со многими другими работниками. Его невзлюбили даже его коллеги - врачи и другие подчинённые ему работники. В такой обстановке работать было трудно и он воспользовался первой появившейся возможностью и ушёл с комбината.

На открывшуюся вакансию “Белглавмясо” направило опытного врача - Льва Борисовича Хана, который до этого работал ветврачом на Полоцком мясокомбинате. Его еврейское происхождение не вызывало сомнений.

Не знаю почему, но антисемитизм здесь чувствовался несколько меньше, чем на Оршанском комбинате. То ли потому, что директор для этого повода не давал, то ли работа руководителей- евреев вызывала к ним уважение, но в последнее время я почти не ощущал его проявлений.

Новый год встречали у Дружевских. Были супруги Жулего, Щербичи и мы с Анечкой. Оля наготовила вкусной еды, звучали хорошие грамзаписи, мы много пели, танцевали и не заметили, как пробежала ночь. По радио пробило шесть ударов часов на Спасской башне Кремля, прозвучал гимн Советского Союза и диктор вновь поздравил всех граждан великой страны с наступившим 1956-м годом.

Когда мы уже собрались покинуть гостеприимных хозяев, Миша объявил об их семейном решении возвратиться в Ленинград, где в них очень нуждались пожилые родители. Они отработали три года, что требовались по закону для молодых специалистов, и имели право на возвращение к месту постоянного жительства. У нас не было оснований препятствовать этому, тем более, что они показали заверенную врачом справку о болезни Олиной мамы. Да и не могли мы причинить вред таким замечательным людям, какими были супруги Дружевские. Комбинат терял прекрасного специалиста, а мы самых лучших своих друзей.

49

По итогам работы за четвёртый квартал 1955-го и первый квартал 1956-го года комбинату вновь присуждались премии. Производственные достижения коллектива не могли остаться незамеченными в горкоме и обкоме партии. В областной газете появилась большая статья под заглавием: “Коммунисты показывают пример”. В ней отмечались достигнутые успехи в работе, приводились цифры роста объёмов производства, повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции и перечислялись фамилии отличившихся работников. Среди них были рабочие мясозирового и колбасного цехов, холодильника, слесари, машинисты холодильных установок, ветврач, начальник компрессорного цеха, он же секретарь парторганизации, Тимофеев. Большинство из них - коммунисты. Корреспондент также отметил, что администрация комбината во главе с директором Жулегой создали коллективу необходимые условия для успешной работы. Однако в статье не приводилось ни одной еврейской фамилии, хотя среди рабочих и инженерно-технических работников было более трети евреев, которые работали ничуть не хуже своих белорусских, русских и польских товарищей. Многие из них были коммунистами.

Выступление газеты послужило напоминанием о том, что, как и раньше, отношение к работникам и оценка их вклада в работу определяются с учётом их национальной и партийной принадлежности.

Как-то перед Первомайскими праздниками меня пригласил первый секретарь горкома партии. Им был Иван Яковлевич Труханов - высокообразованный и культурный человек, инвалид Отечественной войны. Его недавно избрали на эту должность. Он сообщил, что Жулегу собираются выдвигать на ответственный пост по управлению городским хозяйством и мне предлагается должность директора мясокомбината. Я поблагодарил его за оказанное мне доверие, но предложение отклонил, сославшись на недомогания, связанные с ранениями в годы войны. Мой отказ вызвал явное недовольство Труханова и он посоветовал хорошенько подумать над этим вопросом.

Думать я и не собирался, ибо до сих пор не мог забыть, как обошлись с Уткиным, которому я только в ученики годился. Кроме того, я не собирался надолго оставаться в Молодечно и рассчитывал на перевод в другой город после окончания строительства комбината, как мне было обещано.

С наступлением тёплых дней приступили к мощению, асфальтированию и благоустройству территории. Работы велись высокими темпами. Всем хотелось скорее отпартовать в ЦК КПБ о досрочном окончании строительства важного объекта пищевой промышленности республики.

В начале июня работы, в основном, закончили и была назначена Государственная приёмочная комиссия, председателем которой вновь был Лев Яковлевич Горелик.

Несмотря на то, что всеми отмечалось сравнительно высокое качество строительных и монтажных работ, требовательная комиссия нашла существенные недостатки, описание которых еле уместилось на двух листах машинописного текста. Понадобилось несколько недель напряжённой работы, пока при вторичной приёмке было признано возможным принять комбинат в эксплуатацию с оценкой “Хорошо”.

Областная газета вновь поместила победную репликацию о досрочном вводе комбината и заслугах строителей во главе с управляющим строительным трестом Пастушенко и коллектива мясокомбината, возглавляемом директором Жулегой. Было помещено несколько фотографий нового предприятия.

Приказом министерства Жулего и меня премировали месячным должностным окладом.

Началось освоение новых цехов и, хоть шло оно довольно трудно, рабочие и мастера не могли нарадоваться хорошими условиями труда, созданными для них. Тут была и приточная вентиляция с регулируемой температурой воздуха, и ванночки с горячей водой, смонтированные у рабочих мест конвейера переработки скота, и местное освещение на многих участках, и сатураторные установки для газированной воды в цехах, и прекрасные душевые, и удобные индивидуальные шкафчики, и многое другое, о чём они на старом комбинате и мечтать не могли. В просторной столовой действовала современная линия самообслуживания, что исключило очереди и сократило время на обед.

Почувствовав к себе внимание и оценив возросшую заботу, рабочие старались лучше работать, повысилась дисциплина, сократились хищения. Комбинат медленно, но верно выходил в число лучших предприятий отрасли.

В августе, под предлогом обмена опытом работы, к нам приехал директор Гомельского мясокомбината Николай Александрович Синицын. Он ознакомился с работой основных цехов, изучил порядок организации сбыта продукции, подробно интересовался текущим планированием, анализом и управлением производством. В день отъезда он предложил мне должность своего первого заместителя и главного инженера. Синицын признался, что давно имел такое намерение и неоднократно просил об этом Перетицкого, но тот всё откладывал решение до окончания строительства комбината. Теперь, когда стройка закончена, он в принципе на то соглашался, но только после смены директора и подбора нового главного инженера.

Николай Александрович подробно рассказал о городе, о комбинате и перспективах его развития. Не скрыл и имеющихся проблем, которых оказалось довольно много. Он пообещал решить вопрос с квартирой и позаботиться о работе для Анечки. Обо всём этом Синицын просил хорошенько подумать и дать ответ в течении месяца.

Предложение показалось мне заманчивым и о нём стоило подумать.

50

Долго и основательно обсуждали мы вопрос переезда в Гомель. На первый взгляд предложение Синицына казалось заманчивым. Гомель по размерам и населению второй, после Минска, город в Белоруссии. Это крупный промышленный и культурный центр, расположенный на юге республики.

О Гомельском мясокомбинате я был наслышан, как о лучшем предприятии мясной отрасли республики в первые послевоенные годы. Туда часто ездили по обмену опытом работы и заимствованию передовых методов организации труда и управления производством. Это предприятие в прошлом почти неизменно выходило победителем в соревновании мясокомбинатов Белоруссии. Бывшего директора комбината Любана до сих пор вспоминали, как наиболее опытного, грамотного и толкового руководителя в мясной промышленности республики.

В 1952-ом году, в разгар антисемитской компании, вызванной “Делом врачей”, он был снят с должности директора, исключен с партии и отдан под суд за допущение хищения социалистической собственности в крупных размерах. По этой статье тогда можно было судить любого директора, если на то было желание партийных, советских или “правоохранительных” органов. По решению суда Любан был приговорен к семи годам лишения свободы. После смерти Сталина, отсидев небольшую часть срока, он был освобождён и даже допущен к исполнению обязанностей главного инженера Гомельского птицекомбината.

Синицын был назначен директором через два года после увольнения Любана, когда предприятие было в полном завале. Не выполнялись производственные планы, была допущена порча большого количества мясопродуктов, хищения приняли массовый характер. Благодаря принятым им жёстким мерам удалось несколько стабилизировать обстановку. Стали выполняться планы, был наведен элементарный порядок и дисциплина. Синицын отличался жестоким и безжалостным отношением к людям. За невыполнение своих распоряжений он строго наказывал. Даже за незначительные проступки следовали серьёзные меры, вплоть до увольнения.

Такую нелестную характеристику Синицыну дал Перетицкий, когда уговаривал меня дать согласие на замещение должности главного инженера Гомельского мясокомбината. Он также говорил о перспективах развития этого предприятия. На его реконструкцию на ближайшие три года выделялось около десяти миллионов рублей. Их освоение позволит вновь построить или реконструировать практически все цеха комбината. Если к этому еще обеспечить грамотную эксплуатацию и внедрение прогрессивной технологии, то в течении нескольких лет он, безусловно, станет лучшим предприятием республики.

В то время на комбинате фактически не было главного инженера. Его обязанности выполнял бывший главный механик Тарнопольский, который в своё время заканчивал механический факультет

политехнического института. Синицын же, хоть и закончил заочное отделение Одесского института пищевой и холодильной промышленности, не имел практического опыта работы в промышленности и восполнить отсутствие главного инженера не мог. Перетицкий не скрывал, что работать с этим директором будет не легко, но если все же удастся найти с ним общий язык, можно будет ожидать быстрых положительных перемен.

Конечно, больше хотелось в Минск и желательно на работу в главке или в министерстве, где было меньше опасности попасть под суд. Однако, я понимал, что после возражений ЦК КПБ назначить меня главным инженером “Белптицепрома”, сейчас никто не осмелится сделать новую попытку моего выдвижения. Остаться же в Молодечно не очень хотелось, в первую очередь из-за детей, которым, безусловно, в большом городе было бы лучше. И мы дали согласие на переезд в Гомель.

Перетицкий взял на себя согласования с горкомом и обкомом партии и мы стали готовиться к отъезду.

51

Новым директором Молодечненского комбината стал Славиковский, который до этого был главным инженером “Белглавмясо”. Это был опытный и грамотный инженер, но уже в предпенсионном возрасте. Он не проявлял большой активности в работе, не выступал с инициативами, но дело своё знал и выполнял добросовестно. Когда сложилось безвыходное положение с подбором кандидатуры на должность директора в Молодечно, Перетицкий решил пожертвовать своим заместителем и предложил ему эту должность. К его удивлению, Славиковский без долгих раздумий дал согласие. На то у него были свои основания. Надоела канцелярско-бумажная работа в подчинении своевольного строгого хозяина, аппаратные сплетни и сведения счетов, бесперспективность своего служебного положения при непрерывных реорганизациях в управлении промышленностью. В должности директора он решил поработать до конца трудовой деятельности и выйти на заслуженный отдых с персональной пенсией, которая полагалась руководителю предприятия.

Бронислав Андреевич просил меня пересмотреть своё решение об отъезде, мотивируя это многими вполне резонными доводами. Главным из них было доброе ко мне отношение партийных органов. Он не видел оснований к изменениям в этом важном для меня вопросе в будущем. На новом месте всё может сложиться по другому. Он рассказал как совсем недавно обошлись с рядом хороших работников Главка после очередной проверки работы с кадрами в аппарате “Белглавмясо”. Перетицкий получил партийный выговор с занесением в учётную карточку за “серьёзные недостатки” в подборе и воспитании кадров. Его вина состояла в том, что на руководящие должности выдвигалось мало молодых специалистов коренной национальности, а руководителями отделов и главными специалистами работало много евреев. Он был вынужден по разным надуманным предложениям освободить или понизить в должности ряд ценных работников, в том числе главного бухгалтера и начальника планового отдела.

Славиковский обещал предоставить мне полную самостоятельность в работе и широкую возможность для проявления производственной и творческой инициативы.

Около месяца упорствовал новый директор, задерживая меня на работе при наличии приказа вышестоящей организации о моём освобождении. Только в середине сентября он отдал мне трудовую книжку, сделав в ней собственноручную запись о моём увольнении.

До слёз трогательным было прощание с работниками комбината. Вместе с директором мы обходили производственные участки, ремонтные мастерские, заводоуправление. Всюду были слова благодарности, тёплые пожелания и напутствия.

Меньше четырёх лет прошло со времени моего приезда сюда, а как много сделано. Вместо маленькой кустарной хладобойни, где преобладал ручной труд, выросло новое предприятие с современной техникой и передовой технологией, созданы хорошие условия для труда и отдыха работников. По существу образовался новый коллектив.

Когда мы уходили из колбасного цеха ко мне подошёл обвальщик мяса Василий Шебеко. Он приехал из Орши, как только мы оттуда уехали. Ему одному удавалось за смену отделить 1,5 тонны мяса от кости, поэтому его методы работы изучала лаборатория научной организации труда. Со слезами на глазах он спросил:

-А как же я теперь?

-Я говорю тебе только до свидания, Вася. Приезжай в любое время, - ответил я ему, - и в порыве чувств мы расцеловались.

Жаль было покидать предприятие, в становление которого отдано так много сил, оставлять коллектив, ставший мне за эти годы таким родным и близким, уезжать из города, где я почти не чувствовал унижений на национальной почве.

52

В Гомеле было намного теплее, чем в Молодечно. Светило солнце, деревья ещё не сменили свой зелёный наряд, а в скверах и в парке было много цветов. Город выглядел нарядным и очень чистым. Чем-то он напомнил мне Одессу. Конечно, он был намного меньше Одессы и в нём не было моря, но зато здесь была судоходная река Сож и прекрасный парк. Мне показалось, что это лучший парк, который мне когда-нибудь приходилось видеть.

Хорошее впечатление произвёл вокзал. Не только своими размерами, которые тоже впечатляли, а больше каким-то уютом и порядком, которые видны были с первого взгляда. Меня поразило объявление по радио о наличии свободных мест в комнатах отдыха, которыми могут воспользоваться не только транзитные пассажиры, но и все желающие. Такого мне в последнее время слышать не приходилось. Обычно во всех гостиницах я встречал поблекшую от времени вывеску: “Свободных мест нет”. На вокзалах, если когда-нибудь и удавалось устроиться, то только на одну ночь, до прихода поезда. Я решил воспользоваться такой редкой возможностью и был удивлён, когда миловидная девушка спросила:

-Вам одноместный или двухместный номер, и как долго вы собираетесь у нас гостить?

-Одноместный на трое суток, - выпалил я, - чуть не заикаясь от радости.

Я оставил свой чемоданчик в уютном номере гостиницы и решил побродить немного по городу. Был утренний час и можно было не торопиться на комбинат. На довольно просторной привокзальной площади стояло несколько троллейбусов, которые по мере загрузки отправлялись к центру. Никакой толчеи и давки, как бывало в Одессе или даже в Минске. Я вышел на площади Ленина, погулял по парку, полюбовался новым зданием театра и прошёлся по центральным улицам города. Они отличались чистотой, обилием зелени и цветов. Кафе и рестораны рекламировали свои закуски и напитки, обслуживая покупателей в открытых верандах или прямо за столиками, установленными на тротуарах. Побывал и на рынке. Он оказался большим и обильным, особенно на овощи и фрукты. Цены были значительно ниже, чем в Молодечно и в Минске.

Понравился мне Гомель уже при первом знакомстве и я поспешил с выводом, что в выборе своём не ошибся. . .

Троллейбусом поехал в Новобелицу, где располагался Гомельский мясокомбинат. Это один из районов города, находящийся за Сожем. С центром его соединяет мост по которому ходят троллейбусы. Здесь много крупных промышленных предприятий пищевой и деревообрабатывающей промышленности. “Родные запахи”, присущие только предприятиям мясной промышленности, безошибочно указали мне путь к намеченной цели. Ещё издали заметил картину, присущую большой стройке. По фасаду перемещался мощный башенный кран из новой серии, которые только появились у строителей. На подмостях многоэтажного здания работали каменщики. Панорама с улицы указывала, что комбинат по своим масштабам на порядок выше Молодечненского.

Заводоуправление впечатляло своими размерами и богатством убранства. Блестящие паркетные полы, узорные занавеси на окнах, ковровые дорожки в коридорах и ковры в приёмной указывали на достаток и наличие твёрдой руки хозяина.

Синицын принял меня довольно тепло. Мы пообедали с ним в директорской комнате столовой и он показал мне моё временное жильё. Для этого были освобождены две большие комнаты с отдельным входом, рядом с клубом, где раньше размещался профсоюзный комитет и библиотека. Здесь недавно произвели ремонт, что чувствовалось по запаху свежей краски. При мне Синицын отдал распоряжение завхозу о завозе всего необходимого для временного проживания.

Затем мы совершили обход производственных и вспомогательных цехов, на что нам понадобилось несколько часов. Николай Александрович подробно останавливался на имеющихся трудностях и проблемах в производственной деятельности и строительстве.

Узким местом в производстве был холодильник, а в строительстве - отсутствие проектной документации по ряду важных объектов. Директор также жаловался на недостаток дипломированных специалистов, из-за чего, по его мнению, слабо внедряется новая техника и передовая технология.

До позднего вечера сидели мы в его кабинете, обсуждая насущные задачи большого предприятия. Он выразил надежду на дружную совместную работу и взаимопонимание, но предупредил, что

придерживается принципа единоначалия и требует от всех беспрекословного выполнения своих указаний и распоряжений.

Синицын подтвердил своё обещание предоставить моей семье ведомственную квартиру весной следующего года. Он исключил возможность работы жены на комбинате, но обещал свою помощь в её устройстве на одно из предприятий молочной промышленности.

Обговорив все вопросы, Николай Александрович пригласил меня в директорскую машину, которую сам водил, и доставил в гостиницу.

Завтра он должен был представить меня секретарям горкома и обкома партии.

53

Несмотря на предварительные согласования моего назначения с партийными органами города и области, со мной там знакомились совсем не формально. После тщательного изучения моей биографии и послужного списка в промышленном отделе горкома, я был представлен первому секретарю Малафееву. Выяснялись неясные для него пункты анкеты, проверялась моя политическая и экономическая грамотность, давались конкретные советы по работе и, наконец, были высказаны некоторые пожелания.

Беседа в обкоме партии была менее продолжительной и касалась больше имеющихся претензий к работе комбината и требований к устранению недостатков. В основном это были жалобы управления сельского хозяйства, торгующих организаций и правоохранительных органов.

Синицын был немногословен в обещаниях, но заверил, что теперь, когда на комбинате будет грамотный и опытный главный инженер, он сможет больше уделять внимания этим, чисто директорским вопросам, и постарается исправить положение.

В тот же день директор провёл расширенное производственное совещание с участием руководителей партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, где представил меня, как своего первого заместителя и главного инженера. Он дал мне весьма лестную характеристику и велел по всем производственным вопросам обращаться только ко мне. Исполнявшему обязанности главного инженера Григорию Давыдовичу Тарнопольскому было предложено вернуться к исполнению своих прежних обязанностей главного механика.

После совещания Николай Александрович пригласил меня к себе домой, чтобы познакомить с женой и вместе поужинать. Жил он в недавно построенном многоквартирном доме горисполкома, предназначенном для номенклатурных работников областных и городских партийных и советских органов, в самом центре города, недалеко от облдрамтеатра. Такие престижные дома строились тогда во всех областных центрах и квартиры в них распределялись, как правило, секретарями обкома партии без учёта очередности и действовавших положений о предоставлении жилплощади. Получение квартиры в таком доме говорило о привилегированном положении работника в городе и области.

Всё в этом доме было необычно. Внешнее благоустройство и отделка фасадов, лоджии, облицованные глазурованной плиткой, бесшумные лифты и мусоропровод, улучшенная планировка квартир со всеми удобствами.

Жена Синицына, Мария Семёновна, была значительно моложе мужа. Ей было немногим больше тридцати, и выглядела она довольно привлекательно. Она закончила Одесский институт иностранных языков и работала преподавателем английского в педагогическом институте.

Пока супруга накрывала на стол, Николай Александрович показал мне квартиру, которая отличалась чистотой и достатком. Просторная гостиная и довольно большая спальня были обставлены современными гарнитурами дефицитной тогда импортной мебели, свеженатёртые паркетные полы были покрыты богатыми коврами и ковровыми дорожками. Гостиная освещалась дорогой хрустальной люстрой и такими же бра, смонтированными на стенах.

На ужин были поданы деликатесные рыбные, мясные закуски, твёрдые высокосортные сыры, французский коньяк и советское шампанское.

За ужином Мария Семёновна жаловалась на отсутствие внимания со стороны мужа, который с раннего утра и до поздней ночи занят только работой, и не уделяет абсолютно никакого внимания семье и дому. По её словам, для него не существуют выходные и праздничные дни, и даже во время своего отпуска он ежедневно ходит на междугороднюю телефонную станцию, чтобы позвонить на комбинат.

Николай Александрович поднял тост за дружбу и согласие в работе, осушил рюмку до дна, с аппетитом закусил и попросил кофе. Мы пили густой чёрный кофе с вкусным “киевским” тортом и говорили о работе. За разговором не заметили как подкатила полночь.

Когда Синицын взялся отвезти меня домой, я стал отказываться, мотивируя тем, что мы выпили и можем нарваться на неприятности от ГАИ. В такой поздний час госавтоинспектор может остановить машину и проверить водителя на трезвость. Николай Александрович пренебрежительно махнул рукой и произнёс:

-От этого мы застрахованы. У меня обкомовские номера и милиция мне только честь отдаёт.

В верности его слов я убедился, когда инспектор остановил нашу машину при выезде с площади Ленина. Синицын умышленно проехал мимо постового, остановился метрах в десяти от него, дав ему возможность обратить внимание на номерные знаки. Наверное, маневр был давно отработан и Николай Александрович не сомневался в его эффективности. И действительно, когда инспектор поравнялся с кабиной автомобиля, он взял под козырёк и произнёс:

-Прошу прощения, товарищ водитель, счастливого пути!

Когда машина тронулась, Синицын, улыбаясь, обратился ко мне:

-Теперь понятно какие у нас порядки? Вот так-то!

Подъезжая к Привокзальной площади, где была моя гостиница, Николай Александрович спросил, понравилось ли мне у него дома, и, не дожидаясь ответа, многозначительно произнёс:

-Будешь и ты так жить, если заодно будем.

Я тогда не понял действительного смысла его слов и, не задумываясь, ответил:

-В моей работе можете не сомневаться.

54

Работы было много, но выполнял я её с удовольствием. Мне были созданы все необходимые бытовые условия и трудиться можно было хоть круглые сутки. В шесть утра я совершал утренний обход производственных и вспомогательных цехов, которые работали непрерывно (холодильник, термическое отделение колбасного цеха, котельная, аммиачная и воздушная компрессорные, водонасосная станция, электрохозяйство). Проверялось также содержание скота на предубойной базе, погрузка и разгрузка железнодорожных вагонов, санитарное состояние территории и работа вневедомственной охраны. В отсутствии руководителей цехов, участков и служб там выявлялось много нарушений и недостатков. Все они обсуждались на утренней планёрке, которая проводилась мною ежедневно в семь утра. Здесь же рассматривались претензии и просьбы начальников цехов, участков, главных специалистов и устанавливались дневные задания. Всё это решалось довольно быстро и оперативно, что позволяло руководителям быть на рабочем месте за 15-20 минут до начала работы. В течении рабочего дня я и директор старались не отвлекать их вызовами в заводоуправление, предоставляя им возможность самостоятельно решать все насущные вопросы. Один раз в неделю проводились производственные совещания у директора, где решались вопросы выполнения месячных планов выработки продукции и отгрузки её потребителям.

Такой порядок управления предприятием способствовал повышению ответственности руководителей за порученные участки работы и положительно сказывался на трудовой и производственной дисциплине.

Нужно сказать, что в этом большую роль сыграл строгий спрос директора с подчинённых за допущенные недостатки в работе. Проекты приказов по производственным вопросам, которые представлялись мной ему на подпись, обычно предельно ужесточались. Руководители любого ранга знали, что если ими допущены существенные недостатки в работе, то, независимо от их прежних заслуг, наказания не избежать. При этом они не только привлекались к дисциплинарной ответственности, но и лишались всех видов премий, удельный вес которых в общем заработке работников всё более возрастал.

Как рассказывал мне Григорий Давыдович Тарнопольский, Синицына в последнее время как будто подменили. Если раньше он позволял себе часто выражаться отборной нецензурной бранью, а нередко и за грудки мог схватить, то теперь всё более стал походить на примерного советского руководителя, каких в кино показывали или о которых в книгах и журналах писали: спокойный, выдержанный, строго защищающий государственные интересы.

В первое время нашей совместной работы мне Синицын нравился и с ним было очень легко работать. Я чувствовал полную поддержку и знал, что в любой ситуации за моей спиной стоит сильный и строгий хозяин. Его отношение ко мне не могло остаться незамеченным управленческим персоналом и безусловно сказалось на моём служебном авторитете. Никто не пытался искать возможность сыграть на разногласиях между директором и главным инженером, как это часто бывало на предприятиях и в организациях.

Всё это не замедлило сказаться на результатах хозяйственной деятельности. Уже по результатам работы за четвёртый квартал 1956-го года комбинату была присуждена вторая премия в республиканском соревновании, что имело не столько материальное, сколько моральное значение для большого предприятия с полуторатысячным коллективом, которое за последние два года ни разу не было удостоено такой чести.

Это было важно и для отношения к комбинату и его руководству со стороны министерства, а также местных партийных и советских органов, где Сеницын стал пользоваться большим авторитетом.

Удалось заметно поправить дела и в капитальном строительстве. Здесь в большой мере помог опыт, накопленный при строительстве Молодечненского мясокомбината. В первую очередь это коснулось взаимоотношений с подрядчиками. Вместо беспринципных распрей и стремления возложить на них одну вину за срыв сроков ввода объектов в эксплуатацию, стали всё больше проявляться деловые взаимоотношения, взаимопомощь и взаимовыручка. Были приняты меры по обеспечению стройки техдокументацией, необходимым оборудованием, кабельной продукцией и арматурой, оказана помощь рабочими строительных специальностей, слесарями и электриками, организовано питание строителей в первой и второй смене.

Результаты и здесь не заставили себя долго ждать. В конце года был досрочно сдан в эксплуатацию цех по переработке беконных свиней. Он отличался более совершенной техникой и технологией.

Я во всём чувствовал благодарное отношение ко мне Сеницына. Приходилось только удивляться чуткости и вниманию, которое этот грубый и жестокий человек проявлял ко мне. Он заказывал на нас двоих обеды в столовой и водил меня туда есть в отведенное на то время. Уборщице клуба было приказано ежедневно убирать мою квартиру. Директор запретил беспокоить меня по ночам по производственным и иным служебным вопросам. После ноябрьских праздников он выделил две грузовые и одну легковую машины для перевозки семьи и домашнего имущества, а через неделю после приезда Анечки устроил её микробиологом на городской молочный завод.

Его жена, Мария Семёновна, советом и делом помогала нам в обустройстве, а также в решении бытовых и хозяйственных вопросов. Она заботилась о нашем досуге и мы вместе посмотрели несколько спектаклей в театре и все новые кинофильмы. Стали налаживаться дружеские отношения.

Если к тому учесть, что Анечке и детям очень понравился город и в скором времени ожидалось наше переселение в просторную благоустроенную квартиру в центре Новобелицы, можно понять наше желание поселиться здесь всерьёз и на долго.

55

Ещё до отъезда семьи из Молодечно родители Анечки попросили принять на пару лет старшую дочь тётки Доры - Полечку и у нас прибавилась ещё одна Полечка. Ей шёл уже шестнадцатый год и у неё не складывались отношения с отчимом Ефимом, который всё внимание, доброту и ласку отдавал младшей сестрёнке - его любимой дочери Танечке. Полечка была тогда в девятом классе и должна была оставаться у нас до окончания средней школы. Её тепло приняли в нашей семье и теперь в двух клубных комнатах размещались, кроме нас, взрослых, четверо детей, в том числе три школьника. Не скажу, что детям было очень удобно, но за всё время их совместного проживания нам не приходилось ни разу вмешиваться в их отношения. В этом, наверное, больше заслуг было наших мальчиков, которые отличались добротой и дружественным отношением к детям. Они всегда готовы были всем поделиться и находили общий язык даже с самыми задиристыми детьми во дворе и на улице.

Мы определили их в одну школу. Мальчики пошли во второй класс, а Полечка - в девятый. Школа была большой и хорошей, и располагалась недалеко от дома. Повезло и Верочке. На комбинате был свой детский сад, который она посещала с удовольствием.

Весной, как нам и было обещано, освободились две квартиры в ведомственном доме комбината. В Гродно уезжал главный технолог Селиверстов, который был переведен Главком на должность главного инженера Гродненского мясокомбината, и в Минск переезжала семья начальника компрессорного цеха Билька, назначенного главным механиком Минского комбината. Сеницын приказал сделать из двух смежных квартир одну и произвести в ней необходимый ремонт. На это решился бы не каждый директор, когда нуждающиеся в жилье работники ждали на протяжении многих лет своей очереди на освободившуюся жилплощадь.

Когда мы с Анечкой, в сопровождении Сеницына, пришли посмотреть выделенную нам квартиру, нас поразили её размеры и высокое качество проведенных в ней ремонтных работ. По площади она превышала Молодечненскую, а по благоустройству ни в чём ей не уступала.

Мы докупили кое-что из мебели и очень уютно устроились в трёх просторных комнатах и довольно большой кухне. Квартира была рядом с детским садом и недалеко от школы.

В общем всё на первых порах складывалось в высшей степени удачно и даже не верилось, что всё так может быть. Работа ладилась, город отличный, жильё прекрасное, дети всем довольны. Живи, трудись и радуйся!

Однако, как вскоре выяснилось, наши сомнения в возможность такого счастья не были лишены оснований.

56

Как и везде в Белоруссии, в Гомеле было много евреев. До войны они составляли почти треть его населения. Немцы вошли в город только в конце июля и, в отличие от других городов республики, отсюда многие смогли эвакуироваться. Все они после войны возвратились в свой родной город. Приехали сюда и евреи, которые раньше не жили здесь. Было их немало и среди работников комбината, в том числе инженерно-технических работников и служащих. Главным механиком работал Тарнопольский, начальниками основных производственных цехов - Сиротин и Эпштейн, заведующим базой приёмки и предубойного содержания скота был Зильберг. Были евреи среди ветеринарных врачей, инженеров, мастеров, бухгалтеров. Большинство из них отличались добросовестным отношением к своим служебным обязанностям и во многом им комбинат был обязан своими успехами в производственной и финансовой деятельности. Однако, к сожалению, были среди них и нечестные люди, склонные к обману и злоупотреблениям.

Одним из них был заведующий скотоприёмной базой Зильберг. Он, как уже известный вам Ефим Лернер из Орши, обладал редкой способностью безошибочно определять упитанность скота и потому на протяжении многих лет считался незаменимым работником. Зная себе цену, он злоупотреблял своим положением и вёл себя вызывающе по отношению к другим работникам. Даже с директором, которого на комбинате все боялись, он разговаривал на равных, всячески подчёркивая свою независимость.

Меня часто удивляло терпение и заметная робость Сеницына в его отношениях с Зильбергом. Я никак не мог понять почему Сеницын во всём уступает заведующему базой и у меня возникли серьёзные сомнения и в честности Зильберга, и в порядочности директора. Однако, никаких фактов, подтверждающих эти подозрения не было, и я не осмеливался задавать какие-либо вопросы на сей счёт Николаю Александровичу, боясь незаслуженно обидеть его. Очень не хотелось нарушать гармонию сложившихся между нами отношений, благодаря которым уже были достигнуты существенные успехи в производственной, финансово-экономической и хозяйственной деятельности предприятия. Я отчётливо понимал, что в любом случае, причастен ли Сеницын к злоупотреблениям Зильберга или нет, моё вмешательство в их взаимоотношения вызовет недовольство директора и отрицательно повлияет на нашу дружбу. Я хорошо знал, что как только между директором и главным инженером исчезнет согласие, ждать успехов в работе не придётся.

Не знаю, как долго длилось бы моё молчание, если бы не формальная встреча и откровенный разговор с Григорием Давыдовичем Тарнопольским. Она состоялась весной 1957-го года на празднике Пейсах. У меня с бывшим главным инженером сложились довольно хорошие служебные, а со временем наметились и добрососедские отношения, которые постепенно перерастали в дружественные. Мы несколько раз приглашались в гости к Тарнопольским, где получали большое удовольствие не только от вкусных блюд, которые любила готовить его жена Мира, но и от песен, которые она пела дуэтом со своим мужем. У обоих было музыкальное образование и хорошие голоса. Пели они в основном арии из опер, но иногда запевали народные украинские и еврейские песни, а мы с Анечкой старались им подпевать. У них было пианино, на котором Мира играла профессионально и даже давала уроки музыки детям наших соседей.

Перед праздником Григорий Давыдович пригласил нас на первый сейдер к своим родителям, которые жили на окраине города в своём собственном доме, сохранившемся во время войны.

Сейдер прошёл по всем правилам, описанным в Пасхальной Книге. На столе была и маца, и крутое яйцо, и куриная кость, и горькая трава-приправа, и миндаль с яблоками, и вино, и блюдо с солёной водой. Ведущий сейдер - Тарнопольский старший, которому уже было далеко за семьдесят, читал Хагаду (Пасхальную Книгу), рассказывал о значении поданных блюд и отвечал на четыре вопроса Книги. Я вспомнил, как в далёком прошлом задавал эти вопросы папе и как он мне на них отвечал. Последний раз это было двадцать пять лет тому назад, в 1932-ом году. На следующий год, перед самым праздником пейсах, папа умер. С тех пор я не задавал больше этих вопросов и никогда не был на сейдере в еврейских семьях.

Как будто почувствовав грусть, навеянную пасхальным ритуалом, хозяева подали праздничный ужин с традиционными еврейскими блюдами и хорошим вином, зазвучали старинные народные песни и даже танцевали фрейлехс “под язык” (музыкальных инструментов в доме не было).

В перерыве между песнями Григорий Давыдович пригласил меня во двор, где уже начала пробиваться первая, чуть заметная зелень на деревьях и кустарниках. В беседке, под развесистой грушей состоялся разговор, который надолго остался в памяти и заметно повлиял на мои дальнейшие отношения с Синицыным. Тарнопольский рассказал о своих конфликтах с Зильбергом, в злоупотреблениях которого давно не сомневался. Он пытался направить его на путь истинный и предотвратить тем самым очередную антиеврейскую компанию на комбинате и в городе. Его попытки оказались тщетными и может быть именно они и ускорили его освобождения от должности главного инженера. Григорий Давыдович был не только уверен в нечестности Зильберга, но и догадывался о его связях с Синицыным, которому тот, путём сделок со сдатчиками скота, добывал деньги “на жизнь”. По мнению Тарнопольского основные “гешефты” совершались не с постоянными сдатчиками сырьевой зоны Гомельского комбината, а с райконторами “Заготскот” Черниговской области Украины, которые должны были поставлять скот Черниговскому или Киевскому мясокомбинатам. Вероятно и украинским дельцам было удобнее совершать свои противозаконные операции подальше от глаз собственных контролёров. Синицын, под предлогом привлечения сырья для выполнения плана, разрешал приёмку скота с чужих зон, чем способствовал злоупотреблениям Зильберга.

Григорий Давыдович утверждал, что рассказывает мне об этом для того, чтобы предотвратить опасность вовлечения меня в эту преступную деятельность, которая может иметь тяжёлые последствия.

Он не сомневался в том, что злоупотребления Зильберга когда-нибудь будут раскрыты и тогда в любом случае мне не миновать ответственности, даже если я к ним не буду причастен. Здесь, по его мнению, мне обязательно зачтётся национальная общность с Зильбергом.

Разговор с Тарнопольским оказал на меня серьёзное воздействие и помог осознать всю опасность позиции невмешательства, которую я до сих пор занимал. Я поблагодарил его за откровенность, и принял твёрдое решение сделать всё от меня зависящее, для пресечения возможных злоупотреблений на скотоприёмной базе.

57

Начальником мясожирового цеха, которому формально была подчинена база предубойного содержания скота, работала Маргарита Михайловна Гридина - инженер-технолог, закончившая недавно Московский институт мясной и молочной промышленности. По характеру она была скромной и стеснительной женщиной, слепо выполнявшей указания директора, и в работу базы не вмешивалась. Она редко выступала с какими-либо претензиями на планёрках или производственных совещаниях.

Поэтому, когда она, в конце апреля, обратилась ко мне с возникшими у неё сомнениями в достоверности оценки упитанности скота, принятого от Менской райконторы “Заготскот”, это серьёзно меня беспокоило. Когда же я попросил её подтвердить это фактами, она раскрыла подготовленный ею анализ переработки партии скота этой конторы, из которого следовало, что примерно половина бычков принята в живом виде более высокой упитанностью по отношению к кондиции мяса, оцененной специалистами отдела производственно-ветеринарного контроля. Кроме того, по этой партии недоставало около пятисот килограмм живого веса. В целом же, по итогам переработки всех партий скота за смену, и вес и упитанность были в ажуре. Гридина высказала предположение, что это достигается занижением веса и упитанности скота, принимаемого базой от других сдатчиков.

Я в душе согласился с Маргаритой Михайловной, но посоветовал ей на сей раз Зильбергу претензий не предъявлять, ибо с односторонним анализом начальника цеха он, наверное, не согласится и, вместо делового рассмотрения важного вопроса, мы прийдём к беспринципной склоке. Я предложил ей провести официальную комиссионную переработку очередной партии скота, принятого от этой конторы. Ей следовало только проследить за поступлением скота и не разглашать нашу договоренность.

Когда на следующей неделе Зильберг закончил приёмку скота, поступившего от Менской конторы, и подписал приёмные документы, Маргарита Михайловна попросила назначить комиссию для оценки упитанности и определения веса. Я пригласил её к директору, где она повторила свою просьбу. Трудно сказать, как Синицын отнёсся к предложению начальника цеха, но приказ о назначении комиссии он подписал. Одним из её членов был и Зильберг.

Результаты контрольной переработки скота оказались схожими с теми, к которым пришла Гридина на прошлой неделе. Они были рассмотрены у директора в присутствии всего состава комиссии. Синицын

дал строгую оценку работе Зильберга и признал её преступно-халатной. Он предупредил его, что если подобное повторится, будут приняты строгие меры. На сей раз директор ограничился выговором и лишением премиального вознаграждения за месяц.

В конце рабочего дня Николай Александрович вызвал заведующего базой в кабинет и, в моём присутствии, за закрытыми двойными дверями устроил ему разнос, используя весь свой арсенал нецензурной брани, обзывая ещё “гадким, глупым жидёнком”. Закончилось это броском Зильберга на кожаный диван, который находился в десяти метрах от рабочего стола директора, возле которого они выясняли свои отношения.

Мои попытки успокоить Сеницына были тщетными. В конце концов он поднял свою жертву с дивана и процыдил сквозь зубы:

-Вон отсюда, скотина безмозглая, и подумай, как тебе дальше жить!

Я высказал Сеницыну мнение о нецелесообразности оставления Зильберга в занимаемой им должности и увольнении его с предприятия.

58

Мои отношения с директором после разоблачения злоупотреблений Зильберга заметно ухудшились. Некоторое время он ещё пытался создавать видимость прежнего согласия, но со временем всё более становилось ясно, что о прежней дружбе следует забыть и вряд ли удастся сохранить даже приличные официальные отношения, необходимые для совместной работы.

Изменения в отношениях двух руководителей не могли остаться незамеченными подчинёнными и, ещё недавно сплочённый коллектив, стал понемногу терять единство. К моему удивлению большинство инженерно-технических работников стали проявлять ко мне всё больше симпатии, что, естественно, вызывало недовольство Сеницына.

Некоторое время наш негласный конфликт ещё не отражался на производственных показателях работы. В первом и втором кварталах 1957-го года комбинат вновь выходил победителем в республиканском соревновании и авторитет его руководителей (в первую очередь директора) в партийных и советских органах всё возрастал.

Однако, напряжение в коллективе нарастало и я всё больше приходил к выводу, что без откровенного выяснения отношений с Сеницыным мне не обойтись. Я не сомневался в том, что причиной его недовольства явилось моё вмешательство в работу скотобазы, которой он до этого занимался непосредственно и единолично. Со временем его гнев стал нарастать по причине вынужденного прекращения приёмки скота от райконтор “Заготскот” Черниговской области, что, наверное, обеспечивало ему ранее стабильный и достаточный “приработок”. Возможно также, что напуганный Зильберг прекратил или резко сократил сделки со сдатчиками скота и перестал давать Сеницыну “на жизнь”. Как бы там ни было, но я явно чувствовал, что гнев директора со временем перерастает в злобу, которая неизбежно приведёт нас к открытому конфликту.

Воспользовавшись необходимостью рассмотрения вопросов капитального строительства, я договорился о встрече с ним после работы и, когда обсуждение служебных дел закончилось, предложил выяснить наши отношения. Я намеревался убедить его в отсутствии каких-либо злых намерений с моей стороны и желании восстановить, если не прежние дружественные, то хотя бы нормальные служебные отношения, необходимые для успешной работы.

Однако, направить разговор в такое русло мне не удалось. Сеницын заявил, что выяснять ему со мной нечего, так как давно ясно, что вместе мы работать не сможем. По его словам я нарушил договорённость о соблюдении принципа единоначалия и поэтому нам не по пути. Делить власть он ни с кем не собирается, а посему мне лучше по хорошему уйти.

Мои доводы о том, что махинации Зильберга могли бы привести к опасным последствиям для нас обоих, Сеницын отверг, заявив, что на такого специалиста, как Зильберг, молиться надо и, что он спокойно работал с ним до меня и будет работать впредь после моего ухода. Он упрекнул меня в желании показаться честным и на этом заработать себе авторитет, а его в этом убедить невозможно, так как ему уже за сорок и он не дурак. Вместо того, чтобы дружно работать и достойно жить, я пошёл на поводу у девчонки, пожелавшей отличиться на разоблачении расхитителей соцсобственности.

В заключении Николай Александрович заявил, что очень сожалеет, что ошибся во мне. Он искренне хотел помочь мне, научить уму-разуму, а я, хоть и обладаю знаниями и способностями, не дорос ещё до понимания законов жизни и потому не гоюсь ему в попутчики. Сеницын посоветовал мне вообще уйти с хозяйственной на управленческую или научную работу, где может быть и можно работать честно, и не

бояться ответственности за злоупотребление служебным положением. В промышленности же такое невозможно.

Разговор вёл один Синицын и я в нём почти не участвовал. После всего, что мне пришлось выслушать, не было смысла в его продолжении, и я только спросил, как он мыслит мой уход с предприятия. Николай Александрович посоветовал подать заявление об освобождении от должности под любым удобным для меня предлогом.

59

К моему большому удивлению Анечка восприняла мой рассказ о разговоре с Синицыным значительно спокойней, чем можно было ожидать. По существу ломалась так удачно сложившаяся жизнь в Гомеле. Ещё не прошло и года со времени нашего приезда. Только недавно поселились в хорошей квартире. Стали довольно часто получать различные премии и можно было себе позволить лучше питаться и одеваться. Особенно почувствовали это дети, которым ни в чём необходимом не было отказа. Анечка недавно прошла курсы микробиологов в Минске и полностью овладела интересной работой. Этим летом мы насладились прелестью природы юга Белоруссии, её лесами, полными грибов и ягод, пляжем на берегу Сожа, вволю поели дешёвых овощей и фруктов. У нас и у детей появилось много друзей, с которыми приятно было проводить время. И всё это нужно было бросать и начинать всё с начала.

Тем не менее Анечка не стала меня ни в чём упрекать, а напротив ещё и успокаивала тем, что отсюда можно пока уехать спокойно, не подвергаясь никакой опасности и возможным преследованиям.

Дело усложнялось тем, что в том году началась очередная реорганизация управления промышленностью. Если прежний этап предусматривал сокращение министерств и ведомств, то новая реформа означала их полную ликвидацию. Вместо них создавались Совнархозы - Советы народного хозяйства. Страна была поделена на экономические районы (зоны) и в каждом из них создавали свой Совнархоз, который и должен был взять на себя функции упразднённых министерств. Для непосредственного руководства предприятиями при Совнархозах были созданы отраслевые управления.

Целью новой реорганизации по замыслу правительства, которое тогда возглавлял Н. С. Хрущёв, было приближение органов управления к предприятиям, ликвидация ведомственных барьеров и сокращение административно-управленческого персонала, что должно было повысить эффективность производства.

В Белоруссии был образован один Совнархоз. Его председателем был назначен бывший руководитель крупного машиностроительного завода Тарасов, а начальником управления мясной промышленности стал бывший начальник Главка "Минмясомолпрома" СССР Бируля. Они то и должны были решать вопрос моего освобождения от занимаемой должности и перевода на другое предприятие.

Ни один из них меня не знал, как и я не знал их. Не знакомы они были также с предприятиями отрасли и не знали их нужды. Надо было переждать какое-то время. Я договорился с Синицыным об отъезде в отпуск и рассмотрении вопроса о моём переводе после возвращения.

Наспех передав дела Тарнопольскому, я с семьёй уехал в Днепродзержинск, к родителям Анечки.

60

Было очень обидно, что несмотря на усердие в работе и большие старания, я оказался выдворенным из предприятия, которое за последний год стало одним из лучших в отрасли. Я вновь и вновь перебирал в памяти случившееся, стремясь определить, где и в чём допустил ошибку. Может быть не следовало вмешиваться в работу скотобазы, тем более, что она находилась в подчинении директора? Может лучше было сделать вид, что не замечаю злоупотреблений Зильберга и заниматься больше чисто инженерными вопросами и капитальным строительством? Может следовало крепче держаться протянутой крепкой руки Синицына, которая вела к дружбе, согласию и полному удовлетворению всех мыслимых потребностей и желаний?

Будоражающие меня вопросы не давали покоя ни днём, ни ночью. Ведь подобно Синицыну поступали и Варакин, и Доброшинский многие другие директора, главные инженеры, с которыми пришлось встретиться на своём служебном пути. Может быть с этим следовало смириться, как с неизлечимой болезнью, как с социальным злом, которое тогда поразило всё наше общество? Может быть... Но куда в таком случае девать обыкновенную человеческую совесть, имеющуюся у каждого из нас? Как можно без конца призывать людей к честности, а самим воровать? Как можно увольнять и судить рабочего за мелкое хищение, а самим похищать огромные суммы государственных средств? Такому лицемерию нужно ещё и научиться. Как ни терзал себя сомнениями, как ни старался найти ошибки в своём поведении, как не пытался

оправдать действия и решение Сеницына о моём выдворении с комбината, я всё более приходил к выводу, что иначе поступить не мог, что, если бы пришлось начинать всё сначала, то поступил бы так же.

61

Во время моего отсутствия в коллективе постоянно дебатировался вопрос: что вынуждает главного инженера уйти с комбината после неполного года работы? Как рассказывал мне Тарнопольский, его в течении последнего месяца подобными вопросами донимали инженерно-технические работники, рабочие и служащие. Многие недоумевали, другие выражали недовольство, третьи возмущались. Поступила анонимная жалоба на Сеницына в горком партии. Приезжал инструктор и беседовал с секретарём парторганизации Полежанкиным, многими коммунистами, главными специалистами, руководителями цехов, отделов и участков. Говорил он и с ним, как с исполняющим обязанности главного инженера.

Как только я явился на работу, меня вызвали в горком, где состоялся разговор с первым секретарём Малафеевым. Он посоветовал наладить отношения с директором и оставаться в Гомеле. И ещё меня поставили в известность, что вопрос о моём увольнении с комбината будет рассматриваться на партийном собрании.

Сеницын избегал разговоров на эту тему и ограничивался только служебными поручениями. Чувствовалось, что жалоба и разбирательства прибавили ему злости.

Я не стал проявлять активность и воздерживался от обращений в Совнархоз, ожидая рассмотрения вопроса на партсобрании.

Так продолжалось около двух месяцев, пока на комбинат не приехал начальник управления мясной промышленности Совнархоза Бируля.

После ознакомления с комбинатом, рассмотрения вопросов производства и строительства на совещании у директора, состоялся разговор в узком кругу о взаимоотношениях руководителей предприятия и их отрицательном влиянии на результаты работы. Бируля привёз анонимную жалобу группы инженерно-технических работников на поведение директора, где он упрекался в грубом и нетактичном отношении к подчинённым, игнорировании их мнений и предложений. Он не видел оснований для моего увольнения и пытался примирить нас. Уезжая, начальник главка велел повременить месяц-другой и, если ничего к лучшему не изменится, пообещал вернуться к этому вопросу.

Перед новогодним праздником состоялось партийное собрание с участием первого секретаря горкома партии Малафеева. Он зачитал жалобу на Сеницына, рассказал о нездоровой обстановке, сложившейся в коллективе, и распре между директором и главным инженером.

Коммунистам, в числе которых были руководители предприятия, главные специалисты, начальники цехов и отделов, многие рабочие и служащие, предлагалось откровенно высказаться по этим вопросам, внести предложения по разрядке напряжённости и оздоровлению обстановки.

В кратком выступлении Сеницына были отвергнуты все обвинения и упрёки, содержащиеся в коллективном заявлении, и содержалось требование о моём уходе с комбината. Николай Александрович заявил, что я подрываю его авторитет, игнорирую принцип единоначалия, окружил себя подхалимами и угодниками, создающими склоки и распространяющими клеветнические вымыслы на директора. Он не назвал моих сообщников поимённо, но можно было без труда догадаться, что он имел ввиду руководителей и главных специалистов - евреев.

Большинство выступивших на собрании коммунистов опровергли выдвинутые против меня обвинения. Они выражали недоумение поведением директора, рекомендовали ему освободиться от необоснованных подозрений и восстановить прежние отношения с главным инженером, которые плодотворно влияли на результаты работы комбината в прошлом.

Выступали на собрании главным образом неевреи, многие из которых считались сторонниками “жёсткой линии” директора, никогда и ни в чём ему раньше не возражали. Среди них был заместитель директора Брусенцев, начальник отдела производственно-ветеринарного контроля Сафронов, начальники цехов Гридина и Обушенко, заведующая лабораторией Матвеева и другие. Большинство из подразумеваемых Сеницыным “угодников и подхалимов” отмолчались, то ли посчитав это благоразумным, то ли испугавшись расправы над ними грозного директора.

Секретарь парторганизации, начальник отдела кадров Полежанкин, с одной стороны поддержал требования Сеницына о соблюдении принципа единоначалия и посоветовал мне учесть это на будущее, а с другой стороны счёл целесообразным сохранить руководство в прежнем составе, не видя оснований для моего ухода с комбината.

Подводя итоги обсуждения, Малафеев, выразив удовлетворение активностью коммунистов и их партийной принципиальностью, предложил навести надлежащий порядок в своём доме, а если это нам не удастся в ближайшее время, горком сделает оргвыводы.

Как-то, после собрания, заведующая лабораторией Матвеева по большому секрету рассказала мне, что, будучи её гостем на новогоднем празднике, Сеницын заявил её мужу, с которым имел тесные деловые связи, как с начальником железнодорожной станции Новобелица, что ни при каких обстоятельствах не оставит меня на предприятии, и разгонит синагогу, собравшуюся на комбинате.

62

1956-57ой годы ознаменовались рядом важных событий. Международная обстановка была сложной и непредсказуемой. Противостоящие друг другу военные блоки НАТО и стран Варшавского Договора вооружались новыми видами оружия, в том числе ракетно-ядерным. Казалось новой войны не миновать. Одолевал страх за детей.

В начале октября 1957-го года в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли. Началась космическая эра в развитии человечества. Можно было ожидать, что вероятный противник вскоре запустит свои спутники и начнётся соперничество за овладение космосом в военных целях.

Между странами Восточной Европы, оказавшимися после войны в зоне влияния Советского Союза, не было единства и искренних дружественных отношений. Ещё при жизни Сталина прервались связи с Югославией, которая не вошла в военный блок стран Варшавского Договора, а с середины 1956-го года стало всё более ощущаться стремление Венгрии выйти из этого военного союза.

Помню, как на партийном собрании обсуждалось закрытое письмо ЦК КПСС о событиях в Венгрии. Руководство этой страны обвинялось в измене интернациональному долгу и в предательстве интересов социалистического лагеря. По резкому, ультимативному тону письма чувствовалось, что, если венгры не подчинятся жестким требованиям Кремля, силового решения не миновать. Как всегда в таких случаях, выступило несколько заранее подготовленных коммунистов, которые одобрили мудрую и принципиальную политику партии, направленную на укрепление единства социалистического содружества. Собрание “единодушно” поддержало линию ЦК.

Вскоре в Будапешт вошли советские танки и Венгерское восстание или революция, как позднее назвали эти события, была потоплена в крови её защитников. В страну был введён “ограниченный” контингент войск для обеспечения “надлежащего” порядка.

Нескольким предприятиям мясной промышленности Белоруссии, в том числе и Гомельскому мясокомбинату, было поручено срочно отгрузить из хранящихся в холодильниках запасов государственного резерва несколько пятивагонных холодильных секций мяса в Венгрию для снабжения воинских частей, дислоцированных там. Это была первая отгрузка мороженных мясoproдуктов на экспорт за годы моей работы в промышленности.

63

В начале марта в Гомель вновь приехал начальник управления Бируля. Его пригласили партийные органы для решения кадровых вопросов. После встречи с Малафеевым он предложил мне поехать с ним в Могилёв для участия в решении ряда срочных производственных вопросов, возникших на новом мясокомбинате.

Перед отъездом мы подъехали ко мне домой, где я собрал всё необходимое в дорогу и предупредил об отъезде на несколько дней. По дороге Бируля объяснил, что стоял вопрос об освобождении Сеницына от занимаемой должности, но поскольку кандидатуры, подходящей по всем показателям для этой работы не нашлось, решили пока его оставить. Рассматривалась и моя кандидатура, но в обкоме посоветовали выдвинуть кого либо из коренной национальности. При этом он добавил, что, как только подберут “подходящего” директора, Сеницыну тоже придётся распрощаться с Гомелем с той только разницей, что переводить его на другое предприятие Белоруссии никто не будет, и ему нужно будет искать работу за её пределами.

Мне же Бируля предложил должность главного инженера Могилёвского мясокомбината, недавно введенного в эксплуатацию на новом месте, вместо полностью разрушенного в годы войны старого комбината. Он не торопился с решением, предложил воспользоваться возможностью ознакомления с предприятием в течении нескольких дней командировки, посоветоваться с семьёй и дать ответ в течении месяца. Начальник управления не скрыл от меня, что положение на комбинате критическое. Производственные планы систематически не выполнялись, качество продукции было низким, допущена

порча значительного количества мясoproдуктов, убытки превысили шесть миллионов рублей. Из-за плохого финансового состояния предприятие перевели на особый режим кредитования и расчётов. Шло следствие по недостатке мясoproдуктов на холодильнике.

По его мнению, всё это явилось результатом плохого руководства, непримиримой вражды между руководителями и непрерывных склок, в которых они погрязли. Он признал, что мне будет не легко решать эти и другие проблемы скопившиеся на комбинате, но выразил уверенность, что при большом желании все трудности могут быть преодолены.

Я молча слушал Бирулю и грустные мысли овладели мною. Вот уж поистине из огня да в полымя. Если оставаться в Гомеле нельзя было главным образом из-за опасности уголовной ответственности за злоупотребления при приёмке скота, которая может коснуться ограниченного числа работников, то здесь налицо полный букет уголовных дел по недостатке и порче, качеству, систематическому невыполнению планов производства и поставок продукции, из которых главному инженеру, и при том еврею, выкарабкаться неведимым и остаться на свободе просто невозможно. Здравый смысл подсказывал, что предложенная работа не для меня, от неё нужно безоговорочно отказаться.

С таким настроением входил я в здание Могилёвского обкома партии, расположенного в самом центре города. Это был готического стиля дворец, который когда-то принадлежал богатому польскому князю. С обеих сторон парадного входа, в сквере, примыкающем к фасадной стороне большого двухэтажного дома, стояли бронзовые скульптуры Ленина и Сталина. Сюда пригласил меня Бируля перед поездкой на комбинат, расположенный на окраине города, носящей странное название Луполово.

Постовой милиционер, видимо заранее предупреждённый о нашем приезде, взял под козырёк и вежливо объяснил, как пройти в приёмную товарища Зинкевича. Коридоры и лестницы были устланы богатыми коврами дорожками и чем-то напоминали картину Молодечненского обкома, только здесь всё выглядело намного уютнее.

Миловидная блондинка доложила о нашем прибытии, в приёмную вышел высокого роста, уже немолодой мужчина с приятной улыбкой на лице и пригласил в кабинет. После знакомства и нескольких фраз о погоде и снегопаде, доставившем много хлопот коммунальной службе, Зинкевич высказал пожелание сперва побывать с нами на комбинате, а уж затем обговорить все вопросы здесь с участием первого секретаря обкома Криулина, который должен к концу дня прибыть из Минска.

Когда мы выходили из обкома к уже не первой свежести машине начальника управления Совнархоза, стоявшей у подъезда, подкатила новенькая, блестящая свежей краской и никелированным бампером “Победа” Зинкевича - секретаря по промышленности.

Проезжая по центру города я заметил, что объём строительно-восстановительных работ здесь намного превышал Оршанский, Молодечненский и даже Гомельский. Центральная улица, Первомайская, была вся в строительных лесах и застраивалась большими многоэтажными домами, подобными тем, что возводились на проспекте Ленина в Минске. Город был сильно разрушен. После Брестской крепости, это был первый город Белоруссии, который оказал упорное сопротивление немцам, и у стен которого около месяца шли тяжёлые кровопролитные бои.

Подъезжая по крутому спуску к Днепру, машина резко снизила скорость. Переправа на другой берег по временному деревянному мосту регулировалась постовым “ГАИ”. Рядом строился новый мост, вместо разрушенного в годы войны.

Вскоре пришлось остановиться, так как очередь продвигалась медленно. К машине секретаря обкома подошел невысокого роста пожилой мужчина, который о чем-то переговорил с Зинкевичем и они вдвоём пошли по направлению к нашей машине. Бируля, а вслед за ним и я вышли им навстречу. Когда мы поравнялись, Зинкевич представил своего собеседника:

-Рувим Мойсеевич Шуб - заместитель председателя облисполкома, куратор строительства моста. Здесь его можно найти чаще, чем в его кабинете в Доме Советов или в квартире, что в пяти минутах ходьбы отсюда.

-В этом нет моей заслуги. Мне здесь просто приятней, чем там, - отреагировал на похвалу Шуб.

Он пообещал ускорить наш въезд на мост, попрощался и пошёл по направлению работника ГАИ, управлявшего движением транспорта. Небольшую паузу, в ожидании милицейского регулировщика, Зинкевич заполнил рассказом о Шубе. До войны он работал первым секретарём Могилёвского горкома партии. Из города ушёл в конце июля сорок первого с последними частями Красной Армии, оборонявшими Могилёв, всю войну отслужил комиссаром, а в сорок пятом его демобилизовали в чине полковника. С тех пор он работает в облисполкоме.

Зинкевич не объяснил почему Шуб не вернулся на партийную работу. Об этом мне в своё время рассказывал Перетицкий. После войны, по указанию секретаря ЦК КПБ Пономаренко, партийные органы, начиная от райкомов, были полностью очищены от евреев, которые раньше составляли большой удельный вес и нередко занимали довольно высокие должности. Теперь они не могли быть даже инструкторами в райкоме или горкоме партии.

С помощью милиционера мы без очереди въехали на мост и оказались в Луполово, пригороде Могилёва. Это было старое еврейское местечко, где до революции жили кустари-ремесленники, которые занимались убоем скота, выделкой кожи, изготовлением обуви и других кожаных изделий. Отсюда, наверное, и произошло название местечка (от слов “лупить” шкуры). Застроенное, в основном, одноэтажными деревянными домами, почти без зелени, выглядело оно как-то убого и неудобно. Ещё были видны следы войны и нередко попадались разрушенные дома и другие строения. От Днепра и до автостреды на Оршу шла длинная, узкая улица с булыжной мостовой и деревянными тротуарами, носившая название Пушкинская. За автостредой, на окраине Луполово находился мясокомбинат, который по площади в несколько раз превышал Гомельский, Молодечненский и даже Минский.

О близости к этому предприятию можно было судить по сильному зловонному запаху, который резко отличался от знакомых мне “родных запахов”, присущих большинству предприятий мясной промышленности.

Наверное, о приезде начальства здесь знали заранее. Об этом можно было догадаться по внеочередной уборке прилегающей к комбинату территории и ожидающих у подъезда руководителях областного мясотреста. Такие органы управления были недавно созданы в областях на базе областных контор “Заготскот”. Им ввели в штат нескольких специалистов мясной промышленности и подчинили мясоптицекомбинаты области. Одновременно в Минске было ликвидировано “Белглавмясо”. Эта реорганизация, как и все другие, имела благие намерения. Стремились приблизить руководство к предприятиям, устранить ведомственные барьеры, достичь равномерной поставки сырья. Целей было много но, как и при всех других структурных переменах, желаемых результатов не достиглось и приходилось возвращаться к старым схемам. Так было и с мясотрестами, которые просуществовали всего несколько лет и были ликвидированы. В Гомеле такой трест тоже был создан, но в работу мясокомбинатов он практически не вмешивался и занимался по-прежнему только заготовками скота. В Могилёве же трест принял на себя функции управления перерабатывающей промышленностью, что сыграло отрицательную роль на результаты её работы.

У подъезда, в ожидании высокого начальства, стоял управляющий трестом, его заместитель и начальник производственно-технического отдела. Управляющий заметно отличался внешним видом, манерой поведения и одеждой. Он был среднего роста, лет около пятидесяти с заметно выделяющимся животиком. На нём был добротный тёмный костюм, модные выходные туфли, шляпа и шикарное демисезонное пальто.

После любезных рукопожатий начальству он представился мне;

-Жудрак Иван Андреевич - управляющий мясотрестом.

С видом гостеприимного хозяина он пригласил гостей в свой кабинет, который располагался напротив кабинета директора мясокомбината. На дверях ещё сохранилась табличка: “Главный инженер”.

Когда все уселись Жудрак объяснил:

-Директор в прокуратуре. Он уже фактически не работает и мне приходится на двух фронтах трудиться. До обеда я, обычно, в тресте бываю, а всё остальное время - здесь. К этому же главный инженер увольняется, на свою родину, на Украину уезжает. Трудностей испугался. Да и помощи от него было мало. Он ведь ветврач, а не инженер.

Бируля пожелал раньше осмотреть предприятие, а затем уже обсудить все вопросы. С этим согласился и Зинкевич. Жудрак предложил всем одеть халаты, которые заблаговременно были уложены на полочке пристенного шкафа.

Как только мы вышли на территорию, увидели гору субпродуктов, уложенных штабелем вплотную к наружной стене холодильника, Оттуда доносился зловонный запах.

-Что это значит? - возмущённо спросил Бируля.

-Такие здесь хозяева были. Обработать субпродукты не успевали и на мороз понадеялись. Вот и складывали на улице в расчёте сделать это позднее. А зима то у нас белорусская. Потеплело - всё начало портиться. Сейчас пытаемся что возможно спасти, - без тени смущения ответил Жудрак.

-А вы в это время где были? Для чего же тресты создавали? - Резонно негодовал Бируля.

-Директор здесь неуправляемый. Я ведь неоднократно ставил вопрос об его освобождении, но он пользуется чьей-то поддержкой в Совнархозе и правительстве, - продолжал упорствовать Жудрак.

-Не знаю чьей поддержкой пользуется директор, но за эти безобразия и вам отвечать придётся, - подытожил Бируля, желая выразить своё недовольство позицией управляющего трестом.

Поведение Жудрака недвусмысленно отражало обстановку сложившуюся на комбинате и взаимоотношения между руководством треста и комбината. Я никогда не видел директора комбината и не слышал отзывов о нём, как о руководителе и специалисте, но почему-то мне хотелось его защитить от обвинений его непосредственного начальника.

Вероятно такое же мнение сложилось и у начальника управления. Это проявилось в ходе дальнейшего ознакомления с предприятием. В холодильнике мы видели большое количество жира-сырца, замороженного штабелем из-за несвоевременной перетопки, в колбасном цехе скопилось много солонины, хранившейся в коридорах и других неохлаждаемых помещениях, качество которой вызывало сомнение. Во всех этих и других подобных случаях Жудрак упрекал руководство мясокомбината, что всё более раздражало Бирулю.

Когда мы, заканчивая обход производства, пришли на скотобазу и увидели переполненные загоны, в которых скот стоял по шиколотку в грязи, без корма и воды, Бируля пришёл в ярость и спросил:

-А кто за эти художества ответит? Сколько суток понадобится комбинату для переработки такого количества скота? Какими потерями веса и упитанности это обойдётся? Почему вы не приостановили приёмку, когда запасы превысили двухсуточную норму?

-Об этом нужно спросить у директора, который не организовал своевременную переработку. Колхозы и совхозы должны выполнять план сдачи мяса государству и я не могу сдерживать приёмку, - попытался огрызнуться Жудрак, поглядывая на Зинкевича и как бы ища у него поддержки.

Однако секретарь обкома не стал вмешиваться в разговор. Слишком уже очевидным было желание управляющего трестом выслужиться перед областным начальством и угождать ему в ущерб интересам мясокомбината, который отдан ему в подчинение.

Бируля заявил что ему всё ясно и нет смысла тратить больше времени на бесполезные дискуссии. Все направились в заводоуправление. К нашему приходу вернулся с допроса директор и разговор продолжили в его кабинете. Он поздоровался со всеми, а мне представился:

-Зиняев Иван Егорович - директор комбината.

Бируля оценил обстановку, сложившуюся на предприятии, как критическую и попросил у Жудрака и Зиняева объяснений и предложений по её исправлению.

Жудрак вновь всю вину возложил на Зиняева, который якобы самоустранился от руководства предприятием и поэтому должен нести всю полноту ответственности.

Зиняев признал свою вину во многих недостатках, допущенных за годы его работы директором до подчинения комбината облмясотресту, и объяснил их своей неопытностью, а также многими организационными и техническими неполадками, имевшими место на новом предприятии в период освоения производственных мощностей. Что же касается периода работы в подчинении облмясотреста, то вся вина, по его мнению, полностью ложится на управляющего трестом, который фактически отстранил его от руководства и пытается самолично решать все производственные, хозяйственные и финансовые вопросы, не обладая знаниями и опытом работы в мясной промышленности. Он также признал, что не в состоянии уже сейчас навести надлежащий порядок на комбинате, но предложил и Жудрака отстранить от руководства мясокомбинатом во избежание тяжёлых последствий.

Секретарь обкома Зинкевич, не принимавший до сих пор участия в дискуссии, заявил, что в связи со сложностью обстановки и необходимостью оргвыводов, разговор следует продолжить у первого секретаря обкома. Он позвонил Криюлину, договорился о приёме на завтра и предложил Бируле, Жудраку, Зиняеву и мне тоже явиться туда.

64

До поздней ночи обсуждали мы с Бирулей в уютном полулюксе гостиницы "Днепровская" положение, сложившееся на комбинате.

Начальник управления пытался с моей помощью понять, как могло случиться, что на новом, хорошо оснащённом предприятии допущен такой букет вопиющих безобразий. К сожалению, я не мог ему в этом помочь, так как за десять лет работы в промышленности подобного не видел. Одно было ясно, что Жудрака и Зиняева следует отстранить от руководства предприятием и чем скорее, тем лучше.

За завтраком, в гостиничном кафе, я попросил Бирулю не выдвигать мою кандидатуру на должность главного инженера Могилёвского комбината, так как для меня он стал бы краткосрочной пересадкой в тюремную камеру, на что он ответил, что по-человечески мою просьбу понимает, но снять своё предложение не может.

Когда мы вошли в приёмную первого секретаря обкома, там уже находились все приглашённые и секретарь доложила о нашем прибытии.

Криулин встретил нас у дверей своего кабинета и пригласил за длинный стол, стоящий у окон, вдоль наружной стены. Сам он уселся в кресло в торце стола и предоставил слово Зинкевичу.

В его короткой информации была дана довольно полная картина положения дел на предприятии, взаимоотношений между его руководителями и изложены предложения по нормализации обстановки на комбинате.

Мне уже не в первый раз приходилось слушать сообщения партийных работников своим вышестоящим руководителям и я каждый раз удивлялся тому, как удаётся им так чётко и в то же время полно изложить существо вопроса в течении нескольких считанных минут. Слушая доклад Зинкевича, я про себя отметил, что такой стиль изложения может быть достигнут только многолетней практикой и является, наверное, одним из важных качеств партфункционеров.

В числе первоочерёдных мер, секретарь обкома предложил подбор кандидатуры нового директора и назначение меня главным инженером.

Жудрак и Зиняев повторили вчерашние противоречивые объяснения, а Бируля в общем согласился с оценкой положения на комбинате, изложенной Зинкевичем, а также с его предложениями по кадровым вопросам и назначениям. При этом он не скрыл моего отказа от предложенной должности главного инженера.

Криулин предложил Зинкевичу подготовить вопрос о работе мясокомбината для рассмотрения на заседании бюро обкома, а меня просил подумать о предложении управления мясной промышленности и обкома партии и сообщить о принятом решении ему лично, завтра, до десяти утра.

С тяжёлым чувством покидали мы кабинет первого секретаря обкома. Каждому было о чём подумать в сложившейся обстановке.

Остаток дня провели на комбинате. Бируля подробно интересовался финансово-экономическими результатами работы за первые месяцы текущего года, беседовал с руководителями отделов и цехов, главными специалистами, секретарём парторганизации. Побывали на птицекомбинате, который недавно был построен рядом с мясокомбинатом. Их разделял только лёгкий сетчатый забор. Общими были и котельная, водоснабжение, канализация, электрохозяйство. Наверное, поэтому, в отличии от других птицеперерабатывающих предприятий республики, Могилёвский птицекомбинат не был передан “Белптицетресту”, а существовал, как цех мясокомбината. Похожими были и результаты работы за прошлый год и первые месяцы нового года.

За забором птицевеха располагалось здание заводоуправления, половина которого была отдана под жильё, а во второй половине были кабинеты начальника цеха, ветврача и цехового бухгалтера. Бируля предложил разместить служебные кабинеты в производственном корпусе, а освободившиеся комнаты использовать как жилплощадь для главного инженера, что не вызвало возражений теперешних обладателей этих помещений.

Вторую половину дня Бируля провёл в облисполкоме и горкоме партии, а я беседовал с директором Зиняевым. Он оказался довольно грамотным инженером и разумным человеком. Сюда его направили после окончания Московского института мясной и молочной промышленности на должность главного инженера. Строительство нового комбината заканчивалось и корректировать проектные решения было уже поздно. Да и нужного производственного опыта не было. Ко времени ввода комбината в эксплуатацию на должность директора был назначен некий Шепилов, который до этого работал председателем облпотребсоюза в Пинске. Знания его ограничивались уровнем Совпартшколы областного масштаба, а опыт - кустарным производством пищевых продуктов в артелях потребкооперации. Апломба же было столько, сколько обычно бывает у номенклатурных работников с многолетним стажем. Понадобилось около трёх лет пока всем стало ясно, что Шепилова пора возвращать в потребкооперацию. За это время он успел навлечь столько бед и создать столько проблем, что молодому Зиняеву, назначенному директором, не под силу было с ними справиться. Когда же были созданы мясотресты и комбинат подчинили бывшему управляющему областной конторы “Заготскот” Жудраку, знания, опыт, стиль и методы работы которого были схожими с Шепиловскими, новому директору стало совсем невмогуту и положение дел на предприятии ещё более усугубилось. Критическим оно стало в прошлом году и Зиняев понял, что оставаться дальше в Могилёве

опасно из-за угрозы уголовной ответственности за недостачи и хищения, а также огромные убытки, которые нанесены государству от порчи продукции и безхозяйственности.

Ему предложили должность главного инженера Брестского мясокомбината и он дал согласие. Если только не помешает прокуратура, ведущая следствие по недостаче на холодильнике, и не исключат из партии на очередном бюро обкома, он собирался уехать в Брест как только передаст комбинат новому директору.

Мне же Зиняев советовал дать согласие на замещение должности главного инженера при условии назначения нового директора и отстранения Жудрака от руководства предприятием. По его мнению комбинат уже переболел основными проблемами освоения мощностей и становления кадров руководителей и специалистов, и при грамотном и старательном руководстве можно в течении нескольких месяцев исправить положение с объёмами производства, качеством продукции и технико-экономическими показателями.

Иван Егорович пригласил меня домой, познакомил со своей женой Зоей Ильиничной, окончившей институт вместе с ним и работавшей в областном управлении торговли. За ужином он дал мне несколько полезных советов по работе и объективно оценил деловые качества ведущих специалистов, руководителей основных цехов и отделов.

Было уже за полночь, когда Зиняев на служебной машине отвёз меня в гостиницу.

65

Криулин принял нас в назначенный час и был немногословен. Он искренне удивлялся моей нерешительности и советовал немедленно приступить к работе. Для него было непонятно, как мог я в шестнадцать лет добровольно уйти на защиту Родины, а в зрелом возрасте оказался трусом и испугался трудностей.

Глеб Александрович сказал, что мог бы прибегнуть к партийной дисциплине и другим мерам принуждения, но не станет этого делать. Он только просил помочь областной парторганизации навести надлежащий порядок на важном для города и области предприятии. Криулин обещал не давать меня в обиду и оказывать необходимую поддержку. Он заверил, что дверь его кабинета будет для меня постоянно открыта и я смогу обратиться к нему за помощью в любое время.

Бируля в свою очередь дал твёрдое обещание помочь комбинату в решении всех производственных, хозяйственных и финансовых вопросов. Он разрешил оплачивать моё проживание в гостинице на время ремонта временной квартиры, а также выделить недостающие средства на окончание ведомственного жилого дома в центре Луполово.

Мне ничего не оставалось как согласиться с предложенной мне должностью. Криулин, Зинкевич и Бируля крепко пожали мне руку и пожелали успехов.

С обкома поехали на комбинат, где было созвано производственное совещание с участием руководителей цехов, отделов и служб, на котором Бируля объявил о моём назначении. Одновременно он предложил Жудраку предоставить комбинату полную самостоятельность в решении производственно-хозяйственных и финансовых вопросов, и не подменять впредь в этом руководство предприятия. Был также оглашён приказ об освобождении Зиняева от обязанностей директора.

Перед отъездом Бируля попросил меня какое-то время поработать без директора, исполняя одновременно и его обязанности. Мою просьбу о поездке в Гомель для сдачи дел он отклонил и дал указание Синицыну сделать это без моего участия.

По звонку Зинкевича, в виде исключения, мне был выделен одноместный номер в гостинице без ограничения срока проживания, и с первого марта я приступил к исполнению обязанностей директора и главного инженера Могилёвского мясокомбината.

Первая неделя прошла в напряжённом ритме. Я приезжал на комбинат задолго до начала работы и трудился до позднего вечера. Во всём чувствовалась безответственность и безразличие. Не было контроля за выполнением текущих производственных заданий, первичный и бухгалтерский учёт были в запущенном состоянии, не выполнялись планы отгрузки продукции союзным и республиканским потребителям, а также задания по поставкам мясных изделий местным торгующим организациям. Результатом этого были штрафные санкции и плохое финансовое состояние комбината. Не было средств даже на выплату зарплаты, не говоря уже о премиальных по действовавшим в промышленности системам премирования. Из-за низкой зарплаты и нарушений сроков её выплаты росли хищения, которые носили массовый характер. Как всегда в таких случаях, коллектив погряз в сплетнях и склоках, в нём образовались враждующие группы. Большая

часть рабочих и специалистов впали в апатию. Все эти и многие другие проблемы стали хроническими и люди потеряли веру в возможность их решения.

На совещании с главными специалистами был проведен анализ недостатков в работе и выработаны меры по их устранению. Им было предоставлено право самостоятельного решения всех вопросов по их функциям и должностным обязанностям, но повышена ответственность за результаты.

Из опыта работы Уткина на Оршанском комбинате был введен порядок ежедневных обходов производственных цехов в начале рабочего дня, утренних планёрок перед началом работы, еженедельных совещаний с руководителями производственных и вспомогательных цехов и главными специалистами с анализом выполнения полученных заданий и достигнутых результатов.

Было покончено с уравниловкой. За невыполнение заданий, поручений и договоренностей виновные стали привлекаться к ответственности, а положительные результаты отмечались и поощрялись. Уже к концу первой недели работы два мастера вспомогательных цехов были привлечены к дисциплинарной ответственности, а начальник котельной был предупрежден об освобождении от занимаемой должности при повторном срыве обеспечения производства паром и горячей водой.

На совещании по итогам работы за первую неделю руководители основных производственных цехов заверили, что если и впредь им будет оказываться такая помощь и внимание, доведенные им месячные задания будут безусловно выполнены.

В канун женского праздника - 8-го марта я выехал в Гомель, чтобы повидаться с семьёй и оформить своё увольнение с прежней работы.

66

Трудным было прощание с Гомелем. Не только потому, что нравился мне этот уютный город на самом юге Белоруссии, и не потому, что здесь удачно сложились служебные дела у Анечки, довольны были мальчики прекрасной школой рядом с домом, а Верочка была любимицей всех воспитателей детского сада. Даже не потому, что квартира здесь была лучше всех предыдущих и у нас было много милых друзей на работе, хороших соседей по дому, а дети не так заметно, как раньше, чувствовали своё еврейское происхождение. Больше из-за того, что испытывал чувство унижения и оскорбления фактическим изгнанием из коллектива, который стал мне родным и близким, того самого, которому служил верой и правдой, где так много было сделано для его расширения, развития и превращения предприятия из отстающего в передовое. Угнетала несправедливость предпочтения пусть плохого, но своего Синицына, пусть даже и лучшему, но чужому властям Гимельфарбу. До слёз было обидно чувствовать свою второсортность, которая так отчётливо проявилась в моём конфликте с директором. Жаль было, что из-за недостатка времени не удалось осуществить многое из задуманного, особенно в области технического творчества. Впервые так сложилось, что за полтора года здесь не было внедрено ни одной собственной разработки по усовершенствованию техники и технологии.

Не хватило сил и мужества пойти на комбинат, чтобы попрощаться с коллективом и передать дела тому же Тарнопольскому, у которого я их ещё не так давно принял. Я отдал ему ключи от кабинета и шкафов и ответил на все его вопросы дома. Сюда же пришел начальник отдела кадров Полежанкин, который принёс мне трудовую книжку.

Прощаться пришли многие рабочие, инженеры и служащие, а также друзья. Особенно тёплым было прощание с Григорием Афанасьевичем Любаном, с которым у меня сложились очень близкие дружественные отношения. Он лучше других понимал моё состояние и старался, как мог, меня поддержать. В отличие от меня он расценивал мой уход с комбината не как поражение, а как победу добра над злом, правды над ложью, совести над наглостью.

Нашему отъезду из Гомеля больше всех сопротивлялись дети. Они просили оставить их здесь до лета, до окончания учебного года. Так мы и решили на семейном совете.

67

Обычно молчаливый водитель служебной “Победы” Николай Иванович Хотяинцев на обратном пути в Могилёв вдруг разговорился. Его тронули добрые слова многочисленных моих друзей и знакомых, которые пришли попрощаться со мной перед отъездом.

- С Зиняевым так прощаться не будут, - многозначительно произнёс он.

В порыве чувств он стал мне жаловаться на Жудрака и Зиняева за их грубое отношение к людям и равнодушие к их нуждам. Он работал на комбинате со времени демобилизации из армии, за это время уже сменилось несколько директоров и все они были удивительно похожи друг на друга. Старались как можно

больше урвать себе и мало думали о своих подчинённых. Глядя на это, рабочие тоже не очень выкладывались на работе и старались что-нибудь вынести с комбината. По его словам многие выносили продукцию не только для нужд своей семьи, но и для продажи, а некоторые на этом даже разбогатели. Он считал, что слишком жестоко наказывают рабочих за мелкие хищения, а воры-профессионалы, которые на этом наживаются, остаются неуловимыми и безнаказанными.

Человек он, чувствовалось, был порядочным и скромным. Как рассказывала мне инспектор по кадрам, Громыко, что жила с ним по соседству, жил он очень бедно и с трудом сводил концы с концами. Его жена нигде не работала, так как была занята уходом за малолетней дочерью, родившейся калекой и не поднимающейся с постели. Несмотря на малую свою зарплату, бедность и нищету в доме, Николай Иванович ни разу не был задержан с похищенной продукцией. За многие годы работы шофёром он не допустил ни одного дорожно-транспортного нарушения и содержал машину всегда в исправном состоянии. Он строго соблюдал правила движения и никогда не превышал дозволенную скорость. Когда я как-то спросил нельзя ли чуть побыстрее ехать, он охотно согласился и послушно произнёс:

- Сейчас, сейчас, товарищ директор!

Когда же я посмотрел на стрелку спидометра, то убедился, что она осталась в прежнем положении, на скорости предписанной дорожным знаком.

Он потом много лет возил меня на различные служебные мероприятия и, как бы я не торопился, мне не приходило в голову просить Николая Ивановича прибавить скорость, так как знал, что это занятие бесполезное.

Забегая вперёд скажу, что Хотяинцев еще несколько лет оставался водителем служебной легковой машины и лично я его работой был вполне доволен. Сменили его на этом посту не по моей инициативе и вопреки моему желанию.

68

Нового директора мне пришлось ждать долго. Дела на комбинате пошли на поправку и руководство Совнархоза, местные партийные органы не торопились менять руководство. Жудрак теперь реже вмешивался в управление предприятием и часто подчеркивал, что на это его раньше вынуждали нерадивые и безвольные руководители комбината.

На партийных активах и пленумах горкома и обкома партии нередко отмечались положительные перемены, происходящие на мясокомбинате, а на очередной партконференции меня неожиданно избрали членом пленума горкома.

Бируля выполнил свои обещания в части финансовой помощи комбинату и, с учётом положительных изменений в производственных показателях по итогам работы за первое полугодие, предприятие было снято с особого режима кредитования и расчётов.

Были выполнены задания по поставкам продукции и на расчётном счёте, впервые за последние годы появились свободные деньги. Стало возможным не только выплачивать премии по действовавшим положениям о премировании, но и ввести новые формы поощрения, стимулирующие рост объёмов производства, повышение производительности труда, снижение затрат и улучшение качества продукции. Все это заметно повысило материальную заинтересованность работников в результатах труда и повысило уровень их зарплат.

По итогам работы за второй квартал комбинату, впервые за все послевоенные годы, была присуждена третья республиканская премия.

Хоть размер этой премии был небольшой и была она не первой и не второй, а только третьей, для вручения комбинату положенной в таких случаях Почётной грамоты Совнархоза прибыл начальник управления мясной промышленности Бируля. Это было его первое посещение комбината со времени исполнения мною обязанностей директора и главного инженера. Он не скрывал своего удовлетворения положительными переменами и на собрании, посвященном вручению Почётной грамоты, назвал их революционными. Была выражена надежда, что достигнутые успехи будут закреплены и комбинат прочно займёт почётное место среди предприятий мясной промышленности республики. Бируля обещал рассмотреть подготовленные предложения по расширению и реконструкции мясокомбината, и выделить капиталовложения на эти цели. В качестве первоочередной задачи коллектива он назвал повышение качества продукции.

В ходе осмотра производственных и вспомогательных цехов я конкретно обосновал необходимость и экономическую целесообразность их реконструкции. Из других просьб, с которыми обычно в таких случаях обращаются к начальству, главной была - назначение нового директора. Совмещение обязанностей

главного инженера и директора на мой взгляд отрицательно сказывалось на результаты работы и я искренне просил ускорить решение этого вопроса.

Бируля заверил, что вопрос о назначении директора или главного инженера в ближайшее время будет решен. Он даже раскрыл причину задержки его решения. Руководство Совнархоза считало целесообразным оставить меня в должности директора, а главного инженера подобрать с моим участием из молодых специалистов, работающих на комбинате. Такие предложения были представлены в обком партии и ЦК КПБ.

Не скрою, что мне было лестно слышать об этом из уст начальника управления. Более того, было и подспудное желание попробовать себя в роли первого руководителя, дающей больше прав и возможностей для самостоятельного решения вопросов хозяйствования и управления предприятием, но в памяти вставляли примеры Уткина, Гельфанда, Любана, которые, обладая не меньшими знаниями и значительно большим опытом, не избежали печальной участи, которую раньше или позднее познают большинство руководителей-евреев.

Вот почему я искренне просил Бирулю оставить меня в должности главного инженера с тем, чтобы дать возможность сосредоточиться на вопросах техперевооружения, качества продукции и технического творчества.

Несмотря на веские доводы, начальник управления остался при своём мнении и обещал вернуться к этому вопросу, когда станет известно мнение парторганов.

69

Начальником производственно-технического отдела обмясотреста со времени его образования работала Берта Лазаревна Зарх. Она после войны закончила Московский мясо-молочный институт и молодым специалистом прибыла в Брест в качестве главного инженера мясокомбината. Это был грамотный инженер и большой патриот мясной промышленности. Именно тот редкий случай, когда специальность технолога мясной промышленности была избрана по призванию, подобно тому, как часто избирают специальность врача, учителя, геолога или юриста.

Технологию она знала, пожалуй, лучше всех своих коллег в промышленности. Я знал Берту Лазаревну ещё со времени работы на Оршанском комбинате, когда мне пришлось быть в командировке в Бресте по вопросу рекламации, предъявленной к качеству отгруженной вагонной партии колбасы. Меня тогда поразило, как она по одному внешнему виду и запаху батона безошибочно определяла не только наименование и сорт колбасы, но и допущенные нарушения в рецептуре и технологии изготовления продукции.

С большим трудом мне тогда удалось избежать штрафных санкций за отгрузку нестандартной продукции. Берта Лазаревна почему-то пожалела меня, хоть предъявленные ею претензии были неоспоримы. Она уделила мне тогда много внимания, угощала вкусными блюдами в заводской столовой, показала достопримечательности города и легендарной Брестской крепости, а провозжая призналась, что погрешила в освобождении комбината от санкций только потому, что ей понравилось, как горячо я отстаивал честь своего предприятия.

Хоть ей уже было далеко за тридцать, она почему-то жила одна и даже ни с кем из мужчин не встречалась. Как-то, в порыве чувств, Берта Лазаревна призналась, что любила сокурсника - еврейского парня Мишу, с которым встречалась несколько лет и рассчитывала создать семью, а перед распределением на работу он изменил ей и уехал в Харьков с чёрноглазой украинкой. С тех пор она потеряла веру в мужчин и избегала серьёзных знакомств с ними.

Зарх жила в ведомственном доме барачного типа, недалеко от театра, где занимала одну небольшую комнату. Мы часто ходили с ней в кино, театр, на концерты в городской дом культуры и тем как-то разнообразили рутинную жизнь в течении нескольких месяцев до приезда моей семьи. Все звали её только по имени и отчеству. Мне же она велела обращаться к ней в неофициальной обстановке только по имени.

Берта очень любила серьёзную музыку и собрала большую коллекцию грампластинок с ариями из опер русских и зарубежных композиторов. Под предлогом послушать грамзаписи она несколько раз приглашала меня домой и угощала чаем и вкусным домашним печеньем.

В обращении с сотрудниками в тресте и с работниками комбината она была очень резкой, порой даже грубой и, не стесняясь в выражениях, всегда принципиально отстаивала свою позицию. Зная эту особенность, и учитывая её знания и эрудицию, с ней редко спорили и, порой, уступали даже тогда, когда её точка зрения вызывала сомнения.

На комбинате её побаивались не только мастера и технологи, но и руководители цехов и главные специалисты. Когда Берта Лазаревна совершала обходы цехов, она, обычно, обувала резиновые сапоги, тёмный халат и не брезгала самыми грязными участками производства. Обнаружив непорядок или нарушения технологии, она допекала виновных в этом работников до слёз. Нередко Берта становилась вместо рабочего на его место и показывала, как нужно выполнять ту или иную технологическую операцию. И делала она это мастерски. Это был, наверное, единственный случай, когда инженер был в состоянии поучать рабочих не только словами, но и личным примером, притом почти на всех технологических операциях. Эту её особенность очень ценили мастера и рабочие и потому ей многое прощали.

Со мной Берта была предельно вежлива не только в свободное от работы время, но и в служебной обстановке и это не могло остаться незамеченным. Кое-кто стал поговаривать об особых симпатиях “Железной леди”, как часто называли Берту Лазаревну, ко мне. Поползли даже слухи о личных отношениях между нами. Не чувствуя за собой никакой вины, я спокойно реагировал на них.

Я искренне считал наши отношения чисто дружескими. Берта Лазаревна не только украсила мою трудную, одинокую жизнь в чужом городе, но и оказала существенную помощь в работе, в частности в наведении надлежащего порядка в технологии производства и качестве продукции. За всё это я был ей безмерно благодарен и сохранил к ней доброе отношение на долгие годы нашей совместной работы.

70

Только в середине августа закончили ремонт моей временной квартиры и предоставилась возможность перевезти семью в Могилёв. Анечка заблаговременно уволилась с работы с записью в трудовой книжке “...в связи с переводом в Могилёвский облямясотрест”. Об этом договорились заранее с Жудраком, который предложил ей должность старшего инженера-технолога производственно-технического отдела, начальником которого была Берта Лазаревна.

Вещей у нас к тому времени прибавилось и пришлось взять два грузовых автомобиля и служебную “Победу” для пассажиров. Обида за моё выдворение из Гомеля ещё не прошла и хотелось погрузиться и уехать как можно быстрее. Утром попросил Тарнопольского прислать немного гвоздей и пару плотников, чтобы закрепить мебель к кузовам машин. Каково же было моё удивление, когда он отказал мне в этом, ссылаясь на запрет директора оказывать какую либо помощь мне и моей семье. Григорий Давыдовыч признался, что боится нарушить приказ Синицына, который в последнее время просто озверел от злости за неудачи в работе, ухудшение отношения к нему вышестоящего начальства и партийных органов, а также из-за многочисленных жалоб рабочих на моё увольнение.

Когда об этом возмутительном поступке узнал Григорий Афанасьевич Любан, он пришел в сопровождении двух плотников с птицекомбината и руководил погрузкой мебели и домашней утвари до полного завершения этой работы. Помогали нам также грузиться многие работники комбината, которые, несмотря на запрет Синицына, пришли помочь и проститься с нами.

Тарнопольский рассказал, что дела на комбинате идут совсем плохо. Они не только лишились передовых мест в республиканском соревновании, но и не выполняют основных плановых заданий по производству и поставкам продукции. Возможности премирования сократились и снизилась зарплата работников. Районы Черниговской области потеряли интерес к поставкам скота на Гомельский комбинат (Зильберг боялся продолжать с ними “гешефты”), что привело к сокращению сырьевой зоны и снижению объёмов производства.

Синицын быстро терял авторитет в партийных органах и в коллективе. Как всегда в таких случаях участились проверки деятельности предприятия со стороны контролирующих организаций. Недавно закончилась проверка сохранности соцсобственности комиссией областного комитета Народного контроля, по результатам которой директору объявили строгий выговор и на него произвели денежный начёт в размере трёхмесячного оклада. Началась очередная проверка соблюдения финансовой дисциплины контрольно-ревизионным управлением областного финансового отдела. Зачастили комиссии санитарной службы, инспекции по качеству товаров, правоохранительных органов. Так обычно бывало, когда руководитель предприятия терял поддержку партийных органов или они намеревались сделать кадровые перемены.

Всё зло он сосредоточил на мне и моих единомышленниках, которые лишили его благополучия, спокойной и обеспеченной жизни, а теперь, как ему казалось, пытаются отнять у него и власть. К моим сторонникам Синицын относил в первую очередь Тарнопольского и других руководителей-евреев, хотя на том памятном партийном собрании меня поддерживали не только и даже не столько они, сколько бывшие его сторонники - неевреи. Он, без стеснения, часто заявлял, что вынудил меня бежать с комбината и на этом не успокоится. Придется бежать и другим, первым в их числе должен был стать Тарнопольский. С его мнением

директор перестал считаться и давно игнорировал его, как исполняющего обязанности главного инженера. На него только возлагалась ответственность за все беды и неудачи, что случались на комбинате. Недавно Синицын гостеприимно обхаживал главного инженера Полоцкого мясокомбината Тимофееву, которой предложил стать его первым заместителем. Ей же была предложена и моя квартира, как только я перевезу семью в Могилёв. Всё это делалось в присутствии Григория Давыдовича, которому даже не была предложена никакая другая работа.

Тарнопольский рассказал также об ожидаемых увольнениях мастера цеха первичной обработки шкур Сыротина и начальника цеха ширпотреба Рудштейна, якобы по причине отсутствия специального образования. Оба они проработали на комбинате по несколько десятков лет и много сделали доброго для предприятия. Сыротин по праву считался лучшим специалистом по обработке шкур в республике и был занесен в Книгу трудовой славы министерства, а изделия из рога и кости, изготавливаемые под руководством Рудштейна, экспонировались на республиканских и Всесоюзных выставках, были удостоены многих наград и медалей. Для них увольнение с комбината, где прошла вся их трудовая жизнь, было смерти подобно, но Синицын был глух к их просьбам и предупредил, чтобы подыскивали себе другую работу. Такая же участь ожидала других специалистов, которых он подозревал в содействии “заговорщикам”. Были среди них и неевреи, что осмелились выступить в мою поддержку на том памятном партийном собрании в присутствии секретаря горкома Малафеева.

Я попытался успокоить Григория Давыдовича тем, что неразумные действия Синицына могут только ускорить его освобождение с директорской должности, а незаконно уволенные люди будут бесспорно восстановлены.

Как вскоре выяснилось, слова мои оказались пророческими. По итогам очередной ревизии хозяйственно-финансовой деятельности комбината, произведенной контрольно-ревизионным управлением Совнархоза, были вскрыты серьёзные злоупотребления, допущенные Синицыным, и он был снят с работы без предоставления другой должности в мясной промышленности республики. Можно было только удивляться тому, что его не привлекли к судебной ответственности.

Директором Гомельского мясокомбината стала Анна Ивановна Тимофеева, которая всего несколько месяцев поработала здесь главным инженером.

71

Условия жизни нашей семьи в Могилёве в первое время оказались намного хуже, чем в Гомеле. Временная квартира была без всяких удобств, школа, куда мы определили наших мальчиков, была в нескольких километрах и размещалась во временном деревянном здании барачного типа и даже детский садик, куда мы стали водить Верочку, был совсем не такой, как в Новобелице.

Не всё складывалось благополучно и на работе у Анечки. Берта Лазаревна почему-то с первого дня приняла её недружелюбно и не скрывала своего недовольства предоставлением ей работы в отделе. Я не раз пытался разобраться, что тому послужило причиной, но так ничего и не понял.

Если в Гомеле мы жили в центре благоустроенного промышленного района со многими продовольственными и промтоварными магазинами, расположенными рядом с домом, а на рынок, в парк или на пляж можно было легко добраться троллейбусом, то здесь мы жили в чистом поле, где днём и ночью были сторожевые собаки вневедомственной охраны мясокомбината.

Да и сам город был намного хуже Гомеля. Несколько его районов были отделены незастроенными пустырями, троллейбусов ещё не было, а автобусы ходили редко и были всегда переполнены.

Все эти и многие другие неудобства больше меня чувствовала Анечка и дети, но сносили их мужественно, никогда не жаловались и не упрекали меня в этом. Я, чем мог, старался облегчить их участь, но мои возможности были ограничены и им было нелегко.

Однако со временем понемногу обжились, попривыкли и как-то ко всему приспособились. Во многом на первых порах помогал Николай Иванович. То Анну Абрамовну попутно на работу подвезёт, то ребят, без моего ведома, в школу подбросит, то ребрышками, купленными в городе по дешёвой цене, поделится.

Честный и порядочный человек был Николай Иванович и работалось с ним как-то спокойно. Я не боялся, что он что-нибудь незаконно вывезет с комбината, за что пришлось бы нести ответственность, или какую-то сплетню запустит. Машину он содержал в идеальном состоянии и, хоть и ездил медленно, с ним я никогда не опаздывал. Не роптал он и когда приходилось допоздна работать или в командировках по несколько дней находиться.

Мог Николай Иванович и рюмку-другую выпить, если где-нибудь заночевать приходилось. При этом он всегда произносил один и тот-же тост: “За общее благополучие!”.

На его приусадебном участке овощи созревали раньше обычного. Часто весной он старался молодым лучком или огурчиком угостить и, хоть я обычно отказывался от таких угощений, Николай Иванович умудрялся их передать нам через мальчиков или Верочку.

Был и у нас тогда небольшой огородик возле дома и выращивали мы на нём всякие овощи, но успехами в агрономии похвастать не могли. Урожай созревал поздно и урожайность была низкой, но на текущие нужды всё же хватало да еще для консервирования на зиму кое-что оставалось.

Я как-то не замечал бытовых неудобств, так как дома бывал только по несколько часов в сутки. С раннего утра и до поздней ночи пропадал на комбинате, где работы было не впрокорот. Директора мне так и не подобрали и приходилось заниматься, кроме инженерных вопросов, и экономикой, и финансами, и учётом, и хозяйственными делами. Много времени отнимали вызовы в городские, областные партийные и советские органы, всякого рода совещания, заседания, пленумы и сессии. На последних выборах в местные органы власти меня избрали депутатом городского Совета и ко всем должностным обязанностям и партийным поручениям горкома партии добавилась ещё депутатская деятельность.

Из всех этих и многих других дел, которыми приходилось заниматься, больше по душе были инженерные дела. Зиняев ими практически не занимался, а исполнявший обязанности главного инженера ветврач Сергиенко в них просто не разбирался. Он ограничивался утверждением документации цехового производственного учёта и участием в различного рода заседаниях комиссий и совещаниях.

Несмотря на то, что комбинат строился уже в послевоенные годы и был оснащён современным оборудованием, многие технологические операции осуществлялись вручную и требовали больших затрат труда. Особенно тяжёлым и непривлекательным был труд в цехах обработки субпродуктов и консервирования шкур. Эти работы выполнялись тогда вручную не только на Могилёвском комбинате, но и на других предприятиях мясной промышленности.

В Орше, Молодечно и Гомеле, где я раньше работал, эта проблема решалась за счёт увеличения числа рабочих на этих операциях и потому не так чувствовалась. По крайней мере необработанные субпродукты на улице не складировались и их порча не допускалась. Здесь же набрать дополнительных рабочих в сезон массового поступления скота было невозможно. На других предприятиях пищевой и лёгкой промышленности города были свободные рабочие места. Там и зарплата была выше и условия труда лучше.

Нужно было либо значительно повысить зарплату на этих процессах, либо механизировать труд. Поскольку первый вариант был абсолютно неприемлемым из-за отсутствия фонда зарплаты и низких тарифных ставок, оставался только второй путь - повышение производительности труда.

Из всех производственных процессов самыми трудоёмкими были операции по обработке свиных голов. Их шпарили в чанах, скребками вручную очищали от щетины, после чего производили опалку паяльными лампами. Норма выработки на одного человека была 35 голов. Нетрудно подсчитать сколько рабочих должно было работать только на этом процессе, если в смену для обработки поступало примерно семьсот голов.

Подолгу наблюдал я за работой женщин на этом участке в поисках путей механизации их труда. С этими мыслями я засыпал поздно ночью и просыпался рано утром. Десятки набросков возникающих идей после тщательной проработки оказывались в урне, пока, наконец, один из вариантов показался приемлемым и с ним я поделился со слесарем-самоучкой Луговнёвым. Именно с ним, рабочим с семилетним школьным образованием, не способным читать чертежи или грамотно излагать свои мысли, а не с главным механиком или другими специалистами с высшим образованием. Нравился мне Фёдор Тимофеевич своим трудолюбием, светлой головой, а главное - золотыми руками.

Когда случались неисправности на самом сложном оборудовании, в том числе импортном, туда неизменно направляли Луговнёва, который всегда находил причину поломки и устранял её. Только ему удавалось в кустарных условиях ремонтной мастерской изготавливать необходимые запчасти, а порой и целые узлы машин, требующих ремонта.

Ему и поручил я изготовление экспериментального образца устройства для обработки голов, освободив его от других работ и придав в помощь ещё двух рабочих.

Как потом выяснилось, я в своём выборе не ошибся. Фёдор Тимофеевич не только усердно трудился, но и внёс ряд ценных предложений по совершенствованию машины. К сезону массовой переработки скота работу, наконец, завершили. Был изготовлен, испытан и введён в эксплуатацию экспериментальный экземпляр агрегата для обработки свиных голов производительностью семьсот голов в смену. На нём работал один рабочий, который насаживал головы на штыри конвейера, далее они

перемещались через шпарильную ванну, бильную машину для снятия щетины, газовые горелки и полировочный барабан с устройством для орошения водой, после чего автоматически сбрасывались на ленточный транспортёр, отводивший их в накопительные ёмкости.

Это была настоящая революция на самом трудоёмком участке производства. Нам самим не верилось, что казавшаяся неразрешимой проблема решена, что высвобождено от тяжёлого физического труда около двадцати рабочих и нет больше опасности порчи продукции в субпродуктовом цехе.

Своей властью я премировал Фёдора Луговнёва месячной зарплатой и бесплатной путёвкой в дом отдыха. На агрегат для обработки свиных голов была подана заявка в Комитет по делам изобретений и открытий. Фёдор Тимофеевич Луговнёв стал моим соавтором. Это было первое наше изобретение. Были потом многие другие и, наверное, не менее важные разработки, но никогда больше я не испытывал такой радости от достигнутого успеха в техническом творчестве, как в эти дни.

72

О подборе кандидатуры на должность директора как будто все забыли. Комбинат стабильно выполнял производственные планы, выходил победителем в социалистическом соревновании и часто назывался в числе лучших предприятий на городских, областных и даже республиканских конференциях, пленумах и сессиях. Казалось всех устраивало сложившееся положение.

Признаюсь, что и меня это в какой-то мере устраивало. Мне впервые доверили руководство крупным предприятием и я был его единоличным и почти полновластным хозяином. Даже Жудрак не вмешивался теперь в дела комбината и его руководство мы чувствовали только по обилию формальных директив, которыми он снабжал нас, наравне с другими подчинёнными ему предприятиями.

В коллективе обстановка стабилизировалась. Прекратились сплетни, склоки и распри. Повысилась дисциплина и я чувствовал полную поддержку не только со стороны инженерно-технических работников, но и большинства рабочих и служащих. В связи с ростом объёмов производства возросли фонды зарплаты, что позволило выплачивать в полном размере премиальные, а это в свою очередь повлияло на сокращение числа случаев хищения продукции.

Очередная ревизия отметила улучшение производственно-финансовой и хозяйственной деятельности комбината.

Изменилось отношение к предприятию не только со стороны партийных и советских органов, но и всех других контролирующих и инспектирующих организаций. Зинкевич довольно часто посещал комбинат и, дважды за время моей работы здесь, побывал первый секретарь обкома Криулин. Я чувствовал их доброе отношение и полную поддержку, что придавало уверенность и силы, повышало настрой.

Работа мне нравилась и работалось в удовольствие. Я ожидал, что мне вскоре предложат должность директора и готовился к этому. Моё отношение к возможному выдвижению на эту должность менялось со временем. То я был настроен отказаться, вспоминая горький опыт многих директоров - евреев, то был готов принять такое предложение, обусловив своё согласие определёнными условиями.

Однако предложений не было ни со стороны Совнархоза и управления мясной промышленности, ни со стороны партийных органов. Чувство обиды овладело мной. Хотя я больше склонен был отказаться от директорской должности, когда её мне предложат, но мне почему-то хотелось, чтобы такое предложение было сделано. По этому как бы сверялись мои надежды на перемену ситуации к лучшему после прихода к власти Хрущёва.

И всё-таки работать одному, совмещая две должности, было трудно и терпение моё иссякло. При очередном посещении комбината начальником управления Бирулёй, выслушав его хвалебную оценку моей работы, я пожаловался на это и потребовал ускорить назначение нового директора. Он попросил подождать какое-то время, так как до сих пор всё ещё не было получено согласие ЦК КПБ на моё назначение. Всё прояснилось. Повторилась ситуация с моим назначением на должность главного инженера "Белптицетреста". Изменений в кадровой политике партии пока не произошло. Руководящие посты должны были заниматься только представителями коренных национальностей и евреям доступ туда был закрыт.

Вновь проглотив горькую пилюлю реальной действительности и, осознав своё настоящее положение в советском обществе, я предупредил Бирулю, что если в месячный срок не будет назначен новый директор, я подам заявление об освобождении с занимаемой должности.

73

Накануне Октябрьских праздников, наконец, директор был назначен. Им стал бывший директор Бобруйского мясокомбината Наполеон Иосифович Барановский. На эту должность его выдвинул Жудрак,

который был с ним в приятельских отношениях ещё по совместной работе в системе “Заготскот”. Когда в начале 1957-го года были образованы областные мясотресты, Барановский был назначен директором Бобруйского комбината вместо недавно осуждённого за допущение недостатков и хищений Кавалерчика, проработавшего на этом предприятии около тридцати лет. Как и Гельфанд, он прошёл путь от бойца скота до директора, много доброго сделал для развития предприятия и получил за свой самоотверженный труд такую же благодарность. Их и судили по схожему обвинению и срок заключения им определили одинаковый.

Став директором мясокомбината, Барановский ещё более укрепил дружественные отношения с Жудраком путём верного служения своему босу. Основой их дружбы были общность интересов и кругозора, уровень образования (оба до войны закончили техникумы), а главное - пристрастие к спиртному. Правда, Жудрак умел выпить и редко пьянел, а Барановский после первой рюмки терял над собой контроль и нередко попадал, в связи с этим, в неприятные ситуации.

Мы часто встречались с Барановским на совещаниях в тресте и Совнархозе, я был наслышан о его деятельности, как директора, но не считал нужным высказывать свои суждения, которые могли быть неправильно поняты. Я просил директора, мне его дали, и я был обязан принять его таким, каким он был.

Директором Бобруйского мясокомбината, тоже по рекомендации Жудрака, которому это предприятие было подчинено, назначили Александра Дмитриевича Спивака - техника-технолога мясной промышленности, проработавшего несколько лет на Могилёвском комбинате начальником холодильника.

Я ознакомил нового директора с производством, представил его коллективу и мы договорились о распределении обязанностей. Кроме чисто директорских функций Наполеон Иосифович взялся курировать строительство жилого дома, осуществляемого подрядными организациями. Он был лично заинтересован в ускорении работ, так как оставил семью в Бобруйске и нуждался в жилье.

В первое время приход Барановского не внёс существенных изменений в работу комбината. Наполеон Иосифович большой активности не проявлял и не пользовался принципом единоначалия. Более того, он старался не вмешиваться в дела производства и подчёркивал, что по этим вопросам нужно обращаться только к главному инженеру. Даже многие чисто директорские вопросы он старался решать через меня. На производственных совещаниях и рабочих собраниях он был почти безучастным к обсуждаемым вопросам и с трудом сдерживал дремоту.

Подготовленные мною отчёты, письма и иную информацию он подписывал не глядя, а другие важные документы, которые готовили ему на подпись его заместители, главный экономист и начальники отделов, он просил меня предварительно прочесть и завизировать.

На производстве он бывал редко, а в своём кабинете его можно было найти только утром, когда он подписывал документы в банк. Выполнив эти чисто директорские обязанности, он уезжал на строительство жилого дома и только к концу дня возвращался на комбинат. Часто он совсем не приезжал после обеда под предлогом вызовов в трест или в областные или городские организации.

По характеру своему Наполеон Иосифович был человеком добрым и отзывчивым. Он не отказывал в помощи рабочим и служащим, когда была возможность. То дровишек или дровяных отходов по низкой цене выпишет, то аванс в счёт зарплаты даст, то материальную помощь окажет. Иногда даже это делалось в ущерб производству или в нарушение действующих положений, но редко кто выходил из его кабинета с обидой.

Хоть по должности он был выше, а по возрасту намного старше меня, Барановский относился ко мне с большим уважением. С принятыми мною решениями он обычно соглашался, к моим советам прислушивался, мои просьбы старался выполнять. У нас почти ни в чём не было разногласий. И тем не менее я был недоволен работой директора. Я не мог ничему поучиться у Барановского, как например у Уткина, и не чувствовал за собой сильной директорской спины, как это было на первых порах работы с Синицыным.

Его доброта иногда приносила вред и делу. На этой почве у меня даже был серьёзный конфликт с Барановским. Он как-то подписал рабочему, уличённому в хищении и неоднократно являвшемуся на работу в нетрезвом виде, заявление об оказании материальной помощи. Результатом этого стал семейный скандал на почве пьянки и несчастный случай на производстве. Я заявил Барановскому, что он не вправе нарушать положения, лишающие воров и пьяниц права получения премий, помощи и других льгот, и убеждал его в том, что этим он наносит вред предприятию и коллективу. Наполеон Иосифович тогда признал свою ошибку и больше таких случаев не было, однако хозяйственной и производственной активности он по-прежнему не проявлял и стиль работы не менял.

Стало ли мне легче с приходом нового директора? Скорее всего нет, а во многом даже стало хуже, но я никому не жаловался и недовольство своё хранил в себе. Обидно только было видеть, как легко и быстро выдвигаются на руководящую работу кадры коренной национальности и ограничивается допуск на такие должности евреев.

Во многом Барановский был похож на Жулегу, с которым мне пришлось работать в Молодечно. Так же пассивен в работе, так же не упускал случая лишнюю рюмку с начальством пропустить или погулять по любому поводу. Как и Жулегу не прочь был использовать своё служебное положение в корыстных целях. Так, к примеру, он внёс существенные коррективы в проект строительства ведомственного жилого дома, в результате чего увеличил площадь и улучшил планировку своей будущей квартиры на втором этаже. От этого выиграла и предназначенная для меня квартира, симметрично расположенная на первом этаже, но когда я об этом узнал, было уже поздно что-либо менять, да и рисковать авторитетом нового директора не решился. Изменения проекта тогда остались незамеченными и не вызвали никаких толков и жалоб, но этот случай послужил основанием для серьёзного разговора между нами. Я попросил Барановского впредь не делить со мной выгоды от подобных акций и нужно сказать, что Наполеон Иосифович отнёсся к моей просьбе уважительно.

В коллективе Барановский авторитетом не пользовался, о чём догадывался, но близко к сердцу не принимал. Зато его дружба с Жудраком росла и крепла. У них оказалось много общего, особенно в желании выпить, погулять и повеселиться.

Дела на производстве всё улучшались и казалось ничто не предвещало опасности для нового директора.

74

После разработки и внедрения агрегата для обработки свиных голов, творческое содружество с Фёдором Тимофеевичем Луговнёвым ещё более окрепло. Когда заканчивалась дневная смена и вместе с рабочими по домам уходили работники заводоуправления, мы подолгу засиживались с ним над эскизами будущих устройств и схемами технологических процессов.

В то время в мясной промышленности страны и даже за рубежом господствовал ручной труд - тяжелый, непроизводительный, непривлекательный. Чем выше были достижения и шире фронт научно-технической революции, тем очевиднее становилось отставание отрасли. Престижность работы на мясоперерабатывающих предприятиях снижалась, текучесть кадров росла. С производства уходили кадровые рабочие, проработавшие на комбинате десятки лет. Этому способствовало расширение и строительство в городе нескольких крупных предприятий лёгкой промышленности (комбинат "Лавсан", заводы шёлковых тканей и искусственного волокна), где требовались рабочие и труд был более механизированным.

Одной из наиболее непривлекательных операций в колбасном производстве была чистка лука и чеснока. Наверное, каждому приходилось выполнять эту работу в домашних условиях и плакать при этом. На мясокомбинате потребность в луке и чесноке для производства колбасных изделий, пельменей и пирожков была большая. Целая бригада женщин занималась этой работой и всю смену слезились их глаза.

Мы изучили отечественный и зарубежный опыт и, с учётом особенностей продукта, разработали агрегат для очистки лука, который мог выполнять операции и по отделению кожуры от чеснока. Машина отличалась портативностью и обеспечивала комплексную механизацию всех процессов. Лук или чеснок элеватором подавались в приёмный бункер с дозирующим устройством, откуда он порциями поступал в рабочий барабан, из которого вентилятором отсасывалась оболочка (кожура). Очистка обеспечивалась за счёт прижима продукта к внутренней поверхности специального барабана. Отделению кожуры способствовало и трение долек чеснока или головок лука в процессе вращения барабана. Очищенный продукт периодически выбрасывался на ленту инспекционного транспортёра, откуда попадал в ёмкости для готовой продукции. Устройство обслуживалось одним оператором и за несколько часов работы обеспечивало суточную потребность цеха в очищенном луке и чесноке.

Когда успешно закончились ведомственные испытания экспериментального образца машины, мы ощутили огромную радость от внедрения авторской идеи в жизнь, но ещё больше ликовали работницы, которые, наконец, освободились от каторжной работы по ручной очистке лука и чеснока.

По заданию Совнархоза приехали конструкторы СКБ "Продмаш", которые разработали конструкторскую документацию со многими "усовершенствованиями", а Минский опытно-

экспериментальный завод выпустил “свою” машину, которая была похоронена Госкомиссией при её испытаниях из-за множества конструктивных недостатков и неполной очистки продукта.

На нашей идее затем появилось несколько других машин, авторами которых были известные в стране изобретатели из конструкторских и научных организаций Москвы. Они с большим или меньшим успехом использовались в промышленности. Важно было другое: доказана возможность механизированной очистки лука и чеснока. И родилась эта идея в Могилёве!

Комитет по делам изобретений и открытий при Совмине СССР выдал мне и Луговнёву авторские свидетельства на эту разработку, а действующий образец машины, как и агрегата для обработки свиных голов, экспонировались на ВДНХ СССР, за что мы были награждены серебряными медалями выставки и приёмами Рижского радиозавода.

Успешное внедрение первых двух изобретений вселило уверенность в возможность решения более сложных технических задач и в штатное расписание комбината впервые пришлось включить должности конструкторов.

75

Ведомственный жилой дом мясокомбината был принят Госкомиссией только летом 1959-го года. Он находился в центре Луполово, на Пушкинской улице, напротив строящегося двухзального широкоэкранный кинотеатра “Космос”. До школы №18, где учились наши мальчики, было несколько сот метров, а школа №6, куда мы определили Верочку, была совсем рядом. Недалеко от дома располагались магазины, аптека, рынок, баня, столовая. Вблизи были автобусные остановки, от которых можно было быстро попасть в центр города, к автозаводу или мясокомбинату.

Квартира наша была очень хорошей, с удобствами и даже погребом. Её общая площадь достигала почти ста метров, так что все разместились вольготно.

Больше всех новой квартире были рады дети, и не столько удобствам и простору, сколько близости к школе и возможности общения со своими сверстниками, чего они были лишены на старом месте.

С учётом габаритов комнат, размеров и расположения окон, купили недостающую мебель, занавеси, ковровые дорожки и в доме стало очень уютно. Верочка поступила в музыкальную школу по классу фортепьяно и пришлось купить пианино. Мальчики в том году пошли в четвёртый класс и полюбили шахматы. Мне доставляло большое удовольствие с ними играть. Иногда мы устраивали семейные турниры, подобные тем, что когда-то делал мой папа. Позднее они повышали свою квалификацию в шахматных кружках при школе и Доме пионеров, и достигли высокого уровня игры, о чём свидетельствуют сохранившиеся многочисленные грамоты, которыми они награждались по итогам шахматных турниров в школе и пионерских лагерях.

Особенно радовался их успехам дед Абрам, который лелеял надежду на их шахматную карьеру и представлял себе своих внуков не иначе как будущими Ботвинниками. К сожалению его надежды не сбылись. Мальчиков увлекли другие виды спорта и они остыли к шахматам, сохранив накопленный опыт и знания на уровне любительского 1-го-2-го разряда.

Учились наши дети самостоятельно и очень серьёзно. С этим у нас никогда не было проблем и мы узнавали о результатах учебного года или четверти только по хвалебным отзывам учителей на родительских собраниях, или писем директора школы с благодарностью за хорошую учёбу.

Не оберегали мы их также от уличных хулиганов и не вмешивались в споры и драки между ребятами во дворе. Все эти проблемы мальчики от нас скрывали и решали без нашего участия. Мишенька и Вовочка были очень дружны и неразлучны. Попеременно они опережали друг друга в росте и физическом развитии. Если кто-нибудь пытался обидеть слабого, на помощь приходил сильный и они смело вступали в единоборство с обидчиками, независимо от их возраста, роста или силы.

У них постоянно было много друзей, которые не давали их в обиду и защищали от унижений и оскорблений. Как мне однажды признался Мишенька, было несколько случаев, когда уличные хулиганы обзывали их жидами. Ребята с помощью своих друзей сумели защитить свою честь и обидчики надолго запомнили преподнесенный им урок. Вовочка о таких обидах никогда не рассказывал и мы могли об этом узнать только от посторонних людей.

Не жаловалась нам и Верочка на нанесенные ей обиды. Она, как и мальчики, была дружна с детьми во дворе и в школе, её редко кто обижал, а если такое и случалось, то на защиту становились братья.

Летние каникулы ребята обычно проводили в пионерских лагерях. Своего лагеря у мясокомбината тогда ещё не было и мы отправляли их в лагерь облстройтреста, расположенный недалеко от города, в живописном месте в сосновом бору, возле речки.

Как только обустроились в новой квартире, выполнили своё обещание о трудоустройстве Пети из Днепродзержинска - мужа Полечки. Он получил постоянную работу в клубе швейной фабрики, где руководил танцевальным коллективом. Мы считали его членом нашей семьи и свели к минимуму его расходы на питание и одежду. У него проявились большие способности в организации клубной самодеятельности и, созданный им танцевальный ансамбль, достиг заметных успехов, заняв ведущее место в городе.

Петя стал также солистом хоровой капеллы при городском Доме культуры, пользующейся известностью не только в Белоруссии, но и далеко за её пределами. Он часто выезжал на гастроли в столицы Союзных республик и даже в Москву, и имел реальные шансы стать профессиональным певцом. Его заработки не только обеспечивали ему безбедную жизнь и возможность хорошо одеваться, но и позволяли накопить денег для переезда семьи в Могилёв, на что серьёзно надеялась Полечка.

Однако, все эти планы не сбылись. Петя увлёкся молодой солисткой хоровой капеллы, которая отвечала ему взаимностью и не скрывала своих серьёзных намерений на их отношения. Когда об этом стало известно Полечке, она показала свой характер, выставила его вещи на улицу и заявила, что не желает его больше видеть в их доме. Никакие уговоры Пети и его родственников не помогли и на этом закончились его годичные “гастроли” в Белоруссии и семейная жизнь с Полечкой.

Наша же жизнь в Могилёве входила в стабильное русло и ничто не предвещало каких-нибудь скорых перемен.

76

По оценкам партийных и советских органов города и области Барановский вполне справлялся с порученной ему работой. Комбинат стабильно выполнял производственные планы и вскоре прочно занял ведущее место в числе передовых предприятий мясной промышленности. Об успехах в прошлом отстающего предприятия заговорили областные и даже республиканские газеты. Отмечались авангардная роль коммунистов, заслуги партийной организации и нередко называлась фамилия директора, способствующего успехам передовиков и новаторов производства.

К пятидесятилетию со дня рождения Барановский был награждён Почётными грамотами Управления мясной промышленности Совнархоза БССР, горкома партии и горисполкома. О нём была похвальная статья в газете “Могилёвская правда”.

Мясокомбинату, как лучшему предприятию города, впервые доверили открыть демонстрацию трудящихся, посвященную празднованию очередной годовщины Октября.

Директор комбината часто избирался в президиумы городских партийных активов, научно-технических конференций и совещаний. По своим анкетным данным Наполеон Иосифович полностью соответствовал занимаемой должности. Социальное происхождение - из крестьян, национальность - белорус, в партию рекомендован комсомолом и состоял в ней более четверти века, образование - средне-техническое, партийных взысканий не имел, под судом и следствием не был. Именно такая характеристика требовалась тогда при подборе руководителя предприятия или организации.

В горкоме и горисполкоме, конечно, знали, что особой активности в работе Наполеон Иосифович не проявлял, высокой эрудицией не отличался и творческими способностями его природа не одарила. Но тогда от руководителя вовсе не требовалось “гореть” на работе и двигать вперёд науку и технику. Важно было заставить работать подчинённых и способствовать творческой активности новаторов и рационализаторов. А результаты деятельности предприятия как раз и подтверждали умение директора создать обстановку трудового и творческого подъёма в коллективе и мобилизовать его на решение поставленных задач.

Не было секретом для партийных органов и пристрастие Барановского к спиртному. Он даже предупреждался на сей счёт секретарём Октябрьского райкома партии и орготделом горкома. Но кто в то время не пил? Важно было уметь выпить, не теряя при этом чести и достоинства руководителя.

Со временем свыкся и я с недостатками директора. Нужно отдать должное Наполеону Иосифовичу. Он объективно оценивал свою роль и заслуги в работе предприятия. Успехи комбината не вскружили ему голову. Он никогда не подчеркивал свой вклад в производственные достижения, а главное - он не мешал работать. При нём не было противоборствующих группировок, он пресекал появление сплетен и склок, и тем самым способствовал единству и целеустремлённости коллектива.

Как и Жулего, он лояльно относился к евреям, которых среди инженерно-технических работников и рабочих было не меньше, чем в Молодечно или Гомеле. Такой редкой особенностью обладали немногие руководители и это нельзя было не- дооценивать.

Мы жили по соседству и Наполеон Иосифович, а ещё более его жена Нина, проявляли к нам тёплое и дружеское отношение. Они были добры и внимательны к нашим детям и часто угощали их разными сладостями и фруктами. Наши отношения не получили дальнейшего развития и остались только приятельскими, но мы сохранили о Барановских хорошие воспоминания.

Всё познаётся в сравнении. Если сравнивать Наполеона Иосифовича со всеми предыдущими моими директорами, за исключением, конечно, Уткина, то он не был хуже других, а во многом даже лучше. Вот почему я смирился с мыслью, что лучшего директора мне вряд ли подберут, поэтому в меру сил оберегал его авторитет.

У Барановского всё складывалось удачно, мог бы он удержаться в директорском кресле и до почётного выхода на пенсию, если бы не его дружба с управляющим могилёвской райконторы “Заготскот” Станиславом Зинкевичем. Стась жил в роскошном собственном доме, что был рядом с шикарным особняком Жудрака. Желая услужить своему босу-холостяку, Зинкевич устраивал частые застолья в доме “хозяина”, к чему привлёк и Барановского. Добрый и безотказный Наполик, как его многие называли, обеспечивал эти пирушки спиртным, а Стась и его жена Мария были ответственны за обилие и качество закусок. Часто приглашались гости, которыми нередко были важные персоны городского и областного масштаба. Персональный состав застолья определялся в зависимости от того, какие конкретные вопросы Жудраку нужно было решать в это время. Если нужна была внеочередная ссуда на расширение и реконструкцию предприятий, приглашался управляющий областной конторы Госбанка; когда требовалось изыскать какие-нибудь дефицитные материалы, на обед или ужин звали директора соответствующей базы Облторга или Потребсоюза; при необходимости ускорить строительство какого-то объекта, гостем был начальник стройуправления или монтажной организации.

Нужно сказать, что такая практика оказывалась весьма эффективной. За рюмкой тогда многие вопросы решались быстрее, чем в служебной обстановке, и редко кто отказывался от застолья.

Если Жудрак и Зинкевич от пьянок получали удовольствие, то Барановскому всё это было во вред. Его организзм уже не мог обойтись без водки и он должен был начинать рабочий день с рюмки. Даже дни, когда предстояли важные совещания или партийные активы не обходились без приёма спиртного.

На одном из партийно-хозяйственных активов Барановский уселся в кресле недалеко от президиума и уснул под нудную речь оратора. Председательствующий на том собрании, Григорий Павлович Зинкевич, который недавно был избран первым секретарём горкома, обратил на это внимание и в перерыве подошёл к нему, чтобы сделать замечание. Наполеон Иосифович был в нетрезвом состоянии и это заметили многие участники актива.

Через несколько дней на внеочередном заседании бюро горкома партии Барановскому был объявлен строгий выговор с занесением в учётную карточку и принято решение об освобождении его от занимаемой должности. Ему тогда вспомнили все ранние предупреждения и замечания, которые им были оставлены без внимания. На этом закончилась служебная карьера Наполеона Иосифовича и я опять остался без директора.

Годы правления Хрущёва запомнились многими непродуманными авантюрными решениями. Одним из них было образование в областях промышленных и сельских обкомов партии. На здании Могилёвского обкома появились две вывески: “Могилевский сельский обком КПБ” и “Могилёвский промышленный обком КПБ”. Мясокомбинат был почему-то в ведении сельского обкома, секретарём которого остался Глеб Александрович Криулин.

Произошли заметные изменения в составе партийного руководства города и области. Первым секретарём горкома, как я уже упоминал, стал Григорий Павлович Зинкевич, а вторым секретарём обкома был избран Виталий Викторович Прищепчик. Я не случайно упоминаю их поимённо. От того, кто находился у руководства местными партийными органами во многом определялось положение руководителей предприятий, особенно руководителей-евреев. Обладая практически неограниченной властью в масштабе города и области, они могли оказывать большую помощь и поддержку, а могли, наоборот, и изжить любого неугодного им работника, независимо от его стараний, способностей или заслуг. Нередко их влияние сказывалось и на решениях республиканских органов, которые обладали ещё большей властью. Их действия не всегда обосновывались юридическими нормами и законами. Скорее законы подгонялись под желания партийного руководства. В государстве действовала ничем не ограниченная власть партии, которая была даже закреплена записью в конституции: “Партия есть руководящая и направляющая сила Советского общества”. На самом же деле не многомиллионная партия руководила страной, республикой, областью, а её вожди - первые секретари соответствующих партийных комитетов.

Должен признаться, что мне сильно повезло на партийное руководство в Могилёве и я не могу пожаловаться на необъективное к себе отношение в городе и области. И в этом, наверное, одна из причин того, что здесь я проработал руководителем 35 лет, побив абсолютный рекорд долголетьства еврей-руководителя областного масштаба.

Вернёмся, однако, к тому, как была воспринята Хрущёвская партийная реформа в области и как она повлияла на её экономическое и социальное положение. Уже с первых дней её существования стало абсолютно ясно, что это такая же авантюра, как и ликвидация министерств, всеобъемлющие посадки кукурузы и другие нововведения того времени. Каких-либо существенных положительных сдвигов в работе промышленности или сельского хозяйства это не принесло. Единственно, что заметно возросло, это штаты и бюджет партийных органов и количество совещаний и заседаний, на которые приглашались руководители предприятий и организаций.

В то время продолжалось разоблачение культа личности Сталина. Хрущёв вновь выступил по этому вопросу на 22-ом съезде КПСС и потребовал выноса тела Сталина из Мавзолея на Красной площади. Во исполнение решения съезда в конце октября 1961 года тело Сталина скрытно, глубокой ночью было перезахоронено у Кремлевской стены.

Много авантюрных решений касалось внешней политики и международных отношений. Одно из них привело к Карибскому кризису, который чуть не привёл к Третьей мировой войне.

Отношение народа к этим и другим авантюрам Генсека было неоднозначным. Помню, как на политзанятиях многие рабочие и инженерно-технические работники возмущались обострением отношений с США, другими западными государствами и опасностью возникновения военных конфликтов. Однако на партийных собраниях, как и в годы диктатуры Сталина, решения Политбюро и ЦК КПСС “единодушно” одобрялись.

Были в эти годы и приятные события, которые вызывали у нас законную гордость. Одним из них был запуск космического корабля с человеком на борту на орбиту вокруг Земли. В этот день - 12 апреля люди обнимали и целовали друг друга. Он стал всенародным праздником. В биографической справке о первом советском космонавте Юрии Алексеевиче Гагарине указывалось, что он русский и член КПСС. В течении трёх лет после своего космического полёта Гагарин объездил около 30 стран и везде его встречали ликующие толпы людей.

Всенародное одобрение вызвали послабления цензуры и издание ранее запретных произведений крамольных авторов, расширение международных связей деятелей науки, культуры, искусства, рост зарубежного туризма. Не зря этот период вошёл в историю как “Хрущёвская оттепель”.

Казалось, что эти ростки свободы и демократии непременно коснутся и национального вопроса и приведут к ослаблению антисемитизма. Однако, эти наши надежды и на этот раз не сбылись. Пятая графа анкеты (национальность) по-прежнему являлась решающей при решении вопросов приёма на работу, назначения на более высокую должность, поступления в высшие учебные заведения, направления в зарубежную командировку или допуска в турпоездку в капстраны.

Помню сообщение радиостанции “Би-би-си” о многократных отсрочках полёта космонавта Воынова, зачисленного в отряд одновременно с Гагариным, и превосходившего многих по своим качествам. Уже слетали Титов, Попович и многие другие, а Воынова не пускали только потому, что он был евреем. Сообщить о том, что на орбите космонавт-еврей руководство партии не решалось (в то время, объявляя о выводе космонавта на орбиту, обязательно указывали его национальность). Только в конце шестидесятых Воынов был назначен командиром экипажа и слетал в космос, но после полёта долго “ходил в полковниках”, тогда, как его коллеги уже давно носили генеральские погоны.

Я и на себе чувствовал, что “хрущёвская оттепель” евреев не касается. В 1963 году на собеседовании в райкоме партии мне “посоветовали” воздержаться от круиза вокруг Европы, а годом позже не разрешили выезд в ФРГ по приглашению фирмы, проявившей интерес к одному из моих изобретений. Так “невъездным” я оставался многие годы, не съездив ни разу ни в одну зарубежную командировку или турпоездку в капстраны, хотя такие возможности были и мои коллеги, и подчинённые ими широко пользовались.

Моя неблагозвучная фамилия и в годы “оттепели” оставалась единственной причиной по которой республиканские партийные органы не давали согласие на моё продвижение по службе и выше “зама” мне в номенклатурном перечне места не было.

Совмещать, хоть и временно, должности директора и главного инженера я категорически отказался и директором назначили Виктора Павловича Чередниченко, который до этого работал главным механиком комбината. Он был на десять лет моложе меня, украинец, член партии, закончил в 1955 году наш институт по специальности “холодильные машины и установки”. Холодильное хозяйство он знал в совершенстве и, в основном, только этим и занимался. Его часто упрекали в халатном отношении к выполнению других функций, входящих в обязанности главного механика, но он всё равно основное внимание уделял работе компрессорного цеха холодильника и, нужно отдать ему должное, там он достиг многого. С холодноснабжением у нас не было серьёзных проблем.

Виктор Павлович был безразличен к проводимым на комбинате общественным мероприятиям, не принимал никакого участия в работе партийной организации и не отличался активностью в техническом творчестве. Он иногда подавал рацпредложения, но они по своему уровню и значимости ничем не отличались от предложений рабочих, за которые выдавались стандартные вознаграждения в сумме десять рублей. Было у него хобби - автомобили. Своей машины он не имел (тогда редко у кого были легковые машины), но экзамен на право вождения сдал и был рад любой возможности подержать руль. Может быть эта страсть к автомобилям и стала причиной его охотного согласия с ходу, без всяких предварительных условий, принять предложенную ему должность директора.

Чередниченко был удивлён и польщён неожиданно быстрым продвижением по службе. Он не скрывал своего удовлетворения назначением на столь высокий пост и гордился этим. Директорские функции ни на кого не перекладывал и старался все вопросы решать сам. Даже участие в не очень важных совещаниях, которые проводились городскими и областными организациями, он не доверял своим заместителям и почти всегда участвовал в них сам. Только в исключительных случаях, когда одновременно проводилось несколько заседаний, он направлял на них заместителей по экономическим вопросам, сбыту, капитальному строительству или главного бухгалтера.

По уровню образования Виктор Павлович был более грамотен, нежели Барановский, Жудрак, Жулего или даже Сеницын и, когда решались вопросы технические или капитального строительства он проявлял высокую компетентность и эрудицию. Когда же рассматривались экономические, хозяйственные, коммерческие проблемы или вопросы снабжения и сбыта продукции, без труда можно было заметить отсутствие знаний и опыта для их решения. Признаться же в этом Чередниченко не решался, проявлял гордость и упрямство, часто допускал серьёзные ошибки и попадал впросак. От этого страдали интересы предприятия и его авторитет, как руководителя.

В дела главного инженера он старался не вмешиваться, мне работать не мешал и относился ко мне с большим уважением. Как мне рассказывали работники Управления и Совнархоза, на совещаниях и коллегиях он отмечал мои заслуги в достигнутых производственных успехах и с похвалой отзывался о моих деловых качествах, как главного инженера и специалиста мясной промышленности.

Не было между нами существенных разногласий при решении производственных вопросов. Собственно, решал их по-прежнему я, а он никогда не отменял и не критиковал принятые мною решения. Производственные планы систематически выполнялись, а технико-экономические показатели оставались лучшими в отрасли. В коллективе не было сплетен и склок, и ничто не указывало на наличие разногласий в руководстве предприятием.

Жили мы с директором по соседству в нашем ведомственном доме и поддерживали добрые отношения семьями. Его жена, Мария Ивановна, украинка из Одессы, была учительницей русского языка и литературы и преподавала в школе, где училась Верочка, а дочь была ровесницей наших мальчиков и отличалась скромностью и красотой. В семье Чередниченко любили книги и много читали. В день тридцатилетия Виктора Павловича мы подарили ему полное собрание сочинений Некрасова, чему он был очень рад.

Из немногих нововведений молодого директора запомнился отказ от персонального шофёра легкового автомобиля. Виктор Павлович заявил, что в его услугах не нуждается, так как он сам механик, имеет водительские права и в состоянии без помощи шофёра водить и ремонтировать автомобиль. Это его начинание нашло поддержку у руководства Совнархоза и его даже пытались распространить, однако последователей почина Чередниченко не нашлось, а когда во время какого-то совещания, на стоянке у Горисполкома с машины Виктора Павловича сняли и унесли два колеса, об этой инициативе все вовсе забыли.

Слабым местом нового директора было отсутствие ораторских способностей. Он не только не умел чётко излагать свои мысли, но также не мог подготовить хорошие тезисы предстоящего выступления на активе, пленуме, коллегии или общем собрании рабочих и служащих. Попросить же у кого-нибудь помощи в этом, как это делали Барановский или Жулего, Виктор Павлович не хотел. Гордость не позволяла. Поэтому его выступления часто были нечёткими, расплывчатыми, не в полной мере освещали положение дел или насущные задачи коллектива. Не мог он толковое письмо написать в вышестоящие органы или коротко и ясно ответить на какой-то запрос. В этом ему обязаны были помочь его подчинённые, которые такими способностями обладали, но Чередниченко не замечал за собой таких недостатков, полагал, что справиться с этим может не хуже других, и тем самым причинял вред и себе и делу.

Полагая, что причиной этого является отсутствие опыта, его послали на месячные курсы повышения квалификации директоров, однако заметной пользы от учёбы не было.

Часто для решения важных вопросов в Совнархозе или обкоме партии нас стали вызывать вместе. Вначале Виктор Павлович против этого не возражал, полагая, наверное, что так и нужно, а когда понял причину, стал обижаться на меня и больше с собой не брал, ссылаясь на разные причины.

Положительными особенностями Чередниченко была его честность и порядочность. Это был второй, после Уткина, директор за пятнадцать лет моей работы главным инженером, который не имел и не искал особых выгод от своей директорской должности. Он был абсолютно неподкупным. В этом ни у кого не было никаких сомнений, а потому его и не пытались подкупить. Он не отказывался от дополнительных денег к своей небольшой зарплате. Более того, не обладая излишней скромностью, он даже настоятельно добивался выплаты премиальных или авторского вознаграждения за внедрённые рацпредложения, но эти деньги он считал честно заработанными, а нечестных денег он не искал и от них отказывался.

Ещё одной редкой особенностью Виктора Павловича было то, что, в отличие от многих директоров, он не решал деловые вопросы за рюмкой, на рыбалке или охоте. Он не отказывался выпить или порыбачить со своими друзьями и знакомыми, но никогда не связывал это с работой.

Самое большое удовольствие Чередниченко получал от вождения автомобиля и здесь его можно было упрекнуть в использовании своего служебного положения в корыстных целях. Он не только разъезжал на служебной “Победе” по городу и в Минск на разного рода совещания, но и нередко пользовался ею по выходным дням или после работы для поездок по грибы, на рыбалку или в другие места, чтобы отдохнуть с семьёй или попутаться.

Когда, из-за отсутствия ухода и профилактического ремонта, легковая машина стала неработоспособной, он стал пользоваться грузовыми машинами комбината не только для служебных разъездов, но и для личных нужд. Это стало основанием для анонимной жалобы в городской комитет народного контроля и при первой же проверке Виктора Павловича обнаружили в нерабочее время на тягаче в лесу, в пригородной зоне отдыха, возле Днепра. За использование грузового автомобиля для личных нужд и злоупотребление служебным положением ему объявили выговор и произвели начёт в размере месячного должностного оклада.

Однако, это не послужило уроком для директора. Он продолжал раскатывать на грузовых машинах по городу, при поездках в командировки и схлопотал себе второй выговор. Добрые люди подсказали Виктору Павловичу подать заявление об освобождении от директорской должности и вернуться к холодильному делу, где он был незаменим. На сей раз он послушался совета и подал заявление в Совнархоз и обком партии. Его не стали удерживать и комбинат вновь остался без директора.

79

Честно говоря, я больше не ждал директорской должности и потерял к этому всякий интерес. Мне была ясна позиция ЦК по этому вопросу и я был готов работать с очередным директором, который “по всем статьям” соответствовал бы партийным требованиям.

Каково же было моё удивление, когда на приёме у первого секретаря обкома Криулина, в присутствии секретаря ЦК КПБ по промышленности Смирнова, секретаря обкома по сельскому хозяйству Прищепчика и начальника управления мясной промышленности Совнархоза Бирули, мне предложили должность директора. От неожиданности я даже растерялся и не сразу нашёл нужные слова для ответа. С одной стороны я почувствовал какое-то удовлетворение от оказанного, наконец, доверия и признания моего соответствия такой высокой должности.

С другой стороны было обидно за столь долгое недоверие. Понадобилось семь лет работы в качестве фактического, но никем не признанного директора для того, чтобы в ЦК отважились на это решение. Было обидно не только за себя, но и за многих других, подобных мне, вынужденных отдавать свои силы, знания и

опыт, работая вместо подставных лиц, соответствующих должности по анкетным данным, но не обладающих деловыми качествами, знаниями и способностями для выполнения порученной работы.

Кроме того, не было никакой уверенности, что в скором времени не станешь жертвой следующей антисемитской компании, начатой по инициативе очередного вождя партии и государства. Всё ведь в нашей тогдашней жизни было непредсказуемо. Под наплывом этих мыслей и чувств я и решил отказаться от высокой должности, сославшись на инвалидность и плохое состояние здоровья.

Глеб Александрович Криулин, который вёл беседу, как будто ждал такого оборота дела, и оказался готовым к продолжению разговора в случае моего отказа. Он теперь не упрекал меня в трусости, как это было семь лет тому назад, когда я отказывался от должности главного инженера, а наоборот сказал, что понимает мотивы отказа и даже с пониманием относится к ним, но считает, что работать фактически в двух ролях мне будет не легче, а намного труднее, чем в одной должности директора, назначив главным инженером любого молодого специалиста по моему выбору. Он добавил, что сегодня, зная меня в течении многих лет, он ещё с большей готовностью, чем при назначении главным инженером, обещает мне всемерную помощь и поддержку. Криулин просил меня ответить при всех честно и откровенно, чувствовал ли я все эти годы необъективное к себе отношение по работе со стороны партийных и контролирующих организаций области и города.

Мне пришлось дать на этот вопрос отрицательный ответ. И это была правда, ибо отказы в выезде в зарубежные командировки, в турпоездки в капстраны или даже возражения против моего назначения на должность директора ранее, не зависели от отношения ко мне местных органов власти. Такова была установка сверху. В том же, что зависело от обкома партии, Криулин своё обещание сдержал. Если так будет и дальше, в чем меня заверил Глеб Александрович, можно дать согласие на замещение предложенной мне должности.

И такое согласие я дал. С первого августа 1964-го года я приступил к исполнению обязанностей директора Могилёвского мясокомбината.

80

Несмотря на то, что в течении всех предыдущих лет работы в Могилеве, я фактически почти в полном объёме выполнял и свои, и директорские функции, если не считать короткого периода работы Чередниченко, который и сам их не выполнял, и другим не давал, официальное назначение на роль первого руководителя налагало иную ответственность за судьбу предприятия и его полуторатысячного коллектива.

За полтора десятка лет работы главным инженером я смог убедиться, что социалистический способ производства, в том виде, в каком он применялся в СССР, неэффективен. Одной из основных причин этого является слабая заинтересованность трудящихся в результатах труда. Тарифные ставки были низкими, квалификация работника существенной роли в его заработной плате не играла, слабо учитывалась интенсивность и качество работы. Это касалось не только рабочих, но и инженерно-технических работников и служащих, а может быть последних даже в большей мере, чем рабочих. Действовали тарифные ставки и должностные оклады, которые и определяли зарплату работника. Существующие системы премирования применялись формально и их удельный вес в зарплате был небольшим. Как бы рабочий или инженер не работал, он получал почти одну и ту же зарплату.

Особенно низкими были тарифные ставки и должностные оклады в пищевой и мясо-молочной промышленности. Они как бы учитывали хищение продукции работниками. Так как зарплата не обеспечивала даже минимальный прожиточный минимум трудящихся, люди были вынуждены выносить с предприятия, уходя с работы, кольцо колбасы или кусок мяса. Так поступали многие, а некоторые старались вынести побольше, часть которого продавали. Таким образом, хищение стало массовым в этих отраслях промышленности и изжить его стало невозможно.

Изменить тарифные ставки или вилки должностных окладов директор не мог, однако в системы премирования разрешалось вносить некоторые изменения и этим я решил серьёзно заняться с первых дней работы в новой должности. Были изменены действующие и разработаны новые положения о премировании, которые оказались более эффективными действовавших ранее. В результате удельный вес доплат за интенсивность и качество работы возрос с 30 до 80 процентов. Премияльные доплаты стали действенным фактором повышения производительности труда и роста объёмов выработки продукции. В свою очередь возросшие объёмы производства и повышение производительности обеспечили рост фонда зарплаты. Это позволило заметно увеличить её средний уровень. При этом выплаты лучшим работникам повышались более высокими темпами.

Начиная с 1965-го года предприятие давало самые большие в отрасли ежегодные приросты объёмов производства, производительности труда и средней зарплаты работников. При этом численность персонала оставалась стабильной.

По-прежнему серьёзной проблемой оставался ручной труд на многих производственных операциях. Этим следовало заниматься повседневно и я принял решение поручить это дело Анечке. В тресте ей было скучно и неинтересно, с Бертой Лазаревной она так и не нашла общий язык, а тут нужен был грамотный и серьёзный человек. До этого инженером по рационализации и изобретательству работала молодой специалист Нина Пискарёва, которую я рекомендовал на должность главного инженера.

В работу по механизации ручных работ вовлекли инженерно-технических работников и многих рабочих. Создали участок внедрения рацпредложений. Ввели систему премирования за механизацию ручных работ. По количеству внедрённых мероприятий и их эффективности комбинат заметно опередил другие предприятия ведомства.

Продолжалось моё творческое содружество с Фёдором Луговнёвым. Теперь к нам присоединился конструктор Мисюра, который был введен в штат экспериментального участка. Несмотря на предельную загруженность производственными и хозяйственными вопросами, мы находили время для технического творчества. Для этого использовались вечерние часы и выходные дни. Мы это делали с удовольствием и это стало нашим “хобби”. Теперь мы работали над механизацией ручных работ и совершенствованием технологии в цехе первичной обработки и консервирования шкур. Здесь трудились десятки людей и буквально всё делалось вручную. Поступающие в цех шкуры очищались от засохшей грязи (навала) затупленными ножами (чтобы не повредить шкуру), укладывались на деревянные поддоны и посыпались слоем сухой соли. Через несколько дней шкуры паковались в пакеты и помещались в штабель для последующей отгрузки на кожзавод. Если учесть, что шкура весит более двадцати килограмм, а работали в цехе, в основном, женщины, можно себе представить чего это им стоило.

Самой тяжёлой была операция по очистке шкур от навала. При плохой очистке не обеспечивался надлежащий посол и кожзаводы предъявляли штрафные санкции.

Нам удалось разработать агрегат для санитарной обработки шкур, который позволил полностью механизировать и перевести на поток процесс очистки навала. При этом достигалось отличное качество обработки, которое вручную обеспечить невозможно. Шкуры конвейером подавались в рабочую зону агрегата, где подвергались механизированной очистке вращающимися барабанами с ножевыми элементами при обильном орошении водой, после чего специальным устройством отжималась излишняя влага и они транспортёром выносились к месту складирования.

Экспериментальный экземпляр агрегата был изготовлен в механической мастерской комбината, испытан и введен в эксплуатацию осенью 1964-го года. На него было получено авторское свидетельство СССР, а позднее патенты США, ФРГ, Нидерландов и ряда других стран.

Он экспонировался на ВДНХ и международной выставке “Инпродмаш 67”. Авторы были награждены медалями выставки и денежными премиями.

А самой большой наградой для меня и моих соавторов были слёзы благодарности рабочих, освободившихся от изнурительной грязной работы по ручной очистке шкур от навала.

81

С моей сестрой Полечкой мы теперь редко виделись. Пока Володя учился в Рижском высшем военном училище лётчиков такая возможность была только раз, когда я отдыхал в санатории в Булдури. После окончания училища Володю в звании лейтенанта направили в воинскую часть, в станицу Щербиновку Краснодарского края и удобного случая для встречи не было. Только в 1961-ом году, когда они переехали на постоянное место жительства в Ейск, где Володя стал преподавателем высшего военного училища лётчиков, мы побывали у них всей семьёй в отпуске. Они жили тогда на частной квартире, Полечка ещё нигде не работала и их материальное положение было довольно трудным. Мальчики подрастали и требовали всё больше внимания и расходов. Валерочке было уже 13 лет, а Борику 9. Им по-прежнему ни в чём не было отказа. Как и раньше, они не вылезали из долгов. Тем не менее приняли нас хорошо, проявили заботу, уделили много внимания и мы хорошо тогда отдохнули на берегу тёплого Азовского моря. Особенно довольны были дети. Они часто купались в море, гуляли в знаменитом парке имени Поддубного. Мальчики, которым шёл четырнадцатый год ходили с Володиёв на косу, где ловили бычков, а Верочка, которой исполнилось 10, вволю поела винограда, других южных фруктов и хорошо загорела.

Больше мы в гости к Полечке не ездили, оберегая её от расходов, а вот другие близкие и дальние родственники довольно часто проводили свои летние отпуска на Ейском курорте, пользуясь её гостеприимством и добротой.

Теперь, когда мы жили в просторной квартире со всеми удобствами, можно было пригласить всю семью Елизаровых к себе в гости. Они приехали с детьми летом 1963-го года и мы старались быть гостеприимными хозяевами. Показали окрестные достопримечательности, часто выезжали в лес и на речку, собирали грибы и ловили рыбу, но уделить им столько внимания, сколько они уделили нам, мы всё же не смогли. Это было не в наших силах. Как могла принимать Полечка, не может никто другой. Такая уже особенность её натуры.

Мы обговорили все насущные вопросы текущей жизни, ближайшей и далёкой перспективы и пришли к выводу, что после демобилизации Володи было бы хорошо, если бы мы могли с ними жить в одном городе.

82

У руководства комбината действовал принцип: “Если можно сделать что-либо доброе для рабочих - непременно сделай!”. Этого положения, ставшего законополагающим, придерживалась администрация, руководители цехов и участков, отделов и служб, все общественные организации и, в первую очередь, профсоюзный комитет.

Еженедельно, в нерабочее время, проводился приём работников по личным вопросам. Я старался не переносить и не отменять приёмные часы без особых на то причин. Это были не формальные разговоры директора с работниками, которые и раньше проводились здесь Шепиловым, Зиняевым и Жудраком, когда они возглавляли комбинат. На них мало кто и записывался у секретаря. Теперь в эти дни приходили на приём десятки людей. Обычно в беседах участвовал председатель профкома и мы сообща решали как и чем можно помочь человеку в его просьбе или беде. Говорили откровенно, от души, и если даже не могли помочь, то по крайней мере находили добрые, тёплые слова, которые, порой, бывали не менее важными, чем материальная или иная помощь. В большинстве же случаев мы находили какие-то возможности реальной поддержки.

Большие резервы оказались у профсоюзной организации. Профком договорился об использовании профилактория завода искусственного волокна для оздоровления работников комбината и многие рабочие стали получать путёвки на отдых и лечение после работы.

Оживили работу клуба и пригласили на работу нескольких хороших руководителей художественной самодеятельности. На городских, областных и даже республиканских смотрах самодеятельные артисты комбината стали занимать ведущие места.

Помню, как однажды, в два часа ночи, меня разбудил звонок междугородней телефонной станции и художественный руководитель клуба Владимир Барановский с волнением сообщил, что по итогам закончившегося в Минске Республиканского смотра наша самодеятельность удостоена высшей награды. Было трудно поверить, что ребята смогли опередить почти профессиональных артистов таких гигантов промышленности Белоруссии, как автомобильный и тракторный заводы, Гомсельмаш и других крупных предприятий республики.

Были перечислены капиталовложения горисполкому на централизованное строительство жилья и комбинату ежегодно стали выделять квартиры в новых микрорайонах города. Очередь на получение жилплощади заметно сдвинулась.

За счёт фонда предприятия удешевили стоимость обедов в столовой комбината, и теперь работники могли сытно пообедать всего за двадцать копеек, что было в несколько раз меньше прежней стоимости.

Всё это и другие проявления заботы о рабочих и служащих не замедлили сказаться на отношении людей к работе. Меньше стало “перекуров”, других перерывов и бесцельных хождений в рабочее время. Рабочие реже стали привлекаться к работе в выходные дни и к сверхурочным работам, а если такое и случалось, то для этого не нужны были уговоры директора. Достаточно было объяснения начальника цеха или мастера, чтобы люди остались на работе.

Эффективность труда возросла. Работать стало легче. За четвёртый квартал 1964-го года и первый квартал 1965-го года комбинату впервые присудили первую Республиканскую премию, а за второй, третий и четвёртый кварталы 1965-го года коллектив был удостоен Переходящего знамени Совета Министров БССР и Белорусского Совета профсоюзов. Это была наивысшая награда в республике.

Фактические объёмы переработки скота в два раза превысили проектную мощность комбината и узким местом на производстве стал холодильник и цехи обработки продуктов убоя (субпродуктов, жиров,

шкур, технической продукции). Обещания Совнархоза о выделении капиталовложений на проектирование и расширение комбината не выполнялись и дальнейшее увеличение выпуска продукции стало невозможным. В этом случае не возрастал фонд зарплаты и заработка рабочих пришлось бы заморозить.

Собственными силами был разработан проект реконструкции производственных цехов и строительства нового цеха обработки и консервирования шкур, выполнены расчёты экономической эффективности и получена ссуда для выполнения этих работ хозяйственным способом.

На холодильнике была внедрена новая технология однофазной заморозки мяса, что позволило более чем в два раза увеличить мощность морозильных камер, а за счёт высвободившейся площади цеха консервирования шкур увеличены производственные площади цехов переработки продуктов убоя.

Всё это на какое-то время решило проблемы и объёмы производства продолжали расти. По основным показателям работы, а главное темпам роста выработки продукции и повышению производительности труда, комбинат значительно опережал другие предприятия Белоруссии.

В областной и республиканской печати появилось ряд хвалебных статей о трудовом и патриотическом подъёме в коллективе, инициативах передовиков и новаторов производства, авангардной роли коммунистов и значении в этом партийной организации. И хоть моя фамилия там редко упоминалась, эти выступления газет и успехи комбината подогрели зависть и злобу моих коллег-директоров в городе и отрасли и усилили недовольство антисемитов в контролирующих и инспектирующих организациях. Возросло число проверок, в ходе которых ревизоры стремились доказать приписки и очковитительство с целью получения премий. При этом не скрывалось намерение контролёров уличить в этом именно директора.

Одна из таких ревизий возглавлялась главным контролёром КРУ областного финансового управления Журовым, известного своими антисемитскими настроениями и лишившего нескольких директоров-евреев своих постов и партийных билетов. К тому времени я оставался единственным евреем, занимавшим столь высокую должность в городе. Журов был грамотным ревизором, недавно защитил диссертацию на звание кандидата экономических наук и имел большой опыт работы по анализу хозяйственной деятельности.

Итогом двухмесячной проверки стал акт “О нарушениях финансовой дисциплины на Могилёвском мясокомбинате”. В нём я обвинялся в превышении полномочий, введении незаконных положений о премировании и материальном поощрении рабочих, ИТР и излишней выплате зарплаты в сумме около пятидесяти тысяч рублей. Учитывая, что выплата завышенной зарплаты тогда приравнивалась к хищению социалистической собственности, Журов считал необходимым направить материал следственным органам для привлечения меня к уголовной ответственности и взыскания нанесенного государству материального ущерба.

Можно было не сомневаться в том, что уголовного дела нам не миновать, если бы в мою защиту не выступил Криюлин. Он поручил финансовому управлению облисполкома рассмотреть материалы проверки с участием специалистов Совнархоза и принять по ним объективное решение. Этого было достаточно, чтобы всем стало ясно, что обком не доволен выводами контролёров. Так как тогда мнение партийных органов было выше всех законов, материалам Журова не дали хода. Более того, Управление мясной промышленности Совнархоза издало приказ “Об опыте Могилёвского мясокомбината в стимулировании повышения эффективности производства и роста производительности труда”.

На сей раз карающий меч партии моей головы не снёс, а я смог убедиться в том, что обещаниям некоторых партийных руководителей всё же можно верить.

Это был, наверное, единственный случай, когда Журов познал неудачу при проведении ревизий. В порыве гнева он посоветовал мне не радоваться своей победе и пригрозил новой встречей, которую обещал в ближайшем будущем. Своё обещание он сдержал.

Летом 1964-го года, в результате заговора, возглавляемого Брежневым, Пленум ЦК КПСС освободил Хрущёва от всех обязанностей в партии и государстве “по состоянию здоровья”. Генсеком стал Брежнев, а правительство возглавил Косыгин.

Постепенно отменили авантюрные решения и постановления, принятые в годы правления Хрущёва, стали внедряться новые экономические реформы. В конце 1965-го года были ликвидированы Совнархозы и вновь образованы Министерства. Не стало также промышленных и сельских обкомов партии.

Не зря говорят, что новая метла чище метёт. Очередная реорганизация управления народным хозяйством приносила хорошие плоды и её результаты стали проявляться всё отчётливее. По инициативе А.

Н. Косыгина было принято решение правительства “О новой системе планирования и экономического стимулирования в народном хозяйстве”. Руководители предприятий были наделены большими правами в управлении производством, хозяйствовании и материальном поощрении трудящихся за достижение высоких показателей в труде. Было сокращено количество показателей работы, за которые следовало отчитываться перед вышестоящими организациями. Прибыль, производительность труда и темпы роста объёмов производства стали основными показателями в оценке деятельности трудовых коллективов. Исходя из них, начислялись фонды предприятиям, которые могли быть использованы на материальное поощрение трудящихся, проведение социально-культурных мероприятий и жилищное строительство, а также на развитие производства.

Новое “Положение” не только узаконило наши инициативы по материальному стимулированию, но и представило много дополнительных возможностей поощрения работников по результатам труда.

Нужно сказать, что мы ими воспользовались в полной мере и, поскольку основные показатели работы продолжали оставаться высокими, был образован значительный фонд предприятия. Он позволил не только поощрять интенсивную работу и высокое качество продукции, но и осуществить ряд крупных социальных мероприятий. Одним из них стало строительство собственного профилактория для отдыха и оздоровления работников.

Проектные работы были оплачены за счёт фонда предприятия, а средства на строительство были выделены Союзным министром Антоновым в порядке поощрения коллектива за достигнутые показатели в работе.

Обком партии помог в выделении подрядной организации, которой стал трест промышленного строительства, и взял под контроль выполнение строительных и монтажных работ. Два четырёхэтажных спальных корпуса с лечебными кабинетами, оснащёнными современным оборудованием для диагностики и лечения хронических заболеваний, связанных с тяжёлыми условиями труда, вместительная столовая и комплекс санитарно-технических и хозяйственных строений были возведены за полтора года. Комбинат получил профилакторий, подобного которому не имело в то время ни одно предприятие Минмясомолпрома, а также крупные предприятия других отраслей промышленности Могилёва и области.

Союзное министерство выделило средства на реконструкцию и расширение холодильника и колбасного цеха. Строительство этих объектов взял под контроль обком партии и оно велось высокими темпами. Было построено три новых многоэтажных корпуса, что позволило не только увеличить мощности по производству колбасных изделий, заморозке и хранению мясопродуктов, но и создать необходимые санитарно-бытовые условия для рабочих. В административно-бытовом корпусе разместились гардеробы для верхней и санитарной одежды, душевые, комнаты отдыха. Первый этаж был отведен для заводоуправления, а на пятом был актовый зал на 600 мест. Завершение строительства первой очереди реконструкции и расширения комбината по существу полностью изменило его лицо. Он стал одним из самых крупных и высоко оснащённых предприятий мясной промышленности республики.

Осталось только реконструировать цех по первичной переработки скота и продуктов убоя и на это тоже были обещаны средства. Однако из-за резкого сокращения правительством капиталовложений в перерабатывающие отрасли промышленности с целью направления их на развитие сельского хозяйства, нам отказали в финансировании этого важного объекта и мы ограничились приобретением нового оборудования за счёт средств фонда развития и оснащением производственных участков собственными техническими разработками.

Одной из них стала конвейерная линия консервирования кожевенного сырья. В её состав входил уже внедрённый в производство агрегат для санитарной обработки шкур, конвейер для их консервирования в солевом растворе и устройство для автоматической подсолки кож сухой солью. Впервые в отрасли все технологические операции по обработке и консервированию шкур были полностью механизированы и переведены на поток. Эта разработка была защищена несколькими авторскими свидетельствами на устройства и способы осуществления технологических процессов. Линия была изготовлена и смонтирована экспериментальным участком комбината и принята ведомственной комиссией Минмясомолпрома СССР. Проектные организации использовали её в проектах строительства ряда новых предприятий и от её внедрения только на нашем комбинате был получен экономический эффект в сумме более двухсот тысяч рублей.

Линия экспонировалась на ВДНХ СССР. Я и мои соавторы, Луговнёв и Мисюра, были награждены медалями и денежными премиями.

По итогам работы за первый квартал 1966-го года комбинат впервые был удостоен первой премии Союзного министерства и его переходящего Красного знамени. Это место предприятие удерживало

постоянно на протяжении 16 кварталов до образования Производственного объединения мясной промышленности.

84

Глеб Александрович Кriuлин чем-то не угодил первому секретарю ЦК КПБ П. М.Машерову и его “выдвинули” на дипломатическую работу. Был тогда такой метод избавления от неугодных партийных работников высокого ранга. Его назначили послом СССР в КНДР. Первым секретарём обкома стал Виталий Викторович Прищепчик.

Я искренне сожалел об этом и к тому были серьёзные основания. Не стало моего влиятельного защитника, который долгое время оберегал меня от преследований, обид и унижений, за спиной которого я мог более-менее спокойно работать.

Не могу сказать, что Прищепчик относился ко мне хуже. Наоборот, он более открыто проявлял симпатии и охотно откликался на все мои просьбы и обращения. Однако, новый хозяин области не пользовался ещё таким влиянием и авторитетом, каким обладал Кriuлин, и находиться за его спиной было менее надёжно и безопасно.

В это время начиналась новая антисемитская компания в связи с обострением обстановки на Ближнем Востоке. Советский Союз занимал открыто антиизраильскую позицию и всецело поддерживал агрессивные намерения враждебных еврейскому государству арабских стран.

Новый импульс очередной волне антисемитизма придала авантюра группы еврейских диссидентов, возглавляемой Дымшицом и Кузнецовым, пытавшихся захватить самолёт и улететь на нём в Израиль.

Эта компания длилась несколько лет и достигла своего апогея после шестидневной войны, когда Израиль разгромил войска коалиции арабских государств, стремившихся его уничтожить.

Газеты пестрели тогда карикатурами на Моше Даяна, а на стенах домов и заборах красовались призывы, обращённые к евреям: “Жида, убирайтесь в свой Израиль!”. Эти хулиганские выходки антисемитов не осуждались, а следовательно одобрялись партийными органами в центре и на местах. Были серьёзные опасения открытого насилия и мародёрства.

Опасаясь обвинений в допущении недостатков в подборе и воспитании кадров, что явилось основанием для освобождения от занимаемых должностей многих руководителей-евреев, я старался уделять этому вопросу серьёзное внимание. На должности заместителей директора, начальников цехов, отделов и производственных участков я выдвигал в первую очередь людей коренных национальностей, молодых специалистов, женщин. Моим первым заместителем и главным инженером стала молодая специалист Пискарёва, заместителем по снабжению и сбыту была назначена коммунист Кожева, секретарём партийной организации избрана Крюковская, начальниками основных производственных цехов стали Кузнецова и Филимоненко. Все они, как и другие руководители цехов, отделов и служб имели законченное высшее и среднее специальное образование. Из числа молодых людей, в основном белорусов, был образован резерв кадров. Многие из них учились заочно в высших и средних учебных заведениях. Нередко они становились затем начальниками цехов, служб, отделов.

Так случилось, к примеру, с рабочим-обвальщиком Мигурским и уборщицей Папсуевой, о которых я расскажу ниже.

Евреев в руководстве было мало. Начальником колбасного цеха многие годы работала Раиса Матвеева, а заведующей лаборатории - Маргарита Шапиро. Они имели соответствующее образование и вполне соответствовали занимаемым должностям.

Когда на должность инженера по рационализации была назначена моя жена, я предполагал, что это может вызвать нарекания в семейственности, но решил на это потому, что это была рядовая инженерная должность, не находящаяся в прямом подчинении директора, а главное потому, что не сомневался в том, что её работа не вызовет нареканий.

Много времени и внимания уделял я также борьбе с хищениями продукции. Уличённые в этом работники строго наказывались, лишались премии, а многие увольнялись с предприятия. Был налажен надлежащий учёт, проводились систематические инвентаризации, исчезли недостачи на складах и в холодильнике. Случаев мелкого хищения стало меньше, но изжить их полностью было невозможно.

Именно эта работа стала предметом проверки, начатой по инициативе секретаря горкома партии Будунова, недавно избранного вместо Зинкевича. К ней подключили районное и областное ОБХСС (отделы борьбы с хищениями социалистической собственности) и инструкторов орготдела горкома.

Проверка длилась несколько месяцев и имела далеко идущие цели. Наряду с тщательным изучением состава руководящих кадров, были исследованы все каналы хищения продукции. При этом основное

внимание уделялось операциям приёмки скота базой предубойного содержания. Закупками скота у населения тогда занимались райконторы “Заготскот”, которые затем сдавали его мясокомбинатам. Были вскрыты злоупотребления в Могилёвском и Быховском районах, к которым оказался причастным заведующий базой мясокомбината Никулин. Он и управляющий Могилевской конторы Зинкевич были арестованы и началось следствие, в ходе которого было очевидно стремление МВД любой ценой добыть улики, подтверждающие мою причастность к этим махинациям. Как мне потом стало известно, отдельным свидетелям обещали большие блага за показания, уличающие меня в нечестности или злоупотреблении служебным положением.

Сотрудники ОБХСС устраивали ночные засады вокруг комбината с целью выявления расхитителей продукции. К сожалению, их было немало, но доказать рост числа случаев и объёмов хищения им не удалось. Статистика, наоборот, подтверждала неизменное их снижение за время моей работы директором.

Собрать необходимый компромат для привлечения меня к уголовной ответственности не смогли, но недостатков набралось немало. Отмечалось наличие мелких хищений, пересортицы у экспедиторов при развозе продукции по магазинам и при доставке её в Москву, недостачи при отгрузке мясопродуктов по железной дороге. Указывалось, что ещё не все инженерно-технические должности укомплектованы дипломированными специалистами. Не умолчали и о семейственности, в частности о работе жены директора в должности инженера по рационализации.

В клубе мясокомбината состоялся показательный судебный процесс по делу о злоупотреблениях при закупках скота у населения. Зинкевич и Никулин были осуждены к семи годам лишения свободы. Для меня это послужило серьёзным уроком на будущее.

Материалы проверки были рассмотрены у Прищепчика и принято решение обсудить их на партийном собрании комбината.

85

Иосифа Мигурского я хорошо помнил с Орши, где он заканчивал ГПТУ и проходил производственную практику по обвалке мяса в консервном цехе мясокомбината. Как я уже упоминал ранее, этот парень заметно отличался от других мальчишек силой, ловкостью, и сообразительностью. Он и тогда лучше и быстрее других работал и пользовался влиянием у учащихся. Я предлагал ему тогда остаться в Орше, но он остановил свой выбор на Могилёве, где, как ему представлялось, жить будет веселей и интересней.

Мне было приятно встретить его за работой обвальщика в первый день прибытия на комбинат. Он заметно подрос, возмужал и повысил свою квалификацию. Иосиф работал легко и ловко. Как бы играя, он отделял мясо от кости, опережая других рабочих бригады. Мне доставляло удовольствие любоваться работой специалистов высокой квалификации, особенно на таких тяжёлых и сложных процессах, как забеловка шкур в цехе первичной переработки скота и обвалка мяса в колбасном цехе. Когда выдавалось несколько минут свободного времени, я подымался на третий этаж, где были обвалочные конвейеры, и наблюдал за работой Юзика, как называли Мигурского в цехе. Заметил, что в моём присутствии он работал ещё лучше, чище и красивее, чем до моего прихода.

Когда я похвалил Мигурского в присутствии начальника колбасного цеха Матвеевой, она пожаловалась на его тяжёлый характер. Под настроение, в благодарность за премию, хорошую зарплату и похвалу он мог чудеса делать. В такие минуты для него не было непосильных заданий. Он и сам старался и бригаду увлекал своим примером. Стоило же Мигурскому чем-то не угодить, как он становился другим человеком - вредным, упрямым и творящим одно зло. Он тогда и сам не работал, и бригада, вслед за ним, склонялась к саботажу. Вот и приходилось всё время с ним заигрывать.

Я тогда не согласился с Раисой Давыдовной и пытался убедить её в том, что она недооценивает Юзика, где то ошибается в отношениях с ним и поэтому не в полной мере использует его возможности как рабочего и организатора коллектива.

Я тогда имел серьёзный разговор с Мигурским в плане его поведения и отношения к руководству цеха, а главное - относительно его жизненного статуса. Меня удивляло, что за прошедшие годы он не подумал об учёбе, имея только восьмиклассное образование, не задумался о специальности и так и остался обвальщиком. Я убеждал его в том, что когда уйдёт молодость, ему трудно будет переворачивать за смену по две тонны мяса и тогда он пожалеет, что в своё время не доучился и не приобрёл специальность. Юзик попытался было доказывать, что ему не плохо живётся обвальщиком, что зарплата его не меньше моей, а ответственности и проблем никаких, но затем согласился со мной и пообещал с нового учебного года пойти

в вечернюю школу, а после её окончания поступить на заочное отделение одного из институтов нашей отрасли промышленности.

Как мне потом рассказывала Матвеева, моё влияние на Мигурского оказалось полезным. Он теперь реже капризничал и во многом помогал ей в организации работы на участке обвалки мяса. Она назначила его бригадиром и теперь у неё стало меньше хлопот с обеспечением колбасного производства сырьем.

Я затем часто интересовался работой, учебой и жизнью Юзика. Когда его соученики рассказали, что ему трудно даётся математика, побывал в школе и договорился с завучем о дополнительных занятиях с ним. Узнав о возникших у него семейных проблемах, познакомился с его женой Майей и попытался помочь им выяснить свои отношения. Оказалось, что они осложнились в связи с неприязнью Иосифа к её родителям, в доме которых жили из-за отсутствия своей квартиры. Я напросился к ним в гости и за ужином попытался разрядить возникшую напряжённость, обнадежив возможностью получения молодой семьёй отдельной квартиры при условии постановки на очередь на расширение жилплощади.

Мне было приятно узнать, что и в школе у Юзика постепенно дела стали налаживаться и дома отношения улучшились. В этом была в первую очередь его собственная заслуга. Гордая и самолюбивая натура Мигурского не терпела к себе жалости и он старался доказать, что сам в состоянии решить свои проблемы.

Вскоре Иосиф Казимирович стал членом партии и о нём заговорили не только как о передовике производства, но и как о примерном коммунисте. Теперь и Матвеева, хоть и сдержано, но тоже похваливала Юзика. Ему присвоили звание “Ударник коммунистического труда” и он постоянно заносился на Доску почёта.

Когда нам впервые выделили лимит на награждение одного рабочего медалью “За трудовую доблесть”, Раиса Давыдовна без колебаний предложила кандидатуру Мигурского. Тогда редко награждали орденами и медалями работников промышленности, а если такое случалось, то не в пищевой и мясо-молочной отраслях. Привилегии имели угольная, металлургическая индустрия, реже машиностроение и отрасли лёгкой промышленности, такие как текстильная или искусственных волокон.

Когда выделялся лимит на награды, указывалось каким требованиям должен соответствовать награждённый. В данном случае требовалось, чтобы это был рабочий ведущей профессии, член партии, передовик производства. Национальность обычно не указывалась, но и без того было понятно, что предпочтение отдаётся людям коренной национальности (Юзик по паспорту считался белорусом, хоть на самом деле он, наверное, был поляком).

Мигурский по всем показателям соответствовал этим требованиям, и хоть и были другие кандидаты, некоторые из которых имели формальные преимущества, в частности больший стаж работы, мы отдали предпочтение ему и он получил медаль, которая тогда считалась очень почётной наградой.

Когда Иосиф Казимирович закончил вечернюю школу, я посоветовал ему подать документы в Ленинградский институт холодильной промышленности и оказал посильную помощь в поступлении в этот престижный ВУЗ.

С этим институтом мы поддерживали тесные производственные и творческие связи, его руководители и ведущие учёные часто бывали на комбинате и, как рассказывал мне декан факультета, на котором учился Мигурский, были серьёзные проблемы со сдачей Юзиком экзаменов по отдельным техническим дисциплинам, к которым у него не было никакого призвания. Достаточными знаниями в объёме средней школы он не обладал, а природными способностями к математике, механике, физике не отличался. Этим, наверное, и объяснялся выбор им ГПТУ, как достаточного учебного заведения и специальности обвальщика, как предпочтительной. Зато, кроме физической силы и трудовой сноровки, Мигурский обладал умением пробивать вопросы окольными путями и способностью задабривать нужных людей для решения возникающих вопросов и проблем. Это в большой мере помогло Юзику преодолеть все трудности, возникшие в ходе учебны и, главное, при сдаче экзаменов. В положенный срок он получил диплом инженера.

Этого было достаточно для назначения его мастером колбасного цеха, затем начальником холодильника, а позднее, когда Полина Степановна Кожева перешла работать в отдел управления качеством продукции, ему была предложена должность заместителя директора по снабжению и сбыту, на что он охотно согласился.

Мигурский не упускал случая подчеркнуть значение моей помощи и поддержки в его становлении как инженера и руководителя предприятия, утверждал, что он в вечном долгу передо мной, обещал трудом и старанием оправдать выбор его кандидатуры в качестве заместителя директора.

Как мне рассказывали работники обкома и министерства, Иосиф Казимирович часто подчёркивал, что считает за честь работать моим замом и отмечал мои положительные особенности, как человека и руководителя.

Главное, что мне было нужно от Мигурского это добросовестного отношения к работе и решение возникающих сложных проблем, связанных со сбытом продукции и снабжением предприятия дефицитными материалами. И нужно сказать, что с этими сложными задачами он вполне справлялся. Его работа ни в какой мере не могла быть сравнима с тем, как решала эти же проблемы Кожева, которая хоть и добросовестно трудилась, но была не в состоянии освоить и тем более пользоваться действовавшим тогда стилем и методами работы.

Иосиф Казимирович чувствовал себя в новой роли, как рыба в воде. Он обладал редкими природными способностями ведения купли-продажи товаров. Не было в этом деле вопроса, который бы он считал не разрешимым. И чем сложнее были задачи, тем охотнее он за них брался. Ему стали доступными все органы управления, включая самые высокие. Не всё у него получалось с первого захода. Когда его выгоняли в дверь, он пролезал в окно, но без положительного решения не возвращался. Никто не знал секретных приёмов, которыми пользовался Мигурский и он никого не посвящал в свои тайны, но всем было известно, что Юзику всё под силу.

Признаться, мне и не хотелось вникать в его секреты. Важно было, чтобы всё решалось в полном объёме и своевременно. Тем не менее я неоднократно предупреждал Иосифа Казимировича о недопустимости незаконных сделок и махинаций, на что он неизменно отвечал, что за него я могу быть абсолютно спокоен, так как всё что он делает не наказуемо.

Помню, как из одной командировки в Москву, где он взялся отстаивать качество мясопродуктов, отгруженных на холодильник “Мясорыбторга” (ему и такие поручения иногда давались), он привёз наряд на новую “Волгу” в экспортном исполнении. Тогда было очень трудно получить наряд на легковую машину для служебного пользования любой марки, даже “Москвич” или “Запорожец”. “Волгу” в Могилёве имели секретарь обкома, председатель облисполкома и директор автомобильного завода. Я считал не приличным для себя ездить на таком автомобиле, но Мигурский успокоил меня, показав бумагу “Минвнешторга”, согласно которой комбинат награждался “Волгой” за большие заслуги в выполнении экспортных поставок, в частности дичи в капстраны (мы действительно были единственным предприятием в республике, отгружающим лося и дикого кабана на экспорт). Как на самом деле удалось Юзику заполучить “Волгу” я до сих пор точно не знаю.

Как-то в откровенном разговоре за рюмкой Мигурский похвастался, что нет такого человека в стране, к которому он бы не пробился и с которым не сумел бы решить нужный вопрос. Наверное, здесь Юзик “загнул”, но он многое мог сделать, мы знали и неоднократно убеждались в этом.

Одним из вопросов, который был мне не по душе и с чем плохо справлялась Кожева, было обеспечение высокого начальства дефицитной продукцией. У нас не было практики развоза деликатесов по квартирам руководителей города и области, как это делалось другими мясокомбинатами республики. Мы должны были только чётко выполнять заявки буфетов обкома и облисполкома, где жёны чиновников всегда могли получить нужные продукты. Дело это было очень важным и ответственным. Если жена какого-то руководителя оказывалась недовольной ассортиментом или качеством продукции, мы это тут же могли почувствовать по его отношению к нам. При этом, чем ниже рангом был руководитель, имевший доступ к этим закрытым распределителям, тем больше неприятностей он нам доставлял. Больше всех от этого страдала Полина Степановна Кожева и это, наверное, было одной из причин её добровольной отставки.

Мигурскому в короткий срок удалось освоить эту работу и заметно повысить её уровень и качество. С его приходом я больше не слышал обид и жалоб. Если они и были, то адресовались непосредственно Иосифу Казимировичу, ибо этот круг покупателей хорошо знал, кто занимается их снабжением и кому они обязаны улучшением обслуживания.

Не занимался я также выполнением заявок на обслуживание делегатов партийных конференций, пленумов, активов и других важных мероприятий, которых в городе было немало. Этим занимался мой заместитель. Только к нему обращались важные и менее важные персоны, а нередко и рядовые граждане, с просьбами “помочь” при проведении свадеб, юбилеев, дней рождения, годовщин и других событий в личной жизни. Мигурский рассматривал и решал эти вопросы в зависимости от важности заявителя и главным образом от того, какую пользу от него можно было получить сейчас, завтра или в перспективе. Особенно внимательным и чутким он был с заведующими торгами, базами, складами, разного рода снабженцами, которых он относил к категории “нужных людей”.

Когда же ему приходилось обращаться к ним то, естественно, принимали его также радушно и не было вопроса, который ему нельзя было с ними решить.

Иосиф Казимирович был “своим человеком” на базах “Белодежда”, “Текстильторга”, “Обувьторга”, “Мебельторга”, “Хозторга”, облпотребсоюза не только в Могилёве и районах области, но и других городах республики и в Минске. На любое предприятие бытового обслуживания или магазин города он мог попасть со служебного входа и получить любой дефицитный товар или услугу.

С его помощью “доставали” дефицитные товары многие партийные и советские работники города, руководители отделов министерства и даже министр и его заместители. Выполнение их просьб не утруждало Мигурского. По всему было видно, что это доставляло ему удовольствие.

На комбинате не все однозначно относились к Юзику, как по-прежнему звали его многие, кто давно знал. Руководители цехов и участков были в большой зависимости от него, ибо только он обеспечивал их материалами производственного назначения, сбывал порой продукцию не лучшего качества, а иногда даже спасал от рекламаций в Москве, Ленинграде или Бресте при поставках продукции на экспорт. Мало кто решался открыто конфликтовать с Мигурским, но по секрету многие мне жаловались на него и выражали своё возмущение непомерной властью, которой он пользуется. Ссылались они при этом на его безграмотность, неспособность даже небольшое письмо написать или телеграмму собственноручно подготовить. Некоторые начальники цехов и отделов, в частности, Раиса Давыдовна Матвеева, которая лучше всех знала Юзика и только так продолжала его называть за глаза, предупреждали меня об опасности, которая мне угрожает от него.

О недостатках в работе своего зама мне и самому было известно не хуже других. Я не мог доверить ему выступить от имени предприятия в вышестоящих органах, судах или в арбитраже, готовить и подписывать письма, составить баланс движения продукции, или сделать анализ ее использования и выполнить многое другое, что входило в его обязанности, как заместителя директора. По большому счёту он просто не соответствовал занимаемой должности. Я знал обо всём, когда предлагал ему место работы, и откровенно высказывал свои замечания, но мне казалось, что со временем он чему-нибудь научится. Мне же тогда были важны его способности доставать необходимые материалы и сбывать готовую продукцию, потому я и решился на это.

Чтобы хоть как-то повысить уровень его знаний и научить грамотно разговаривать, я заставил его посещать экономический семинар, который вёл со времени вступления в должность главного инженера. Его участниками были многие инженеры, экономисты и руководители цехов и отделов. Они слушали лекции, готовили рефераты и выступления по темам конкретной экономики вообще и мясной промышленности в частности. Посещающие семинар инструкторы отделов агитации и пропаганды обкома и горкома партии отмечали высокий уровень знаний участников, и за это я даже был награждён Почётной грамотой обкома партии. За все годы учёбы Мигурский не подготовил ни одного реферата и ни разу не выступил на семинаре. К этому все привыкли и с этим смирились.

Однако обязанности доставать и сбывать Иосиф Казимирович выполнял хорошо и это всех устраивало.

Мигурский пытался быть “своим человеком” и у нас дома. Он старался хоть чем-нибудь быть полезным Анне Абрамовне и детям, не забывал поздравить каждого с днём рождения и утверждал, что мы ему как родственники. Я всегда остерегался его услуг и строго запретил членам семьи ими пользоваться. Тем не менее такие инициативы он, хоть и изредка, но всё же проявлял.

Около пятнадцати лет Иосиф Казимирович работал моим заместителем и все эти годы я его остерегался, в чём-то недобром подозревал и чего-то боялся. Как потом выяснилось, не без оснований.

В работе по рационализации и изобретательству Анечка нашла своё призвание. Она трудилась с утра до позднего вечера в поисках патентной информации, организации работы экспериментального участка, который был в её подчинении, учёте поступающих предложений, расчётах экономической эффективности, выплате вознаграждений авторам и премий за содействие внедрению. Дел у неё всегда было много потому, что всё больше людей вовлекалось в работу по совершенствованию производства и росло число поступающих от них заявок. Этому в большой мере способствовала её активная работа с авторами. Порой, из мимоходом услышанной ею реплики рабочего, улавливалась идея и рождалось рацпредложение. Она помогала многим в оформлении заявок, выполнении эскизов, обосновании эффекта, испытаниях и внедрении. И в том, что техническое творчество на комбинате стало по настоящему массовым, и из года в год возрастал полученный от него экономический эффект, была её большая заслуга. Ни на одном

предприятию отрасли этой работе не уделялось столько внимания, и она не велась с таким размахом, как у нас.

Комбинат был единственным предприятием мясной промышленности республики, где разрабатывались и внедрялись технические идеи мировой новизны. Показательно, что по всем поданным в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете министров СССР заявкам, в конечном счёте были получены положительные решения и выданы авторские свидетельства. Их поступило более тридцати и все были внедрены в производство.

Не получали мы отказных решений и на заявки в зарубежные патентные ведомства. Все направленные материалы были защищены и было получено пять патентов, в том числе, два американских. Можно было истребовать патенты на значительно большее число наших изобретений, но в Союзном министерстве никто серьёзно не занимался лицензионной работой, особенно по патентам провинциальных предприятий, а без продажи лицензий терялся смысл трудоёмкой работы по защите заявок, которую мы делали сами в свободное от работы время.

Там добивались продажи лицензий иностранным государствам только в случаях, когда соавторами были руководители министерства или люди из их близкого окружения. Их было продано всего несколько за все сорок пять лет моей работы в отрасли.

Мало было в нашей промышленности и внедрённых в производство изобретений. Этим, в основном, занимались научно-исследовательские институты и крупные конструкторские организации в содружестве с такими гигантами промышленности как Московский и Ленинградский мясокомбинаты. Большими успехами и там похвастать не могли. Заявок подавалось немного и из них обычно половина отклонялась. Не случайно поэтому, после внедрения нами в производство нескольких первых собственных изобретений, руководство головного НИИ отрасли - ВНИИМПа обратилось к нам с предложением о сотрудничестве в разработке, защите и внедрении научных разработок и опытно-конструкторских работ. Предложение было принято, однако большой пользы от этого мы не получили и содружество свелось к тому, что соавторами изобретений стали руководители института и некоторые учёные, которым позарез нужны были авторские свидетельства для подтверждения их успехов в научной деятельности или для защиты диссертаций.

Нельзя сказать, что наши успехи в технической творчестве не признавались Минмясомолпромом СССР, партийными, советскими и профсоюзными органами республики. Наоборот, о них писали отраслевые журналы, местные и республиканские газеты, публиковались брошюры. По итогам соревнования за лучшую постановку работы по рационализации и изобретательству комбинату неизменно, на протяжении многих лет, присуждалось первое место в стране и соответствующие премии, мы были удостоены многих медалей ВДНХ СССР, в том числе золотых и серебряных, предприятие награждалось ценными подарками Главной выставки страны, включая и легковые автомобили. Но я лично постоянно чувствовал, что мою фамилию старались называть как можно реже, а если этого нельзя было избежать, то делали это в полголоса, с оглядкой и боязнью нарушить чей-то запрет.

В этом я окончательно убедился, когда в 1967-ом году, к юбилею Октябрьской революции, по предложению республиканского Совета общества изобретателей и рационализаторов меня и Луговнёва представили к званию “Заслуженный изобретатель БССР”. Материалы были убедительными и не могли вызвать сомнений в том, что мы такого звания достойны. Экономический эффект от внедрения наших изобретений в отрасли в несколько раз превышал требования Положения о присвоении этого звания, и составил более 3-х млн. рублей, но представление пролежало в ЦК КПБ около года и когда, наконец, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета, то в нём была только фамилия Луговнёва. Бедный Фёдор Тимофеевич чувствовал себя очень неудобно. Он то лучше других знал какими были моя роль и участие в разработке, защите и внедрении наших изобретений.

Было очень обидно проглотить очередную горькую пилюлю, но что поделаешь? Что позволено Юпитеру - не позволено быку.

Хотелось более подробно рассказать о буднях изобретательской деятельности, о безразличии к этому важному государственному делу нашего министерства и других правительственных ведомств, об обидах и издевательствах, которые мы вынесли при решении вопросов выплаты полагающихся по закону вознаграждений и других видов поощрений. Но не стану я это делать только потому, что многое может показаться неправдоподобным и меня могут упрекнуть в нескромности или в хвастовстве, а еще потому, чтобы не утомлять читателей такими грустными историями.

Не могу только не упомянуть ещё об одном случае, который красноречиво подтверждает неравноправие людей в советском обществе.

В колбасном цехе комбината были внедрены разработанные нами способ и устройство для отделения мясной ткани от кости. Использование этих изобретений позволило направить в производство мясо оставшееся на кости после ручной обвалки. Действовавшие тогда инструкции допускали остаточное содержание мясных прирезей в среднем по скелету в размере 8 процентов, а на некоторых частях туши, таких как грудинка, филей, шейка, позвоночник, оставалось более 15 процентов мяса. Требовать от рабочих ручной доочистки не имело смысла, так как на это понадобилось бы много труда и времени, что экономически себя не оправдывало. В связи с этим сотни тонн мяса на нашем комбинате, на всех других предприятиях страны, как и во всём мире, направлялись вместе с костью на клеевые заводы или на другие технические цели.

После долгих и мучительных поисков нам удалось разработать устройства и технологию, позволившие механизированно отделить мясную ткань. Для этого кость измельчалась, обрабатывалась во вращающемся специальном барабане, где обеспечивалось отделение прирезей мяса, которые водой отводились в отстойную центрифугу непрерывного действия, обеспечивающую отделение твёрдой фазы от жидкости. Полученное таким образом мясо направлялось в колбасное производство. Технология была одобрена “Минмясомолпромом” и внедрена в производство.

При посещении комбината группой немецких ученых и специалистов, разработанная нами технология вызвала большой интерес и они обратились ко мне с просьбой оказать помощь в её внедрении на одном из предприятий Западной Германии (тогда ещё существовала и Восточная Германия, как отдельное государство). Я объяснил немецким гостям, что для этого требуется разрешение соответствующих органов, куда им и следует обратиться. Прибывший с ними на комбинат директор ВНИИ мясной промышленности Горбатов обещал им помочь положительно решить этот вопрос. В этом была определённая заинтересованность министерства, так как немцы выразили желание купить лицензии на эти изобретения.

Каково же было моё удивление, когда вместо меня, по полученному персональному приглашению, в ФРГ командировали сроком на две недели моего заместителя по снабжению и сбыту Мигурского. Он должен был объяснить, что я не смог выехать по состоянию здоровья.

Иосиф Казимирович был гостеприимно принят, его поселили в первоклассном отеле, оплатили все расходы на питание, зрелищные мероприятия и экскурсии по всей стране, но какую-нибудь реальную помощь во внедрении изобретений он, конечно, оказать не мог.

На сэкономленные командировочные Мигурский привёз много подарков. Достался тогда и мне дефицитный импортный зонтик японского производства.

Немногом позже начальник производственного отдела “Минмясомолпрома” Белоруссии Тимофеева видела во время командировки в ФРГ, внедрённую в производство линию отделения мяса от кости, незначительно отличающуюся от нашей.

Государство потеряло реальную возможность выгодно продать за валюту лицензии на два изобретения, но зато был соблюлён принцип “Не пущать”.

После этого я неоднократно включался в состав советской делегации на ежегодно проводимые Европейские конгрессы работников мясной промышленности, но в последнюю минуту меня неизменно исключали со списков и заменяли человеком с более чем у меня благозвучной фамилией.

К этим манипуляциям пришлось привыкнуть и больше я им не удивлялся.

87

В трудовых буднях и не заметили, как подросли дети. После отъезда из Молодечно у них больше не было няни и, поскольку мы всегда были предельно заняты работой, они были отданы сами себе и росли самостоятельно. Нередко им приходилось обедать в столовой, что была рядом с нашим домом, и только по выходным дням мы могли их побаловать домашним обедом, выехать с ними на природу, сводить в кино или в парк.

Они к этому привыкли и большего не требовали. Не было у нас и особых хлопот с одеждой. Мальчики одевались очень скромно и утверждали, что им больше ничего не надо. Даже, когда они были в десятом классе и им шёл восемнадцатый год, не было просьб о выходных нарядах и галстуках, что в торжественных случаях уже носили их сверстники. Только к выпускному вечеру, что состоялся в июне 1966-го года, мы купили им добротные костюмы, белые рубашки и они впервые одели самовязы.

На самом вечере, после которого сыновья вернулись домой только утром, мы не были, но на родительское собрание пошли вдвоём. Было очень приятно слышать добрые слова в адрес наших детей и получить благодарственный адрес руководства школы. Медалей ребята не получили из-за четвёрки по белорусскому языку и литературе, но по основным предметам у них были отличные оценки.

С такими аттестатами они вполне могли поступить в какой-нибудь престижный Минский или даже Московский ВУЗ, где не было запрета на приём евреев (многие институты и университеты для них были закрыты), но они изъявили желание поступить во вновь образованный Могилёвский машиностроительный институт, по специальности “Сварочное производство”. Может быть им по душе была эта специальность, которая тогда считалась престижной, возможно на их решение повлияли школьные друзья, многие из которых поступали на этот факультет, не исключено также, что они при этом учитывали наше желание не разлучаться с ними так рано. Как бы там ни было, но мы были рады их выбору.

Верочка тогда закончила седьмой класс и была круглой отличницей. Если в течении года она изредка и получала четвёрку, то мы об этом непременно знали по мокрой от слёз подушке и стонам сквозь сон по ночам. Она была прилежной во всём, очень опрятной, и со вкусом одевалась. В отличие от мальчиков она нередко выпрашивала новое платье к праздникам, модные чулки или туфли и, хоть мать была предельно строга с детьми и очень экономна, отказать в просьбе любимой дочери она не всегда могла. Верочка уже в этом возрасте выгодно отличалась от своих подруг-одноклассниц и на неё нередко поглядывали мальчики старших классов. С одним из них, Вовой Юдко, она подружилась в восьмом классе и дружба эта продолжалась до окончания школы. Это была та первая юношеская дружба с мальчиком, которая нередко начинается в школе и остаётся в памяти на всю жизнь. Вова учился тогда в девятом классе и был славным малым. Он часто бывал у нас дома и мы не препятствовали их встречам.

Конечно, мы тогда и мысли не имели, что их отношения могут иметь какие-то серьёзные последствия. Считали, что в своё время наша Верочка непременно встретит хорошего еврейского парня и очень верили, что в этом плане её ждёт счастливое будущее.

Мальчики без труда сдали вступительные экзамены и, хоть на каждое место в институт претендовало несколько абитуриентов, они по полученным баллам свободно и без всякой помощи стали студентами.

Учились ребята с охотой и не имели серьёзных проблем с начертательной геометрией, технической механикой или сопроматом, которые с трудом даются многим студентам на первых курсах технических ВУЗов. Оба увлекались спортом и у них всегда было много друзей. Вовочка был в институтской команде по ручному мячу и увлекался борьбой. Он часто участвовал в соревнованиях на первенство города и республики, где не раз познавал радость побед. Это увлечение даже оставило ему пожизненную отметину в виде “откушенного” уха.

Мишенька занимался зимними видами спорта и стал бесстрашным моржем. Никакая стужа не могла остановить его от тренировок и соревнований любителей зимнего плавания, которые проводились обычно на Днепре, в присутствии многочисленных зрителей. Напрасно мы, заботясь о здоровье сына, пытались иногда, в двадцатиградусный мороз, уговорить его остаться дома. Даже слёзы матери, которую он очень любил, не могли его остановить. Мы никогда не ходили смотреть на заплывы моржей. Это было выше наших сил. Даже фотоснимки, которые Мишенька изредка приносил, вызывали у нас страх и ужас.

Нужно сказать, что наши опасения за его здоровье оказались напрасными. Закаливание плаванием в ледяной воде принесло нашему сыну большую пользу. Он возмужал, окреп физически, прибавил в росте и никогда не простуживался. Полезными оказались занятия спортом и для Вовочки.

Летом мальчики обычно выезжали в турпоездки. Собиралась студенческая компания, запасались спортивным снаряжением, консервами и другими съестными припасами, и отправлялись куда-нибудь в Крым, на Кавказ или Карпаты, где совершали экскурсии в горы, природные заповедники, осматривали достопримечательности. Возвращались они оттуда всегда довольными, загорелыми, полными свежих впечатлений.

У Верочки были другие увлечения. Она, по-прежнему, занималась музыкой, участвовала в школьной самодеятельности, пела, танцевала.

Видели мы своих детей только по вечерам и в выходные дни, но очень любили и гордились ими.

Секретарь обкома Прищепчик часто бывал на комбинате и не упускал случая показать его приезжающим в областной центр руководителям республики. На комбинате побывали секретари ЦК, включая Машерова, председатель Совмина Киселёв и его заместители. Для этого использовались торжества по случаям вручения комбинату Переходящих знамён, памятных знаков, других наград или внедрения в производство важных изобретений.

На одно такое торжество, посвящённое вручению Памятного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС и занесению комбината на Всесоюзную Доску Почёта на ВДНХ прибыл секретарь ЦК по

промышленности Алексей Алексеевич Смирнов. Такой высокой награды предприятие было удостоено за высокие показатели в соревновании, посвящённом 50 летию Октябрьской революции. В мясной промышленности республики такой чести был удостоен только наш комбинат.

Смирнов, Прищепчик и министр Мясокомпрома Белоруссии Баврин осмотрели производство и ознакомились с новой техникой и технологией, внедрённой на комбинате. Кроме собственных разработок мы показали им диспетчерскую, где впервые в мясной отрасли страны было внедрено промышленное телевидение и устройства для автоматического учёта простоев конвейерных линий и основного оборудования с анализом причин. Действовала громкоговорящая связь с цехами и участками, позволяющая диспетчеру оперативно решать возникающие вопросы. Высокие гости с интересом наблюдали на экране телевизора за ходом технологических процессов, ознакомились с причинами простоев, наблюдали за работой диспетчера и дали высокую оценку уровню управления производством.

За обедом в заводской столовой мы обратились к начальству с просьбой помочь комбинату в строительстве новой столовой. Хотя руководители республики и области могли без труда убедиться в том, что столовая не соответствует возросшей численности коллектива, они никаких обещаний не дали.

Когда же Смирнов на общем собрании выступал с поздравлениями по случаю вручения наград, он в порыве чувств заявил, что в знак благодарности коллективу за хорошую работу ЦК и правительство республики решат вопрос о строительстве новой столовой.

Это заявление было встречено громом аплодисментов и секретарю ЦК ничего не оставалось делать, как выполнять обещание. Перед отъездом Смирнов, пожимая мне руку, велел напомнить ему о столовой на следующей неделе.

Приехав в Минск, я позвонил его помощнику, и он предложил встретиться, так как Алексей Алексеевич дал ему поручение решить все вопросы, связанные с проектированием и строительством столовой. В моём присутствии было дано указание директору института “Гипроторг” в текущем квартале выполнить проект заводской столовой и передать документацию заказчику. Директору автозавода предложили найти возможность изготовить поточную линию раздачи комплексных обедов для столовой Могилёвского мясокомбината, министра “Промстроя” “упросили” включить в план следующего года строительство этого “важного” объекта, а “Минмясокомпрому” республики “рекомендовали” изыскать средства для финансирования строительства.

Понадобилось всего два часа, чтобы решить вопрос, который в обычных условиях не решался годами. Я смог убедиться в том, какой силой и возможностями обладает партия - “руководящая и направляющая сила” советского общества.

В течении одного года рядом с административно-бытовым корпусом, было возведено двухэтажное просторное здание заводской столовой - подарок ЦК КПБ коллективу комбината.

89

Как-то позвонили из приёмной первого секретаря обкома и велели срочно явиться к Прищепчику. Такие “приглашения” всегда были непредсказуемыми и вызывали тревогу. Несмотря на хорошее, в принципе, к себе отношение (об этом мог бы мечтать любой руководитель предприятия, не говоря уже о директоре - еврее), меня никогда не покидал страх ожидания каких-нибудь провокаций, антисемитских директив “сверху” или, в конце концов, анонимных жалоб и клеветнических обвинений со стороны моих недругов и завистников. Хотя я и старался не давать для этого повода, я никогда не был абсолютно уверен в завтрашнем дне, меня не покидало предчувствие подстерегающей опасности, чего-то страшного. Интуиция подсказывала, что так хорошо и спокойно долго продолжаться не может.

На сей раз мои опасения не оправдались. Я это понял, как только переступил порог кабинета. Виталий Викторович встретил меня привычной тёплой улыбкой, усадил в кресло напротив себя и спросил не желаю ли переселиться в центр города.

Конечно, я должен был, не раздумывая, признаться в том, что только об этом мечтаю. Кто тогда не пожелал бы жить в центре, рядом с кинотеатрами и магазинами, плавательным бассейном и парком, концертным залом и библиотекой? Получить квартиру в центре было престижно в любом городе, но в Могилёве, где окраины были запущены, неблагоустроены, тёмные и грязные, где автобусы ходили редко и были всегда переполнены, где в километре от дома Советов и обкома партии было опасно вечером на улицу выйти, к этому стремились все. Никто не упустил бы случая такой возможностью воспользоваться.

Меня же пронзила мысль: “А что скажут люди?”, и я ответил, что при таком дефиците в жилье, который испытывает разрушенный войной город, я не могу себе позволить менять хорошую квартиру на лучшую.

Виталий Викторович на это ответил, что он предлагает квартиру в обкомовском доме, который не предназначен для “общей” очереди, что мне, как инвалиду войны, пора уже жить в квартире с центральным отоплением, а не топить печь дровами, что мои заслуги перед страной позволяют с чистой совестью поселиться в благоустроенном районе в центре города. Он велел осмотреть дом напротив обкома и выбрать квартиру по своему желанию.

Мне ничего не оставалось, как поблагодарить за чуткость и внимание проявленные ко мне, и поспешить обрадовать приятной новостью Анечку и детей.

Как были рады мои домочадцы этой новости! Особенно ликовали дети. Дом обкома был рядом с институтом, где учились мальчики, им теперь не придётся больше висеть на ступеньках переполненных автобусов, добираясь по утрам на занятия, а Верочка сможет пешком ходить в музыкальную школу на соседней улице.

В тот же день мы побывали в готовом к вселению доме. Поехали поздно вечером, чтобы случайно не встретить кого-нибудь из своих знакомых, не вызвать неприятных разговоров и неминуемой зависти.

Дом был удивительно красив, с большим благоустроенным двором, и выходил одной стороной на центральную Первомайскую улицу, а другой - на тихую зелёную улицу Миронова, по которой не ходил городской транспорт. Его почему-то прозвали “Курской дугой”. То ли потому, что конфигурацией своей он напоминал дугу, то ли из-за того, что было много желающих поселиться в нём, и квартиры добывались приступом.

Первый этаж был отведен для центрального городского Загса, ювелирного и цветочного магазинов и салона для новобрачных. Рядом была площадь Ленина с огромным зданием Дома Советов и сквер с музыкальным фонтаном.

Все квартиры были красивы и удобны, но нам больше понравилась четырёхкомнатная, что выходила на тихую зелёную улицу. Ребятам же по душе была трёхкомнатная с двумя большими лоджиями на шумную Первомайскую, где они смогли бы смотреть парады и демонстрации. Поскольку их было большинство, пришлось подчиниться желанию детей.

О своём выборе мы сообщили председателю горисполкома и вскоре нам вручили ключи от желанной квартиры, площадь которой превышала сто метров. В таких шикарных условиях мы ещё не жили и первое время нам даже не верилось, что всё это не во сне. У нас были хорошие соседи, но больше всех по душе была семья Марченко, что жила в такой же, как и наша квартира, этаже ниже.

С ними у нас завязалась большая дружба, длившаяся много лет, и о них я расскажу позднее.

90

Скот на комбинат доставлялся транспортом колхозов, совхозов и контор “Заготскот”. Как мы не пытались регулировать его поступление по времени суток, нам это не удавалось и большинство машин прибывало к полудню, в интервале двух-трёх часов. Поскольку перед въездом на комбинат каждое животное должно подвергнуться ветеринарному осмотру, у ворот предприятия создавались порой километровые очереди, блокировавшие движение городского транспорта по прилегающим улицам. Малогабаритные машины хозяйств использовались неэффективно и отвлекались на целый день от выполнения других работ.

Мы выступили с инициативой принять на себя функции доставки скота на мясокомбинат при условии выделения специализированного транспорта и создания собственной автобазы. Предложение было поддержано облсельхозуправлением, за счёт лимитов и средств сельского хозяйства были приобретены скотовозы и начался эксперимент по централизованной доставке скота.

Успех этого начинания оказался настолько большим, что уже в следующем году начин был поддержан во всех областях республики и на всех крупных мясокомбинатах стали создавать свои автобазы.

Скотовозы направлялись в хозяйства по согласованному графику и теперь они стали делать по несколько рейсов в день. Оказалось возможным тем же количеством автомобилей обеспечить доставку скота и на другие комбинаты области. Всё это было экономически выгодно нам, колхозам и совхозам, которым мы взялись оказывать транспортные услуги.

Постепенно функции нашей автобазы возросли и мы стали использовать автомобили не только для доставки скота, но и для перевозки других грузов. За счёт ссуды Госбанка была построена ремонтная база и созданы удобства для водителей.

Автохозяйство стало примерным и по решению “Минмясомолпрома” на комбинате был проведен союзный семинар.

Журнал “Мясная индустрия СССР” опубликовал несколько статей о централизованной доставке скота. О нашем опыте была издана брошюра.

Как-то мне позвонил Прищепчик и сообщил, что на следующей неделе к нам приезжает союзный министр Сергей Фёдорович Антонов. Он предложил подготовить предложения по регламенту и порядку его встречи.

Опыта приёма таких гостей у меня не было и пришлось немало потрудиться, прежде чем я отважился вынести своё творение на суд первого секретаря обкома. В нём были подробно, в хронологическом порядке, расписаны все предлагаемые мероприятия, а также круг их участников, начиная от встречи высокого гостя и кончая его проводами. Времени было отведено мало, а показать хотелось много и поэтому в урне оказалось несколько забракованных вариантов.

Представленный проект вызвал похвалу. Единственное, что изменил и дополнительно включил в программу Прищепчик, был порядок встречи и размещение гостей в день приезда. Он предложил финскую баню и ужин в загородной резиденции обкома, а также некоторые мероприятия развлекательного порядка и досуга. Кроме того был резко ограничен круг участников. Даже второй секретарь обкома, секретарь горкома и председатель горисполкома были допущены только на отдельные мероприятия.

Антонова сопровождали из Минска заместитель председателя Совета министров Белоруссии Хитрун и министр “Мясомолпрома” Баврин.

От комбината во всех мероприятиях, кроме меня, мог участвовать только Мигурский, которому были поручены все интендантские функции.

От посещения министра комбинат мог получить большие выгоды и потому нужно было сделать всё возможное по обеспечению надлежащего приёма.

91

Встречать высоких гостей на границу Минской и Могилёвской областей выехало три автомобиля. В ещё новеньком обкомовском “ЗИМе”, кроме Прищепчика, был только председатель облисполкома Маслаков. В нашей “Волге”, кроме меня, был Мигурский, который исполнял обязанности водителя. Нас сопровождал начальник ГАИ на своей персональной спецмашине со звуковыми и световыми сигналами.

Всё было рассчитано точно и, когда мы подъехали к дорожному знаку с надписью “Минская область”, на горизонте показалось несколько машин, сопровождаемых автоинспекцией. В правительственном “ЗИМе” был Антонов, которого нельзя было ни с кем спутать из-за его двухметрового роста, его помощник и Хитрун, казавшийся совсем маленьким по сравнению со своим высоким гостем. В министерской новой “Волге” находился Баврин.

Сергей Фёдорович тепло со всеми поздоровался, а мне шепнул на ухо:

- Наслышан о твоих легендарных подвигах и рад тебя видеть.

Не заезжая в город, выехали на Оршанское шоссе, где на десятом километре, в сосновом бору расположилась резиденция обкома и облисполкома. Это был приличных размеров двухэтажный особняк со множеством подсобных и вспомогательных сооружений, ограждённый забором и круглосуточно охраняемый милицией. Доступ посторонних людей туда был абсолютно исключён и даже проезд автомобилей поблизости запрещался специальными дорожными знаками и постами ГАИ.

Прямо из машин гостей пригласили в баню, где пахло ещё свежим деревом. В комнате отдыха были ящики с польским и чешским пивом, сухая вяленая рыба. На столе стояли стеклянные бутылки с прозрачным светлым напитком местного производства.

Гости от угощения отказались и направились прямо в парилку, где было 110 градусов. Антонову этого оказалось мало и температуру подняли до отметки 125. Он оказался большим любителем сауны и никто из нас не смог составить ему компанию там. Душ министру показался слабым и Мигурский воспользовался шлангом из водопровода с высоким давлением, чтобы остудить гостя после долгой жаркой парной. Только теперь он принялся за пиво, закусывая жирной таранью. К радости Прищепчика Могилёвское пиво получило самую высокую оценку Антонова. Он знал цену этому напитку и подробно объяснял по каким показателям импортное пиво заметно уступает местному. Наверное, директор пивзавода, выполняя особый заказ обкома, сильно постарался, чтобы сделать своё пиво лучшим, чем чешское и польское.

Попивая холодный, горький напиток Сергей Фёдорович рассказывал интересные истории из своей дипломатической службы (во время войны он был послан в Афганистане), а также из практики работы мясной промышленности разных стран, где ему приходилось бывать. Он был интересным рассказчиком и мы с удовольствием слушали его.

За несколькими заходами в парную, рассказами министра и анекдотами Маслакова не заметили, как подкатила полночь, и Виталий Викторович пригласил всех на ужин. Когда мы вошли в банкетный зал, шеф-

повар ресторана “Могилёв” наводил последние штрихи у праздничного стола, который был похож на произведение искусства, выполненное именитым художником. Были рыбные и мясные деликатесы, украшенные свежими овощами, разнообразные салаты, малосольные огурчики и многое другое. Ассортимент напитков включал посольскую водку, пятизвёздочный армянский коньяк, импортные вина, шампанское и боржоми. Стол был накрыт на восемь персон и сервирован фаянсовыми тарелками, серебряными столовыми приборами, хрустальными бокалами.

Невольно мелькнула мысль, как на этом фоне будем завтра выглядеть мы, когда, по программе, должны будем давать приём в директорском домике своего профилактория.

Антонов снял пиджак и галстук и предложил каждому произнести тост на вольную тему, а мне разрешил использовать своё слово для просьб и жалоб. Во всех тостах звучала благодарность за приезд в нашу глухую провинцию, пожелания здоровья и благополучия высокому гостю. Перед моим тостом Сергей Фёдорович предложил своему помощнику записать просьбы, а меня просил не превышать регламент. Я не счёл нужным за ужином обращаться с просьбами и высказывать жалобы, а наоборот, поблагодарил министерство, партийные и советские органы за помощь и пообещал ответить на заботу новыми успехами в труде.

Сергей Фёдорович воспринял это как дипломатический шаг, рассчитанный на получение большей помощи позднее. Так в конце концов и получилось.

Когда поужинали был уже поздний час и гостей отвели на отдых. Каждому был предоставлен отдельный номер со всеми удобствами, холодильником и баром, всевозможными яствами. Все улеглись, а Антонов с Бавриным ещё долго играли в бильярд и шахматы, и уснули только под утро.

Поднялись в назначенное время и, после легкого завтрака, отправились на комбинат. Туда уже прибыли первый секретарь горкома Мезенцев и секретарь обкома по промышленности Пилюта. Осмотр начали с автобазы, которая, как мне показалось, была основной причиной визита министра. Он с интересом осмотрел гаражи и стоянки автомобилей, ремонтную базу, поговорил с шоферами и ремонтниками, выслушал просьбы директора Брудаля, мнения Прищепчика, Маслакова и Баврина, ознакомился с экономическими показателями работы за прошлый год и сделал вывод, что дело это стоящее и его нужно внедрять во всех регионах страны.

В цехах комбината он больше интересовался нашими разработками и изобретениями, опытом оперативного планирования и экономического стимулирования, бытовыми условиями рабочих.

Особый интерес вызвал агрегат для обработки свиных голов, линия механизированной доочистки мяса от костей, агрегат для санитарной обработки шкур и комплексно-механизированный цех первичной обработки и консервирования кожсырья. У агрегата для очистки шкур от навала он задержался особенно долго, вынул свой белоснежный носовой платок и провёл им по нескольким обработанным шкурам. Платок стал влажным, но остался чистым. Сергей Фёдорович был в восторге и объяснил сопровождающей его свите, как важно это изобретение для промышленности.

Нам пришлось менять своё мнение о главной цели визита министра. Было очевидно, что наибольший интерес у него вызвали наши изобретения в области техники и технологии производства.

Антонов предложил мне подготовить описания внедрённых изобретений, которые согласно действовавшему тогда положению, наравне с диссертацией, могли стать основанием для присуждения учёной степени кандидата технических наук. Баврину было предложено рассмотреть подготовленный мною материал на Техсовете министерства и принять решение о возможности его представления в ВАК. В административно-бытовом корпусе Сергей Фёдорович осмотрел бытовые помещения, побывал в клубе и столовой, интересовался использованием промышленного телевидения, разного рода счётчиков для учёта работы конвейеров и регистрации простоев, установленными в кабинете директора и диспетчерской. Он беседовал с инженерами, экономистами, бухгалтерами и остался доволен уровнем их знаний.

Когда уже покидали производство, Антонов спросил откуда столько цветов в комнатах отдыха, бытовых помещениях, столовой и административном корпусе. Когда Мигурский объяснил, что всё это из собственной оранжереи, пожелал её осмотреть. Две пожилые женщины, польщенные интересом министра к их работе, с удовольствием познакомили его с технологией выращивания цветов и подарили букет разноцветных роз. Сергей Фёдорович был тронут подарком, признался, что сам занимается на своей даче цветоводством и очень любит это дело.

По дороге в профилакторий, что был конечным пунктом программы, заехали в недавно построенный новый детский садик. Заведующая и воспитатели показали спальные и игровые комнаты, а детки дали маленький концерт, что привело гостей в восторг.

Мы несколько нарушили программу и в профилакторий приехали с опозданием. Тем не менее Антонов с интересом выслушал информацию главврача Дидикова об организации отдыха и лечения рабочих, беседовал с отдыхающими, побывал в столовой, клубе и лечебном бассейне. В итоге он заявил, что никогда не испытывал такого удовлетворения от реализации выделенных предприятию капитальных вложений, как в этом случае.

Осмотр профилактория завершился обедом. Конечно, наш шеф-повар Мария не смогла так украсить стол, как это сделали в ресторане “Могилёв”. И посуда была не та, и вид поданных блюд не напоминал натюрморт художника, но зато сколько души и фантазии вложила она в приготовленные кушанья. Это были, в основном, блюда белорусской кухни, главным компонентом которых являлась бульба (так по-белорусски называется картошка). Она была и жареная, и пареная, и с мясом, и с грибами, и с яйцами, и в виде оладий и блинов. Всё это было свеженькое, только с огня, и выглядело очень аппетитно. Подали квашеную капусту, солёные огурцы и мочёные яблоки. На столе были водки “Беловежская”, “Кристалл” из Климовичей и хлебный квас собственного производства.

Когда я сравнил всё это со вчерашним ужином, мною овладел страх за возможные последствия, но, слава Богу, всё обошлось. Наверное блюда национальной кухни были на самом деле вкусны. Все не переставали хвалить их, а в конце обеда Антонов от души поблагодарил тех, кто готовил и подавал замечательный обед. Он сказал, что давно с таким удовольствием не ел, и расцеловал шеф-повара Марию под дружные аплодисменты присутствующих.

Можно было не сомневаться, что обед удался.

В ходе осмотра комбината, детсада и профилактория нас сопровождал фотограф и к концу визита всем были розданы фотографии на память.

Был конец рабочего дня, когда кортеж автомашин, возглавляемый начальником автоинспекции, взял курс на Минск. Вечером в резиденции правительства Белоруссии был назначен приём в честь члена ЦК КПСС, министра мясной и молочной промышленности СССР Антонова.

На границе областей уже ожидал автомобиль ГАИ Минской области, но Сергей Фёдорович велел свернуть в придорожный лесок, чтобы попрощаться.

У Мигурского в багажнике оказалась бутылка коньяка и бутерброды. Капот “Волги” покрыли белым халатом и всем налили по рюмке.

Антонов поблагодарил за тёплый приём и пожелал успехов в работе и жизни. Мне была высказана особая благодарность за техническое перевооружение комбината, высокие производственные показатели и предоставлено право обратиться с любой просьбой. Прищепчик мигнул мне для смелости и я решился попросить капвложения на строительство нового цеха первичной переработки скота.

Сергей Фёдорович спросил какая нужна сумма и, когда я назвал кругленькие 10 миллионов, поморщился. Просьба оказалась почти невыполнимой. Недавно правительство вновь сократило капвложения многим министерствам, в том числе и “Минмясомолпрому”, в пользу оборонной промышленности и сельского хозяйства.

Однако, подумав, Антонов решительно сказал своему помощнику:

-Запиши им 10 миллионов! Здесь они нужнее.

Он налил ещё одну рюмку и произнёс:

-Твоё здоровье, директор! Дверь моего кабинета для тебя всегда открыта. Когда будешь в Москве, непременно заходи, если даже не будет просьб.

Мигурский достал из багажника, привезенную накануне из Бобруйска сувенирную коробку с шахматами ручной работы, изготовленными по просьбе Прищепчика умельцами ГПТУ прикладного искусства. Мы вручили её Сергею Фёдоровичу в память о пребывании в Могилёве. Он было отказался принять такой дорогой подарок, заявив, что и так никогда не забудет эту командировку, но, не желая нас обидеть, всё же принял сувенир.

Маслаков, который нашёл общий язык с Антоновым, как с любителем рыбной ловли, подарил ему ещё и набор мармышек в красивой коробке с белорусским орнаментом. В Могилёве Анатолий Васильевич по праву считался лучшим рыбаком и знал толк в снасти.

Антонов тепло попрощался с каждым из нас и сел в ожидавший его чёрный “Зим”. Баврин пошёл к своей “Волге” и машины тронулись в сторону Минска.

Двухдневная программа встречи Союзного министра была полностью выполнена. Можно было расслабиться, и Прищепчик предложил искупаться в небольшой речушке, что протекала рядом. Вода была прозрачной, но довольно холодной. Чтобы согреться после купания, приняли по рюмке коньяка и Виталий Викторович произнёс, обращаясь ко мне:

-Считай, что и мой кабинет для тебя открыт в любое время.

Дверь первого секретаря обкома тогда была не менее важной, чем дверь министра. По крайней мере пользоваться ею приходилось чаще.

92

Несмотря на предельную занятость служебными делами, приходилось заниматься и общественной работой. Особенно много времени требовала депутатская деятельность. Мне было поручено руководство постоянно-действующей комиссией по промышленности, транспорту и связи. Требовалось часто бывать на предприятиях города, особенно на отстающих, изучать причины невыполнения ими плановых заданий, готовить материал на сессии Горсовета и заседания комиссии. Хоть у меня был заместитель и более сорока членов комиссии из числа депутатов, многое приходилось делать самому и это отнимало массу времени. Я пытался как-то отказаться от этой работы, но это вызвало недовольство городского руководства, которое пригрозило изменением своего отношения к комбинату, что было крайне нежелательно.

Пришлось согласиться с избранием в очередной раз и так продолжалось на протяжении полутора десятков лет.

Работать плохо я не умел и комиссия развернула большую активность. Проводились выездные заседания на предприятиях и в организациях, был организован обмен опытом работы, нередко оказывалась и конкретная помощь в выделении капиталовложений, оборудования и материалов, сбыте продукции. На обращения Горсовета и его постоянных комиссий тогда быстро реагировали министерства и ведомства, планирующие и снабженческие организации. Опыт работы комиссии заинтересовались местные советы других городов, которые часто приезжали к нам и приглашали нас к себе. Это было довольно интересно и даже полезно, но отнимало время, которого и так всегда не хватало.

На очередной областной партконференции меня избрали кандидатом в члены пленума обкома партии. Это было тогда почётно, но прибавилось количество вызовов на пленумы, активы и бюро, которые также отнимали время у основной работы. Теперь я был в курсе важных партийных решений, которые для многих оставались секретными.

Как-то в 1968-ом году, в период “Пражской весны” на областном партийном активе зачитали закрытое письмо ЦК КПСС о “двурушнической предательской” деятельности руководства компартии Чехословакии, возглавляемого тогда Александром Дубчеком, подрывающего единство Социалистического лагеря. Чешские руководители жёстко предупреждались об ответственности за предательство интересов содружества соцстран и марксистско-ленинского учения.

Среди других обвинений были и намерения улучшить отношения с Израилем, которому, после его победы в Шестидневной войне, был объявлен бойкот стран Варшавского Договора.

Еврейские общины Чехословакии тогда осмелились выступить с обращением к евреям всего мира не допустить уничтожения государства Израиль и истребления его населения, что вызвало гневный отклик в советских средствах массовой информации.

Вскоре танковые соединения стран Варшавского Договора вошли в Прагу, руководство компартии было низвергнуто и с Пражской весной покончено.

После советского вторжения в Чехословакию, многие чехи эмигрировали в западные страны, а евреи почти полностью покинули эту страну.

События 1968-го года в Чехословакии оставили глубокий след в отношениях между странами социалистического лагеря. Они не только вызвали недовольство подавляющего большинства чехов и словаков, но и привели к волнениям и антисоветским выступлениям в ряде других стран.

В эти годы заметно возросла эмиграция евреев из Польши, Румынии, Венгрии и других стран Восточной Европы. Под давлением мирового общественного мнения Советское правительство заявило, что не будет препятствовать выезду советских граждан еврейской национальности за границу для воссоединения семей. Как это бывало и раньше, между обещаниями и делами пролегла глубокая пропасть. Выезжали единицы, а тысячи других становились отказниками, чем обрекались на неслыханные ранее страдания и вызвали новую волну антисемитизма в стране.

93

Кроме Могилёвского мясокомбината в области было ещё два мясоперерабатывающих предприятия. Одно из них располагалось в Кричеве - промышленном центре на границе с Россией, а другое в Бобруйске - бывшем областном центре республики с населением около трёхсот тысяч человек. Руководство области было недовольно их работой и необходимостью ежедневно заниматься решением возникающих там

проблем. Положение ещё более усугубилось, когда были выделены крупные капиталовложения на строительство нового Кричевского мясокомбината. Слабые инженерные кадры этого предприятия не были в состоянии осуществлять надзор за работой подрядных и субподрядных организаций и решать многие организационные и технические вопросы, возникающие на стройке.

В конце шестидесятых годов в стране стало модным создание крупных промышленных объединений во всех отраслях народного хозяйства. Инициатива образования таких фирм исходила от главы правительства А. Н. Косыгина и широко пропагандировалась средствами массовой информации и местными органами власти.

Белоруссия, как всегда, активно поддержала начинание, идущее из Москвы, и ЦК КПБ потребовало создания объединений во всех отраслях промышленности. Уже были образованы крупные фирмы в машиностроении, химической и легкой промышленности, положительный опыт которых распространялся на всю страну. Настал черёд для создания объединений и в мясной промышленности.

Желая поскорее избавиться от проблем, постоянно возникающих на Кричевском и Бобруйском мясокомбинатах, обком и облисполком стали уговаривать меня выступить с инициативой образования Могилёвского производственного объединения мясной промышленности. Я хорошо представлял себе, что это означает для меня и коллектива комбината, который значительно опережал другие предприятия по всем важнейшим производственным, технико-экономическим и финансовым показателям работы. Нужно было также передать в общее пользование нажитые большим трудом фонды экономического стимулирования, что ущемляло интересы работников комбината. У нас не было не только желания, но и никакого резона объединяться с отстающими предприятиями и обо всём этом мы уведомили областные организации, подкрепив свои доводы основательными расчётами. Наши возражения были довольно вескими и на какое-то время они убедили руководство в нецелесообразности такой реорганизации. Нам было обещано повременить с решением этого вопроса до конца пятилетки, которая заканчивалась в 1970-ом году.

Между тем предприятие продолжало наращивать темпы производства, из квартала в квартал ему присуждалось Переходящее Знамя “Минмясомолпрома” СССР с первой денежной премией и, когда по итогам работы за истекшие пять лет министерству республики впервые дали право представить лучшее предприятие к правительственной награде, выбор пал на Могилёвский мясокомбинат. Был выделен также необычно щедрый лимит на награждение наиболее отличившихся работников. В числе пяти наград были орден Ленина для лучшего рабочего или мастера и орден Октябрьской революции для руководителя.

Представление на предприятие и лучших работников готовила администрация и общественные организации комбината, а наградные материалы на руководителя - министерство, по согласованию с партийными органами области и республики.

Как-то вечером, за ужином, Анечка сказала мне “по большому секрету”, что ей стало известно о представлении меня к награждению орденом Октябрьской революции.

Об этом, тоже “по секрету”, мне рассказал также наш министр Баврин, добавив при этом, что к такой высокой награде представлен только один директор в республике и что наградной материал не встретил возражений в партийных органах Белоруссии, начиная от райкома и кончая ЦК.

“Большой секрет”, как это обычно бывает, стал достоянием всех работников комбината и большинства жителей города. Все были уверены, что так оно и будет. Все..., кроме меня. Я не мог себе представить, что моя чисто еврейская фамилия пройдёт чистокор всех московских высоких инстанций, включая ЦК КПСС.

Так оно и случилось. В этой инстанции я был исключён из списка награждаемых столь высокой наградой и включён в другой список, где награды были на порядок ниже. Об этом “по секрету” рассказал мне Прищепчик на торжественном собрании коллектива, посвящённом вручению комбинату ордена Трудового Красного Знамени и награждению лучших его работников орденами и медалями. Он также заверил меня, что так этот вопрос не оставит и внесёт новые предложения в ближайшее время. Мне тогда вручили орден “Знак Почёта”. Это была тоже высокая награда и более значимой в то время не был удостоен ни один руководитель в мясной отрасли республики, но мне она, вместо радости, принесла одни огорчения.

Все другие представления прошли без изменений. Орденом Ленина был награждён ветеран производства, мастер мясожирового цеха Межевич, который по всем параметрам соответствовал требованиям для награждения высшим орденом страны. Он был белорусом, членом партии и проработал на предприятии более тридцати лет. Были, конечно, более достойные столь высокой награды, но они не выдерживали требования по одному или нескольким показателям.

В целом награждение комбината и нескольких его работников правительственными наградами было воспринято коллективом с радостью и гордостью. С тех пор к наименованию предприятия прибавилось

почётное звание... ордена Трудового Красного Знамени, на фасаде его административного корпуса появился подсвеченный неоновыми огнями орден и памятная доска, на которой металлическими буквами был набран текст Указа Президиума Верховного Совета о награждении.

Несмотря на то, что государственный антисемитизм в СССР практически никогда не прекращался, видоизменялся его накал в зависимости от смены лидеров или под давлением мирового общественного мнения. Партийные идеологи всех уровней всегда держали “про запас” несколько “своих” евреев, на примере которых они могли показать, как относятся к “представителям еврейской национальности”, которые честно трудятся на благо Родины и не состоят на службе у “международного сионизма”.

В союзном масштабе такими были Илья Эренбург, который чудом уцелел в страшные послевоенные годы, когда были казнены многие видные деятели еврейской культуры и литературы, и даже стал послом мира советской державы за рубежом, Давид Драгунский, которому присвоили звание генерал-полковника, наградили двумя звёздами Героя Советского Союза и “уговорили” возглавить Антисионистский комитет.

В Белоруссии многие годы бесценно руководил СКБ Минского автозавода Борис Львович Шапочник, которому “пятая графа” анкеты и типично еврейский местечковый акцент не помешали стать Героем Социалистического Труда и лауреатом Государственных премий.

В число депутатов Верховного Совета БССР непременно избирался хотя бы один еврей. Им попеременно становились известный архитектор, какой-нибудь видный учёный или врач, но совсем без евреев не обходился ни один созыв парламента республики. Однажды депутатом Верховного Совета стал даже мой друг - школьный учитель Борис Берлин, который носил на груди депутатский значок целых четыре года.

Мне иногда казалось, что таким нужным для показухи евреем в масштабах нашей области был именно я. Казалось потому, что не знал я другого еврея, которого бы так долго терпели в такой высокой должности, награждали правительственными наградами, избирали в руководящие партийные и советские органы.

Как-то меня пригласили в горком партии и попросили подготовить письмо за своей подписью в адрес Первой всемирной конференции еврейских общин в защиту советских евреев, которая проходила в то время в Брюсселе. В этом письме я должен был показать, что никакого антисемитизма в СССР нет, что в нашей стране обеспечиваются права и свободы граждан всех национальностей, в том числе и еврейской, что закрытие еврейских школ, театров и газет объясняется отсутствием необходимости в них со стороны еврейского населения так как граждан еврейской национальности вполне устраивают русские театры, школы, книги и журналы. На собственном примере следовало подтвердить возможность получения высшего образования и престижной работы обыкновенным евреем из маленького еврейского местечка.

Я оказался тогда в довольно сложном положении. Из передач зарубежного радио, которые я продолжал ежедневно слушать, несмотря на помехи мощных глушителей, мне было известно, что в столице Бельгии Брюсселе собралось восемьсот делегатов из сорока стран мира с целью призвать СССР дать возможность советским евреям жить в соответствии с еврейской религиозной и культурной традицией, разрешить эмиграцию в Израиль и перестать чернить сионизм и еврейский народ.

Из собственного опыта мне было хорошо известно, как закрывались школы и театры, а из рассказов очевидцев я знал об издевательствах над евреями-отказниками, пожелавшими выехать в Израиль. Совесть не позволяла отрицать наличие антисемитизма и подтверждать обеспечение религиозных и гражданских свобод в нашей стране. Вместе с тем просто отказаться подписать такое письмо было опасно и грозило серьёзными последствиями для меня и моей семьи. Пришлось пойти на хитрость. Я сослался на срочную командировку в министерство и пообещал написать письмо после возвращения из Москвы. Когда же я вернулся в Могилёв, конференция закончила свою работу и отпала необходимость в отправке письма.

Хоть я и прикинулся тогда дурачком и казалось, что достаточных оснований для упреков в моём непослушании не было, мне затем не раз напоминали тот случай, как знак нелояльности к политике партии по национальному вопросу и неблагодарности за доброе ко мне отношение.

Я часто упрекал себя потом в трусости и беспринципности в том случае, который надолго остался в памяти. Но каждый раз, анализируя своё поведение в подобных ситуациях, я приходил к выводу, что иначе тогда поступить не мог, ибо смелое и открытое осуждение линии партии привело бы к тяжёлым последствиям не только для меня лично, но и для всей нашей семьи, включая детей. Такая смелость и принципиальность в то время была очень опасной.

Отсрочка в создании объединения была непродолжительной. В начале января 1971-го года в Могилёв прибыл секретарь ЦК по промышленности Смирнов, который с участием Прищепчика провёл второй тур “уговоров” по образованию единой мясной фирмы в области. При этом были использованы все возможные доводы в пользу объединения. Тут были и обещания помощи в обеспечении равномерной поставки сырья, выделении средств на капитроительство, защите фондов на необходимое количество автотранспорта, и гарантии выполнения наших заявок на материалы, оборудование и многое другое. Главным же аргументом, вынудившим нас капитулировать, стало предупреждение, что если объединение не будет образовано сейчас по нашей инициативе, то его создадут позднее по постановлению правительства и в этом случае мы лишимся всех льгот, которые могли бы получить, как инициаторы почина.

Кроме нас на создание областной фирмы дали согласие предприятия Брестской области, расположенной на западе республики. Был установлен пятилетний срок эксперимента. В случае его успеха производственные объединения мясной промышленности должны были быть созданы во всех областях Белоруссии.

Уже в конце января было принято постановление Правительства об одобрении инициативы предприятий мясной промышленности Могилёвской и Брестской областей по созданию производственных объединений, доведены планы производства и фонды зарплаты, утверждены штатные расписания. Приказом министра я был назначен генеральным директором.

Многokrатно возросли масштабы производства и численность работников, непомерно повысилась ответственность за порученное дело. Начался новый этап трудовой деятельности в роли руководителя самого крупного предприятия мясной промышленности республики.

Объединение было создано на базе головного предприятия без обособленного аппарата управления. Руководители Могилёвского мясокомбината стали руководителями областной фирмы, что заметно расширяло их функции при незначительном повышении зарплаты. Кроме того им нужно было часто выезжать на подчинённые предприятия, что отрывало от основной работы и семьи. Если к тому же учесть, что технический уровень, производственная и трудовая дисциплина там были значительно ниже, чем на головном предприятии, и были необходимы большие усилия для их повышения, станет ясно почему главные специалисты Могилёвского комбината приняли на себя возросшие обязанности без особого энтузиазма. В первое время приходилось применять меры убеждения и принуждения, чтобы заставить их относиться к периферийным предприятиям так же, как и к головному комбинату.

Особенно много хлопот доставлял Кричевский мясокомбинат, который во всех отношениях находился на самом низком уровне в объединении. Положение усложнялось тем, что в этом городе велось строительство нового крупного мясного предприятия на отдельной площадке. Небольшая численность технического персонала не позволяли осуществлять надзор за строительством и эти функции пришлось возложить на специалистов объединения.

На Бобруйском комбинате мы встретились с другого рода трудностями. Там, на первых порах, в штыки воспринимались указания “сверху” и даже помощь в решении многих производственных и технических вопросов не всегда получала должную оценку. Это предприятие считалось в министерстве довольно крупным и было не на плохом счету. Бобруйчане были большими патриотами своего города, а работники комбината считали своё предприятие самым лучшим. Такая оценка не совпадала с мнением вышестоящих организаций и для неё не было достаточных оснований, но самомнение имело глубокие корни и сохранялось довольно долго.

Пришлось приложить немало усилий для создания необходимого для успешной работы психологического климата в этом большом трудовом коллективе.

Создали Совет директоров, который созывался не реже двух раз в месяц, и был наделен большими правами. В моём личном расписании предусматривались выезды на подведомственные предприятия не реже одного раза в неделю.

Была оказана помощь во внедрении передового опыта, прогрессивной технологии и технических разработок, используемых на головном предприятии. На всех комбинатах стали действовать единые формы оплаты труда и положения о материальном стимулировании. Всё это не замедлило сказаться на результатах работы и заметно повысило заработки людей.

Важным событием, оказавшим большое влияние на настроении работников периферийных предприятий, стало присуждение объединению Переходящего знамени “Минмясомолпрома” СССР по итогам работы за первый квартал новой пятилетки. В это мало кто мог поверить, учитывая трудности

периода освоения работы в новой структуре, разницу в уровне техники, технологии, производственной и санитарной культуры на предприятиях.

Может быть в этом случае объединению была сделана небольшая поправка при оценке работы, но даже если такое и имело место, то мы из этого сделали нужные выводы и больше ни на какие скидки не рассчитывали. Во всех, без исключения, 20 кварталах девятой пятилетки результаты работы объединения давали полное основание для присуждения ему Переходящего знамени Союзного министерства и награждения Первой денежной премией.

Нужно сказать, что на Кричевском и Бобруйском мясокомбинатах не только обеспечивались такие же высокие темпы роста объёмов производства, производительности труда и прибыли, как и на головном предприятии, но в ряде случаев достигались и более значительные приросты по этим и другим показателям работы. Главной причиной их успехов безусловно было усердие и старания работников этих предприятий.

Я всё более убеждался в том, что при социалистическом способе производства имеются практически неограниченные возможности повышения эффективности работы, если находить источники стимулирования труда рабочих, и надлежащим образом управлять коллективом. Мы старались не довольствоваться достигнутым и искали неиспользованные резервы и возможности. При анализе работы находили, где что недополучено и потеряно. Такой принцип действовал у руководителей объединения, предприятий, цехов и производственных участков, что позволяло из года в год наращивать темпы производства продукции.

С целью изучения и внедрения на других предприятиях результатов работы объединения Союзное и республиканское министерства часто проводили у нас семинары, конференции и совещания по повышению эффективности производства, механизации и автоматизации производства, рационализации и изобретательству.

Союзный Министр С. Ф. Антонов издал приказ о распространении опыта нашей работы, руководителями и специалистами всех регионов страны. Появились брошюры и статьи в республиканских и союзных журналах и газетах.

По итогам работы за 1973-ий год, названный решающим годом девятой пятилетки, группа работников объединения была удостоена правительственных наград, а я, с третьего захода, всё же был награждён орденом Октябрьской революции. Такой высокой награды не получил тогда никто из руководителей предприятий или республиканского министерства.

Всё это я рассказываю не для хвастовства, не из желания выставить напоказ свои успехи в работе. Этим мне хотелось только помочь читателю понять, что никакие старания, трудовые и боевые заслуги перед страной не играли никакой роли, когда нарастала очередная волна антисемитизма и во всех бедах виновными вновь оказывались одни евреи.

Кроме Всесоюзного соревнования, существовал в те годы порядок соревнования между предприятиями Белоруссии и смежных республик. Министерство обычно давало рекомендации с каким предприятием следует соревноваться. Нам были предложены Калининский комбинат, Гомельской области и Клайпедский мясокомбинат в Литве. Такой выбор исходил из того, что в ходе соревнования будет оказана возможная помощь самому отстающему предприятию республики, а перед вторым по объёму и значимости литовским предприятием не будет стыдно, сопоставляя показатели работы в конце каждого полугодия (итоги соревнования подводились два раза в год).

Мы с этими рекомендациями согласились, а вот “Минмясомолпром” Литвы предложил, вместо Клайпедского комбината, заключить договор о производственном и техническом содружестве с Вильнюсским мясокомбинатом. Напрасно наше республиканское министерство упорствовало, доказывая целесообразность соревнований столичных предприятий. Убедить литовцев оказалось невозможно, пришлось согласиться с их выбором.

В отношении Калининского комбината был определённый резон. Фактически это было не соревнование, а передача нами передового производственного опыта и оказание помощи в его использовании. Перед руководителями цехов и участков была поставлена задача вывести соответствующее подразделение родственного предприятия на более высокий уровень.

Для этого прилагалось много усилий. Часто наши мастера и другие специалисты находились в командировках в Калининграде по несколько недель, а порой и по месяцу, помогая освоить прогрессивную технологию или внедрить новое оборудование. В этом был очевидный эффект и руководство отстающего предприятия было нам благодарно за действенную бескорыстную помощь.

Несколько иной оборот приняло соревнование двух крупных передовых предприятий смежных союзных республик. По существу и здесь не было настоящего соревнования, так как по темпам роста объёмов производства, производительности труда, себестоимости продукции и другим важнейшим измерителям работы, наши показатели были несопоставимыми. Единственное, что было схожим, был размер зарплаты, и это объяснялось тем, что прибалтийские республики работали на других, более высоких тарифных ставках и должностных окладах.

Разработали перспективный план передачи и внедрения технических новшеств и передового опыта со сроками осуществления мероприятий и ответственными исполнителями. Итоги работы и выполнение взаимных обязательств проверялись два раза в год делегациями предприятий, возглавляемыми директорами, путём их поочередного выезда в Вильнюс и в Могилёв.

Мероприятия, в основном, предусматривали использование устройств и способов производства, разработанных на нашем предприятии, но иногда мы находили и полезные для нас новинки и на Вильнюсском комбинате. В чём наши литовские коллеги значительно нас опережали, это в гостеприимстве и в умении приятно проводить свободное от работы время.

Главный инженер этого предприятия Иосиф Сухацкас - молодой специалист, закончивший Литовский политехнический институт и являвшийся душой коллектива, выразил существующие между нами отличия такой формулой: “Вы живёте для того чтобы работать, а мы работаем для того чтобы жить”. И это соответствовало действительности. Для нас главное в жизни была работа, а для них - максимальное удовлетворение потребностей и желаний. В каждый наш приезд в Вильнюс они преподносили нам урок, как нужно красиво жить. Мы посещали достопримечательности города и окрестных мест, совершали экскурсии по городам республики, жили в лучших столичных гостиницах, для нас устраивались приёмы в первоклассных ресторанах, а в свободное от этого время сопоставляли производственные показатели и проверяли выполнение взаимных обязательств.

Такие встречи продолжались, обычно, не менее четырёх дней при наших поездках в Вильнюс и полную неделю, когда коллеги приезжали к нам. В эти дни отменялись другие мероприятия и всё внимание уделялось гостям. Мы заметили, что литовские товарищи вели себя намного свободнее, чем мы. В кабинетах у директора и главного инженера были холодильники и серванты с вином, шампанским, коньяком и разнообразными закусками, которыми они широко пользовались при деловых встречах. Ни один завтрак или обед не обходился без крепких напитков, в потреблении которых они имели большой опыт и знали толк. Ужинать было принято в лучших ресторанах или уютных кафе, которые в таких случаях были закрыты для посторонних посетителей. Программы встреч предусматривали посещение театральных премьер, выезды на природу, в экзотические сауны и другие культурно-увеселительные мероприятия. Они проходили интересно и весело. Чувствовался большой опыт их проведения. Литовцы хорошо пели. Директор и главный инженер являлись участниками городской хоровой капеллы и были прекрасными запевалами. Пели не только литовские, но и русские, белорусские и даже еврейские песни. Особенно внимательными наши литовские друзья были к женщинам.

Во всех мероприятиях в Вильнюсе участвовали руководители “Минмашмолпрома” и ЦК КП Литвы и это, наверное, придавало хозяевам смелость и уверенность. По всему чувствовалось, что в средствах недостатка не было. На память мы увозили подарки для коллектива и персональные сувениры.

Нам было намного труднее принимать гостей в Могилёве. Мы многое не могли себе позволить из того, что делали для нас литовцы, однако и у нас проводились интересные мероприятия, а пользы от визитов к нам они получали несравненно больше. Менее пышными были застолья, но зато лучшими были концерты художественной самодеятельности, а что касается производственного опыта, разработок в технике и технологии, то мы могли передать своим коллегам намного больше, чем позаимствовать у них. Они высоко ценили нашу помощь и были благодарны нам за это. Как рассказывал нам главный инженер Сухацкас, многие руководители и инженеры Вильнюсского комбината по несколько лет ждали своей очереди на поездку в Могилёв.

Дарили и мы им персональные сувениры на память. А подарки коллективу были несравненно ценнее и более значимы. Если мы привозили от них дорогие картины или панно, которые украшали комнаты отдыха или фойе клуба, то они увозили от нас агрегат для обработки свиных голов или машину для очистки шкур от навала, изготовленные нашими умельцами, которые освобождали рабочих от тяжёлого физического труда.

Содружество трудовых коллективов сочеталось с личной дружбой коллег по работе, продолжалось многие годы и принесло большую пользу.

Годы шли и выросли дети. Как я уже упоминал, Верочка была круглой отличницей и активной общественницей. За это она отмечалась многочисленными грамотами и награждалась премиями. Как лучшую ученицу и пионерского вожака её премировали поездкой во Всесоюзный пионерский лагерь “Артек”. Наша дочь получила много удовольствия от отдыха в Крыму и месяц этот остался в её памяти на всю жизнь. Однако, ещё большее впечатление оставила поездка в Восточную Германию (Германскую Демократическую Республику), которой она была премирована двумя годами позже, по программе взаимного обмена учащимися и студентами. Хотя ГДР была тогда социалистической страной и успела многое позаимствовать у СССР, жизнь там была намного богаче и интересней. Верочка жила около месяца в немецкой семье и могла убедиться в том, какой нищенский уровень жизни влачила наша семья по сравнению с тем, как жили немцы среднего достатка. А ведь мы никак не относились в своей стране к бедным. Мы и в мыслях не могли позволить себе то, без чего не представляла себе жизнь семья обычного рабочего ГДР.

Мне было трудно ответить на все “почему?” дочери, когда она вернулась из этой незабываемой поездки за рубеж. Она жила в частном доме с такими благами и удобствами, о которых раньше представления не имела, ездила на экскурсии по стране на новеньком “Мерседесе” и совершала морские прогулки на комфортабельном катере - собственности её хозяев-рабочих. Верочку гостеприимно приняли в немецкой семье, где доставили много радости и удовольствия, одарили подарками и сувенирами.

Учёба давалась ей легко и оставалось много свободного времени для книг, музыки и развлечений. Дружба с Вовой Юдко росла и крепла, и теперь уже становилась предметом нашего беспокойства. Он был на год старше и в десятом классе выглядел совсем взрослым: высокий, красивый, с пышной шевелюрой светлых волос и голубыми глазами. Вова увлекался спортом и, когда закончил школу, поступил в местный педагогический институт на факультет подготовки тренеров и учителей физкультуры.

Мы понимали, что если Верочка поступит в один из могилёвских ВУЗов, разлучить их будет трудно и поэтому не стали возражать, когда она заявила о своём желании учиться в Минском институте народного хозяйства имени Куйбышева на факультете экономики промышленности. Это тогда был один из наиболее престижных институтов Минска и поступить туда было совсем непросто.

Несмотря на то, что наша дочь все годы была отличницей, она не стала медалисткой (еврейская фамилия и ей уже была помехой). Пришлось сдавать вступительные экзамены. Мы изрядно переволновались, но всё окончилось благополучно. Осенью 1969-го года она стала студенткой.

Было как-то тревожно оставлять её одну в чужом городе, где тогда было совсем неспокойно, и мы определили Верочку на квартиру к своим хорошим знакомым Фридманам, с которыми вместе работали и дружили, когда они жили в Могилёве. Однако общество Фридманов пришлось ей не по вкусу и вскоре она переселилась к своей подруге, что снимала комнату в частном доме недалеко от института. С Вовочкой своим она теперь редко встречалась и понемногу поддавалась нашим уговорам, что о женитьбе ей думать рано.

Радоваться, однако, этому нам долго не пришлось. Вместо Вовы, вскоре, появился Жора.

За мальчиков своих мы были тогда более спокойны. Они жили с нами, институт был рядом и девочками они еще мало интересовались. Учились ребята с интересом. Свободное время проводили с друзьями, которых было много. Все они часто бывали у нас и не было оснований подозревать их в чём-то недобром.

Даже и не заметили, как пролетели студенческие годы у наших сыновей, и встал вопрос о их распределении на работу. Согласно действовавшему тогда положению, им следовало отработать не менее трёх лет по месту назначения.

Потребность в инженерах сварочного производства была большая и они могли получить работу во многих престижных городах страны, но хотелось, чтобы ребята жили поближе к дому, и они согласились на Минск. Вовочку направили на Минский автомобильный завод на должность инженера лаборатории сварки, а Мишеньку - в управление “Промналадка”, инженером по контролю за качеством сварочных соединений.

В 1971-ом году наши мальчики покинули родительский дом и мы остались совсем одни в своей большой квартире.

Могилёв, как и большинство других городов страны, имел своего зарубежного побратима. Им стал болгарский город Габрово. Это, конечно, не Париж, и не Лондон, и даже не София, а небольшой городок в

гористой местности, недалеко от знаменитых черноморских курортов “Золотые пески” и “Солнечный берег”. Славился он шутками, анекдотами и скупостью своих жителей, о которых написано немало легенд и притчей. Его, в каком-то смысле, нередко даже с Одессой сравнивали. Здесь, как и в Одессе, проходили международные Дни смеха, которые, обычно, проводились 1-го апреля.

На самом деле Габрово не такой уже и маленький. В нём проживало тогда около двухсот тысяч жителей и он являлся окружным центром страны. Наверное, поэтому он и стал побратимом Могилёва, который тоже был областным центром. Кроме того там, как и в Могилёве, было много предприятий легкой и пищевой промышленности, небольших артелей и кустарных промыслов.

Руководство нашего города и области часто выезжало в Габрово по обмену опытом и просто погостить, повеселиться. Обычно в состав любой делегации включался один из руководителей могилёвских предприятий и кто-нибудь из рабочих - передовиков производства. Были тогда такие “штатные” передовики, ставшие Героями Социалистического Труда, которых постоянно избирали в состав партийных органов, депутатами городского, областного или Верховного Совета, как представителей рабочего класса в органах советской власти. Они то постоянно и выезжали с различного рода делегациями.

Габровское начальство тоже не прочь было погулять в гостеприимной Белоруссии и охотно совершало ответные визиты с не менее многочисленными делегациями. Они прилетали в Минск, где их встречали хозяева области и с почётом доставляли в Могилёв.

Со временем частота общения росла и увеличивалось количество прибывающих гостей. На празднование пятидесятилетия Октябрьской революции прибыл поезд дружбы в составе нескольких сот человек. С такой армией гостей областное начальство справиться не могло и на помощь были привлечены все крупные предприятия города. В их числе, как всегда, был и мясокомбинат. Мы разместили гостей в своём профилактории, кормили, развлекали их и справились с этой задачей неплохо.

На прощальном приёме руководитель делегации - секретарь Габровского окружкома партии Додунеков дал высокую оценку нашему гостеприимству и пригласил делегацию мясокомбината посетить Габрово. Это приглашение было затем неоднократно повторено, но соответствующие органы не сочли возможным дать разрешение на нашу зарубежную поездку, хотя до нас уже выезжали на родственные заводы делегации нескольких предприятий города.

С Додунековым и его женой Пенкой мы даже успели подружиться, получали от них тёплые письма, поздравления к праздникам, и в каждом из них подтверждалось ожидание нашего приезда. Мы, как могли, объясняли им причины задержки выезда.

Наконец, после очередного визита Криулина (он ещё тогда был первым секретарём обкома) в Габрово, мне было предложено организовать туристическую группу из работников пищевой промышленности и самому выехать в её составе в Болгарию. Облсовпрофу дали указание выделить для этого нужное количество путёвок. Оплачиваться поездка должна была туристами на общих основаниях. Руководителем был назначен заведующий юридическим отделом областного Совета профсоюзов, некий Корузо, а мне доверили только быть парторгом группы.

Глеб Александрович сказал, что я должен непременно поехать, так как на этом настаивают болгарские товарищи. Он чувствовал себя как-то неловко и даже извинялся, что не мог раньше включить меня в состав одной из делегаций, выезжавших в Габрово, и не может сейчас назначить меня руководителем группы, которому по действовавшему тогда положению, путёвку давали бесплатно.

Было очень обидно ехать на таких условиях, когда многие другие ездили бесплатно и не в качестве туристов, но что-нибудь изменить я не мог. Мне казалось, что несмотря на все запреты сверху, власти секретаря обкома было достаточно, чтобы сделать исключение из правил и направить меня в Болгарию другим образом.

Наверное, мне следовало от поездки отказаться. Мало того, что на неё требовалось истратить несколько моих должностных окладов, туристический маршрут предусматривал заезд в Габрово только на одни сутки, что было явно недостаточно для ознакомления с городом, посещения мясокомбината и встречи со многими габровцами, с которыми успел подружиться во время их пребывания в Могилёве.

Однако, мой отказ мог повлиять на отношения с руководством области, и на поездку пришлось согласиться. Мне выделили десять путёвок для работников комбината и даже разрешили поехать с женой. В составе группы было несколько руководителей пищевых предприятий области.

Из работников комбината в турпоездке участвовали секретарь парторганизации Крюковская, председатель профкома Смолякова, руководители цехов и отделов, несколько рабочих - передовиков производства и баянист Серёжа.

Было начало сентября и дни ещё стояли довольно тёплые. Компания собралась дружная, весёлая и мы настроились на интересное, увлекательное путешествие. Закупили достаточное количество белорусских сувениров, широкий ассортимент напитков и закусок, прихватили с собой музыкальные инструменты.

Наш вагон прицепили к Киевскому поезду. Ольга Крюковская, которую единогласно избрали старшиной и хранителем продовольственных и спиртных запасов, налила всем по рюмке “на дорожку”, раздала бутерброды и вскоре, под аккомпанемент баяна, затянули песню. Звучали русские, белорусские, украинские мелодии. Наш профсоюзный вожак прихватила с собой славянский песенник и стали разучивать болгарские песни.

Время пролетело быстро и не заметили как к вечеру прибыли в Киев. Здесь нам предстояла ночёвка и, оставив свои чемоданы в гостинице “Турист”, мы допоздна бродили по вечернему городу, который оставил хорошее впечатление.

Утром поездом “Киев - София” прибыли в Чоп - пограничную станцию, где проверялись документы и обменивали деньги. Всего выдали по семьдесят болгарских левов вместо ста тридцати советских рублей. Этого могло хватить только на прохладительные напитки и мороженное. Нам было трудно понять почему действовали такие строгие ограничения на обмен валюты, но таковы тогда были законы. Все наличные советские деньги следовало оставить на обменном пункте.

Долго ехали по Румынии, которая по сравнению с Украиной и Белоруссией, выглядела убогой и бедной. Румынские таможенники и полицейские очень придирчиво проверяли багаж и документы, и сняли с поезда группу армян, которая пыталась провезти какие-то ценности и деньги.

На границе с Болгарией опять подверглись таможенному контролю, но здесь он был менее строгим. Болгары отнеслись к нам вежливо и дружелюбно.

В дороге спали мало и с интересом любовались природой. Здесь так же много лесов, и растительность напоминала нашу Белоруссию. Только местность гористая, солнца больше, и теплее чем у нас. На остановках продавались фрукты, овощи и кока-кола, которой у нас ещё тогда не было. Персики стоили дешево, зато напитки и мороженное были намного дороже, чем в Союзе. Кока-кола показалась очень вкусной, но мы её мало пили. Экономили деньги.

Было весело. Не умолкал баян и много пели. Один только Корузо всю дорогу спал, прерывая сон на еду и выпивку. Он умудрялся как-то уговаривать Ольгу Михайловну на лишнюю рюмку водки, после чего блаженно засыпал до следующей трапезы. Со всеми нами она была очень строга, а ему отказать не могла. Всё же начальство.

В Софию приехали утром. Кроме гида известной фирмы “Балкантурист”, нас встретили работники Габровского мясокомбината, во главе с директором, который уговорил гида отпустить меня и Анечку в его машину с условием нашего возвращения в группу по её прибытию в Габрово.

Ознакомление с достопримечательностями столицы и поездки по стране предусматривались после двухнедельного отдыха на курорте “Солнечный берег”, и сейчас предстояла только дорога к нашей курортной гостинице с заездами по пути в памятные места исторических сражений с турками в войне за независимость, и ночёвка в Габрово.

Директор и парторг усадили нас в свою “Волгу” и старались доставить нам максимум удовольствий. Наверное, они полагали, что наибольшее наслаждение русские получают от обилия спиртного и закусок, поэтому без конца угощали нас всякими напитками, овощами и национальными блюдами. Они часто останавливались у ресторанов и закусочных, где устраивали так называемые “аперитивы” с болгарской “сливянкой”, похожей на нашу самогонку, и бутербродами с сыром и копчённостями. Напрасно мы пытались убедить их в том, что ещё не голодны, зря старались уговорить отложить угощения до обеда и использовать время на осмотр достопримечательностей. Единственное, чего нам удалось добиться, была смена ассортимента напитков и закусок. Вместо самогонки и сыров нам стали предлагать сухие вина и фрукты. По дороге заехали в огромный сад, где нас угостили целым ящиком спелых, сочных и сладких персиков, которые были совсем не похожи по вкусу и запаху на те, что мы покупали на наших рынках или в магазинах.

Общались, как могли. Они на болгарском, а мы на русском. К нашему удивлению мы неплохо понимали друг друга. Обедали всей группой на Габровском мясокомбинате. Здесь тоже было много крепких напитков и национальных блюд, но всё показалось намного вкуснее, чем в ресторанах.

После обеда осмотрели производство. Переработка скота проводилась на примитивном уровне, напоминавшем наши послевоенные хладобойни. Чего-нибудь позаимствовать мы тут не могли. Зато колбасное производство и холодильное хозяйство были современными и базировались на импортной

технике и технологии. Такое оборудование мне приходилось видеть только на международных выставках в Москве.

Здесь мы впервые ознакомились с работой компрессорного цеха, который действовал в автоматическом режиме и обеспечивал заданную температуру в камерах холодильника, автоматами для упаковки колбасных изделий и полуфабрикатов, и многими другими новинками, которые представляли для нас большой интерес.

В конце рабочего дня состоялось общее собрание работников комбината, где директор представил нас коллективу и рассказал об известных ему достижениях нашего предприятия. Пришлось и мне произнести речь. Дали переводчика, но после нескольких фраз его освободили от обязанностей, так как большинство слов были похожими и смысл был понятен. Я поставил на стол белорусскую “скриню” (ящик с национальным орнаментом), наполненный напитками и закусками, закупленными перед отъездом, и после краткого приветствия, передал в зал несколько бутылок беловежской водки, нарезанное ломтиками “белорусское сало” и “шинку по белоруски”, разработанные нами и удостоенные медалей ВДНХ СССР, конфеты минской фабрики “Коммунарка” и другие изделия пищевых предприятий Белоруссии. Люди передавали из рук в руки напитки и закуски, дегустировали нашу продукцию и восторженно одобряли предложенный метод общения. Кто-то затынул нашу “Катюшу”, потом пели “Подмосковные вечера”, болгарские песни. Встреча продолжалась до позднего вечера и стала демонстрацией искренней дружбы болгар к нашей стране и советским людям.

Поздно вечером нас доставили в гостиницу. Прощаясь, хозяева обещали приехать на “Солнечный берег”, где нам предстоял двухнедельный отдых.

Утром комфортабельный автобус доставил нас в туристическую гостиницу на берегу Чёрного моря. Многое было для нас непривычным. Были приятно удивлены, когда без всякой проверки документов и заполнения анкет, нам выдали ключи от комнат и носильщики разнесли наши чемоданы по этажам. Поразили также уютные номера с лоджиями, гостиничные удобства, и уровень обслуживания в ресторане. Накормили вкусным завтраком, где всего было вволю. Только хлеба показалось мало. Лишь по одной маленькой булочке выдали. Даже женщинам не хватило и Ольга Михайловна, не откладывая, взялась решить эту проблему. Она подарила старшему официанту сувенирную бутылку “Столичной” и хлебная проблема была решена на весь период нашего пребывания на отдыхе.

Вся гостиница была заселена советскими туристами и на этажах, и в холлах слышна была русская речь. Были группы со всех союзных республик, но больше всего с Украины, Москвы и Ленинграда.

Рядом были гостиницы, где жили иностранцы. Много было финнов и других скандинавов, венгров и чехов, французов и англичан. Однако чаще встречались немцы. Наш гид говорила, что немцев здесь даже больше, чем русских.

Они занимали половину зала в нашем ресторане, а на пляже мы слышали немецкую речь и справа и слева от нас. Оказалось, что с одной стороны была группа из ФРГ, а с другой - из ГДР.

Фирма “Балкантурист” тогда пользовалась большой популярностью в Европе, так как гостиницы и питание здесь были намного дешевле, чем на других курортах, а уровень обслуживания - ни чуть не хуже.

Ограничения на обмен денег распространялись только на советских туристов. Всем другим можно было иметь валюту в любом количестве. Здесь охотно принимались любые деньги, кроме советских. Поэтому туристы из других стран чувствовали себя довольно свободно в отношении финансов. Мы же должны были на всём экономить и отказывать себе в самом необходимом.

Если немцы на пляже широко пользовались лодками и морскими велосипедами, совершали прогулки на катерах и теплоходах, приобретали пляжный и спортивный инвентарь, вволю покупали мороженое, кока-колу и другие напитки, а вечером посещали бары и ночные рестораны, то мы не только не могли позволить себе ничего подобного, но даже в прохладительных напитках должны были себе отказывать. Может быть нам на это и хватило бы денег, но каждому хотелось что-нибудь привезти из поездки домой и поэтому на всём экономили.

Мы с Анечкой оказались в выигрышном положении. Нам на двоих поменяли двести шестьдесят рублей и, чтобы не поддаваться соблазну, мы их в первые же дни истратили на подарки детям. Верочке купили модный брючный костюм, а мальчикам по тёплому свитеру ручной вязки. Подобным образом поступили почти все в нашей группе.

В целом же мы отдыхали лучше, чем на любом советском курорте. Наша группа отличалась от других весельем и дружбой. Мы вместе питались, отдыхали, гуляли. Серёжа не разлучался с баяном и вокруг нас часто собирались любители музыки и песен. Наш руководитель вёл себя вполне прилично и ни в чём нас не ограничивал. Был только один случай, когда он, забыв о своём служебном положении, позволил себе

расслабиться и принять лишнюю дозу спиртного. Ему пришлось напомнить содержание должностной инструкции руководителя группы и этого хватило на всё оставшееся время нашего пребывания в Болгарии.

К нам в гости приезжала группа работников мясокомбината, а перед отъездом нас навесит сам Михаил Додунов со своей милой Пенкой. Они договорились о продлении срока нашего пребывания в Габрово на обратном пути на одни сутки и согласовали с нами программу мероприятий.

Хоть и стояла уже вторая половина сентября, погода была тёплой и солнечной. Мы ежедневно купались, загорали, совершили несколько экскурсий и хорошо отдохнули. В ресторане нам устроили прощальный вечер с музыкой, танцами и мы покидали “Солнечный берег” в хорошем настроении, полные незабываемых впечатлений.

Однако то, что ожидало нас в Габрово, поразило наше воображение. Нас принимали, как официальную делегацию города-побратима Могилёва, и мы были удостоены не меньшей чести, чем наше высокое областное начальство, которое довольно часто здесь гостило. Нам показали лучшие предприятия города и ознакомили с его достопримечательностями. На вечере дружбы в городском доме культуры перед нами выступили самодеятельные артисты, а кульминацией встречи был приём в ресторане “Могилёв” (так называлась гостиница и ресторан на центральной улице). Додунов тепло приветствовал всю нашу группу, но особенно сердечно благодарил руководство Могилёвского мясокомбината за большой вклад в укрепление и развитие дружбы городов-побратимов.

Приём продолжался до поздней ночи. Нам подарили памятные сувениры и мы прощались с хозяевами, как с давними друзьями.

Это была первая и последняя моя зарубежная поездка за многие годы работы в должности руководителя крупного советского предприятия.

99

Техническое творчество оставалось любимым хобби на протяжении всей моей трудовой жизни, независимо от занимаемой должности и служебных обязанностей. Даже в годы работы генеральным директором крупной мясной фирмы, предприятия которой находились на значительном расстоянии от головного, и разъезды отнимали массу времени, я постоянно был в курсе научных разработок в области мясной промышленности, холодильной техники и технологии. Этому способствовали контакты с учебными и научными институтами страны, участие в научно-практических конференциях и семинарах, творческое содружество со многими ведущими учёными и специалистами. Нередко могилёвский мясокомбинат был местом проведения таких семинаров. Один из них был посвящён механизации первичной обработки кожевенного сырья.

Кроме уже известных наших разработок, внедрённых к тому времени на многих предприятиях страны, мы ознакомили участников с новой технологией регенерации солевых растворов.

После внедрения консервирования шкур в насыщенных растворах соли, возникла проблема очистки тузлука с целью его повторного использования. Существующий тогда метод отстаивания и подкрепления раствора сухой солью был трудоёмким, требовал больших производственных площадей и экономически себя не оправдывал. Поэтому отработанный тузлук очистке не подвергался и сливался в канализацию. На приготовление нового раствора расходовалось много соли. Если учесть, что обработке подвергались ежедневно десятки тонн шкур, а соли расходовалось почти половина их веса, можно себе представить чего это стоило. Вагона соли хватало всего на несколько дней.

Предложенная нами технология предусматривала вспенивание жидкости в присутствии коагулянта и отделение грязной пены по удельному весу. Для этого отработанный раствор отводился в пенообразователь, где он подвергался интенсивному механическому перемешиванию, воздействию сжатого воздуха и соляной кислоты, после чего вспененная масса поступала в отстойник. Пена с загрязнениями всплывала на поверхность, а очищенный тузлук оседал на дно и отводился в солерастворитель, куда шнековым питателем подавалась свежая соль. Насыщенный солевой раствор по всем химическим и бактериологическим показателям соответствовал техническим условиям и направлялся на повторное использование.

Всеми операциями по очистке и подкреплению раствора занимался один оператор, а несложное оборудование размещалось в небольшом помещении, примыкающем к солевому складу. Обеспечивалась большая экономия соли, а главное, ручной труд на этом грязном производственном участке заменили машины.

Мы получили несколько авторских свидетельств на способ и устройства для регенерации солевых растворов в потоке, новая технология экспонировалась на республиканской выставке достижений народного

хозяйства и на ВДНХ СССР. В течении нескольких лет более пятидесяти предприятий страны внедрили эти изобретения.

Наверное это послужило причиной тому, что отдел пищевой промышленности ЦК КПБ решил разморозить материалы о присуждении мне звания заслуженного изобретателя республики, которые были представлены Белсовпрофом пять лет тому назад к пятидесятилетию Октябрьской революции. Для меня явился большой неожиданностью Указ Президиума Верховного Совета БССР от 12-го октября 1972-го года о присуждении мне почётного звания, которого в Белоруссии были удостоены всего полтора десятка человек.

Я получил много поздравлений, но больше всех радовался этому Фёдор Тимофеевич Луговнёв. Он был очень огорчён и сильно переживал, в своё время, когда такое звание присвоили только ему, считая это вопиющей несправедливостью. Хотя причина исключения меня из списка лиц, представленных к награждению, была всем ясна и к нему никакого отношения не имела, он чувствовал себя очень неловко и в чём-то упрекал себя.

Теперь в нашей отрасли промышленности стало сразу два заслуженных изобретателя.

100

Ежегодные международные конгрессы учёных и специалистов мясной промышленности, которые обычно проводились ранней осенью в одной из европейских стран, всегда были важным событием в научной и производственной жизни отрасли. На них съезжались видные научные работники и инженеры из ведущих стран Европы, которые обменивались опытом работы в совершенствовании техники и технологии переработки скота и изготовления мясных продуктов. Каждый очередной конгресс превосходил предыдущие по количеству участников, объёму представленных на рассмотрение научных докладов и, конечно, по уровню организации.

Как я уже упоминал, мне дорога на конгрессы, что проводились за рубежом, была закрыта. О них мне рассказывали мои коллеги-директора, руководители министерства и научно-исследовательских институтов отрасли, которые являлись их неоднократными участниками.

Когда же пришла очередь Москве стать центром проведения такого конгресса, мне доверили руководство делегацией Белоруссии, количественный и персональный состав которой был согласован с ЦК КПБ. В неё, кроме нескольких учёных филиала НИИ мясной промышленности, вошли министр и его первый заместитель, директора крупных предприятий и, как всегда, заведующие отделами пищевой промышленности ЦК партии, Совета министров, Госплана и других руководящих организаций республики. Моим заместителем назначили генерального директора недавно образованного Минского производственного объединения мясной промышленности Анатолия Крюкова - молодого выдвиженца, имевшего руку поддержки в партийных органах.

Я так и не понял чем руководствовались в ЦК партии, когда принимали решение назначить именно меня руководителем такой представительной делегации. То ли учитывались организаторские способности, то ли был расчёт на богатые финансовые возможности объединения, то ли производственные достижения предприятия и внедрённые научно-технические разработки здесь сыграли свою роль. А может быть было желание показать каких высот могут достичь евреи при советской власти и как много им здесь доверяют.

Мне лично эта честь была ни к чему и я бы с удовольствием от неё отказался, но это было не в моих силах. От доверия партии отказываться было опасно. За него нужно было благодарить.

Вместе с Крюковым мы подготовили план мероприятий по подготовке к отъезду и участия нашей делегации в работе конгресса. Оргкомитет, председателем которого был директор Всесоюзного НИИ мясной промышленности Горбатов, поручил нам курировать делегации Швейцарии и Чехословакии. Другие Союзные республики также должны были стать кураторами соответствующих делегаций. Главной нашей обязанностью было обеспечить досуг и развлечение делегатов в свободное от работы время.

Если учесть, что иностранные специалисты и учёные, как правило, привозили с собой жён или подруг, которые в работе конгресса не участвовали, а приезжали только развлекаться, можно понять какая предстояла работа. Рассчитывать на высокопоставленных членов нашей делегации не приходилось. Им самим нужно было создать необходимые условия для приятного времяпрепровождения и поэтому обязанности были распределены между несколькими директорами предприятий, а проведение самых важных мероприятий мы оставили за собой.

Мне, как руководителю группы, было разрешено выехать на "Волге" и взять с собой шофёра. Им тогда уже, по протекции Мигурского, работал молодой, красивый и довольно представительный парень - Коля, с которым не стыдно было показаться в любой компании. Он был водителем первого класса и мы

считали, что ему будет под силу справиться с нелёгкими обязанностями вождения автомобиля по незнакомым улицам столицы.

Образовали денежный фонд на расходы, связанные с проведением намеченных мероприятий, в чём приняли долевое участие крупные комбинаты республики. Закупили много сувениров и подарочных наборов, вырабатываемых предприятиями Белоруссии. Среди них была и собственная продукция - сувенирные коробки сырокопчённых колбас в красочной упаковке, а также наборы белорусских вин и коньяков Климовичского и Минского ликёро-водочных заводов, консервированные грибы, поставляемые на экспорт Быховским консервным заводом, наборы шоколадных конфет белорусских кондитерских фабрик, пользующиеся мировой славой, и многое другое.

Подготовленный план мероприятий был согласован на высшем столичном уровне и, как нам казалось, мы выезжали в Москву во всеоружии.

Большая подготовительная работа была проведена оргкомитетом конгресса. Для размещения делегатов были забронированы лучшие гостиницы, пленарные заседания проводились в Московском доме кино, а работа секций в здании ВНИИМПа, капитально отремонтированном и реставрированном к открытию этого форума. Питание участников конгресса обеспечивалось в ресторанах “Метрополь”, “Москва”, “Пекин” и “Арбат”. Здесь же проводились приёмы. Для обслуживания делегатов было выделено достаточное количество комфортабельных автобусов и такси, а для прогулок по Москве-реке и Волге был заказан экскурсионный теплоход. По всему чувствовалось, что Московский конгресс не уступит тем, что проводились в других столицах европейских государств.

Нужно было и нам не ударить в грязь лицом и принять наших иностранных гостей не хуже, чем это сделают другие республики. И мы старались изо всех сил. Образованный нами женсовет провёл несколько экскурсий с жёнами делегатов по достопримечательным местам столицы, им закупили билеты на спектакли в Большой театр, Кремлёвский Дворец съездов и на представления в Московском цирке, они побывали в магазинах “Берёзка”, где за валюту можно было приобрести широкий ассортимент красочных русских сувениров по сравнительно низким ценам. Эта часть программы прошла успешно и женская половина гостей была в восторге.

Без больших проблем прошли мероприятия с делегатами - мужчинами. Интересные вечера знакомств “за кружкой пива” в кафе Дома кино, экскурсия на Московский мясокомбинат, мясоперерабатывающий завод в Останкино и в павильон “Мясная промышленность” на ВДНХ, оставили хорошее впечатление и вызвали большой интерес.

С серьёзными трудностями мы встретились только при заказе зала для проведения прощального вечера в ресторане “Прага”. Этот ресторан был выбран именно потому, что делегация Чехословакии состояла из тридцати человек, а швейцарцев было только десять. Кроме того, чехи и словаки нам были как-то ближе, чем швейцарцы, которые были уже довольно преклонного возраста и говорили только по немецки.

Когда мы с Крюковым обратились к менеджеру ресторана “Прага” с просьбой выделить нам зал для проведения приёма в один из дней текущей недели, он измерил нас пренебрежительным взглядом и ответил, что в его ресторане залы заказывают не позднее, чем за месяц и такое право имеют далеко не все желающие. В ресторане всего шесть залов и он не может отказать в уже принятых заказах посольству Чехословакии или Пражской футбольной команде, прибывающей на матч с московским “Спартакком”, чтобы выполнить нашу просьбу, которая заявлена за два дня до срока проведения вечера.

Менеджер не очень старался быть при этом вежливым, и мы вышли из ресторана, как оплёванные. Моему заму стало жаль меня и он взялся сделать второй заход без моего участия. Крюков чем-то был похож на Мигурского. Так же, как и наш Юзик, он считал, что всё дефицитное можно купить и все недоступное получить за взятку. Всё зависит от суммы, которую ты готов дать. Анатолий велел шофёру ехать в гостиницу “Россия”, где мы снимали роскошный номер на двоих, и с моего разрешения отобрал несколько сувенирных коробок для менеджера.

С ними Анатолий и отправился к нему, а нам велел его ждать в машине. Не прошло и десяти минут, как Крюков позвал меня выбирать зал. Именно выбирать, так как теперь предлагался любой зал, который нам больше всех понравится, включая и тот, который предназначался для Чехословацкого посла в Москве. Менеджер даже посоветовал именно этот зал, потому что рядом был просторный холл для танцев, где вечером играл эстрадный оркестр. Послу же танцы необязательны, так как там будут деловые разговоры официальных пожилых людей.

Нам обещали также позаботиться и о всех необходимых атрибутах приёма.

-Вот так-то, - сказал Крюков, обращаясь ко мне при выходе из гостиницы “Прага”.

На этом примере я ещё раз убедился в возможностях моих замов решать “деловые” вопросы и понял, что начисто лишён таких “способностей”.

Готовый к приёму гостей стол был похож на произведение искусства и вечер прошёл с большим успехом.

Представление о том, что только в России много пьют, оказалось ошибочным. К концу вечера кое-кто из швейцарских гостей охмелел, но большинство чехов, словаков и все члены нашей делегации вели себя достойно и старались не замечать грубость и бескультурие некоторых опьяневших гостей. Давно опустели другие залы ресторана, ушли музыканты, а мы не могли уговорить их подняться со своих мест.

Когда, наконец, мы вышли на улицу, было уже далеко за полночь. Ночь была тихой, тёплой и светлой. Решили прогуляться пешком к гостинице “Россия”, где жили мы и наши гости. Однако швейцарцы предложили поехать в “Националь”, где они собирались теперь нас угощать. Только с помощью их жён удалось уговорить гостей следовать за нами. Некоторые из них вели себя очень шумно и мы беспокоились о том, чтобы не нарваться на ночной патруль милиции.

В Александровском сквере подошли к могиле Неизвестного солдата, где горел Вечный огонь. Пожилой немец, который, наверное, воевал против нас в Отечественной войне, спросил:

-Вас из дас?

-Дас из цванциг миллионес, - ответил я на ломаном немецком.

Мне показалось, что гости немного отрезвели. Когда вышли на Красную площадь, шла смена почётного караула у мавзолея Ленина и били часы на Спасской башне Кремля. Тот же немец опять спросил:

-Вас из дас?

-Дас из Ленин, - ответил я.

Немцы умолкли и даже приняли стойку “Смирно”, когда мимо нас, чеканя шаг, проходили солдаты. Безлюдной, но очень красивой, была Главная площадь столицы в этот поздний час.

-Шейн, руик, - прошептал пожилой немец.

Ночная прогулка, Вечный огонь в память о жертвах минувшей войны и торжественно-волнующая картина смены караула у Мавзолея, окончательно отрезвили гостей. Мы молча дошли до гостиницы, выслушали благодарность за доставленное удовольствие и разошлись по своим номерам.

Утром швейцарцы пригласили нас в свой номер, извинились за своё поведение на приёме, вновь благодарили за внимание и гостеприимство. Они подарили нам памятные сувениры и обещали прислать официальные приглашения посетить предприятия мясной промышленности и НИИ Швейцарии.

Еще более трогательным было прощание с чехами и словаками. Они нас тоже одарили сувенирами, приглашали в гости и утверждали, что Московский конгресс, встречи с советскими коллегами произвели на них прекрасное впечатление и надолго останутся в их памяти. Можно было не сомневаться в том, что всё это было искренне.

В последний день работы конгресса с заключительной речью на пленарном заседании выступил министр Антонов. Он поблагодарил гостей за участие. Выразил и благодарность делегациям союзных республик за действенную помощь в организации приёма учёных и специалистов мясной промышленности, прибывших в Москву со всех стран Европы.

101

Шла девятая пятилетка. Годовые планы выполнялись с большим напряжением. Рост объёмов производства во всех отраслях народного хозяйства уменьшился. Особенно туго шли дела в сельском хозяйстве. Сократилось производство зерновых культур и всё больше пшеницы ежегодно завозилось из Америки и Канады. Этого хватало, чтобы обеспечить страну хлебом, но для кормовых целей зерна было недостаточно, что сказалось на положении в животноводстве. Многие колхозы и совхозы не выполняли квартальные и годовые планы сдачи скота государству, сырьё на мясокомбинаты поступало неравномерно и обеспечивать стабильные приросты производства мяса становилось всё труднее.

Страна из последних сил ещё пыталась двигаться вперёд, но сил этих становилось всё меньше и чувствовалось, что скоро движение остановится, сохранить достигнутый уровень станет невозможно и экономика поползёт вниз.

В верхах, наверное, видели эту угрозу и пытались её предотвратить. Применялись всевозможные меры и, в первую очередь, испытанный метод наказаний и поощрений. За невыполнение планов были освобождены многие руководители предприятий, колхозов и совхозов, заменены министры, произошли изменения в составе Совета Министров и Политбюро.

Стали более щедрыми и поощрения. Ко всем знаменательным датам публиковались Указы Президиума Верховного Совета о награждении отличившихся работников орденами и медалями, а лучшим предприятиям вручали Памятные знамёна, Юбилейные Почётные грамоты, Памятные знаки ЦК КПСС и Совета Министров с денежными премиями.

Каждому году пятилетки присваивались названия: “Решающий”, “Определяющей”, “Завершающий” и за выполнение годовых планов присуждались знамёна, премии, почётные звания.

Нам становилось всё труднее сохранять звание лучшего предприятия отрасли, но мы всё же обеспечивали выполнение заданий на протяжении всех лет пятилетки. Из многих проблем этого времени самой серьёзной была сырьевая. Из-за недостатка сырья предприятия не выполняли планы производства и поставок продукции.

Для восполнения недопоставок скота хозяйствами Белоруссии нами были привлечены колхозы и совхозы Черниговской области Украины, Брянской и Смоленской областей России. Организовали переработку лошадей и поставку на экспорт конского мяса. Резко увеличили производство и отгрузку в Москву и Ленинград колбасных изделий и копченностей. Эти и другие меры позволили и в эти трудные годы сохранить стабильные приросты объёмов производства.

К столетию со дня рождения В. И. Ленина комбинату вручили Ленинскую юбилейную Почётную грамоту ЦК КПСС, а многие работники, в том числе и я, были награждены медалями “100 лет со дня рождения Ленина”.

К пятидесятилетию СССР объединение было награждено Памятным знаком ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС. На торжественное собрание по этому случаю прибыли: министр Баврин, секретарь обкома Прищепчик, руководители партийных и советских органов города. Министерство пригласило на торжества директоров всех крупных предприятий отрасли. Вручал награду Председатель Совмина Белоруссии Киселёв.

К этому собранию мы открыли комнату Трудовой славы. В ней были собраны документы и фотографии из истории комбината, которому вскоре исполнялось семьдесят лет, а также награды, памятные и переходящие знамёна, почётные грамоты, трудовые и спортивные призы, макеты и действующие модели устройств и способов производства, защищённые авторскими свидетельствами СССР и патентами зарубежных государств. По существу это был заводской музей. Его стены украсили портреты лучших работников, орденоносцев, ветеранов производства, заслуженных изобретателей и рационализаторов Белоруссии.

Руководители республики, области и города, работники объединения, многие почётные гости с восхищением и нескрываемым интересом осмотрели экспозицию музея. В то же время некоторые гости из числа директоров мясных предприятий республики не могли скрыть чувства недоброй зависти к достижениям коллектива, который ещё при их памяти был самым отстающим в отрасли и вот уже более десяти лет подряд являлся признанным лидером по всем показателям производственной и общественной деятельности.

Эту зависть можно было увидеть невооруженным глазом, когда в начале собрания в переполненный актовый зал, под звуки духового оркестра, вносились Памятные и Переходящие знамёна, когда Председатель Совмина вручал руководству объединения Памятный Знак ЦК КПСС, когда художественная самодеятельность комбината, являвшаяся, к слову, тоже самой лучшей, восхищала зрителей своим выступлением.

Глядя в завистливые глаза своих коллег со сцены этого собрания, я интуитивно почувствовал откуда можно ждать беды, с какой стороны на наши головы движется опасность.

События недалёкого будущего подтвердили обоснованность моих предчувствий.

Всё началось с ликвидации объединения. Как я уже упоминал, оно создавалось в опытном порядке для определения возможности и целесообразности внедрения подобной структуры управления в мясной промышленности. Уверенности в успехе эксперимента ни у кого не было. Более того, многие считали это дело обречённым на неудачу, и для этого были веские основания. Подчинённые предприятия не желали лишаться самостоятельности. Отсутствие отдельного аппарата управления и подчинение периферийных мясокомбинатов головному предприятию грозило ущемлению их прав, материальных и финансовых возможностей. Опасались и того, что их техническому оснащению, расширению и реконструкции не будет уделяться должное внимание. Предполагали, что они станут неуправляемыми.

Может быть, одобряя инициативу создания объединения и моё выдвижение на должность генерального директора, кое-кто из моих недругов в министерстве и в партийных органах даже предвидели неизбежный крах этой затеи и рассчитывали, что в этой роли я непременно сломаю себе шею. Так тогда нередко поступали в Центре и на местах, когда желали от кого-нибудь избавиться. В партийных органах, например, такому работнику поручали курировать сельское хозяйство, заранее зная, что с такой задачей он не справится. Были и другие поручения, которые использовались для достижения такой цели.

Нужно сказать, что надежды моих недругов были не беспочвенными. Это вскоре подтвердилось на примере Брестского производственного объединения мясной промышленности. Директора подчинённых ему предприятий с самого начала его создания не стали подчиняться своему бывшему коллеге - директору Брестского мясокомбината, который стал теперь их руководителем. Они обвиняли его в ущемлении их прав и несправедливом решении производственных, финансовых и технических вопросов. Пытаясь уделить больше внимания периферийным предприятиям, генеральный директор этого объединения Киселёв завалил работу на головном предприятии, которое стало одним из самых отстающих в отрасли. Уже через пару лет объединение стало неуправляемым и министерству приходилось подменять генерального директора, вмешиваться в его функции, а вскоре и просто решать все вопросы напрямую с предприятиями. Дело закончилось тем, что к концу пятилетки объединение просто изжило себя и не было иного выхода, как вернуться к старой схеме управления. С такой просьбой в министерство обратились руководители всех предприятий области, обком партии и облисполком.

Иное положение было у нас. Объединение из года в год набирало силу и добивалось всё новых успехов. Головное и подчинённые предприятия строились, расширялись и реконструировались, на них внедрялась новая техника и технология. Возросшие экономические возможности позволили значительно улучшить материальные и жилищные условия работников. Были механизированы многие трудоёмкие операции, изменились санитарно-бытовые условия.

Ничего не указывало и на то, что директор объединения вскоре сломает себе шею. Более того, он в эти годы часто награждался правительственными наградами, Почётными грамотами Президиума Верховного Совета БССР и ему присуждались почётные звания. Ходила даже сплетня о том, что обком партии намерен представить его к присвоению звания Героя Социалистического Труда.

Всё это далеко не всем пришлось по вкусу. В ЦК КПБ поступила анонимная жалоба якобы от группы директоров и специалистов мясной промышленности о привилегированном положении Могилёвского ПО мясной промышленности и необъективном отношении Минмясомолпрома БССР к другим предприятиям республики. В ней приводились цифры выделенных объединению капвложений на промышленное и жилищное строительство, приобретение оборудования и транспортных средств. Указывалось о наличии единственного в республике профилактория, клуба на 600 мест, нескольких туристических автобусов и легковых автомобилей, высокой зарплате работников, о наградах и премиях его руководителям и о многом другом. Говорилось и о том, что на объединение работают республиканское и союзное министерства, которые создают ему лучшие условия, чем другим предприятиям.

Опровергнуть эти сведения было невозможно. Они неопровержимо подтверждали, что производственные фонды на предприятиях Могилёвского объединения росли в последние годы более высокими темпами, ему больше выделялось оборудования, транспортных средств и жилплощади, чем многим другим предприятиям республики. Верно было и то, что у нас был лучший административно-бытовой корпус, клуб, профилакторий и высокая зарплата.

Можно было, конечно, объяснить, что капвложения были выделены Могилёвскому и Кричевскому мясокомбинатам ещё до создания объединения, что оборудование и жильё приобретались за счёт фондов экономического стимулирования, которые создавались по результатам работы, что автобус, легковой автомобиль, музыкальные инструменты получены от ВДНХ в качестве премий за участие в экспозициях и выставках, что возможности более быстрого роста зарплаты создавались соответствующими темпами роста производительности труда. Поддавались объяснению и другие факты, приведенные в жалобе, но мы не стали это делать.

Мне и работникам головного предприятия было легче работать на одном предприятии и мы не имели ничего против возврата к прежней структуре управления. С точки зрения наших интересов работать по старому было удобнее и намного выгоднее.

В душе же я был абсолютно уверен в том, что новая структура создаёт лучшие условия для повышения эффективности производства и открывает большие возможности для повышения материальных и жилищно-бытовых условий работников. Укрупнение предприятий позволяет увеличивать объёмы производства при меньших удельных затратах на выпуск продукции, сокращает расходы на содержание

административно-управленческого персонала, способствует внедрению новой техники и прогрессивной технологии. Все эти и многие другие преимущества работы в условиях объединения нашли своё подтверждение на примере успешной работы нашей фирмы в Белоруссии и многих других производственных объединений в мясной промышленности других республик. Ко времени возврата мясной отрасли к старой системе управления в нашей республике, в Российской Федерации и на Украине завершился перевод всех предприятий на новую систему управления.

Против ликвидации объединения выступили руководители и общественные организации Бобруйского и Кричевского мясокомбината. Могилёвский обком партии и облисполком настаивали на сохранении оправдавшей себя структуры управления, но в ЦК КПБ придерживались другого мнения.

Не знаю сыграла ли эта жалоба важную роль в принятом вскоре решении о ликвидации производственных объединений в мясной промышленности Белоруссии и передаче предприятий в непосредственное подчинение министерству. Скорее всего нет. Думаю, что на это были другие более веские причины, в числе которых был провал работы в Бресте, нежелание руководителей других предприятий последовать нашему примеру, а главное юдофобские настроения некоторых влиятельных лиц в ЦК и Правительстве, которым пришлось не по вкусу столь быстрое восхождение еврея-руководителя.

103

Служебная карьера у наших сыновей складывалась неудачно. Ни Вовочке на автомобильном заводе, ни Мишеньке в управлении “Промналадка”, несмотря на их большие старания, ничего хорошего на горизонте не просматривалось. Они продолжали получать всё ту же нищенскую зарплату инженера - 130 рублей в месяц, что обеспечивало только скромное питание и оплату недорогого общежития.

В конце 1972-го года мы помогли им сделать взнос в жилищный кооператив и зимой следующего года они поселились в однокомнатной квартире в районе автозавода. От нашей денежной помощи, покупок одежды и обуви они отказывались, утверждая, что пришла пора жить самостоятельно. Мы могли только делать подарки ко дню рождения и этим пользовались, чтобы купить им приличный костюм или пару добротной обуви.

Верочка училась усердно и была в институте почти круглой отличницей. Никак не могла только усвоить партийную терминологию и не очень почитала наших вождей. Ссылаясь, к примеру, на цитаты из произведений тогдашнего Генсека, называла его просто Брежневым, вместо положенного “товарищ Леонид Ильич Брежнев” и этого, плюс её еврейская фамилия, было достаточно для снижения ей оценки по истории КПСС или экономической географии. Только по этой причине она получила “хорошо”, а не “отлично” на государственном экзамене по политической экономии и лишилась диплома “с отличием”.

Её подруга Ирина, тоже очень способная девушка, с которой она жила в одной комнате и училась в одной группе, таких ошибок не допускала. Она была все годы круглой отличницей, даже Ленинской стипендиаткой. Получила она и красный диплом, которого не удостоили нашу Верочку. Правда, Ирочке и фамилия не мешала. Она была чистокровной белоруской и гордо носила свою девичью фамилию Зуськова даже после того, что вышла замуж за еврея.

Жили они с Верочкой очень дружно. Вместе питались, занимались и не было между ними никаких секретов. Ирочка была маленького роста, не очень смазливой на личико, но во всём аккуратной, скромной и большой умницей. Родом она была из местечка Ляховичи, что недалеко от Баранович, где её отец много лет работал директором средней школы. Мать её умерла от рака, когда Ирочка была ещё на первом курсе. Может быть поэтому она всем, в том числе и своими интимными секретами, чистосердечно делилась со своей подругой.

Ирочка со вкусом, но скромно одевалась. Мальчики её не очень интересовали, поэтому, когда Ирочка на последнем курсе института, призналась своей подруге, что ей нравится наш Мишенька, это было для неё большой неожиданностью.

Она давно его приметила, когда он, вместе с Вовочкой, приходил к ним на чашку чая в их девичью комнату, но никому в этом не признавалась.

Когда Мишенька узнал об отношении к нему Ирочки, он как-то растерялся и всерьёз это не воспринял. Однако, со временем его отношение к ней изменилось. Больше всего трогала её скромность. Даже тогда, когда её чувства к нему уже перестали быть секретом, она не напрашивалась на дружбу и ничем себя не навязывала. Их отношения стали осторожными и казались даже натянутыми. Одно время Мишенька даже перестал навещать сестричку и они с Ирочкой перестали встречаться. Может быть он таким образом проверял себя. Так продолжалось около месяца, после чего он почувствовал потребность видеть её и их встречи возобновились. Однажды он, наконец, признался нам в своих чувствах к Ирочке.

Чаепития у Верочки стали более частыми и круг их участников возрос. К Ирочке часто приезжал студент последнего курса политехнического института Жора. Он тоже был родом из Ляхович и, когда возвращался после посещения своих родителей, привозил ей гостинцы от папы, который души не чаял в своей младшей дочери.

Жоре давно нравилась Верочка, но признаться в этом он долго не решался. Она и сама об этом стала догадываться по тому, как часто Ирочка стала получать гостинцы от папы. То ли он специально за ними в Ляховичи ездил, то ли сам покупал их от папиного имени.

Мишеньке по душе пришелся простодушный, открытый, честный парень и они подружились. Друзья теперь вместе стали приглашать подружек в кино, в театр, в парк или просто погулять по вечернему Минску.

Вскоре Жора признался в своих чувствах Верочке. При этом он не скрыл, что с детства болел тяжелым заболеванием крови и его не раз чудом вырывали из лап смерти. Этому он был обязан больше всех своей маме, которая стала и его лечащим врачом. Она, забросив домашние дела, заботы о муже и младшем сыне, возила его ко всем ленинградским светилам, устраивала на стационарное лечение в лучшие клиники страны и отвела, казавшуюся неминуемой, смерть. Болезнь вроде отступила, но исключить её возвращение никто твёрдо не мог. Жора находился под постоянным наблюдением института крови и поэтому был освобождён от воинской повинности.

Когда Верочка рассказала нам эту историю, мы очень разволновались. Она призналась, что любит Жору, не представляет себе жизни без него и просила нашего согласия на их брак.

Как ни жаль нам было свою любимицу, но согласиться с её выбором было выше наших сил. Дать согласие на замужество нашей дочери с неизлечимо больным человеком мы не могли. Опасность была и в том, что дети от такого брака могли унаследовать болезнь отца. Доводы наши были вескими, но убедить дочь было невозможно. Несколько бессонных ночей проплакала она в постели матери, настаивая на нашем согласии. Она соглашалась с нашими доводами, не отрицала опасности, но оставить любимого человека в беде не могла и предпочитала хоть несколько лет пожить с ним, нежели всю жизнь мучиться угрызениями своей совести.

Будучи не в силах убедить Верочку, мы решили обратиться за помощью к своим лучшим друзьям и соседям по квартире Марченко. Людмила Михайловна и Николай Яковлевич были опытными врачами и пользовались большим авторитетом в городе. Они были и добрыми, чуткими людьми. Мы дружили семьями. Их старшая дочь, Людочка, была ровесницей наших мальчиков, а младшая Ирочка примерно того же возраста, что и Верочка. Это были милые и очень способные девочки и наши дети были дружны с ними. Мы подружились с семьёй Марченко с тех пор, когда стали соседями и дружба эта продолжалась и крепла в течении двух десятков лет нашего совместного проживания на “Курской дуге”. Их медицинскими советами и помощью пользовалось всё областное и городское начальство, и в том была одна из причин выделения им квартиры в таком престижном доме. Были они и нашими семейными врачами. С любым недомоганием наших детей или родственников мы обращались к Марченко и получали нужный совет, дефицитные лекарства и консультации лучших специалистов. Дети очень любили тётю Люду и дядю Колю, и с их мнением считались так же, как с нашим.

Людмила Михайловна очень близко приняла рассказ о несчастной любви Верочки и в ещё более мрачных тонах обрисовала картину её вероятных последствий. Она умоляла Верочку перебороть себя и отказаться от своих намерений. В этом убеждал её и дядя Боря, и все наши родственники-врачи из Одессы, но в результате были только рыдания и слёзы. Их стало только ещё больше. Единственное, чего нам удалось добиться, это согласия дочери отложить на какое-то время окончательное решение этого вопроса.

На фасаде административно-бытового корпуса сменилась вывеска. На чугунной плите литыми буквами значилось: “Могилёвский ордена Трудового Красного Знамени мясокомбинат”. Рядом, на десятке таких же плит, были перечислены наиболее важные награды, которых был удостоен комбинат и объединение за последние полтора десятка лет. Над зданием светился в неоновых красках орден и излучающие яркий свет метровые буквы наименования предприятия. Этого потребовал горком партии, который включил комбинат в перечень наиболее важных предприятий и достопримечательностей города. Стольких наград не был удостоен ни один другой завод, включая такие известные в стране, как автомобильный, искусственного волокна, синтетических волокон “Лавсан”, “Электродвигатель”, “Строммашина”, лифтовый и другие.

Смена вывески не внесла больших изменений в работу головного предприятия бывшего объединения. Облегчённо вздохнули мои заместители и главные специалисты, у которых заметно убавилось забот. Довольны были рабочие и служащие, которым больше досталось благ и социальных услуг (их теперь не нужно было делить с работниками периферийных предприятий). Хуже стало только Бобруйскому и Кричевскому комбинатам, которые многого лишились.

У меня появилось немного свободного времени и я мог, наконец, возобновить работу над диссертацией, которую обещал подготовить союзному министру к концу прошлого года. Когда такое обещание давалось, я не мог себе представить в полной мере объём предстоящей работы. Мне представлялось, что её будет меньше, чем при подготовке обычной диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. На самом деле работы оказалось значительно больше и по объёму, и по сложности. Пришлось не только описать и вычертить многие свои изобретения, но и “онаучить” их. Помочь мне в этом никто не мог, да я и не думал к кому-нибудь обращаться. Работал все выходные дни, до и после работы, оставляя только несколько часов на сон, и, когда была сделана только половина дела понял, что проще было взять обычную тему, чем пользоваться льготой изобретателя представлять совокупность своих разработок вместо диссертации. Решил было бросить эту затею, но неудобно было перед министром, которому дал обещание.

Когда работа в первом чтении была закончена, её объём превысил триста печатных страниц и стало ясно, что никто её читать не станет. Пришлось сокращать и “подчищать”, на что ушло ещё несколько месяцев.

Основные материалы были доложены Научно-техническому Совету Минмясомолпрома в июне 1974-го года, когда я ещё работал генеральным директором. В решении Совета отмечалось большое производственное, научно-техническое и экономическое значение внедрённых изобретений и высказывалась просьба к Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего и среднего образования СССР разрешить представить к защите вместо диссертации совокупность разработанных и опубликованных изобретений по совершенствованию техники и технологии мясной промышленности. При этом указывалось, что экономический эффект от внедрённых к тому времени изобретений превысил 3,5 млн. рублей.

Работа была представлена Учёному Совету ВНИИ мясной промышленности, доложена на многих научно-технических конференциях, кафедре технологии мяса Московского технологического института мясной и молочной промышленности и везде получила одобрение и высокую оценку.

Подработанный с учётом советов и рекомендаций учёных материал в сопровождении ходатайства министра был направлен в ВАК. Там он пролежал более полутора лет и возвратился с отказом, ввиду отмены соответствующего пункта инструкции, допускавшего представление совокупности изобретений вместо диссертации. Было рекомендовано подготовить диссертацию на общих основаниях на базе одного из изобретений и представить её к повторной защите.

Я понимал, что если у ВАКа не было желания своевременно воспользоваться действовавшим пунктом инструкции, допускавшим защиту по совокупности изобретений, то оно не появится и тогда, когда я представлю диссертацию на базе одного изобретения.

Наверное и в этом случае не по вкусу пришлась моя фамилия.

В “Минмясомолпроме” БССР посоветовали вместо диссертации, которая в моём положении ничего не сулила, заняться подготовкой материалов на соискание Государственной премии БССР, от чего реальная польза могла быть намного больше.

Материала для этого было достаточно, наметилось какое-то улучшение отношения к пищевым отраслям промышленности, и я решил последовать этому совету. За основу взяли группу изобретений по механизации ручных работ в цехе первичной обработке шкур. Работа называлась “Комплексно-

механизированный цех обработки кожевенного и шубно- мехового сырья на мясокомбинатах”. Материал по объёму составил полтора ста страниц, включал более десяти изобретений, защищённых авторскими свидетельствами СССР и зарубежными патентами, сопровождался чертежами, схемами, фотографиями и макетом действующего цеха. В число авторов, кроме изобретателей, включили мастера цеха и рабочего (так тогда было модно) и была только одна еврейская фамилия.

При предварительном рассмотрении представленного нами материала в Комитете по Государственным премиям работа была одобрена и отмечалась её значимость и экономическая эффективность. Она была включена в перечень работ, представляемых к Государственной премии, который был опубликован в печати.

Во время публичного обсуждения представленных работ в газетах и журналах было опубликовано полтора десятка положительных отзывов, в том числе таких авторитетных организаций, как ВНИИ мясной промышленности, “Минмясомолпром” БССР, технологический институт мясной и молочной промышленности, ряда видных учёных отрасли, руководителей предприятий, организаций и специалистов.

Как сообщил мне по секрету министр Баврин, наша работа была включена в проект постановления ЦК КПБ и Совета Министров БССР. Казалось ничто уже не могло помешать достижению цели, но, как это бывало и раньше, опять помешала моя еврейская фамилия, которая с первого захода нигде не проходила.

Из проекта постановления нас исключили. Секретарь ЦК КПБ Смирнов объяснил Баврину, что по указанию Машерова вместо нашей включили в последний момент работу Могилёвского автозавода, и посоветовал представить работу повторно в следующий раз.

Следующего раза не было. На это были уже другие причины.

105

Верочка после института была направлена на Минский мотовелозавод на должность экономиста. Зарплата была, как у всех молодых специалистов, небольшой. Жилья не было и в ближайшей перспективе не предвиделось. С её фамилией не ожидалось и продвижения по службе. Она поступила на шестимесячные курсы программистов и стала работать по этой специальности, что почти не повлияло на её зарплату и не сулило перспектив в служебной карьере. Тогда только стали внедряться отечественные компьютеры и появились первые АСУ - автоматические системы управления производством. Такая организация была создана и при нашем министерстве, и я договорился о переводе туда Верочки.

Работа нравилась, её способности в программировании были замечены, и ей стали поручать разработку серьёзных задач.

Изменить что-нибудь в её отношениях с Жорой нам, к сожалению, не удалось и летом 1974-го года они оба попросили благословения на брак.

К тому времени дружба Мишеньки с Ирочкой переросла в любовь и в сентябре они тоже заявили о своём решении создать семью. Отец Ирочки, Андрей Дмитриевич, на это уже дал добро и дело осталось только за нашим согласием. Их дружба с Жорой и Верочкой еще более окрепла и они просили отметить это событие одновременно.

В Минске собрался родительский совет, где мы впервые встретились с Антониной Фоминичной и Василием Тимофеевичем - родителями Жоры, и Андреем Дмитриевичем - отцом Ирочки. Они произвели на нас хорошее впечатление и оказались очень сговорчивыми. Свадьбу решили делать в Могилёве. Обсудили детали и круг гостей, которые намечалось пригласить. Их оказалось более ста человек. Это были родственники и самые близкие друзья. Регистрация браков и торжество по этому поводу намечались на 12 октября. Оставался один месяц, а работы было очень много.

106

На комбинате произошли кадровые перестановки. Главный инженер - Вячеслав Борисович Соколов был выдвинут на должность директора Бобруйского мясокомбината, а вместо него назначили совсем ещё молодого Олега Королёва, недавно заочно закончившего институт. Ещё подростком он пришёл в компрессорный цех и в совершенстве овладел холодильным делом.

Начальником колбасного цеха стала Эмма Попсуева, которая вместе с Мигурским заочно закончила Ленинградский холодильный институт. Как я уже упоминал, она пришла на комбинат девчонкой и работала уборщицей в экспедиции колбасного цеха. Я обратил на неё внимание, как на участника художественной самодеятельности. Она хорошо читала стихи, но в ней просматривались не только артистические, но и большие организаторские способности. Как только Эмма получила диплом, её назначили мастером

колбасного цеха, а вскоре выдвинули на должность старшего мастера самого большого по числу рабочих сырьевого отделения.

Попсуева была толковым работником и хорошим организатором. Что-то у неё было общее с Мигурским. К ней тоже нужен был подход. Если её подкормить премией и похвалой, она могла горы своротить и для неё не было непосильных дел. Эмму в цехе слушались и она могла повести за собой коллектив. Однако любую обиду воспринимала очень близко к сердцу и нередко мстила обидчику. Причём делала это так хитро, что и заподозрить её в чём-то было трудно. Язык у неё был острый и за словом в карман она не лезла. Могла отбрить кого угодно. Любила командовать и стремилась к власти.

Раиса Давыдовна Матвеева, знавшая её много лет, нашла с ней общий язык и они хорошо дополняли друг друга. У Матвеевой знаний и опыта было больше, а у Попсуевой - организаторские способности сильнее.

Раиса Давыдовна проработала на комбинате несколько десятков лет и пользовалась большим авторитетом. Мы несколько раз заслуженно представляли её к правительственной награде, но ей, как и мне, мешало еврейское происхождение. И всё же как-то удалось в одну из оттепелей, со второго захода, протащить её на орден Трудового Красного Знамени. Мы торжественно отметили шестидесятилетие Матвеевой, после чего она попросила освободить её от должности начальника цеха и рекомендовала на этот пост Попсуеву. Сама же осталась мастером и во многом помогала Эмме.

Одной из сложных и ответственных задач в колбасном производстве было умение определить оптимальное сменное задание на выработку продукции, исходя из наличных запасов сырья. От правильного выбора ассортимента во многом зависела экономика производства.

Лучше всех могла это сделать Матвеева. Она, наверное, и сама толком не знала откуда у неё такие способности. Стоило ей назвать перед началом смены наличие в сырьевом отделении говядины, свинины и шпика по сортам, как она в считанные минуты выдавала задание на производство колбасных изделий по видам. Если учесть, что в ассортименте числилось более трёхсот изделий, цена которых колебалась в значительных пределах, станет ясно какой сложности была эта задача. Мы неоднократно могли убедиться в том, что в отсутствие Раисы Давыдовны никто другой с этой задачей справиться не мог. Если она уезжала в отпуск или по другим причинам отсутствовала долгое время, экономические показатели резко снижались и цех заканчивал месяц с убытками.

Я как-то был свидетелем того, как Матвеева, находясь в профилактории, по телефону приняла сведения об остатках сырья и тут же выдала сменное задание на производство продукции. Оказалось, что она это делала каждый день во время своего месячного отпуска. Как ни пытались Попсуева и другие мастера цеха изучить и перенять её опыт, из этого ничего не выходило, так как Раиса Давыдовна сама не знала, как всё это у неё получалось.

Я часто задумывался над феноменом её способностей и всё больше склонялся к выводу, что оптимальное и быстрое решение этой задачи посилено только компьютеру. Посоветовался об этом с Верочкой, которая в то время уже работала в АСУ “Минмясомолпрома”. Задача её заинтересовала и вскоре она взялась за её решение. Инициатива была поддержана руководством, тему включили в план работы и ей поручили её разработку. Это была первая серьёзная работа, которую Верочка выполняла самостоятельно, как программист, и первая оптимальная задача, которую взялось разработать наше отраслевое АСУ. Через несколько месяцев разработка была готова и можно было начать её опытную эксплуатацию.

Лучше всего это было сделать на Минском мясокомбинате, рядом с АСУ, где уже была установлена ЭВМ “Минск 32”. Однако Верочка склонила руководство к решению испытать задачу на нашем комбинате, откуда исходила эта инициатива.

Своей ЭВМ у нас тогда ещё не было и нужно было каждый день, перед началом работы, сообщать в АСУ сведения о наличии готового к производству сырья, чтобы получить по телефону выданное машиной решение. Мы установили аппараты прямой связи, что исключало необходимость обращения к междугородней телефонной станции.

Уже первые результаты работы показали, что теперь вполне можно было обходиться без Матвеевой. Машина это делала намного лучше её. Было трудно поверить в то, что экономический эффект от использования разработанной Верочкой задачи определялся в миллионы рублей. Мало этого, задача позволяла учесть при выдаче решения, не только наличные запасы сырья, но и спрос на продукцию, заявки торгующих организаций, возможности производства и многое другое, что не в силах был сделать даже самый опытный специалист.

Слух о разработке и использовании первой оптимальной задачи по рациональному использованию сырья в колбасном производстве облетел всю страну. В Минск приезжали десятки специалистов из других

республик, Москвы и Ленинграда. О результатах опытной эксплуатации задачи было написано немало статей и сделано много докладов на республиканских и союзных конференциях и семинарах. Их авторами была уже не только Верочка, а больше руководители АСУ и министерства, но и её не забывали иногда вспомнить. В первое время она была автором или соавтором этих публикаций и сообщений. Но дело даже не в авторстве. Более важно то, что эта нужная промышленности разработка, которая была известна как задача №301, так тогда и не получила широкого применения. Она использовалась на нашем комбинате и на нескольких других предприятиях с небольшим объёмом производства. На пути её внедрения встали руководители и мастера колбасных цехов, которым она мешала делать махинации в учёте, а главное, потому, что могла помочь ревизорам вскрывать недостатки и злоупотребления в колбасном производстве.

Нужно сказать, что Матвеева и Попсуева не только не препятствовали внедрению задачи, но и во многом этому способствовали.

Усердие и способности Верочки были замечены, её повысили в должности, ей стали поручать разработку других оптимальных задач.

107

Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Подобрали уютный зал в недавно открытом ресторане автомобильного завода. Можно было, конечно, получить разрешение на банкетный зал обкома партии в ресторане “Могилёв”, но предпочли окраину города, подальше от завистливых глаз. Учтена была также близость спальных корпусов турбазы, где можно было удобно и дёшево разместить гостей. Мигурский предложил использовать наш профилакторий, но мы эту идею отвергли, чтобы не вызывать толки и сплетни.

Иосиф Казимирович выступил и со многими другими инициативами, чтобы сделать свадьбу лучшей в городе, но от большинства его предложений мы отказались по тем же соображениям. Тем не менее он многое сделал в организации торжества и в том, что оно удалось, была большая его заслуга. Мигурский и в заготовках дефицитных продуктов участвовал, и натуральные вина из Молдавии и Одессы завёз, и свежими фруктами обеспечил, и об оркестре побеспокоился, и во встрече и размещении гостей участвовал. Юзик взял на себя и транспортное обслуживание.

Помогли нам при подготовке и проведении свадьбы многие наши друзья и знакомые. Единственное, что никому не доверили, это производство расчётов за работы и услуги. Мы тщательно проверяли всё ли предъявлено к оплате и рассчитывались за всё сами, отдавая себе отчёт в том, что найдётся немало желающих обвинить нас в злоупотреблениях при проведении свадьбы. Как мы потом убедились, наша бдительность оказалась не лишней.

Тамадой был Боря из Одессы, который по этому поводу взял отпуск и около месяца готовил сценарий свадьбы. Его карманы были заполнены текстами поздравлений, очерёдностью выступлений, стихами, шутками, анекдотами. Всего этого хватило на двухдневную программу праздника и только удивляться приходилось тому, как чётко он этим пользовался. Боря свободно обращался с микрофоном и во всём походил на артиста, хорошо знающего свою роль.

Было и торжественное бракосочетание в ЗАГСе, в присутствии родных и друзей, и свадебный кортеж машин, и волнующая встреча молодожёнов в ресторане, и душевные благословения и напутствия родителей, подарки, тосты, песни и танцы. Был праздничный стол, достаточно шампанского, много цветов. Оркестр играл на совесть и не заметили как перевалило за полночь.Guestы доставили в мотель, а в полдень веселье возобновилось с новой силой.

Невесты были необыкновенно нарядны и очень красивы. Женихи не отрывали от них влюбленных глаз и выглядели галантно и мужественно.

Только в конце дня, когда наступили ранние осенние сумерки, начался разъезд гостей. Кого на вокзалы и в аэропорт доставили, кого в гостиницу определили, кого по домам развезли. Гости восторженно благодарили за доставленное удовольствие. Они увезли хорошие впечатления и фотографии на память.

Благодарны были и молодожёны. Они провели ещё одну ночь в отведенных им номерах гостиницы, а утром следующего дня начиналось их свадебное путешествие. Мы заранее приобрели для них билеты и забронировали места в первоклассной сочинской гостинице “Жемчужина”.

Это был наш свадебный подарок новобрачным.

108

“Минмашомолпром” республики задумал создать Научно-производственное объединение технического прогресса. Его название и структура ещё не были уточнены, но было ясно, что в его состав должны войти проектно-конструкторское бюро, опытно-экспериментальный завод “Продмаш”, центр по

научной организации труда и производства, республиканские лаборатории мясной и молочной промышленности. Целью создаваемого объединения была разработка и внедрение новой техники, прогрессивной технологии, использование законченных научных и опытно-конструкторских работ на предприятиях отрасли. Предполагалось, что генеральный директор объединения будет одновременно начальником технического управления и членом коллегии республиканского министерства.

Руководство “Минмясомолпрома” решило, что лучше моей кандидатуры на должность руководителя объединения им не найти и предложило мне эту должность. В Могилёв прибыл первый заместитель министра Гончаров, который с трудом согласовал вопрос о моём переводе в Минск с секретарями обкома и горкома партии. Они сперва возражали, но учитывая, что это являлось выдвижением на более важный участок работы и что вопрос согласован с ЦК КПБ, дали на это согласие.

Сказать по правде, мне по душе была новая должность. И не потому, что оклад там был значительно выше, и даже не потому, что давно мечтал жить в Минске, а положение члена коллегии давало массу льгот и преимуществ, в том числе и право на лечение в спецполиклинике ЦК партии. Главным образом потому, что нравилась мне творческая работа и надоела хозяйственная, полная тревог и опасностей, заканчивающихся раньше или позже уголовным преследованием и тюремным заключением. Особенно опасна она была для директора-еврея, в чём я сумел убедиться на примерах Уткина, Гельфанда, Ковалерчика, Любана в нашей отрасли и десятке примеров из других отраслей промышленности города, области и республики.

Однако, я помнил, чем в своё время заканчивались неоднократные попытки моего перевода в Минск и потому потребовал предварительного согласования на самом высоком уровне. Согласие отдела пищевой промышленности ЦК я посчитал недостаточным и попросил одобрения перевода секретарями ЦК. Гончаров мои условия принял и вскоре министр заверил меня, что секретарь ЦК КПБ по промышленности Смирнов одобрил представление министерства и заверил, что возражений против утверждения меня в этой должности не будет.

Только после этого я дал согласие и вскоре прибыл приказ министра о моём освобождении от занимаемой должности в связи с переводом на работу в министерство. Новым директором Могилёвского мясокомбината назначили Сорокина.

Его пригласили из Молдавии, где он работал директором Бендерского мясокомбината. Я ознакомил Сорокина с предприятием и мы подписали акт приёма и сдачи комбината по всем правилам действовавшего тогда Положения. Состоялось собрание рабочих и служащих, я выслушал напутствия, добрые слова благодарности, мне вручили трудовую книжку, свидетельство о занесении в книгу Трудовой Славы и золотые часы с трогательной надписью.

Новый директор приступил к работе, а я стал ждать вызова на новую работу. Около месяца длилось моё ожидание, когда тот же Гончаров прибыл в Могилёв и сообщил, что первый секретарь ЦК КПБ Машеров, якобы по просьбе бюро Могилёвского обкома партии, отменил мой перевод в Минск и велел восстановить меня в прежней должности. Выслушав извинения Гончарова и Прищепчика, я был вынужден возвратиться на свою работу.

Вечером того же дня Александр Архипович по большому секрету рассказал мне о том, что, кроме просьбы обкома, был звонок Машерову Председателя Комитета Народного контроля Лагира. Этот ярый антисемит давно искал удобный случай со мной разделаться и не мог допустить, чтобы я безнаказанно ускользнул от расправы.

Можно было, конечно, не приступать к прежней работе. Я был освобождён на законном основании и мог искать себе другую работу, но карающий меч партии нашёл бы меня в любом месте. Могли сфабриковать уголовное дело по мясокомбинату и запросто лишить свободы на неопределённый срок. В моём положении неповиновение было недопустимо. Никакие законы тогда не действовали. Основным законом было указание ЦК.

Без всяких на то оснований был освобождён от работы Сорокин, который тоже не посмел никому пожаловаться.

Министерство не нашло тогда другой подходящей кандидатуры на должность генерального директора объединения технического прогресса и отказалось от идеи его образования.

Мне в очередной раз дали понять, что я “лицо еврейской национальности”. Это я запомнил на всю оставшуюся жизнь и навсегда оставил мысль о дальнейшем продвижении по службе и, тем более, о переезде в столицу.

Моя сестра Полечка все эти годы жила в Ейске. Володя преподавал в Высшем военном училище лётчиков и его, как это было принято в армии, периодически повышали в должности и воинском звании. Правда, двигался он по служебной лестнице намного медленнее, чем его коллеги, закончившие вместе с ним училище. Они уже за это время до полковников дослужились, диссертации защитили, и в столичных академиях преподавали или служили где-нибудь за рубежом. Володе же мешали полуеврейское происхождение (по матери) и жена с девичьей фамилией Гимельфарб. Не раз приходилось им в этом убеждаться, когда ему в срок очередное звание не присваивали, отказывали в назначении на престижную должность или зарубежную командировку отменяли.

Он усердно трудился, служил образцом дисциплинированности и прилежности, и всё же дослужился до звания подполковника, что позволило им безбедно жить. Этому в большой мере способствовали заработки Полечки, которая освоила работу на вычислительной технике и проявила в этом деле определённые способности. Если к этому учесть её редкое трудолюбие и безотказность в выполнении любого задания, не считаясь со временем, станет ясно, как её, без общего среднего и специального образования, не только держали на бухгалтерской работе, но даже повышали в должности. Её трудовая книжка содержала многочисленные записи о систематических поощрениях: благодарности, Почётные грамоты, ценные подарки, премии.

Более десяти лет скитались они в Ейске по частным квартирам, расходуя половину своей зарплаты на квартплату, пока им все же выделили небольшую и неудобную квартиру в военном городке возле училища. Оттуда Полечка в переполненных автобусах добиралась на работу, а дети - в школу.

Понадобилось ещё около десятка лет пока им, наконец, дали небольшую двухкомнатную квартиру на верхнем этаже нового дома в центре, куда редко поступала вода из водопровода, и её приходилось таскать ведрами с первых этажей. Это не мешало им считать свою новую квартиру роскошной.

Дети хорошо учились и, когда Валерочка закончил среднюю школу, он остановил свой выбор на Московском университете. Там, как всегда, был огромный конкурс и евреям дорога была закрыта, но у Валеры была русская фамилия, а в паспорте, как и у отца, в графе национальность значилось: русский. У него были отличные отметки в аттестате, он успешно выдержал конкурсные экзамены и был принят студентом экономического факультета самого престижного ВУЗа страны. Ему предоставили место в прекрасном общежитии в высотном здании на Ленинских горах и он, не без основания, гордился высоким званием студента МГУ (не то, что какой-то провинциальный машиностроительный институт, где тогда учились наши мальчики).

Однако недолго пришлось ему носить такое звание. Со второго курса его отчислили из университета, якобы за плохую посещаемость, и предложили освободить место в общежитии.

Не знаю, как чувствовал себя при этом Валера, но Полечка была в полном отчаянии. Мне казалось, что такого удара она не выдержит и, хоть я редко когда обращался в высокие инстанции с личными просьбами и для меня это всегда было непосильной задачей, мне пришлось выехать в Москву, чтобы спасти не столько Валерочку, сколько Полечку. Было твёрдое намерение пройти все инстанции, использовать все возможные пути для восстановления своего племянника в звании студента МГУ.

Из объяснения Валеры я понял, что основания для отчисления были не очень вескими. Он действительно пропустил какое-то количество лекций и не сдал в срок пару зачётов. Подобные проступки имели и другие студенты, но по отношению к ним ограничились только предупреждением. Причиной пропуска занятий и отставания в учёбе послужила общественная работа. Валера стал активным участником художественной самодеятельности, увлёкся гитарой и песнями, и на какое-то время забыл, что важнее в университете учёба. Он был не один в агитбригаде студентов, выступавшей с концертами в ущерб учёбе, а отчислили его одного. То ли раскопали его еврейское происхождение, чему во многом помогла мама, навещавшая его нередко в общежитии, то ли врождённые гордость и упрямство помешали ему как следует извиниться за содеянное, но результат оказался для него плачевным.

Не знаю, чем я тогда покори́л декана, и что послужило причиной его расположения ко мне, но одной, правда, продолжительной беседы с ним оказалось достаточно, чтобы убедить его в необходимости изменить принятое решение. Скажу только, что взятку я ему не давал и не предлагал. На это у меня не хватило бы мужества и совести даже в таком экстремальном случае. Помню, что в конце нашей встречи декан сказал, что делает он это не ради Валеры, а ради меня, и что второго раза в подобном случае не будет.

Я тогда строго предупредил Валеру и, нужно отдать ему должное, он серьёзно взялся за учёбу, закончил МГУ, успешно защитил диссертацию и даже получил работу в университете.

Как я уже упоминал, у Володи было хобби - рыбалка. Он отдавал ей почти всё своё свободное время и получал от этого много удовольствия. Иногда ему сопутствовал успех и в доме была рыба собственного улова.

Другим его увлечением были стихи и в этом он преуспел больше, чем в рыбной ловле. Его сочинения печатались в газетах и журналах, на них писалась музыка, и песни на слова Владимира Елизарова нередко звучали по радио. Особенно успешным и плодотворным было его творческое содружество с народным артистом СССР, композитором Григорием Фёдоровичем Пономаренко. Вместе они сочинили много душевных лирических песен. Особенно популярными в городе и крае были “Ейский вальс” и “Гимн Ейского лётного училища”, который постоянно исполнялся курсантами на всех праздниках, торжественных построениях и парадах.

Доброй традицией в Ейске стали частые творческие вечера Григория Пономаренко, на которых он и его жена, заслуженная артистка РСФСР Вероника Журавлёва, исполняли свои произведения, в том числе и песни на слова Владимира Елизарова. Они часто бывали в гостях у Володи и Полечки, которые очень гордились дружбой с этими знатными людьми, оказавшимися не только выдающимися артистами, но и добрыми, отзывчивыми друзьями.

В октябре 1974-го года, когда Володе чуть перевалило за пятьдесят, его уволили в запас. Он так и не дождался полковничьего звания, с которым мог бы оставаться в армии по меньшей мере ещё пять лет.

Без работы Володя почувствовал себя в Ейске неуютно и мы предложили Елизаровым переселиться в Могилёв. Это позволило бы родителям пожить ещё несколько лет с любимцем Бориком, который мог бы поступить в Могилёвский технологический институт.

Наше предложение пришлось им по вкусу, вскоре нашёлся неплохой вариант обмена квартиры, и семья Полечки переехала в Могилёв. Они поселились в самом центре города, напротив рынка и недалеко от нас. Полечка устроилась на автобазу “Белмясомолтранса” - бывшую автоколонну нашего объединения, которая теперь стала самостоятельным предприятием и подчинялась созданному в Минске Главку. Директором там работал всё тот же Брудолей, который, хоть формально и не подчинялся мясокомбинату, но по-прежнему считал меня “начальником гарнизона”. Он хорошо относился к Полечке и всё старался подобрать ей работу по душе. Была она у него и старшим табельщиком, и техником по учёту горюче-смазочных материалов, и диспетчером, но ей нравилась только работа на вычислительной технике, а такой должности на автобазе не было, так как всю счётную работу выполняла машиносчетная станция облстатуправления.

Володя был принят на должность старшего преподавателя кафедры общей физики педагогического института, как избранный по конкурсу, а Борик поступил в технологический институт на механический факультет по специальности “Машины и аппараты пищевых производств”.

Мы были рады тому, что Полечка, наконец, поселилась рядом с нами и нам казалось, что и у них не было оснований сожалеть о переселении в Белоруссию.

110

Декабрь в нашей семье считался месяцем праздничным: 6-го декабря отмечали день моего рождения, 16-го был днём нашей свадьбы, 31-го мы праздновали Анечкины именины и встречу Нового года. Больших застолий в эти дни не устраивали, но наши дети, родственники и близкие друзья не забывали эти даты и всегда тепло поздравляли нас с ними.

В 1972-ом году исполнилось 25 лет со дня нашей свадьбы, и мы решили отметить этот день, совместив празднование со днём рождения Анечки и встречей Нового года. Наше торжество совпало ещё с 50-летием супружеской жизни родителей Анечки, которые были приглашены в Могилёв, как юбиляры, и самые почётные гости. Поздравить юбиляров прибыли Боря с Люсей из Одессы, гости из Москвы.

Как-то об этом узнал Прищепчик и пожелал поздравить нас с этим праздником. Он пришёл с женой и засиделся в нашем доме до поздней ночи. Тогда не было принято такому большому начальству ходить в гости к стоящим ниже по рангу руководителям. Тем более необычным был визит первого секретаря обкома в дом директора мясокомбината. Меня удивило желание Виталия Викторовича прийти к нам в гости, но в душе я был рад и принял это, как знак оказанной мне чести. Он тепло поздравил юбиляров, а меня ещё и с присвоением почётного звания Заслуженного изобретателя (Указ был опубликован в октябре того же года). Вёл он себя непринужденно, вместе со всеми веселился и не пропускал почти ни одного тоста.

Очень торжественно и весело прошёл тогда наш семейный праздник.

И ещё об одном декабрьском торжестве не могу не вспомнить.

В 1974-ом году мне исполнилось пятьдесят и, несмотря на то, что мы не рекламировали этот юбилей и никого, кроме детей и родственников, в наш дом не приглашали, 6-го декабря в нём было тесно от неожиданных гостей, прибывших из разных городов Белоруссии, Украины и Литвы. В тот день на сессии областного Совета депутатов трудящихся первый секретарь обкома партии Прищепчик вручил мне Почётную грамоту Президиума Верховного Совета БССР и горячо поздравил с юбилеем. Указ был опубликован в республиканских и областной газете, и весь день в моём кабинете не умолкал телефон. Звонили из “Минмясмомолпрома” Союза и Белоруссии, директора мясокомбинатов республики, руководители предприятий и организаций города.

На комбинат прибыл Александр Петрович Яковлев - директор проектного института “Типромьясмомолпроект”, бывший министр мясной и молочной промышленности БССР. В Комнате трудовой славы он, в присутствии руководителей цехов, отделов, служб и общественных организаций, вручил мне Почётную грамоту министерства и очень тепло, по-дружески, поздравил. Александр Петрович привёз личный подарок - сувенирный бочонок, наполненный вином, и две серебряные рюмки. Он налил в них ароматный напиток, мы чокнулись, расцеловались и выпили на брудершафт. Бочонок и рюмки пошли по рядам, и я выслушал много приятных слов и тостов в процессе опорожнения довольно вместительной ёмкости.

Из всех министров, с которыми мне пришлось работать в Белоруссии, Яковлев был наиболее толковым, грамотным и уважаемым. Поэтому было особенно приятно принимать от него награду и подарок в такой дружеской и непринуждённой обстановке.

Вечером Яковлев был почётным гостем в нашем доме. Приехали также генеральный директор Минского объединения мясной промышленности Анатолий Крюков со своим заместителем по экономике Трофимом Бройдой, директор Проектно-конструкторского бюро министерства Иван Емельянов, главный инженер Вильнюсского мясокомбината Иосиф Сухацкас и ряд других руководителей предприятий отрасли, которых мы и не ждали, но присутствие которых было приятным. Они привезли поздравительные адреса, вручили памятные сувениры и произнесли много тёплых слов, поздравлений и пожеланий.

Красочно оформленный юбилейный адрес в стихах привёз Боря из Одессы. Нужно сказать, что он таким образом поздравлял нас и с другими праздничными датами. Лучше, среди наших родственников, никто это сделать не мог, и наш домашний поэт часто радовал нас своими адресами и семейными газетами в стихах, которые мы храним как ценные реликвии.

Больше мы так широко и торжественно свои декабрьские даты в Могилёве не отмечали. На это были свои причины, о которых читатель узнает позднее.

111

Жизнь наших детей в Минске была нелёгкой. Особенно трудно было молодым семьям. Главной проблемой стала жилищная. Если холостяки могли жить в общежитии, где за небольшую плату имели сносные бытовые условия, то семье нужна была отдельная комната, что стоило очень дорого и было не по карману молодым специалистам.

Как я уже упоминал, зарплата инженера после окончания института была 120-130 рублей, а за небольшую комнату в частном доме нужно было платить не менее 50 - 60 рублей. Семейный бюджет семьи, составляющий после вычетов около двухсот рублей, не в состоянии был покрыть такие расходы и требовалась помощь родителей.

Такую помощь и мы, и родители Жоры, и отец Ирочки оказывали своим детям, но это ущемляло их самолюбие, воспринималось болезненно. Особенно страдал от этого Мишенька. Его гордая натура противилась родительским поощрениям. Уже с первых лет самостоятельной семейной жизни он порывался завербоваться в далёкие края с суровым климатом и тяжёлой работой, где можно было бы прилично заработать. Отказывался от родительской помощи и Вовочка.

Мишеньке и Верочке пришлось снимать жильё в частном секторе, обзаводиться необходимой мебелью и домашней утварью, самостоятельно начинать всё с нуля.

Нужно сказать, что жилищные, бытовые и финансовые проблемы не поколебали семейных устоев наших детей. Они стойко выносили свалившиеся на них трудности.

Все они прилежно трудились. Жора имел редкую в то время специальность инженера-компьютерщика и работал в единственном в Белоруссии Центре подготовки и повышения квалификации инженеров по эксплуатации ЭВМ, где обучались не только работники вычислительных центров СССР, но и специалисты из социалистических стран. Его способности и старания вскоре были замечены, он получил звание старшего инженера и двадцатирублёвую прибавку к зарплате.

Верочка успешно осваивала секреты компьютерного программирования и ей тоже ежегодно увеличивали зарплату на десять-пятнадцать рублей, что не могло существенно повлиять на финансовое состояние семьи.

Ирочка работала по специальности в областном финансовом отделе и пользовалась там авторитетом. В институте Народного хозяйства не забыли о её способностях и предложили заочную аспирантуру, от чего она отказаться не могла. Работа, учёба и домашнее хозяйство отнимали много времени и его совсем мало оставалось для отдыха и досуга.

Мишенька считался лучшим специалистом по сварочному производству. Руководство “Промналадки” и “Минмонтажспецстроя” использовало его знания и способности не только для решения производственных задач, но и для повышения своего служебного и личного авторитета. Несколько лет он бескорыстно трудился над диссертацией начальника Управления. Научная работа получила высокую оценку Учёного Совета Белорусского политехнического института и Мишенькин босс стал кандидатом технических наук. Благодарный “хозяин” повысил зарплату своему старшему инженеру на 15 рублей.

В следующем году началась разработка комплексной системы контроля за производством сварочных работ. Мишенька был не только руководителем и организатором этой работы, но и непосредственным её исполнителем. После работы он подолгу засиживался над книгами, расчётами, схемами и чертежами, отказывая себе во сне и отдыхе.

Когда я как-то спросил его занимается ли кто-нибудь ещё разработкой “Системы”, он, улыбаясь, ответил, что доволен своим руководством. Они не мешали работать и одобряли результаты законченных этапов.

Комплексные системы управления качеством производства (КС УКП) были тогда в моде и разработанная в “Минмонтажспецстрое” Белоруссии “Система” пришлась по вкусу не только руководству республиканского ведомства, но и многим родственным организациям других республик, а также союзному министерству.

Работа была представлена в Комитет по Государственным премиям БССР и получила там высокую оценку. Когда было опубликовано Постановление о присуждении премий, мы узнали, что авторами работы были названы руководители министерства и Управления “Промналадка”. Мишеньке среди этих “авторов” места не нашлось. Может быть опять фамилия помешала? Правда, и в этом случае он получил очередную прибавку к зарплате, она стала предельно высокой для должности старшего инженера (то ли 160, то ли 170 рублей в месяц).

Весной 1975-го года Верочка сообщила нам, что ждёт ребёнка. Она получила декретный отпуск и приехала в Могилёв. Несколько месяцев провела она у нас в тревожном ожидании. 25-го августа на свет появилась наша первая внучка. Её назвали Наташенькой.

112

Вовочке шёл уже двадцать восьмой год, а он всё ещё не встретил девушку своей мечты. Если у Мишеньки до женитьбы были встречи и свидания с девушками, с которыми он был знаком по школе, институту, производственной практике, о которых он нам кое-что рассказывал, то от Вовочки мы на этот счёт не имели никакой информации. Может быть он и встречался с кем-нибудь в Минске, в нередких командировках или в турпоходах, но об этом он никому не рассказывал.

Честно говоря, это уже стало предметом нашего беспокойства. Парень вроде толковый, умница, спортсмен и внешне привлекательный, а интереса к женскому полу не проявлял. До нас доходили слухи, что по нём страдали многие красавицы из хороших семей и с высшим образованием, но он не отвечал им взаимностью и был безразличен к ним. Как и все мужчины Гимельфарбовской мишпухи, он был однолюбом и ждал только ту единственную, а она всё не появлялась.

Как-то мы заметили, что наша родственница из Днепродзержинска, Танечка, проявляет интерес к сыну. Об этом можно было догадаться по её частым визитам в Белоруссию, по их продолжительным беседам с Вовочкой, которые продолжались порой до поздней ночи и, наконец, по глазам, которые излучали девичьи чувства.

С Танечкой читатель уже знаком из предыдущих глав, где рассказывалось о наших родственниках. Это была единственная родная дочь дяди Ефима. Она была младшей в семье Лангеров и самой любимой. Даже тётя Дора, что была матерью ещё троих детей, не могла скрыть своего предпочтения Танечке перед её старшими сёстрами Верой и Полей и братом Гриней. Из-за этого в семье возникали частые конфликты и, желая разрядить обстановку, супруги пытались пристроить кого-нибудь из детей у своих родственников. Вот почему старшая дочь Полечка жила с нами в Молодечно и Гомеле, когда училась в средней школе.

Маленькая Танечка была умницей и очень красивой. Родители в ней души не чаяли и ни в чём ей не было отказа. Она выделялась среди других детей во дворе и в школе, и со временем привыкла к своей исключительности. Учёба ей давалась легко и Таня без труда поступила в Металлургический институт, который успешно закончила.

Её интерес к Вовочке не вызвал нашего беспокойства. Мы знали Танечку с детства и у нас не было оснований вмешиваться в их отношения. Более того, мы совсем не возражали против их развития.

Не было сомнения в том, что Вовочка догадывался о тёплых чувствах Танечки, но отделялся шутками или старался их не замечать. Гордая и самолюбивая девушка нашла в себе силы проявить характер и остудить любовь. Их встречи стали редкими и вскоре совсем прекратились.

Когда мы уже совсем потеряли надежду узнать что-нибудь новое о личной жизни сына, Мишенька, сообщил нам по секрету, что Вовочка с недавних пор встречается с одной интересной девушкой и похоже серьёзно влюблён.

Прошло несколько месяцев, а полученная нами информация не пополнилась никакими сведениями. Когда же терпение наше иссякло, Вовочка вдруг сам рассказал о своей любви к девушке по имени Рита. Он случайно познакомился с ней в день её рождения, они встречались уже полгода и он не сомневался, что это как раз то, что он так долго искал. Их дружба переросла в любовь и, когда пришла пора принимать серьёзные решения, Вовочка попросил нашего согласия на помолвку.

Признаться, мы не были в восторге от неожиданного решения. Может быть, как и все родители, мы в чём-то переоценивали своё чадо, но основания гордиться своим сыном у нас, безусловно, были. Он не был обделён умом и способностями, отличался глубокой честностью и порядочностью, и мы, естественно, считали, что Вовочка заслуживает чего-то особенного. Мы ничего не имели против его избранницы, тем более, что не знали её и даже ни разу не видели, но одно то, что она была на семь лет младше и ещё не успела получить специального образования, вызывало беспокойство.

В ближайшие выходные дни мы познакомимся с Ритой. Не скажу, что встреча с ней принесла полное успокоение. Хрупкость и болезненная бледность красивого, почти детского личика, вызывали сомнения в здоровье и работоспособности избранницы сына.

Подкупала, однако, скромность, почти детская наивность. В больших и красивых чёрных глазах искрились любовь и призыв к доверию. Она выглядела слабой и беззащитной, а Вовочка рядом с ней казался рыцарем, готовым в любой миг ринуться на её защиту, оградить от любой опасности или обиды. По всему было видно, что их решения не изменить.

На конец июля была назначена свадьба. Она состоялась в банкетном зале ресторана “Могилёв”, с участием многочисленных родственников, друзей и знакомых. Самое активное участие в её подготовке и проведении принял Мишенька. В этом отчётливо проявилась его невысказанная любовь к своему младшему (на 25 минут) брату, а также редкие организаторские и творческие способности. Он старался изо всех сил, и в том, что свадьба прошла весело и интересно, большая его заслуга.

Дядя Боря подготовил прекрасный сценарий и был томадой. Клезмеры играли еврейскую музыку, под которую до поздней ночи танцевали и веселились гости трёх поколений. Краше всех, конечно, была невеста, обладавшая редкими хореографическими способностями, которыми владела с детства. Туго пришлось бы жениху, если бы не братская помощь Мишеньки, оказавшимся её достойным партнёром.

Были тёплые поздравления, добрые пожелания, много подарков. Глаза молодожёнов светились счастьем. Образовалась новая семья, в которую уходил наш сын. Таковы законы жизни. Приходит пора, когда взрослые дети создают собственный домашний очаг и покидают родителей. Это грустно сознавать, но нельзя противиться. Этому следует только радоваться.

113

Как-то мне позвонил директор Харьковского мясокомбината Иванов и предложил место в забронированном им люксе гостиницы “Россия” на время предстоящего актива работников мясо-молочной промышленности, созываемого союзным министерством по итогам пятилетки. Я был наслышан о трудовых успехах этого руководителя, рад был возможности познакомиться с ним, пообщаться, обменяться опытом работы и потому дал согласие, поблагодарив за внимание.

Мы встретились с Ивановым у центрального входа в министерство, располагавшегося тогда на Калининском проспекте, в недавно построенном высотном здании. Он пригласил меня в служебную новенькую “Волгу” и мы отправились устраиваться.

В Москве тогда было непросто получить место в хорошей гостинице. Желающих всегда было больше, чем свободных комнат, о чём извещали таблички в бюро обслуживания и на входных дверях: “Мест

нет”. Министерство обычно бронировало гостиницы для проведения активов и совещаний, но не всегда они были в центре и номера были довольно скромные.

Иванов уверенно подошёл к знакомому администратору, протянул мой паспорт, и в считанные минуты я получил пропуск на поселение в люкс, принадлежащий ему со вчерашнего дня. Это был трёхкомнатный номер со всеми удобствами. В холодильнике был запас закусок и прохладительных напитков, а в баре несколько бутылок армянского коньяка.

Дежурная по этажу принесла кофе и мы довольно вкусно позавтракали. Иванов удивлялся тому, что я приехал накануне совещания. Он обычно приезжал в Москву заранее и имел достаточно времени, чтобы осмотреть достопримечательности столицы и иметь возможность пообщаться с нужными людьми. Вот и вчера он встретился с давней знакомой, милой женщиной из отдела снабжения министерства, с которой смотрел спектакль в театре оперетты, ужинал в ресторане и приятно провёл время в уютном номере гостиницы. Заодно и решили проблемы снабжения комбината дефицитными материалами.

Удивил его и мой тощий портфель, в котором были служебные бумаги и бритвенные принадлежности. Он признался, что всегда везёт с собой запас деликатесов для собственных нужд и угощений. В этом я мог убедиться, когда открыл пристенный шкаф, чтобы повесить плащ и шляпу. В нём была увесистая сумка со знакомыми по внешнему виду сувенирными коробками.

Иванов отверг моё предложение использовать остаток дня для решения служебных вопросов в министерстве и предложил поехать на ВДНХ, где открылась новая экспозиция в павильоне “Космос” и проходила выставка-продажа модной итальянской обуви. Ужинать предлагалось в ресторане “Седьмое небо”, где с высоты Останкинской телебашни можно было обозреть панораму Москвы.

Предложение было заманчивым, но я вежливо отклонил его. Мои финансовые возможности были достаточными для оплаты расходов, возмещаемых по авансовому отчёту, и покупки недорогих подарков детям. Поняв причину отказа, Иванов предупредил, что считает меня своим гостем и все расходы принимает на себя. Он обещал вскоре приехать в Могилёв и тогда мне предоставится возможность оказать ему ответное внимание и гостеприимство.

На таких условиях я согласился с его предложениями, оговорив при этом необходимость посещения павильона “Мясная промышленность” на ВДНХ, где экспонировалось несколько наших разработок.

Мне трудно было понять, что побудило Иванова искать знакомства со мной и нести при этом значительные расходы. По всему было видно, что директор он опытный, грамотный и пользуется достаточным авторитетом в министерстве и в местных партийных органах. Из его рассказа я узнал, что он депутат городского Совета и член Харьковского горкома партии. Директором работал уже около десятка лет и при этом ни разу не привлекался к уголовной ответственности. Уже одно это подтверждало наличие необходимой поддержки городского и областного руководства. Было у него, правда, пару партийных взысканий за неблагополучие с сохранностью соцсобственности, но тогда трудно было себе представить мясокомбинат, где было всё благополучно в этом вопросе и директор которого не имел бы партийных взысканий. Казалось, Иванов мог быть доволен своим положением, и у него не должно было быть серьёзных опасений за своё будущее. Он соответствовал своему служебному положению и по национальному происхождению, о чём говорила его чисто русская фамилия.

Кроме павильонов “Космос” и “Мясная промышленность”, мы посетили ресторан “Узбекистан”, где вкусно пообедали и Иванов смог продемонстрировать свои познания в тонкостях восточной кухни.

На выставке-продаже он приобрёл несколько пар дорогих импортных туфель и мы направились к Останкинской телебашне. Желавших осмотреть Москву с трёхсотметровой высоты оказалось много и для этого пришлось бы выстоять многочасовую очередь, но Иванов нашёл “нужного” человека и вскоре мы оказались в лифте, доставившем нас в ресторан “Седьмое небо”. Официант принял заказ на бутерброды с сёмгой и чёрной икрой, мороженое, коньяк и шампанское, и мы удобно устроились за столиком у окна. С высоты вертящейся башни Москва была удивительно красива. Мы долго любовались её панорамой, попивая холодное шампанское и закусывая вкусным мороженым. Наступили вечерние сумерки и засветились разноцветная реклама и иллюминация. Город утопал в красочном море огней. Такое я видел впервые и зрелище оставило незабываемое впечатление.

Возвращались на “Волге” по вечерней Москве, которая показалась очень красивой. Иванов хорошо знал город и выбирал наиболее оживлённые улицы и площади столицы. В гостиницу приехали довольно поздно. В просторной гостинной было свежо и уютно и, за бутылкой коньяка и чашкой кофе, мы долго обменивались опытом работы и жизни.

Я узнал о некоторых особенностях работы директора на Украине. Там, например, было принято давать “на жизнь” местному начальству и другим “нужным” людям без чего не мыслилась стабильная работа

руководителя. Нам тоже приходилось заботиться о благе своих партийных боссов, но у нас это ограничивалось доставкой в закрытые распределители недорогой продукции повышенного качества. Когда я поделился своим опытом обеспечения начальства мясными деликатесами, Иванов заподозрил меня в неискренности и не скрыл своего недовольства. Он не сомневался в том, что основной причиной моего стабильного положения в должности, успехов в служебной и творческой деятельности, является умение задобрить начальство и пытался выведать тайны моих отношений с местным и столичным руководством.

Мне так и не удалось убедить его в отсутствии особых секретов в этой области, и он остался при своём мнении, считая, что я что-то от него скрываю. Со мной же он был предельно откровенным и поделился даже опытом восполнения затрат, связанных с финансированием расходов на содержание начальства.

Общением со своим украинским коллегой я остался доволен. Много интересного и полезного узнал из опыта производственной и общественной деятельности директора одного из крупнейших предприятий мясной промышленности Украины. Не всё, конечно, я мог позаимствовать у него. Не научил меня Иванов, в частности, брать “на жизнь” у своих подчинённых и давать “на жизнь” начальству. Может быть кому-нибудь из моих коллег в Белоруссии его опыт был бы более полезен. Возможно они и сами владели своими приёмами в этом деле. Я же отчётливо понимал, что для меня и любого другого руководителя-еврея такая практика неприемлема и очень опасна.

Иванов обещал вскоре приехать в Белоруссию. Наверное он не терял надежды познать невыведенные секреты моей живучести и использовать их в своей практике.

114

Перед очередной отчётно-выборной компанией меня пригласили в горком партии. Секретарь горкома Козлов сообщил, что в связи с ростом численности партийной организации и значимости комбината в экономике города и области, по решению ЦК КПБ учреждена должность секретаря парткома мясокомбината и порекомендовал кандидатуру Николая Владимировича Процкого - выпускника Высшей партийной школы и сына известного большевика-подпольщика, погибшего в Могилёве в годы оккупации города немцами.

Я не знал Процкого и не имел оснований возражать против его выдвижения на эту должность. Из листка по учёту кадров было видно, что ему едва исполнилось тридцать и на руководящей работе он ещё не был. Перед уходом на стационарную учёбу в Высшую партийную школу, он избирался однажды только секретарём комсомольской организации лентоткацкой фабрики, что не давало возможности судить о его организаторских способностях и человеческих качествах.

По действовавшему тогда положению, освобождённые парторги находились в штате партийных органов и наделялись большими правами. Это были глаза и уши партии на крупных предприятиях, от них во многом зависело отношение партийных органов района, города, области и республики к коллективу и его руководителю. Мне не хотелось рисковать и я предложил рекомендовать партийному собранию на должность парторга Ольгу Михайловну Крюковскую, которая избиралась секретарём нашей парторганизации полтора десятка лет. Она закончила мясо-молочный техникум в Полтаве, много лет работала мастером в различных цехах комбината, хорошо знала производство и пользовалась авторитетом в коллективе.

С этой кандидатурой в горкоме согласиться не могли из-за недостатка образования (требовалось высшее и желательно политическое). Других предложений у нас не было. Козлов сослался на просьбу Прищепчика, который считал, что молодому и неопытному выпускнику ВПШ нужно поработать несколько лет рядом с опытным руководителем и только в этом случае из него может получиться полезный работник. Он предложил встретиться с Процким и после этого окончательно решить вопрос о его выдвижении.

Мы встретились с Николаем Владимировичем на следующий день в моём кабинете и беседовали с ним долго и обстоятельно. Впечатление сложилось резко отрицательное: высокомерен, заносчив, с ограниченными умственными способностями и плохо скрытой манией величия.

Мои предупреждения о трудностях работы, сложном психологическом и нравственном климате в коллективе, хищениях продукции, ставших неизлечимым социальным злом, он воспринял с пренебрежением и заявил, что желает работать именно здесь и только здесь.

Своё мнение я высказал в райкоме и горкоме партии, но там продолжали настаивать на своей кандидатуре. Прищепчик отнёсся к моим возражениям как-то несерьёзно, заявив, что если Процкий со мной не сработается, ему не будет больше места в партийных органах. Он обещал об этом предупредить

Процкого, а меня просил поддержать его кандидатуру на отчётно-выборном партийном собрании. Это был первый случай, когда я не получил поддержки Виталия Викторовича, но злого умысла в этом не усмотрел.

Сопротивляться дальше было бессмысленно и Процкого избрали секретарём парткома. Собрание было бурным. Коммунисты возражали против кандидатуры горкома и трудно было предсказать какими были бы результаты тайного голосования, если бы присутствовавший на собрании секретарь горкома Козлов не заставил меня выступить в поддержку предложения партийных органов.

Первое время Николай Владимирович вёл себя очень осторожно, избегал разногласий со мной и я даже усомнился в том, следовало ли мне осложнять свои отношения с горкомом по его кандидатуре перед выборами.

Но выдержки у него хватило на короткое время. Наверное, она была результатом предвыборного разговора с Прищепчиком, который предупредил его об ответственности за сохранение единства и сплочённости коллектива.

Уже через несколько месяцев работы Процкого на высоком посту до меня стали доходить слухи о его недостойном поведении. Он стал появляться на работе в нетрезвом виде, был замечен в хищении продукции. Заведующий гаражом жаловался на использование им служебных легковых автомобилей в нерабочее время и в выходные дни. Главврач профилактория сообщил, что парторг использует комнату Добровольной народной дружины для любовных свиданий. Он часто одалживал деньги у мастеров и экспедиторов и не всегда возвращал долги.

Такого не позволял себе никто из руководителей комбината. Малейшие нарушения этических и моральных норм, не говоря уже о хищениях продукции, строго осуждались, а виновные наказывались. Нельзя было допустить, чтобы второй после директора руководитель предприятия проявлял подобные вольности и оставался при этом безнаказанным.

Формально парторг директору не подчинялся и к ответственности его могли привлечь только партийные органы, но я решил им пока не сообщать о злоупотреблениях Процкого и ограничился беседой с ним в своём кабинете. Николай Владимирович воспринял мой разговор очень нервозно, большинство приведенных фактов отрицал и расценил моё предупреждение, как гонение и желание избавиться от неугодного руководителя.

И всё же наша беседа подействовала на Процкого. На какое-то время его как будто подменили. Он стал серьёзнее относиться к работе и не допускал явных злоупотреблений. Возникла даже надежда, что Николай Владимирович сделал для себя должные выводы и со временем займёт подобающее ему место в коллективе.

Однако, как вскоре выяснилось, мои надежды оказались преждевременными и ошибочными. Если Процкий и сделал для себя какие-то выводы, то не те, на которые я рассчитывал. Он затеял против меня войну. У него хватило ума понять, что открыто и честно воевать ему со мной будет трудно и в борьбе были использованы тайные сговоры, анонимные жалобы, ложные доносы.

В ЦК партии, республиканский Комитет народного контроля, прокуратуру поступило ряд жалоб о крупных хищениях и злоупотреблениях на мясокомбинате, приписках в статистической отчётности, семейственности и кумовстве. Они подписывались от имени инженерно-технических работников, коммунистов, молодых специалистов без указания фамилий и должностей.

По содержанию и характеру жалоб чувствовалось, что их авторами являются грамотные специалисты, хорошо знающие специфику и особенности производства. Как потом выяснилось, Процкий сколотил вокруг себя группу обиженных работников из числа тех, которым было отказано в расширении жилплощади, или наказанных за допущенные нарушения, хищения и злоупотребления. Одними из его активных помощников стали главный технолог Зинаида Аверьянова и её муж Михаил Александрович, работавший ветеринарным врачом и являвшийся председателем группы народного контроля. Им было отказано в выделении трёхкомнатной квартиры из-за отсутствия на то должных оснований.

В жалобах приводились цифры недостач и хищений, пересортиц при отгрузках продукции, указывалось о списании десятков тонн мясопродуктов на естественную убыль, приводились примеры выдвижения на руководящие должности по семейным и национальным признакам. Называлось при этом несколько работников с еврейскими фамилиями.

Проверки по анонимным жалобам продолжались долгие месяцы, однако никакой крамолы при этом не подтверждалось. Хищения имели место, но они не скрывались и по ним принимались действенные меры. Недостачи при инвентаризациях выявлялись, но их объёмы, как правило, не превышали норм естественной убыли, а в отдельных случаях они относились в начёт на виновных. Подобным же образом рассматривались

и пересортицы при отгрузках. Евреев-руководителей было мало и все они соответствовали занимаемым должностям и хорошо работали.

Оснований для привлечения директора к ответственности не было и жалобы “закрывались”, как лишённые оснований.

Накал тайной войны снизился и, казалось, наступило затишье. Так продолжалось до случая задержания вневедомственной охраной грузового автомобиля с деловой древесиной, которую намеревались вывести, как дровяные отходы. Груз предназначался для Процкого. Был составлен акт и машину возвратили на склад.

Николай Владимирович просил не отражать этот случай в учёте и не предавать его гласности. Выполнить его просьбу было невозможно. По всем случаям хищения принимались меры, а когда такое допускали руководители любого ранга, они наказывались более строго, чем рабочие. Когда Процкому в его просьбе было отказано, он пригрозил мне, что я об этом пожалею.

О неблагоприятном поступке парторга стало известно в райкоме партии, и он стал предметом рассмотрения бюро. Вместо признания своей вины, Николай Владимирович представил дело так, что это не что иное, как провокация, придуманная с целью скомпрометировать его, как партийного руководителя, чтобы избавиться от неугодного человека, вскрывающего недостатки и злоупотребления.

Мне пришлось рассказать о других проступках Процкого и заявить о его несоответствии занимаемой должности. Ему объявили выговор и предупредили, что если подобное повторится, он будет освобождён от работы.

Предупреждения не действовали. В различные органы посыпались новые анонимные жалобы. На сей раз они содержали более резкие обвинения в мой адрес. В них сообщалось, что я жулик и аферист, который подкупил не только местные партийные органы, но и министерства республики и Союза. Указывались конкретные “доказательства” подкупа. Приводились, например, номера автомобилей, на которых вывозилась мебель, якобы отправленная мною министру и его заместителю в качестве взятки. Вновь сообщалось о приписках, незаконных премиях и других злоупотреблениях, имевших место на комбинате. Анонимщики требовали исключить возможность участия в проверках городских и областных организаций и министерства.

Рассчёт был прост: приведенные “факты” непременно вызовут новые проверки, которые что-нибудь вскроют. Не может же быть всё гладко.

И проверки не заставили себя долго ждать. Одна комиссия сменяла другую. В них участвовали работники прокуратуры и МВД республики. В первую очередь проверялись личные злоупотребления директора и факты подкупа им должностных лиц. Допрашивались многие работники комбината и других организаций, проверялись документы, но найти корыстные преступления и злоупотребления не могли. Долго возились с вывозом мебели в Минск. Такой случай действительно имел место. Заместитель министра Гончаров с помощью Мигурского купил мебель в магазине Райпотребсоюза. Он за всё рассчитывался сам и я об этом даже не знал. Жалобы о корыстных злоупотреблениях и на этот раз были признаны необоснованными.

Что же касалось приписок и незаконного получения премий, то ими занялся Комитет народного контроля БССР, председатель которого - Лагир давно намеревался вывести меня “на чистую воду”. Проверку этой части жалоб он взял под личный контроль и привлёк к ней самых грозных и придирчивых контролёров республики.

На комбинат прибыла представительная комиссия контрольно-ревизионного управления Минфина республики, которая приступила к документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности комбината за 1976-й год. К работе привлекли и старого моего недруга Журова, которому представился шанс реабилитировать себя за постигшую неудачу в предыдущей проверке.

115

Мне часто приходилось слышать, что в Белоруссии евреям живётся лучше, чем в других республиках Союза. Не знаю, что для этого служило основанием. Может быть то, что здесь их было больше, чем в других районах страны (до войны в БССР проживало более миллиона евреев - примерно 10 процентов всего населения), может быть то, что белорусы - народ миролюбивый и дружелюбный, а возможно то, что о руководителях республики ходили легенды, как о мужественных и стойких большевиках - ленинцах, которые только и заботились о дружбе народов, и потому не могли допустить проявления антисемитизма.

У меня на этот счёт было другое мнение. Не только потому, что и здесь было не меньше погромов, чем на Украине или в России, что в минувшей войне здесь погибло 800 тысяч евреев и что каждый восьмой

еврей, из 6 миллионов жертв Холокоста, убит в Белоруссии. И даже не потому, что правители республики виновны в трагедии белорусских евреев, так как не предприняли никаких мер по их спасению и даже не предупредили о грозящей смертельной опасности в начале войны.

В послевоенные годы в республике печаталась самая злостная антисемитская литература. Писатели типа Владимира Бегуна стряпали десятки юдофобских памфлетов, которые тиражировались сотнями тысяч экземпляров и распространялись по всему Союзу.

В то же время, о неисчислимых бедствиях и массовой гибели евреев в годы войны, о подпольных группах в Минском гетто, о героической борьбе 30 тысяч евреев-партизан не было публикаций в газетах и журналах, не печатали книг, не создавались кинофильмы и спектакли. Это была запретная тема.

А чего стоил карающий меч партии - Лагир? Сколько евреев он лишил работы и отдал под суд? Антисемиты рангом пониже, типа Журова в Могилёве, водились не только в каждом областном или районном городе, но и в небольших местечках и сёлах. А сколько антисемитов-директоров отказывали в работе дипломированным специалистам-евреям только по пресловутому пятому пункту анкеты?

Многие считали, что руководители республики антисемитизмом не заражены и все его проявления в центре и на местах исходят от конкретных лиц, не получающих указаний на сей счёт сверху. С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что при тоталитарной системе, действовавшей в Белоруссии, как и во всём Союзе, начальство любого ранга меняло свою "принципиальную" позицию в зависимости от указаний сверху. Никто не позволил бы себе антисемитских поступков, если бы не чувствовал поддержки в руководстве республики.

Одного слова Машерова было бы достаточно, чтобы руководители-антисемиты притаились и замолкли. Он же такого слова, не произнёс.

116

Появление на свет нового поколения Гимельфарбов не заставило себя долго ждать. После рождения первой внучки Наташеньки, которая стала нашей любимницей и провела первый год своей жизни у бабушки и дедушки, нам стало известно о решении Ирочки и Мишеньки занять ребёнка.

Обсудив этот вопрос на семейном совете и, учитывая трудные бытовые условия этой семейной пары в Минске, мы пригласили Ирочку в Могилёв на весь период дородового и послеродового отпуска.

Ей были созданы все удобства и обеспечено хорошее медобслуживание. Беременность и роды прошли благополучно, и 10 сентября родилась наша вторая внучка Алёнушка. Она была личиком вся в Мишеньку и мы были рады, когда родители принесли свидетельство о рождении, в котором значилась наша фамилия.

Решение этого вопроса принималось неоднозначно. Конечно, в том, что дети получали отцовскую фамилию не было ничего удивительного. Так поступали из покоя веков. Однако, в последнее время, в случаях смешанных браков, родители всё чаще давали ребёнку нееврейскую фамилию. Предпочтение отдавалось не только русской или белорусской фамилии. Годи́лась и армянская, и грузинская, и даже татарская, только не еврейская. И делалось это для блага ребёнка, которому еврейское происхождение могло быть только помехой в жизни. В этом случае ребёнок вообще не считался еврейским и при этом полагали, что так будет лучше для него.

Даже в чисто еврейских семьях не соблюдались обряды и обычаи предков, и детям старались дать благозвучные славянские или революционно-пролетарские имена. И всё для того, чтобы в них труднее было заподозрить еврея.

Хоть это и ущемляло нашу национальную гордость и унижало самолюбие, но мы были вынуждены с этим считаться и в какой-то мере признавать обоснованность таких действий и решений. Этому в большой мере способствовал наш жизненный опыт, ставший наглядным примером отрицательного влияния еврейского происхождения на людские судьбы. Тем не менее в нашем конкретном случае мы в душе надеялись, что внуки от смешанных браков сохранят нашу фамилию и не будут стесняться своей национальности.

Мы не оказывали никакого давления на детей, даже избегали обсуждения этих вопросов, и когда они, без нашего участия, приняли желанное для нас решение, радости нашей не было предела.

Ирочка оставалась у нас с ребёнком несколько месяцев и Алёнушка хорошела с каждым днём. Этому мы в большой мере обязаны нашему искреннему и преданному другу Эtte Евсеевне Мизиковской-Берлиной. Она заведовала родильным отделением городской больницы и была прекрасным детским врачом.

Благодаря её помощи и советам, наши внуки избежали серьёзных проблем, которые почти повсеместно тогда сопровождали детей в первые месяцы их жизни. И мы, и дети наши безмерно благодарны

этому доброму и отзывчивому человеку и замечательному доктору. Дружба с ней и её супругом - Борисом Афанасьевичем Берлиным - учителем от Бога и прекрасным организатором народного образования, сохранилась на долгие годы и, надеюсь, не померкнет до конца нашей жизни.

Когда Ирочка собиралась уже возвращаться в Минск, в дородовой отпуск ушла Риточка. Мы очень волновались за благополучный исход родов в связи с состоянием её здоровья и были готовы к её приезду к нам, под наблюдение Этти Евсеевны, но Фаина Захаровна, мать Риты, сама взялась помогать ей, единственной любимой дочери, и наша помощь не потребовалась.

К великой нашей радости всё обошлось благополучно и 1-го марта 1977-го года у нас появился внук - замечательный мальчик Илья. Он родился в еврейской семье, по праву получил отцовскую фамилию, и стал законным продолжателем династии Гимельфарбов.

117

Документальная ревизия работы комбината за 1976-й год не дала нужных Лагиру результатов и было принято решение подвергнуть тщательной проверке финансово-хозяйственную деятельность объединения за все годы его существования. Для этого значительно расширили состав ревизионной бригады. В неё включили самых эрудированных и принципиальных ревизоров из всех контрольно-ревизионных управлений Минфина республики. Из каждой области в Могилёв прибыло по два ревизора и их общее число превысило полтора десятка. Была поставлена задача любой ценой найти факты очковитательства и недостоверной отчётности. Тогда в самом разгаре была компания по борьбе с приписками, которые приняли в стране массовый характер. Завышались объёмы выполненных сельхозработ, урожайность, надои молока и привесы скота, выпуск товарной продукции и объём реализации на промышленных предприятиях. Недостоверная отчётность создавала видимость благополучия в выполнении планов и обеспечивала возможность получения премий. В государственной отчётности предприятий и организаций, начиная от колхозов и совхозов, заводов и фабрик, и кончая ЦСУ СССР, желаемое представлялось за действительное и, когда приписки приняли массовый характер и оказали заметное влияние на экономику страны, с Центра поступила команда об ужесточении мер борьбы с приписками. Особенно строго наказывались руководители, получавшие премии по недостоверной отчётности. Такие факты приравнивались к хищениям соسوبственности и виновные привлекались к уголовной ответственности.

Наверное Лагир не сомневался в том, что на предприятии, которое на протяжении многих лет ежеквартально получало Переходящие знамёна и Союзные премии, нетрудно будет найти факты недостоверной отчётности по одному из многочисленных показателей, что послужило бы основанием для расправы со мной по модному обвинению в приписке.

Когда трёхмесячный срок проверки истёк, а доказательств приписок не обнаружили, ревизорам продлили срок командировки ещё на три месяца. Им в помощь прибыла группа работников Комитета народного контроля во главе с заведующим отделом лёгкой и пищевой промышленности Бусько и заместителем заведующего отделом плановых и финансовых органов Сыроквашко. Их задача сводилась к привлечению “общественности”, контролирующих и правоохранительных органов к разоблачению злоупотреблений на мясокомбинате. Они беседовали с членами группы народного контроля, технологами, бухгалтерами, инспекторами по качеству товаров Минторга БССР, работниками банков, Облфинотдела, прокуратуры и милиции, осуществлявших периодические проверки на комбинате. Были изучены акты и другая документация за несколько последних лет, но ничего крамольного установить не удалось.

Истёк и полугодовой срок ревизии. Проверке подвергли отчётность за все пять лет работы объединения, но выполнить задачу Лагира о вскрытии приписок и злоупотреблений ревизоры не смогли. По решению Комитета народного контроля ревизоров оставили в Могилёве ещё на три месяца и предложили подвергнуть сплошной проверке все случаи оплаты продукции, проданной покупателям, но оставленной на хранение на складах и холодильниках. Такими покупателями чаще всего были Министерство обороны и Комитет по продовольственным и материальным резервам, которые производили оплату предприятиям “Минмясомолпрома” за проданное им мясо мобилизационного и государственного резерва, по представлению актов закладки продукции на хранение. По их указаниям мясо затем отгружалось в разные направления. Были отдельные случаи, когда по указаниям “Минторга” и “Минмясомолпрома” таким же образом оплачивалось мясо, отпущенное торгующим организациям, но оставленное на временное хранение на холодильниках предприятий мясной промышленности. Ревизоры посчитали незаконным включение стоимости оплаченного, но не вывезенного с холодильника мяса в объём реализованной продукции, вычли эти суммы из объёма реализации во всех кварталах, когда такие операции производились, после чего, по их

расчётам, плановые задания по этому показателю оказались якобы не выполненными и был сделан вывод о приписках и незаконном получении премий.

Понимая сомнительность своих выводов о “недостоверной” отчётности по реализации продукции, ревизоры в этих и некоторых других кварталах “вскрыли” искажения отчётности по показателю “рекламации” на качество реализованной продукции. В доказательство этому к рекламациям были отнесены все акты Госинспекции по качеству товаров, составленные в ходе проверки соблюдения технологии производства продукции на самом предприятии, до её реализации

Напрасными были наши объяснения, ссылки на соответствующие инструкции и письменные указания директивных органов, опровергающие обвинения ревизоров. Их выводы остались незыблемыми и сводились к тому, что в ряде кварталов 1975- 1977-го годов на Могилёвском и Бобруйском мясокомбинатах допускались искажения отчётности по показателям реализации продукции и наличия рекламаций в результате чего незаконно выплачено 139 тысяч рублей премий, в том числе руководящим работникам 12 тысяч рублей.

На наши запросы Центральное статистическое управление СССР и БССР, “Минмясомолпром” СССР, областная контора Госбанка разъяснили, что все поступившие от реализации продукции деньги, в том числе и за продукцию, оставленную на ответственное хранение на холодильнике, должны отражаться в отчётности по показателю “объём реализации”, а Государственная инспекция по качеству товаров “Минторга” БССР письменно подтвердила, что её акты, составленные на предприятиях, не должны отражаться в отчётности, как рекламации на реализованную продукцию.

Итоги ревизии были рассмотрены на коллегии “Минмясомолпрома” БССР, которая признала обвинения ревизоров в умышленном искажении отчётности необоснованными и подтвердила правомерность включения стоимости оставленной на ответственном хранении продукции в объём реализации.

Когда мы приобщили к своим объяснениям эти документы и тенденциозность обвинения стала очевидной, ревизоры стали доказывать, что в ряде случаев продукции, проданной в резервные фонды, не было в наличии на холодильнике и вместо мяса якобы продавался воздух. Для этого из остатков мяса, числящегося по учёту на день продажи, отнималась естественная убыль, начисленная по предельно-допустимым нормам, и если после этого образовывался минусовой остаток в объёме хотя бы одной тонны, делался вывод о безтоварной продаже продукции с целью выполнения плана по объёму реализации и незаконного получения премий.

Неправомерность таких манипуляций была понятной не только рядовому бухгалтеру, знакомому с порядком списания естественной убыли, но и любому здравомыслящему человеку, рассудок которого в состоянии понять, что к нормам убыли обращаются тогда, когда выявляется недостача на складе. Об этом гласят все инструкции и положения о порядке применения норм естественной убыли, но ревизоры не желали слушать объяснения и читать инструкции.

Пользуясь неограниченной властью, методами угроз и запугивания, Комитет народного контроля вынудил руководителей Управления статистики БССР, “Минмясомолпрома” республики, Госторгинспекции и других организаций отказаться от своих письменных разъяснений. Некоторых из них удалось даже заставить выступить в поддержку обвинений, выдвинутых в мой адрес.

Так, однако, поступили далеко не все. Министр Союза Антонов обратился с письмом к Машерову с просьбой вмешаться и положить конец необоснованным обвинениям и издевательствам над руководителями одного из лучших предприятий страны. Эта позиция руководителя отрасли осталась неизменной.

Первый секретарь Могилёвского обкома партии Прищепчик отказался рассматривать вопрос о привлечении меня к партийной ответственности даже тогда, когда Лагир угрожал ему жалобой в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

Управляющий Могилёвской областной конторой Госбанка Заставнюк не подчинился требованию Лагира о применении штрафных санкций к комбинату за выставление якобы безтоварных накладных на оставленную на хранение продукцию. На заседании Комитета ему был объявлен строгий выговор, но он остался верен своей принципиальной позиции.

Правомерность операций по закладке мяса в резервные фонды и включения его стоимости в объём реализованной продукции до конца отстаивали начальник Управления поставок Минмясомолпрома БССР Гончарук и главный бухгалтер министерства Нейфах (оба получили по выговору). Они также подтвердили, что так поступали все предприятия отрасли и иной порядок немыслим.

В силе остались разъяснения ЦСУ СССР и “Минмясомолпрома” Союза о включении в объём реализации проданной и оставленной на хранении продукции, и порядке отражения в отчётности рекламаций.

Однако всё это не помешало Лагиру признать выводы ревизии КРУ Минфина БССР обоснованными и вопрос “О нарушениях государственной, производственной и финансовой дисциплины на Могилёвском мясокомбинате” был вынесен на рассмотрение Комитета народного контроля БССР.

Заведующий отделом пищевой промышленности КНК Бусько ознакомил меня с проектом постановления об отстранении с занимаемой должности и денежном начёте. По поручению Лагира он предложил мне отказаться от своих объяснений, признать материалы ревизии, привлечь к ответственности работников комбината, непосредственно виновных в допущенных нарушениях, и в этом случае Комитет, возможно, ограничится строгим взысканием с предоставлением мне возможности выхода на почётную пенсию. В следующем году я мог выйти на досрочную пенсию, как инвалид Отечественной войны, а с учётом многолетней работы руководителем предприятия и присвоенным званием Заслуженного изобретателя БССР, я имел право на персональную пенсию республиканского значения.

Такая возможность мне предоставлялась якобы потому, что Лагир высоко ценил мои ратные подвиги в войне и заслуги перед Родиной в мирное время.

Я поблагодарил за признание заслуг, но изменить свои объяснения и согласиться с выводами ревизии о приписках и злоупотреблениях отказался. Не было и уверенности, что предложенный компромисс заслуживает доверия. Скорее всего это была последняя попытка заставить меня капитулировать и признать свою вину.

О разговоре с Бусько я доложил Баврину, который одобрил моё решение и заверил, что на заседании Комитета будет придерживаться мнения коллегии “Минмясомолпрома” БССР по материалам ревизии.

118

Несмотря на выводы ревизии, “Минмясомолпром” СССР по итогам работы за первый квартал 1978-го года вновь присудил комбинату Переходящее знамя и денежную премию. Возможно Союзное министерство таким образом решило подтвердить, что оценка трудовых заслуг коллектива на протяжении многих лет была заслуженной, а также противопоставить своё отношение к его руководителям, которые подвергались гонениям и преследованиям со стороны правоохранительных органов республики.

Накануне Первомайских праздников, вручая награду на торжественном собрании коллектива, заместитель министра Коношенко заверила, что Министерство высоко оценивает трудовой подвиг работников комбината и выразила надежду, что Переходящее знамя Союзного министерства надолго сохранит свою прописку на Могилёвском мясокомбинате.

Мне же она сказала по секрету, что я должен изменить место работы. И чем скорее, тем лучше, ибо вырваться из железных когтей Лагира мне будет всё труднее, а вскоре вовсе окажется невозможным. Любовь Александровна утвеждала, что такого же мнения придерживается и Антонов, который готов предоставить мне работу в одном из областных центров Подмоскovie. Она, в частности, предложила Тулу, где требовался генеральный директор объединения мясной промышленности.

Я поблагодарил за доверие, но от перевода на другую работу отказался до того, пока не докажу свою невиновность в предъявленных мне обвинениях.

На Первомайской демонстрации коллективу по-прежнему было представлено место в первой колонне, во главе которой развевались Памятные и Переходящие знамёна, которыми коллектив был награждён за трудовые успехи в восьмой и девятой пятилетке. Наверное, таким образом партийные органы города и области решили подчеркнуть, что их отношение к предприятию осталось прежним.

Однако, поддержка и доверие Союзного министерства и местных партийных органов не пошли нам на пользу. Они озлобили теперь уже не только Лагира, но и Машерова. Он потребовал привлечения меня к партийной ответственности. Не подчиниться воле Первого секретаря ЦК было невозможно. Единственное, что позволил себе Прищепчик, было решение передать вопрос на рассмотрение Октябрьского райкома партии, несмотря на то, что я был кандидатом в члены обкома.

Секретарь райкома Людоговский посоветовал мне принять партийное взыскание, как должное в сложившейся ситуации, ибо сопротивление и возражения могут быть чреваты тяжёлыми последствиями. Бюро райкома, почти без обсуждения, объявило мне строгий выговор. Это было первое взыскание за тридцать лет пребывания в партии. Вывести меня из состава обкома Прищепчик отказался.

После Первомайских праздников мне позвонил Бусько и вновь предложил представить Комитету народного контроля приказ о наказании конкретных виновников вскрытых недостатков. Я подтвердил свое прежнее отношение к предъявленным обвинениям и услышал в ответ откровенную угрозу:

-Пеняйте тогда на себя!

Вскоре было получено официальное извещение о вызове в Комитет. Кроме меня вызывались заместитель по производству Пискарёва, главный бухгалтер Желовачик и начальник отдела производственно-ветеринарного контроля Борятинский, который был недавно избран председателем группы народного контроля.

По всему чувствовалось, что проект решения не только не будет смягчён, но его возможно даже ужесточат. Об этом мне по секрету сказал Прищепчик. Такой вывод он сделал из разговора с Машеровым накануне нашего отъезда.

На заседание Комитета пошли вместе с Бавриным, который подтвердил, что своего мнения не изменил и советовал нам придерживаться решения Коллегии министерства по материалам ревизии.

Как только мы появились в приёмной КНК, туда явился Бусько и пригласил Баврина в кабинет Лагира. К нам Виталий Иванович больше не вернулся и мы увидели его рядом с председательским столом в зале заседаний Комитета. По его виду и поведению, а также по дружелюбному отношению к нему Лагира, мы поняли, что перед нами уже не тот Баврин. В нашу сторону он старался не смотреть. Его словно подменили.

Слово предоставили Бусько, который зачитал предварительно подготовленную справку, стараясь не пропустить из неё ни одного предложения, слова или цифры. В заключение он внёс предложения из текста уже известного нам проекта постановления.

Казалось, после обвинительной речи представителя Комитета, слово предоставят обвиняемым для объяснений по всем пунктам обвинения, но в обход общепринятого порядка, Лагир внёс предложение выслушать мнение министра.

Баврин, глядя в пол, произнёс короткую и невнятную речь, из которой следовало, что с основными выводами ревизии и предложениями, изложенными в проекте постановления, он согласен.

Выступление министра возымело эффект разорвавшейся бомбы. Оно явилось полной неожиданностью не только для нас, слушавших совсем недавно его заверение о полном согласии с нашими объяснениями и обещание придерживаться решения коллегии министерства по материалам ревизии, но и для большинства членов Комитета, которым была известна его позиция в ходе ревизии и проверки.

Посыпались вопросы членов Комитета:

- Где было все эти годы министерство?

-Выявлялись ли приписки и злоупотребления при ежегодных ревизиях хозяйственно-финансовой деятельности комбината?

-Как могло министерство присуждать предприятию Переходящие знамёна и денежные премии при наличии таких серьёзных нарушений?

Баврин не находил ответы на эти и другие вопросы и был подобен нерадивому студенту на трудном экзамене, но на выручку пришел Лагир, который взял под защиту незадачливого министра, объяснив, что махинации директора были так хитро завуалированы, что ни ревизоры, ни аппарат министерства не могли их вовремя вскрыть. Для этого понадобились девятимесячные усилия большой группы лучших специалистов КРУ Минфина БССР и работников республиканского Комитета народного контроля, чтобы раскрыть клубок злоупотреблений и приписок, допущенных на этом предприятии.

Он предложил оставить в покое министра и послушать лучше самих очковтирателей и расхитителей соцсобственности. Мне дали слово для объяснения, установив десятиминутный регламент. Михаил Иванович заявил, что этого вполне достаточно, чтобы признать свои ошибки и предложить меры, исключающие возможность повторения подобных злоупотреблений.

Трудно передать моё состояние в эти минуты. Вначале пришла мысль отказаться от предоставленного слова, так как поведение министра просто шокировало меня. Ни тогда, ни позже я не мог дать ему какого-либо вразумительного объяснения. Мне было известно, что контролирующие и правоохранительные органы в исключительных случаях могут заставить кого угодно говорить неправду, в том числе признать свою вину в тех прегрешениях, которых и в помине не было. Для этого в их арсенале имелся широкий выбор средств, которые действовали почти безотказно.

Однако, я никак не мог отнести наш случай к исключительным. Подумаешь, нужно расправиться ещё с одним евреем. Такие задачи редко вызвали серьёзные осложнения, особенно если за них брались органы типа Комитета народного контроля при Совете министров республики, направляемые и поощряемые ЦК партии.

Чтобы заставить такого крупного руководителя и, в общем, порядочного человека, каким был Баврин, говорить неправду, потребовалось бы не двадцатиминутное общение с Лагиром перед заседанием Комитета, а значительно больше времени. Более того, мы хорошо знали, что такие попытки делались

неоднократно в течении девятимесячной проверки, но министр вёл себя достойно и отстаивал свою принципиальную точку зрения. Не подействовала на него и запись в проекте решения Комитета с просьбой к ЦК КПБ рассмотреть вопрос об его ответственности за необъективную оценку деятельности Могилёвского мясокомбината и допущенные там злоупотребления.

Что могло заставить Виталия Ивановича за те несколько минут, проведенные им в кабинете Лагира, отказаться от своей позиции и стать перевёртышем мы так и не узнали, но догадывались, что повлиять на него мог кто-то более важный, чем хозяин той комнаты. Скорее всего тогда состоялся телефонный разговор с самим Машеровым или со вторым секретарём ЦК Аксёновым и под чуждым партийным прессом Баврин согласился стать соучастником готовящейся расправы.

Как бы там ни было, но теперь я лишился того единственного защитника, на которого мог рассчитывать. Именно он вдруг стал главным обвинителем, с мнением которого должны были считаться не только члены Комитета, которым предстояло принимать решение, но и любые вышестоящие органы, к которым можно было обратиться с апелляцией.

Был ли смысл что-нибудь доказывать и объяснять теперь? Тем более, что на это давалось только десять минут, и только для того, чтобы признать свою вину. Здравый смысл подсказывал, что моё выступление в сложившейся обстановке могло принести мне только вред. И всё же какая-то внутренняя сила толкнула меня на отчаянный шаг, и я направился к трибуне.

Все доводы и оправдательные документы, которые я заранее готовился использовать в своём объяснении, мне уже не могли понадобиться. Их теперь не стали бы слушать. Да и времени на то не давалось.

Но и признавать свою вину, чего ждал от меня в последнем слове Лагир, не позволяла совесть. Я сказал, что отчётливо понимаю, что моё десятиминутное выступление никакого значения для принятия решения не имеет, особенно после того, что министр “Мясомолпрома” Баврин, под влиянием какой-то таинственной силы отказался от решения возглавляемой им коллегии, и изменил собственное мнение. Своё отношение к выводам ревизоров я не счёл нужным менять, признав их необоснованными и тенденциозными. Обвинения в приписках и очковитательстве я отклонил и адресовал всех, кто действительно был заинтересован в объективном рассмотрении дела, обратиться к нашим объяснениям и приобщённым к ним разъяснениям “Минмясомолпрома”, ЦСУ СССР и других компетентных организаций.

В заключение высказал сожаление, что действиями ревизоров нанесен непоправимый ущерб трудовому коллективу Могилёвского мясокомбината, заслуженные производственные достижения которого неоправданно опорочены.

Лагир неоднократно прерывал моё выступление. При этом он ни разу правильно не назвал мою фамилию. То он произносил Гомельфан, то Гительман, то ещё как-то по другому (не думаю, что он не мог её запомнить). Лицо его было багровым от злости. Он требовал прекратить демагогию, а когда истёк регламент, предложил ужесточить проект постановления. По его настоянию было решено передать материал следственным органам для привлечения меня к уголовной ответственности, а постановление Комитета опубликовать в печати.

Из постановления была исключена просьба к Бюро ЦК КПБ о рассмотрении вопроса об ответственности Баврина за злоупотребления, допущенные на Могилёвском мясокомбинате, и необъективную оценку деятельности этого предприятия.

С этими поправками решение КНК БССР было принято единогласно.

119

В ожидании приказа об увольнении я продолжал работать. Дни тянулись мучительно долго. Внешне вроде всё было по-прежнему. Рабочий день начинался, как и прежде, с пяти часов утра, когда я просматривал почту. На комбинат являлся, как и раньше, в семь, когда производился утренний обход производства и определялся перечень неотложных дел. Трудовые будни с множеством производственных, технических и коммерческих проблем отвлекали от тяжёлых мыслей о предстоящем следствии.

В отношениях с подчинёнными как будто тоже ничего не изменилось. Я даже заметил, что мои заместители, руководители производственных и вспомогательных цехов и участков, начальники отделов и служб теперь старались более чётко выполнять мои поручения и стали усерднее работать. Может быть таким образом они стремились проявить своё участие к происшедшей трагедии.

Даже мои открытые враги, которые ещё недавно услужливо снабжали ревизоров компроматом и строчили анонимные жалобы в различные инстанции, теперь вроде чего-то испугались, притаились и больше не проявляли никаких признаков недовольства. Процкий, Аверьянова и их немногочисленные пособники

избегали встреч со мной и под любыми предлогами уклонялись от участия в разного рода совещаниях и собраниях, которые, по-прежнему, регулярно проводились на комбинате.

Не умолкали директорские телефоны. Звонили из министерства, местных советских и партийных органов. Складывалось впечатление, что начальство делает вид, как будто ничего особенного не произошло. Мне даже казалось, что мои просьбы и предложения теперь воспринимаются лучше и решаются быстрее, чем раньше.

Я принимал это, как выражение сочувствия и поддержки. В определённой мере такое отношение коллектива, работников министерства и местных органов власти облегчало страдания и притупляло обиду. Временами я даже забывал о случившемся и замышлял новые начинания и инициативы.

На начало июня было назначено отчётно-выборное партийное собрание. Коммунисты подвергли острой критике секретаря парткома Процкого, обвинив его в склоках и нечестности. Выступали не только “штатные” ораторы, как бывало раньше, а и рядовые работники, которые обычно отсиживались в задних рядах, проявляя полное безразличие к обсуждению партийной тематики. Всё своё недовольство решениями КНК они обрушили на парторга, обзывая его лгуном, кляузником и предателем интересов коллектива. Особенно резкими были выступления рабочих и мастеров. Они требовали выдворения склочника из состава парткома.

Даже немногочисленные единомышленники парторга, являвшиеся соавторами многих анонимных жалоб, не осмелились выступить в его защиту. Не решился на это и присутствовавший на собрании секретарь горкома Козлов. Кандидатура Процкого была исключена из списков для тайного голосования. Секретарём парткома была избрана Ольга Михайловна Крюковская, которая многие годы работала секретарём партийной организации комбината.

Многочисленные письма рабочих и служащих в партийные органы республики и страны с требованиями отмены несправедливого решения КНК вызвали гнев и возмущение Лагира, не привыкшего к такой реакции на его действия. Он потребовал от Баврина созыва расширенной коллегии министерства с участием директоров и главных бухгалтеров всех предприятий отрасли для одобрения решения о моём освобождении.

Коллегия была назначена на 8-е июня. В её работе участвовал Бусько и другие руководители КНК республики. В своём докладе Баврин признал решение Комитета народного контроля обоснованным и призвал членов коллегии и руководителей предприятий одобрить его. Он посоветовал и мне признать допущенные нарушения.

Ожидалось, что на призыв министра последуют голоса одобрения работников министерства и наиболее послушных директоров предприятий. Каково же было удивление Баврина и руководства КНК, когда с трибуны понеслись обвинения в адрес руководства министерства за беспринципность и соглашательство с необъективными выводами ревизии и несправедливым решением КНК. Об этом говорили не только директора предприятий, но и руководители отделов министерства.

Особенно резкими были выступления начальника Управления поставок продукции Гончарука и главного бухгалтера министерства Нейфаха, которые подтвердили правомерность операций по закладке продукции на ответственное хранение и включения её стоимости в объём реализации на всех предприятиях Минмясомолпрома республики, чем по существу опровергли главные обвинения в приписках.

Главный ветврач министерства Жиц признал надуманными обвинения в сокрытии рекламаций, а начальники отделов Якименко, Дорофеев и Берман опровергали обвинения в очковтирательстве и обмане государства.

Несмотря на резкое выступление начальника отдела пищевой промышленности КНК Бусько, вернуть ход обсуждения вопроса о приписках и злоупотреблениях на Могилёвском мясокомбинате в Лагировское русло не удалось. Даже заместители министра либо отмолчались, либо говорили об имевших место отдельных недостатках и ошибках, допущенных руководством комбината.

Позже стало известно, что все члены коллегии и руководители отделов министерства, выступившие в нашу защиту, получили дисциплинарные взыскания, а некоторые даже были освобождены от занимаемых должностей.

Согласно действовавшего положения, решения органов Народного контроля должны были обсуждаться в трудовых коллективах. Следовало разъяснить работникам предприятия важность принятого постановления и разработать меры по исключению возможности повторения допущенных нарушений.

Обычно это сводилось к пустой формальности. Решения одобрялись и разрабатывались мероприятия по недопущению подобных недостатков.

Зная настроение коллектива, Лагир направил на комбинат группу своих инспекторов во главе с Бусько и потребовал от Баврина принять личное участие в собрании по разъяснению решения КНК республики.

Они прибыли утром и в течении всего дня готовились к собранию. Велись переговоры с обкомом и горкомом партии, определялся порядок ведения и очерёдность выступлений, редактировали проект постановления. Больше всех старался инспектор Пинчук. Он раньше работал ревизором в “Минмясомолпроме”, часто бывал на комбинате и знал многих специалистов и рабочих. Желая выслужиться перед своим начальством и показать свои знания особенностей мясного производства, он подыскивал желающих выступить на собрании, помогал им готовить тезисы их речей, снабжал цифрами и фактами из материалов ревизии.

Когда закончилась дневная смена, просторный зал клуба был заполнен до предела. Впервые за многие годы собрание трудового коллектива открыл не председатель профкома, секретарь парторганизации или директор, а министр. Он пригласил на сцену работников КНК, заведующую отделом пищевой промышленности обкома партии Лукшу (секретари обкома и горкома партии, которые раньше охотно посещали наши собрания, на сей раз отказались участвовать в нём), секретаря парткома Крюковскую, председателя профкома Крючкову и главного инженера Королёва.

Основным докладчиком был Бусько. Он не отрывал глаз от заготовленного текста, но на сей раз его голос звучал мягче, чем на заседании Комитета или коллегии министерства. Многие резкие выражения, которыми было насыщено постановление КНК были заменены более обтекаемыми, благозвучными формулировками, не было угроз об уголовной ответственности. Он даже вскользь коснулся моих заслуг, как руководителя, специалиста, изобретателя, но вместе с тем настойчиво убеждал, что приписки имели место, что выплатой незаконных премий государству нанесен большой ущерб, за это директор и должен понести ответственность.

За ним выступил Баврин. Его выступление было мало убедительным и во многом нелогичным. С одной стороны он не отрицал заслуги коллектива в росте объёмов производства, повышении экономической эффективности, техническом перевооружении и признал, что комбинат долгое время занимал ведущее место в республике и Союзе. Но в то же время соглашался с выводами КНК о незаслуженной оценке результатов работы предприятия. Он говорил, что считал директора грамотным, разумным и честным руководителем, и вместе с тем обвинял руководство в обмане государства и очковтирательстве. Решение Комитета народного контроля министр признал суровым, но справедливым.

Выступление Баврина вызвало гул недовольства. Посыпались вопросы:

-Были ли установлены злоупотребления лично со стороны директора?

-Почему один директор понёс такую суровую ответственность?

-Где все эти годы было министерство?

-В чём конкретно директор обманывал государство?

-Читал ли Машеров жалобы руководства на решение КНК и наши коллективные письма?

Баврин вынужден был признать, что личных злоупотреблений директора не установлено, что он не отрицает вины министерства, что Машеров жалоб не читал, но они были рассмотрены в отделе пищевой промышленности ЦК с его участием, где было решено оставить решение КНК в силе.

Шум в зале нарастал. Были слышны возгласы: “Это несправедливо!”. “Мы будем жаловаться!”. Многие просили слова.

Заготовленный сценарий собрания срывался. Министр попытался успокоить зал, требуя соблюдать порядок, но это ему не удавалось. Пришлось выпустить на сцену незапланированных ораторов.

Я сидел в конце зала и удивлялся логичности спонтанных выступлений рабочих и мастеров, инженеров и ветврачей. Большинство из них обычно отказывались выходить на трибуну, ссылаясь на отсутствие ораторских способностей. Когда же такое случалось, то у них всегда были заранее подготовленные тексты речей, от которых они не отрывали глаз. Здесь же, они безо всяких шпаргалок, фактами и цифрами так донимали министра, что ему пришлось вертеться в своём кресле, как карасю на сковородке.

Сохранилась стенограмма этого памятного собрания и я позволю себе привести несколько выдержек из прозвучавших на нём выступлений.

Мастер птицеведа Антонина Павловна Пинязик: “Сегодня судят не одного директора. Это суд над каждым из нас, над трудовым коллективом. Нас обвиняют в том, что награды и знамёна мы получали не за трудовые заслуги, а путём махинаций и очковтирательства. Это неправда. Я пришла на комбинат в том же году, что и наш директор, работаю уже двадцать лет. Пришла подростком после школы. Здесь меня научили

работать и заставили учиться. Я закончила институт и стала руководителем птицецефа, который был лучшим в отрасли. Когда “горел” план и директор просил о помощи, я, как и другие инженеры, выходила на вторую смену и работала на конвейере не хуже, чем опытные рабочие. Не приписками обеспечивалось выполнение планов, достигались приросты и самая высокая в мясной промышленности производительность труда. Такого трудового энтузиазма не было на других предприятиях министерства. Так было не в отдельные дни, месяцы или кварталы. Так было всегда. За это, а не за очковтирательство присуждались премии, знамёна и другие награды. На комбинате меня научили не только работать, но и петь, играть, танцевать. Когда директор призвал молодёжь в самодеятельность, я, как и многие другие, после смены часами репетировала, и самодеятельность комбината была лучшей в республике. Так было и в спорте, и в техническом творчестве, и во многом другом. Может и здесь были приписки? Всё, что мы имеем, мы заслужили напряжённым и честным трудом, а приписки придумали контролёры и ревизоры из злобы, зависти или по другим соображениям, о которых мы можем только догадываться. Одним из основных обвинений, которое предъявлено директору, является сокрытие рекламаций. Большинство из них относятся к работе нашего цеха и касаются состава пера, отгуженного нами Гомельскому заводу химизделий. Там нашли в нём больше подкрылка, что отразилось на разнице в цене. Никаких рекламаций нам за это не предъявляли и штрафные санкции с нас не взыскивали. Перо было качественным и такие случаи никто никогда не считал рекламациями на качество продукции, в отчётах не отражал и отражать не будет. Мы объясняли это ревизорам, ознакомили их с инструкцией, дали почитать разъяснения ЦСУ СССР о порядке отражения рекламаций в статотчётности, но они отказывались нас понимать. Этому мы теперь уже не удивляемся, но как такие простые и понятные вещи перестали понимать Вы, Виталий Иванович, наш родной министр, нашему восприятию недоступно. Надуманными являются и другие обвинения, что послужили основанием для расправы с уважаемым и заслуженным человеком.”

Мастер цеха техфабрикатов Анатолий Леонтьевич Цыркунов: “За тридцать лет моей работы на комбинате сменилось восемь директоров, в том числе за первые десять лет - шесть. В те годы комбинат был самым отстающим в республике. Не выполнялись планы, допускалась порча продукции, были миллионные убытки. Двадцать лет подряд, из года в год росли выпуск продукции и прибыль, улучшались условия труда и повышалась зарплата рабочих, строились новые цехи и объекты соцкультбыта. Работать приходилось с предельным напряжением, но никто никогда не жаловался. Только с приходом бывшего парторга Процкого начались склоки, пошли анонимные письма и жалобы, которые стали причиной непрерывных проверок, ревизий и стали основанием несправедливого и необоснованного решения КНК. Подобные решения наносят большой ущерб государству. Они подрывают у людей веру в правду и в принципы нашей конституции. Незаслуженно опорочен не только директор, но и весь коллектив. Директора обвиняют в умышленных махинациях с целью наживы. Это неправда. Никто не установил умысла и не доказал наживы. Уверен, что не было и самих махинаций. Я внимательно читал акт ревизии и решение КНК и не нашёл тому доказательств. Я знаю Гимельфарба двадцать лет. Мы не только вместе работали, но и рядом жили. Я поражаюсь откуда у него, инвалида Отечественной войны, берутся силы. На работу приходил раньше нас и уходил позже, унося домой толстую папку почты, наши заявления и докладные. Когда мне приходилось работать в выходные дни, я всегда заставлял его на комбинате. Не помню был ли он когда-нибудь на бюллетене по болезни за все эти годы. Он жил очень скромно и мы не видели следов наживы. Мы просим Вас, Виталий Иванович, привести нам конкретные примеры непорядочности, очковтирательства и обмана государства, о чём говорится в Постановлении КНК. Меня удивляет Ваше безразличие к судьбе коллектива. Около года шли проверки и ревизии, а Вы были в стороне и не вмешивались. Могли и народные контролёры с народом поговорить перед тем, как принимать такое решение. Много сделано нами за четыре пятилетки, но ещё больше намеревались сделать в ближайшие годы. Наконец, дошла очередь и до нашего цеха. Есть уже проекты и хорошие задумки у директора. Дайте нам возможность их осуществить. Нас учат, что наказание носит воспитательный характер и должно приносить пользу обществу. Несправедливые, незаслуженные наказания наносят только вред. Одумайтесь и отмените неразумный безжалостный приговор.”

Инженер по технической информации Нина Петровна Апенько: “Не понимаю, Виталий Иванович, как могли Вы поверить в надуманные обвинения контролёров и ревизоров. Случилась ужасная ошибка, допущенная либо по незнанию дела, либо с определённой целью. Я тоже пришла сюда со школы. За двадцать лет я многому научилась. Стала инженером и возглавляла многие производственные участки. Такой путь прошли многие на нашем предприятии, включая главного инженера, заместителей директора и главных специалистов. При мне на комбинате произошли перемены, которые можно было себе представить разве только во сне. Ни на одном предприятии отрасли не разработано и не внедрено столько изобретений и

рационализаторских предложений. Комбинат по техническому творчеству, как и по производственным показателям, является лучшим в отрасли. Приписками и очковитательством авторские свидетельства и зарубежные патенты получить невозможно. Своим энтузиазмом директор вдохновлял нас на труд и на подвиги. Мы не только шли за ним на конвейер переработки скота в ночные смены, но включались и в творческий поиск, становились новаторами и рационализаторами. У нас каждый шестой работник участвует в техническом творчестве, а нашему директору присвоено почётное звание “Заслуженный изобретатель БССР”. Подобных примеров в республике больше нет. Такие результаты достигаются только трудом и умом. Ни анонимщики, ни инспекторы-контролёры, ни беспринципные руководители министерства не в состоянии очернить такую работу. Одной из причин случившегося стала зависть. Завидовали коллеги-директора, подчинённые и заместители, работники министерства. Они могут позавидовать ему и сегодня в его беде, ибо кто из них может рассчитывать на такую широкую и искреннюю поддержку коллектива, если их постигнет подобное несчастье. У вас нет доказательств нечестности нашего директора. Мы верим ему и никогда не согласимся с несправедливым решением.”

К трибуне один за другим выходили руководители цехов и служб комбината, ветврачи, инженерно-технические работники. Все они требовали отмены необоснованного решения и упрекали министра в беспринципности и непоследовательности. Каждое выступление сопровождалось аплодисментами и возгласами одобрения. Ни один из подготовленных заранее ораторов не осмелился попросить слова, а желающих выступить рабочих и служащих не было конца.

Стремясь как-то изменить обстановку, Баврин предоставил слово заведующей отделом пищевой промышленности обкома партии Лукше. Она сказала, что на собрании мало самокритики, но признала, что обком считает меня честным, скромным и трудолюбивым человеком и заверила, что мне будет предложена другая работа с учётом знаний и способностей. Обещала принять меры для выявления анонимщиков. По её мнению коллектив работал очень хорошо, но ошибки в работе были и нужно выразить благодарность Комитету народного контроля, что он вскрыл недостатки, которые нужно устранять.

Из зала слышны были возгласы недовольства и требования предоставить всем желающим возможность выступить. Министр всё больше терял выдержку и терпение, повышал голос, стучал по столу, но успокоить зал не мог. Когда он предложил прекратить прения, большая половина присутствовавших демонстративно покинули клуб.

В полупустом зале прозвучали заключительные слова Баврина:

-Сколько бы вы здесь не шумели, мы своего решения не изменим. Я доложу ЦК КПБ о ваших просьбах, но заверяю вас, что решение Комитета народного контроля останется в силе.

120

Как-то рано утром, в начале июля, когда жена ещё спала, а я собирался на работу, раздался стук в дверь нашей квартиры. Это было в начале седьмого. Так рано к нам обычно никто не приходил и мы, естественно, встревожились. На пороге стоял подполковник в милицейской форме и двое незнакомых мужчин в гражданской одежде. Нам было объявлено о предстоящем обыске.

Подполковник представился заместителем начальника отдела по борьбе с хищениями социальности МВД БССР и потребовал выложить на стол деньги, сберегательные книжки и драгоценности. Жена вынула из шкафа оставшуюся от зарплаты наличность и две сберкнижки: одну на моё имя, на сумму две тысячи семьсот рублей (на неё перечислялось авторское вознаграждение от внедрения моих изобретений); другую - на её имя, на сумму две тысячи триста рублей, которой мы постоянно пользовались, и сухо произнесла:

-Драгоценности на мне.

Страж социальности посмотрел на неё с недоверием и строго предупредил об ответственности за сокрытие денег и ценностей.

Начался обыск. Тщательно осмотрели содержимое всех полок шкафов, ящиков столов, антресоли, вывернули карманы пальто и костюмов, ощупали все закоулки в комнатах, кухне и туалете и, когда ничего особенного не обнаружили, потребовали сопроводить их в гараж. Там осмотр производился с особой тщательностью. Опустошили все ящики и бочки в погребе, перебрали коробки с запчастями, проверили содержимое багажника автомобиля (у меня был “Москвич” с ручным управлением, который мне выдали в отделе социального обеспечения, как инвалиду Отечественной войны), обследовали стены, потолок и пол, и, не обнаружив и здесь драгоценностей, возвратились в квартиру для оформления документов о проведенном обыске.

Когда мне вручали постановление об изъятии сберкнижек, раздался телефонный звонок. Трубку поднял подполковник и по тону его разговора было ясно, что говорит он с каким-то большим начальником. Вместо ответов на вопросы он повторял неоднократно: “Есть!”, “Слушаюсь”, “Доложу лично через полчаса”.

Строгого и грозного милицейского начальника как будто подменили. Он стал предельно вежливым, неоднократно спрашивал нет ли у нас обид и извинялся за причинённое беспокойство.

Нам вручили копию акта о проведенном обыске и незваные гости удалились.

Мы ещё долго не могли прийти в себя, оставшись одни в заваленной вещами квартире. Когда я всё же собрался уходить на работу, позвонил Прищепчик и сообщил, что подполковник извинился за допущенное нарушение моей депутатской неприкосновенности, производство обыска без ведома и согласия исполкома и обкома партии.

Легче от этого не стало. Больше того, я понял, что республиканские силовые структуры не посчитаются с формальностями в поиске доказательств моей вины. Началось следствие и нужно было готовиться к худшему.

121

Прошло ещё несколько недель, а приказа о моём освобождении всё не было. За это время Баврин ни разу не позвонил мне, а его заместители Гончаров и Цыбулько советовали не торопиться, так как все ждут возвращения Машерова, который в это время находился на Кубе во главе партийно-правительственной делегации СССР на праздновании юбилея Кубинской революции. Петру Мироновичу, наверное, не плохо было на Острове Свободы и он пробыл там довольно долго.

Не торопился также с моим освобождением и Антонов. Он обратился с письмом к Машерову о пересмотре решения КНК, которое по-прежнему считал необоснованным и несправедливым. В ЦК КПБ и ЦК КПСС было направлено много коллективных писем от руководителей общественных организаций, специалистов комбината, рабочих и служащих. На них были сотни подписей. От меня это скрывалось и об их содержании я узнал уже позднее, когда шло следствие. Тогда не принято было писать коллективные жалобы, тем более на действия правоохранительных органов. Для тех, кто такие письма подписывал, это было совсем небезопасно. Наивные тогда были люди. Они ещё верили в какую-то правду и демократию.

Должен признаться, что и я тогда ещё сохранял надежду на пересмотр решения и направил полтора десятка жалоб в различные инстанции. Они были довольно пространными, со ссылками на действующие положения, инструкции и нормативные акты. Письма отправлялись заказной почтой с уведомлением о вручении адресату. Я, конечно, не думал, что Брежнев или Машеров станут читать мои письма, но надеялся, что кто-то из их помощников обратит внимание на них, даст им ход, а меня удостоят хотя бы формального ответа о направлении жалобы на рассмотрение.

Почта присылала мне уведомления о доставке писем со штампами канцелярий Президиума Верховного Совета СССР, ЦК КПСС, КНК СССР, ЦК КПБ и других важных организаций. С волнением и надеждой шёл я каждый день к почтовому ящику, но ни на одну из жалоб не получил даже формальной отписки.

Когда я по этому вопросу обратился к Прищепчику, он доверительно мне разъяснил, что обращаться в Москву в моём случае не следует. Принимать решение будет только Машеров и нужно ждать.

В середине июля меня, наконец, вызвали в ЦК КПБ, где заведующий отделом пищевой промышленности в присутствии Баврина объявил мне окончательное решение. ЦК поручило министру подобрать мне новую работу по специальности и с учётом моего опыта. Он также заверил, что не будет возражений и против моего выхода на персональную пенсию. Всё это при условии, если прекратятся жалобы на постановление КНК. Мне показали все коллективные письма и мои жалобы, которые занимали несколько полок вместительного шкафа. Партийный чиновник сухо заявил:

— Все они дальше этого шкафа не уйдут, а вам от них будет только вред.

Я дал обещание не жаловаться больше и уехал в Могилёв дожидаться приказа. Через несколько дней прибыл заместитель министра Цыбулько, который был представителем министерства по приёму и сдаче дел. Моим приемником стал Мигурский. Тот самый Юзик, которого я подобрал в Оршанском ремесленном училище, заставил учиться в средней школе и холодильном институте, провёл по всем ступенькам служебной лестницы от мастера до заместителя генерального директора, и который по “случайному” стечению обстоятельств вышел сухим из воды после всей серии ревизий и проверок, хотя выявленные “нарушения” касались в первую очередь и самым непосредственным образом круга его служебных обязанностей.

Мне показалось, что он давно ждал этого решения и был ему рад. Я подписал подготовленный комиссией акт и передал Мигурскому ключи. Избегая официальной прощальной церемонии, отказался присутствовать на собрании представления коллективу нового директора. Сухо попрощавшись с моим бывшим замом, я покидал кабинет, который на протяжении многих лет был моим вторым домом. Перед уходом с заводоуправления зашёл в комнату Трудовой славы. Здесь была портретная галерея ветеранов и лучших людей комбината, памятные награды коллектива, планшеты и макеты изобретений, перспективный план развития предприятия, где прошли лучшие годы жизни, труда и творчества, рождались и осуществлялись смелые планы и начинания. Я прощался с прошлым, зная о том, что ничего подобного уже не будет в будущем. Комок обиды подкатил к горлу, глаза застилали слёзы. С тяжёлым сердцем покидал я своё любимое детище.

122

В томительном ожидании прошло несколько недель, пока меня не пригласили в министерство для назначения на новую должность. Всё это время шли согласования о возможности предоставления мне работы в Минске. В первую очередь нужно было преодолеть возражения Лагира, который не желал этого. Как мне потом стало известно, на моём переводе в столицу настоял секретарь ЦК Смирнов, который считал расправу со мной несправедливой.

Из-за боязни недовольства Машерова, Баврин не решился предоставить мне работу в аппарате Министерства и назначил заведующим отделом внедрения законченных научных работ и изобретений Проектно-конструкторского бюро “Минмясомолпрома” БССР. Такой отдел был недавно образован специально для моего трудоустройства. Мне установили скромный оклад и отвели небольшое помещение в старом здании бывшего “Белглавмясо”.

Было очевидно, что ни руководство министерства, ни директор ПКБ Емельянов, который хорошо знал меня ещё по совместной учёбе в институте, не ждали никаких чудес от вновь созданного отдела. В моём назначении они видели только задачу моего трудоустройства на какое-то время, пока утихнут страсти с нашумевшим на всю республику “делом о приписках”.

Работа поначалу складывалась очень трудно. Всё пришлось начинать с нуля. Нужно было укомплектовать штаты отдела двумя десятками специалистов с высшим образованием, создать им необходимые условия, разработать текущие и перспективные тематические планы, заключить договора с ведущими научно-исследовательскими и конструкторскими учреждениями отрасли, определить базовые предприятия для внедрения законченных разработок.

Это была по существу новая работа, которой до сих пор никто серьёзно не занимался. Научно-исследовательские и учебные институты навязывали предприятиям и министерству свои разработки, но от них все отбивались, как от ненужной обузы. Главной заботой было выполнение производственных планов. Это обеспечивало зарплату и премии. В ПКБ был отдел механизации и новой техники, которому, в виде дополнительной нагрузки, поручили связи с научными учреждениями и организациями. Заведующей этим отделом была Александра Дорошкевич. Это была ещё довольно молодая и интересная женщина небольшого роста, и все её звали Шурочкой. Она доводила задания по механизации трудоёмких работ, готовила отчёты о их выполнении, сочиняла статьи в отраслевые журналы о достигнутых успехах и ей не было особого интереса обременять себя непростой работой по внедрению научных разработок.

Что-то заполучить от Шурочки мне не удалось и рассчитывать на её помощь не было смысла. Более того, она всячески мешала становлению отдела, считая его излишним образованием. Дорошкевич легко справлялась с возложенными обязанностями, между делом готовилась к защите диссертации, и её даже слегка похваливали. Успехи в работе нового отдела не сочетались с её интересами.

Мне удалось подобрать несколько хороших инженеров на вакантные должности, увлечь их перспективами, и дело сдвинулось с мёртвой точки. Первые месяцы пошли на отбор эффективных тем и заключение договоров об их внедрении. Предпочтение отдавалось разработкам, обеспечивающим максимальные экономические результаты, не требующим больших затрат и длительного времени на внедрение. Разработчики, как правило, обеспечивали поставку значительной части оборудования, участвовали в монтаже, наладке и внедрении.

К концу года была завершена работа по внедрению нескольких наиболее результативных тем. Мы усовершенствовали систему поощрений за внедрение научных разработок и изобретений, и отпала необходимость уговаривать руководителей предприятий заключать договора с учёными. Они сами об этом просили и жаловались, когда им в том отказывали или относили внедрение на более поздние сроки.

В эту работу охотно включились проектировщики ПКБ и пуско-наладочные организации, которые также получали материальное вознаграждение за внедрение разработок. Использование достижений науки и изобретений оказалось выгодным государству, предприятиям и работникам, принимающим в этом участие.

В конце ноября коллегия министерства заслушала мой отчёт о ходе внедрения научных работ на предприятиях республики и отметила значительные успехи в этом деле. Работа отдела оказала положительное влияние на эффективность производства, рост производительности труда и улучшение качества продукции.

Выступавшие на коллегии руководители предприятий и министерства отмечали мою роль в становлении отдела и организации его работы. Они, наверное, тогда не предполагали, что тем самым оказывают мне плохую услугу. На заседании, как обычно, присутствовали работники ЦК КПБ, Совмина и КНК БССР. От Комитета народного контроля в работе коллегии участвовал Бусько. Когда я случайно перехватил его взгляд и увидел полные гнева глаза, для меня стало ясно, что достигнутые успехи мне будут дорого стоить.

123

За прошедшие тридцать лет семейной жизни мы с Анечкой впервые так долго жили врозь. Бывали командировки на одну, две недели, случались поездки на курсы усовершенствования на месяц-полтора, но на четыре месяца подряд мы разлучались впервые. От этого страдали мы оба. Чувствовалась бытовая неустроенность, не доставало близкого друга и советника, возросли расходы на жизнь. Рассчитывать на скорое выделение квартиры в Минске из скудных фондов министерства мы не могли, а обменять наши престижные хоромы в Могилёве на небольшую двухкомнатную квартиру в Минске было не так просто. Желаящих покинуть всё хорошеющую столицу и поселиться в загазованном химическими гигантами областном центре было мало.

Семья Мишеньки жила на частной квартире, Вовочка жил с семьёй из четырех человек (с ними жила Фаина Захаровна) в двух небольших комнатах далеко от центра, а Верочка с Жорой и Наташкой имели однокомнатную квартиру, которую ей уступили мальчики в районе автозавода.

Мне оставалось выбирать между частным углом или комнатой и Верочкиной кухней. И я предпочёл кухню. Там мне стелили на ночь раскладушку, и там я, после ужина, рассматривал почту и готовил служебные документы к следующему рабочему дню. Их теперь было поменьше, чем на комбинате, но работы и сейчас хватало.

Верочка и Жора изо всех сил старались создать мне минимальные удобства и оказывали много внимания, но я понимал, что создаю проблемы молодой семье и нужно скорее решать вопрос с жильём. Было, правда, одно преимущество в моём проживании у доченьки, которое я высоко ценил. Я мог ежедневно общаться с дорогими моему сердцу людьми и делить с ними свои радости (их было немного) и печали, которых было побольше. Много удовольствия доставляла Наташка, которой уже исполнилось три годика. Она была очень милой и забавной девочкой.

На работу и с работы добирался городским транспортом, и хоть здесь он работал намного лучше чем в Могилёве, это доставляло мало радости. В часы “пик” приходилось нелегко, и нередко толпа “вносила” меня в автобус и “выносила” оттуда без моего участия.

И всё же мне нравился Минск. Он хорошел с каждым днём. Строились новые микрорайоны, благоустраивался центр, появлялись скверы, парки, стадионы. В магазинах было много продуктов, одежды, обуви и не было таких очередей, как в Могилёве и в других городах Белоруссии. Везде был порядок и чистота.

По душе была работа. Я понял, что и здесь можно найти место моим знаниям и опыту. Приходилось часто бывать в командировках в Москве, Ленинграде и городах республики. Везде я встречал доброе и уважительное отношение. Вопросы решались легко и быстро. Всё чаще приходил успех внедрения в производство интересных разработок. Внедрялись и собственные изобретения. Большой интерес к их использованию проявляли проектные институты нашей и смежных отраслей. Московский институт по проектированию предприятий кожевенной промышленности применил в проекте кожзавода, строящегося в Монгольской народной республике, “Способ и устройство для очистки тузлучных растворов”. Минский проектный институт “Типромясомолпром”, директором которого работал бывший министр мясной и молочной промышленности Яковлев, использовал в проектах нескольких предприятий республики поточно-механизированные линии обработки шкур. Десятки предприятий страны смонтировали серийно выпускаемый “Агрегат для обработки субпродуктов” и “Установку для регенерации и очистки солевых растворов”.

Моя должность заставляла много читать и быть в курсе всего нового в области техники и технологии мясной и молочной промышленности. Эти знания я теперь использовал не только в работе, но и на лекциях, которые читал на постоянно-действующих курсах повышения квалификации руководителей и специалистов отрасли.

И всё же, конечно, мою новую работу нельзя было сравнить с прежней. Не было той свободы в решении вопросов и тех возможностей. Я во всём был зависим от руководства ПКБ, министерства, руководителей предприятий. А главное - чувствовал себя униженным и оскорблённым.

Но выбора не было, и я был готов смириться со своим положением, если бы с этим смирились мои недруги. Лагир, наверное, считал недостаточным понесенное мною наказание. Особенно злили его мои успехи на новой работе. После последней коллегии я почувствовал, что в покое он меня не оставит. Буквально на следующий день после моего отчёта об итогах работы за квартал, позвонил следователь республиканского МВД и предложил мне явиться на допрос.

Из телефонного разговора с Анечкой я узнал, что в Могилёве полным ходом велось следствие по фактам моих злоупотреблений служебным положением. Несколько раз вызывали шофёра легковой машины Николая. От него требовали факты вывоза деликатесов, участия в пьянках, получения мною подарков. Мастера участка подготовки продукции к реализации Белочкина несколько дней держали в камере предварительного заключения, требуя сведений о вывозе продукции по “спецзаказам”. Допрашивали нескольких директоров совхозов и председателей колхозов с целью получения сведений о моём недостойном поведении во время пребывания в командировках в районах области.

Хуже всех вёл себя Мигурский. Он подсказал следователю факты оплаты предприятием личных телефонных разговоров с моего квартирного телефона. По его указанию бухгалтерия подготовила справку из которой следовало, что за несколько лет телефонно-телеграфной станции было перечисленно более тысячи рублей.

По его инициативе возбудили дело о хищении картины из Комнаты трудовой славы, в чём подозревалась моя жена. По этому поводу допрашивались работники технического и других отделов, расположенных рядом с этим помещением.

По этим и многим другим вопросам я подвергся допросу в МВД БССР. Дело моё было поручено тому же подполковнику, который производил обыск в нашей квартире. Должен сказать, что со следователем мне повезло. Ни на первом допросе, ни на многих последующих он ни разу не повысил голос, не нагрубил и не оскорблял меня. К тому времени я уже представлял себе, как обычно добываются признания вины в органах МВД, КГБ, прокуратуре и был готов к худшему. Не знаю, что повлияло на подполковника, то ли результаты обыска, то ли разговор с Прищепчиком, то ли я на самом деле был мало похож на преступника, но вёл он себя со мной в высшей степени корректно.

Как мне показалось, уже на первом допросе мне удалось убедить следователя в необоснованности подозрений в моей личной непорядочности и нечестности. Даже справка Мигурского о злоупотреблении с оплатой телефонных разговоров не помешала этому. Вместо объяснения по приведенным там “фактам”, я попросил запросить телефонную станцию номера телефонов, которые подтвердили, что это были служебные разговоры в нерабочее время и в выходные дни.

Повезло мне и на свидетелей, у которых вымогали сведения о моих злоупотреблениях. Подавляющее большинство из них оказались порядочными людьми и не поддались угрозам следователей. К ним следует отнести не только моих подчинённых, но и многих руководителей, в том числе и высокого ранга. Поведение некоторые из них иначе как подвигом назвать нельзя.

Мастер Белочкин после допросов и пребывания в камере предварительного заключения страдал серьёзным душевным расстройством и даже покушался на свою жизнь. Моему водителю Николаю обещали большие блага в обмен на “факты” злоупотреблений бывшего директора-еврея. Такие приёмы следствия нередко вынуждали свидетелей давать нужные “органам” показания. В моём же случае, к счастью, такая тактика успеха не имела.

Однако для полного успокоения оснований не было. Я не сомневался в том, что спокойной жизни в Минске мне не будет. Об этом меня по-дружески предупредил начальник управления поставок министерства Гончарук, который был в хороших отношениях с Бусько. От него он узнал, что против меня готовится новый удар.

Это случилось шестого декабря 1978-го года (в день моего рождения). В этот день состоялся пленум ЦК КПБ, на котором, как обычно, делал доклад Машеров. Значительную часть своего выступления Первый

секретарь уделил припискам и очковтирательству, которые в то время нашли широкое распространение в республике. Посредством искажения отчётных данных руководители многих предприятий, колхозов и совхозов, а нередко и целые отрасли народного хозяйства, создавали видимость выполнения планов, получали награды и премии.

С подачи Лагира, в качестве примера был приведен Могилёвский мясокомбинат, директор которого незаслуженно получил материальное вознаграждение в сумме 1711 рублей, а всего в виде премий работникам комбината было, якобы, незаконно выплачено 140 тысяч рублей.

Машеров подверг резкой критике министра Баврина, проявившего непростительную беспринципность, в результате которой конъюнктурщик и ловкач Гимельфарб вскоре, после снятия его с должности директора, оказался в Минске и был устроен на ответственную работу в аппарат министерства.

У меня сохранились республиканские газеты тех дней, и эпитеты, которыми меня наделил руководитель Компартии Белоруссии здесь приведены дословно в их первоизданном виде.

Когда с критикой любого руководителя выступал Первый секретарь ЦК, не принято было оправдываться и пытаться что-то доказывать. Любые обвинения, в том числе и надуманные, следовало только признавать, а оскорбления молча сносить. Так в этом случае поступил и Баврин. Ещё накануне Пленума, узнав от Лагира о предстоящем выступлении Машерова, министр предложил директору ПКБ Емельянову немедленно меня уволить под любым предлогом.

4-го декабря, за два дня до Пленума, Иван Леонтьевич, мой добрый старый приятель, пригласил меня на доверительный мужской разговор, откровенно изложил суть дела и предложил самому подобрать более приемлемую формулировку увольнения. Только в этом он мог предоставить мне выбор.

Конечно, по всем писанным законам, в том числе и действовавшему КЗОТу (кодекс законов о труде) я мог отстаивать своё право на труд. Не было никаких юридических оснований для моего увольнения, но что значили законы против диктата партийных вождей? Сопротивляться их произволу было бесполезно и я понял, что пришла пора прощаться и с полюбившейся работой, и с Минском.

Вспомнив неоднократные предложения Прищепчика о трудоустройстве в Могилёве, я прямо из кабинета Емельянова набрал приёмную обкома и попросил соединить меня с Первым секретарём. Виталию Викторовичу уже было известно содержание доклада Машерова на предстоящем Пленуме и он предложил мне должность заместителя директора недавно созданного в Могилёве отраслевого Проектно-Конструкторского технологического института механизации и автоматизации предприятий легкой промышленности. Он и раньше предлагал мне эту должность, но я не решался уходить из мясной промышленности, где проработал более тридцати лет. Сейчас выбора не было. Я поблагодарил Прищепчика и принял его предложение.

В тот же день я получил трудовую книжку с записью: “Уволен в связи с переводом в Могилёвский институт ПКТИАМ”, попрощался с Емельяновым и на попутной машине возвратился домой.

Доклад Машерова я прослушал по радиоприёмнику в своей могилёвской квартире в день своего пятидесятичетырёхлетия. Такой праздничный подарок преподнёс мне Первый секретарь ЦК.

125

Институт ПКТИАМ размещался в новом многоэтажном здании, недавно построенном в самом центре города, рядом с нашим домом. Решение о создании крупного проектно-конструкторского учреждения легкой промышленности в Могилёве было продиктовано строительством самого большого в стране комбината синтетических волокон “Лавсан”, расширением и реконструкцией ряда других предприятий лёгкой и текстильной промышленности.

Директором института был назначен Николай Михайлович Яковлев, который до этого работал ректором технологического института. Это был талантливый учёный и хороший организатор. Мы давно знали друг друга и я оказывал ему посильную помощь в создании учебного центра пищевой промышленности в нашем городе. Перед моим отъездом в Минск он предлагал мне стать его заместителем, но я тогда, по известным причинам, его предложение отклонил, объяснив свой отказ тем, что каждый должен заниматься своим делом.

Теперь я сам пришёл проситься на работу. Пришёл после позорного изгнания из Минска по указанию самого Машерова. Не каждый руководитель возьмёт на себя смелость взять себе в заместители человека, которого Первый секретарь ЦК обвинил в приписках и назвал конъюнктурщиком и ловкачом. Нужно отдать должное Николаю Михайловичу, у которого хватило мужества принять такое решение.

Правда, он мог рассчитывать на поддержку Прищепчика, но что значил Первый секретарь обкома по сравнению с руководителем Компартии республики? Воле и желанию Машерова в Белоруссии не мог противостоять никто.

Яковлев принял меня очень тепло, посочувствовал моей беде и успокаивал тем, что от этого никто не застрахован. Он заверил, что не сомневается в моей честности и полностью мне доверяет. Были выполнены все формальности, мне вручили ключи от служебного кабинета и на следующий день я должен был приступить к работе. В душе моей была искренняя благодарность Прищепчику и Яковлеву, оказавшими мне поддержку в этот трудный час.

Когда я, придя домой, поделился с Анечкой впечатлениями о встрече с Николаем Михайловичем, раздался звонок междугородней телефонной станции. Звонила заместитель Антонова, Коношенко. Она просила прибыть завтра в Москву для решения вопроса о назначении на новую должность. Я поблагодарил за внимание и сообщил, что с завтрашнего дня вступаю в должность заместителя директора проектно-конструкторского института "Минлепрома". Любовь Александровна предложила отложить на несколько дней окончательное решение о новой работе до встречи с Сергеем Фёдоровичем, который ждёт меня завтра, в 9 утра.

Я позвонил Яковлеву, рассказал о звонке заместителя министра и попросил отложить на пару дней начало моей работы. Вечерним поездом я выехал в Москву, а к началу рабочего дня уже сидел в приёмной Союзного министра. Антонов был очень участлив и внимателен. Он сказал, что в курсе всего, что произошло, и посоветовал срочно уехать из Белоруссии.

- Они съедят тебя там, - сказал он.

Сергей Фёдорович попросил секретаря связать его с Первым секретарём Тульского обкома партии, а сам стал рассказывать историю генерального директора объединения мясной промышленности, который был недавно освобождён с занимаемой должности Тульским областным Комитетом народного контроля за хищения собственности в крупных размерах, что на самом деле имело место.

Из тона разговора с секретарём обкома я понял, что Антонов с ним в довольно дружеских отношениях и тот охотно соглашается с предложением о моём назначении на вакантную должность. Наверное, об этом уже была предварительная договорённость.

- Мы не позволим так расправляться с нашими кадрами. Здесь Машеров не хозяин. Поезжай в Тулу, ознакомься с предприятиями и городом, посоветуйся с семьёй и принимай решение. Я обещаю, что в обиду тебя не дадим, - сказал министр.

Сергей Фёдорович тепло попрощался и попросил позвонить ему на следующей неделе.

126

Тула находится в двух часах езды от Москвы. Это большой город с населением около семисот тысяч человек. Здесь много крупных предприятий оборонного комплекса и знаменитый на всю Россию оружейный завод. За мужество и стойкость защитников города, преградивших немцам путь к Москве, Туле было присвоено звание "Город - герой".

Мясокомбинат расположен на окраине города и по мощности значительно превышает Могилёвский. "Родные запахи" я почувствовал уже за несколько автобусных остановок до него.

Когда я назвал свою фамилию главному инженеру, временно исполнявшему обязанности директора, он сказал, что наслышан обо мне и в рекомендациях не нуждается. Ему уже звонила Коношенко и он знал о целях моего визита. Мы осмотрели головное предприятие объединения, побывали на нескольких периферийных мясокомбинатах, меня ознакомили с экономическими показателями и проектами капитального строительства.

Объёмы производства впечатляли, однако показатели производительности труда, себестоимости, прибыли и качества продукции были значительно хуже, чем достигнутые в Могилёве. На более низком уровне были культура производства, техническая оснащённость, уровень механизации и автоматизации технологических процессов. В общем работы здесь предстояло много и нужно было начинать всё с начала. Немаловажное значение при решении вопроса о переезде сюда имело и расстояние до Минска, где жили дети и внуки.

С учётом всего этого я решил пока воздержаться с решением и отказался от поездки в обком для беседы о моём назначении на столь высокую должность.

- По возвращению в Могилёв я доложил о предложении Антонова Прищепчику. Виталий Викторович был искренне рад отношению ко мне Союзного министра, но уезжать из Могилёва не советовал.

-Мы Вас знаем, ценим и постараемся во всём Вам помочь, а как к Вам отнесутся на новом месте неизвестно. На это может повлиять и Лагир, который Вас и там найдёт, - резонно заметил секретарь обкома.

Он посоветовал приступать к работе в ПКТИАМе или просить у Антонова другую работу на предприятиях мясомолочной промышленности города.

Анечка и дети тоже склонялись к тому, чтобы остаться в Белоруссии. По их мнению не стоило вновь тратить силы и здоровье, чтобы затем получить благодарность подобно той, что досталась мне здесь.

Я позвонил Сергею Фёдоровичу, поблагодарил его за доверие, доброе отношение и вежливо отказался от предложенной должности.

-В таком случае мы предоставим вам работу в Могилёве, а уходить из отрасли вам ни в коем случае не следует, - заявил Антонов.

Он предложил на выбор две должности: директора желатинового завода и начальника проектно-конструкторского бюро "Союзклежелатинпром". Мне не хотелось возвращаться на хозяйственную работу и я, не раздумывая, согласился на второе предложение.

О своём решении я сообщил Яковлеву, который выразил сожаление, но воспринял мои объяснения с пониманием.

На следующий день состоялась беседа с начальником "Союзклежелатинпром" Комлевым, который в это время находился в командировке на Могилёвском желатиновом заводе. Ему министр поручил решить все вопросы, связанные с организацией ПКБ и моим назначением.

Александр Павлович много лет проработал в мясной промышленности, был в своё время директором крупного Курганского мясокомбината и хорошо меня знал. Он рад был моему согласию поработать в его ведомстве и заверил, что мне будут созданы все условия для плодотворной работы.

Клежелатиновая промышленность имела большую потребность в проектной и конструкторской документации. Небольшие ПКБ в Болохово, Тульской области и Олайне, Латвийской ССР не в состоянии были удовлетворить спрос многочисленных клеевых и желатиновых заводов, разбросанных по всей стране. Особую нужду в технической документации имели строящиеся заводы по производству колбасной оболочки "Белкозин". Это были крупные предприятия, на которых внедрялась новая технология и импортное оборудование.

Для размещения ПКБ Комлев выделил двухэтажное здание бывшего заводууправления клеевого завода, необходимое оборудование, инвентарь и мебель. Мне было разрешено набрать достаточное количество проектировщиков, конструкторов, технического персонала. Начальник Главка предложил желатиновому заводу передать в моё распоряжение новый автомобиль "Москвич" и ввёл в штат должность шофёра.

Мне были созданы все условия для успешной работы. Нужно было, правда, и самому руки приложить для организации производства на пустом месте, но за этим дело не стало и с первого квартала 1979-го года Проектно-конструкторское бюро "Союзклежелатинпром" в городе Могилёве приступило к приёму заказов на разработку технической и сметной документации для предприятий мясной, молочной и клеежелатиновой промышленности.

127

Работы было много. Дело это было для меня новым. Хотя и приходилось участвовать в выборе проектных решений при расширении и строительстве мясокомбинатов в Молодечно, Гомеле и Могилёве, разрабатывать техдокументацию на реконструкцию цехов, осуществляемую собственными силами и конструкторскую документацию на наши изобретения, но руководством и организацией работы многочисленного коллектива проектировщиков и конструкторов пришлось заниматься впервые.

Нужно было подобрать необходимое количество специалистов. Если проектировщиков строителей, сантехников, электриков и сметчиков можно было найти в других проектных организациях города, то инженеров технологов мясной и клеежелатиновой промышленности, имеющих опыт проектной работы, в Могилёве найти не представлялось возможным. Эту задачу пришлось решать за счёт обучения молодых специалистов в институтах "Типромясомолпром" Москвы, Ленинграда и Минска. Благо ещё, что эти институты на это соглашались (стажёры бесплатно на них работали во время учёбы).

Как бы там ни было, но в течении нескольких месяцев удалось подобрать костяк специалистов всех специальностей, которые затем уже сами могли обучать молодых инженеров, прибывающих из институтов.

В первое время приходилось технологическую часть некоторых наиболее сложных и ответственных проектов разрабатывать в других проектных институтах, но таких случаев было немного и вскоре мы совсем отказались от подобных услуг.

Новая работа мне всё более нравилась и я получал от неё истинное удовольствие. Особую радость вызывал ввод в эксплуатацию цехов и пусковых комплексов, построенных по проектам ПКБ. Приятно было сознавать, что из наших чертежей вырастают новые производственные участки с высоким уровнем механизации и автоматизации технологических процессов, санитарно-бытовые помещения, соответствующие современным требованиям, цехи подсобного и вспомогательного производства.

Конструкторский отдел выполнил документацию на ряд опытно-конструкторских работ отраслевого значения. Работники ПКБ стали авторами собственных разработок, защищённых авторскими свидетельствами и были первыми изобретателями в клеежелатиновой промышленности.

Тематические планы и договорные обязательства выполнялись систематически, что обеспечило устойчивое финансовое положение. Была разработана система материального поощрения за своевременное и качественное выполнение работ. Зарплата специалистов ПКБ возросла и была не ниже, чем инженерно-технических работников на предприятиях отрасли.

В коллективе царил творческий подъём и уважительное отношение между работниками. Не было проблем с сохранностью соцсобственности, что отравляло обстановку на мясокомбинатах, создавало недоверие и подозрительность, рождало сплетни и склоки.

Руководители и ведущие специалисты ПКБ пользовались авторитетом на предприятиях и в Главке. Они стали членами Научно-технического Совета “Союзклейжелатинпрома” и принимали активное участие в решении важных технических и производственных вопросов.

Казалось, теперь можно было спокойно работать, набираться опыта, повышать квалификацию и пожинать плоды своего труда, но не тут-то было. Лагир не выпускал меня из под своего контроля. Мой директорский титул и успехи в работе не давали ему покоя. Требовать моего увольнения, как это было в Минске, он не мог, так как я находился в прямом подчинении союзных организаций. Тогда он настоял на предъявлении в судебном порядке иска по взысканию с меня 140 тысяч рублей, якобы незаконно выплаченных мною работникам объединения и Могилёвского мясокомбината. Тех самых премий, о которых упоминал Машеров на Пленуме ЦК КПБ.

Казалось бы, следовало подождать результатов следствия, которое проводилось МВД республики по его инициативе, и уже с учётом этого решать вопрос о размере ущерба и порядке его взыскания, но уголовное дело тянулось необычно долго и трудно было предсказать его исход. Лагир же посчитал, что после критики на Пленуме в мой адрес, не составит большого труда добиться желаемого решения суда по гражданскому иску министерства, а это, в свою очередь, оказало бы нужное воздействие на следователя и предопределило бы исход дела.

В этом, наверное, была своя логика. Любой суд в Белоруссии не мог в то время не считаться с мнением и выводами Первого секретаря ЦК и решением республиканского Комитета народного контроля.

Лагир не сомневался в удовлетворении предъявленного гражданского иска, но тем не менее настаивал на тщательной подготовке материала и надёжной его защите в суде.

128

От гонений и преследований страдал не только я. Может быть больше меня их чувствовали жена и дети. Ещё недавно редкая фамилия Гимельфарб, которая раньше была известна разве только работникам мясной промышленности и которую многие и произнести верно не могли (некоторые с умыслом), теперь не сходила с газетных полос не только в Белоруссии, но и в Союзе.

15 января 1979-го я был “удостоен” критики главной газеты страны “Правды”. Центральный печатный орган партии, которая выходила многомиллионным тиражом и из которой черпали информацию все газеты и журналы советского государства, в передовой статье воспроизвела выступление Машерова на Пленуме ЦК КПБ, снабдив его своими комментариями. Передовица заканчивалась словами: “С этим больше мириться нельзя!”

В этот день “Правда”, которой были всегда завалены полки газетных киосков и которую навязывали подписчикам, вдруг стала дефицитной в Могилёве, Минске и других городах Белоруссии. Заиметь собственный экземпляр газеты пожелали все. И друзья наши и недруги. Больше, конечно, недруги. Полные злобы и ненависти антисемиты, восприняли призыв партии покончить с жуликами и ловкачами, подобными Гимельфарбу, как воззвание к борьбе со всеми евреями, пусть даже не уличёнными в преступных грехах.

Как всегда в таких случаях, официальная газетная информация обрастала слухами, сплетнями и небылицами, которые умышленно сочинялись с целью вызвать недовольство в народе. Тогда насаждалось мнение, что в “Правде” пишут только правду. Если по следам выступлений других газет ещё можно было попытаться кому-то жаловаться, то после публикаций “Правды” об этом не следовало и думать. Это не только

не могло принести пользу, но и было чревато тяжёлыми последствиями. Если эта газета кого-то хвалила - он становился героем, а когда бичевала, то он мог стать только преступником. Авторитет газеты принуждал многих верить в невероятное. Так, в своё время поверили в “преступления” троцкистов и зиновьевцев, выдающихся военачальников Тухачевского, Якира и Блюхера, ставших “врагами народа”, или в пресловутое “Дело врачей”.

Когда можно было сослаться на “Правду”, проходила любая ложь. Вот и пошли слухи об использовании на мясокомбинате вместо мяса туалетной бумаги при изготовлении колбасы, о миллионных вкладах Гимельфарбов в Швейцарских банках и о многих других махинациях еврейских дельцов.

Я знал об этих сплетнях, и мне часто казалось, что каждый прохожий на улице только об этом и думал. Как было мне это выносить, читателю, наверное, понять не трудно, но представить себе состояние моих детей, вокруг которых не умолкала молва о родителях-жуликах и проходимцах, намного труднее. Боль и обида за поруганную честь семьи не давала им покоя, их страдания вызывали протест и потребность защитных действий. Но какими могли быть эти действия в нашей стране? Всё равно, что плевать против ветра.

Им, молодым, имевшим все основания гордиться своими родителями, было не в состоянии слушать позорные эпитеты в их адрес, видеть их униженными и оскорблёнными. Жить и работать в такой обстановке стало невозможно. Чувствуя бессилие оградить себя от стыда и позора, защитить нас от незаслуженных обид и подозрений, наши дети видели единственный выход из создавшегося положения в бегстве. Они были готовы бежать куда угодно, лишь бы вырваться из потока лжи и грязи, защитить свою честь и достоинство.

Первым с таким предложением пришел к нам Вовочка. Весной 1979-го года он заявил о желании покинуть Родину. Тогда ещё мало евреев решалось на это. Хоть официально правительство, под нажимом мирового общественного мнения, и признало их право на иммиграцию, но на самом деле мало кому удавалось такой возможностью воспользоваться. Для отказа придумывались различные причины, вроде допуска к государственным секретам или призыва в армию, и фактически уезжали единицы. Остальные становились отказниками со всеми ужасными последствиями, которые сопровождали этот статус (увольнение с работы, позорное исключение из комсомола и партии, лишение гражданских прав).

Всё это было известно сыну и тем не менее он на это решился. Его семья получила официальное приглашение от каких-то незнакомых нам ранее родственников из Израиля. Поскольку явных оснований для отказа в выезде у них не было, Вовочка рассчитывал быстро оформить документы и в течении нескольких месяцев покинуть Белоруссию. Он надеялся по израильской визе добраться до Вены, а там попытаться получить разрешение на въезд в США, где жили родственники Риты. Вовочка обещал помочь нам и семьям Мишеньки и Верочки во всём, что будет связано с нашим последующим отъездом.

Предложение было серьезным и обдуманном во всех деталях. Он хорошо представлял себе трудности, связанные с отъездом и трудоустройством в далёкой Америке, но был полон решимости их преодолеть и начать новую жизнь в чужой стране. Хоть он и поступил в аспирантуру, и был полон научных идей, Вовочка видел, что терять ему здесь нечего. Ему тогда было только тридцать, он получил хорошее образование, был наделён умом и способностями и мог рассчитывать на успех в стране, где нет дискриминации и все по-настоящему равны перед законом. Не меньше оснований на это было у Мишеньки и Верочки.

Мне трудно было дать тогда сыну однозначный ответ и я пообещал подумать над его предложением. Не одну бессонную ночь провели мы с женой в раздумьях. С одной стороны было ясно, что предложение сына вполне разумно. Годы прошедшие после окончания института показали, что ни он, ни его брат и сестра не сделали удачной карьеры на их Родине. Большинство их сокурсников уже успели высоко подняться по служебной лестнице, а они всё ещё оставались на рядовой работе и получали нищенские зарплаты, не позволявшие обеспечить сколько-нибудь сносной жизнью их семьям. Еврейское происхождение будет мешать им здесь, наверное, всю жизнь. На новом же месте оно не помешает применить свои знания и проявлять способности стать равноправными членами демократического общества. Этому было трудно противиться.

Однако, какая-то внутренняя сила восставала против такого решения. В то время я ещё не был готов даже мысленно покинуть Родину. Судьбе было угодно впахнуть мою единственную жизнь именно в этот исторический отрезок и именно в эту несчастную страну. С самого детства я засыпал под звучащие под окном советские песни, когда на парадах слышал гимн Советского Союза у меня перехватывало дыхание. Ещё будучи школьником, я поверил в идеалы, призванные обеспечить людям равенство, братство, свободу и счастье.

Человеческое сознание, наверное, устроено так, что оно отказывается поверить, что вокруг него одна ложь. Оно пытается войти в согласие с окружающей реальностью. Я рос и мужал вместе со страной, радовался её успехам в социалистическом строительстве, индустриализации, достижениям в науке, искусстве, культуре. Когда началась война и Родине угрожала опасность фашистского порабощения, я в 16 лет добровольно ушёл защищать её независимость. А как радовался Победе, не задумываясь над тем, каких чудовищных, неоправданных потерь она стоила нашему народу.

Из трёх братьев, ушедших на войну в июне-июле 1941-го, уцелел я один, выйдя из неё инвалидом. Как и многие евреи, кто воевал и чудом выжил, я получил сполна свою меру нищеты и унижений. В трудные минуты помогало мне чувство правоты, чистая совесть и сознание того, что в те годы не шкурничал, не щадил себя во имя Победы. Для меня это было тогда тем единственным, благородным и высоким, что освещало мою жизнь.

Я свято верил в идеи социализма и имел возможность убедиться в их жизненности. Находясь многие годы во главе предприятий, я, руководствуясь ими, вносил весомый вклад не только в экономику отрасли и государства, но и обеспечивал достойную жизнь подчинённым мне работникам. Достигнутые упорным трудом производственные достижения приносили радость и воодушевляли к достижению новых благородных целей.

Мне не позволяли забыть моё еврейское происхождение на протяжении всей моей жизни. Я постоянно чувствовал недоверие и подозрительность со стороны высоких руководителей, но относил это не к обществу в целом, а к отдельным личностям, что стояли у власти. Меня не покидала надежда, что когда-нибудь придут настоящие большевики-ленинцы и в стране восторжествуют коммунистические идеалы.

Даже издевательства Лагира я отождествлял больше с его личным антисемитизмом, а не с линией партии и государства, руководители которого просто не разобрались в этом чиновнике, полагаясь на его честность и порядочность.

Конечно, Лагир был не один, слишком много развелось подобных ему, и находились они часто на самом верху властных структур. Но были же рядом и такие личности, как Прищепчик и Антонов, которые ценили людей не столько по национальной принадлежности, а, главным образом, по отношению к труду, знаниям и способностям.

Гонения, преследования и незаслуженные обиды безусловно сделали своё дело. К тому времени, я уже давно не был таким убеждённым коммунистом, как раньше. Однако, я видел, что с этими идеалами жило много вполне приличных людей и вовсе не постыдно. Они не карабкались “наверх”, попирая свою совесть, а честно и по доброму, как и я работали день за днём. Это и сохраняло во мне ещё веру в пошатнувшиеся идеалы. И не было злобы на само марксистско-ленинское учение и государство, созданное на его основе. Была только ненависть к отдельным лицам, порочащим добрые принципы, заложенные в основу государственного строя и политического устройства нашей страны.

Здесь, на этой земле я родился и прожил большую часть жизни, родились и живут наши дети, в ней покоились мои родители, старшие братья, многочисленные родственники. Здесь живут люди, с которыми мы дружили. Дружили верно и поддерживали друг друга в беде и несчастьи. И не имело всё это никакого отношения к Сталину и Брежневу. Много, очень многое связывало меня с этой землей и со страной, что Родиной зовётся, и не доставало в то время сил и решимости от неё оторваться и с ней расстаться.

Пугала ещё и тревога за детей после отъезда Вовочки. Все они, безусловно, будут взяты на учёт и, наверное, потеряют работу. Как сложится их жизнь в ожидании отъезда? Сохранятся ли вообще две смешанные молодые семьи? Неизвестно было ещё как вообще отнесутся Жора и Ирочка, коренные белорусы, родившиеся и выросшие на этой земле, к потере Родины.

Трудно было предугадать, что ждёт всех нас на новом месте. О жизни в капстранах нас снабжали только отрицательной информацией. Ни мы, ни наши дети никогда там не были и не имели малейшего понятия о возможности трудоустройства, овладения языком, поиске жилья, школьном образовании в незнакомой чужой стране.

Было ещё одно немаловажное обстоятельство, с которым нельзя было не считаться. Отъезд детей мог усилить преследования и привести к моей изоляции от общества.

Мы не сказали сыну категорическое “нет”, но он понял, что мы не готовы сказать “да”. Этого было достаточно для его отказа от задуманного и тщательно подготовленного плана. Забегая вперёд, скажу, что потом мы не раз возвращались в мыслях к тому предложению Вовочки и искренне сожалели, что не поддерживали его тогда.

О желании покинуть Белоруссию заявил нам и Мишенька. Он, правда, выбрал другой маршрут, но решение его было твёрдым и окончательным. Он давно болезненно переносил своё незавидное служебное

положение и нищенский уровень жизни в Минске. Компания лжи и клеветы, развёрнутая Лагиром против меня и всей нашей семьи, только усилила его стремление к скорейшему отъезду.

Ему давно предлагали работу по специальности на Крайнем Севере, где в это время развернулось невиданное по масштабам строительство в связи с открытием огромных запасов нефти и газа, имевших мировую значимость. Инженеры по сварке там были нужны позарез, но несмотря на большие деньги, которые сулили специалистам, желающих поехать на великую стройку было мало. Мишеньке предложили зарплату, о которой он здесь и мечтать не мог. Знакомый по работе в Минске инженер пообещал временный угол до приезда семьи, и он дал согласие на предложенную работу в посёлке Советском, Тюменской области. Ирочка с двухлетним ребёнком решила следовать за мужем.

Мы пытались отговорить их от этой идеи. Они только недавно переехали в трёхкомнатную кооперативную квартиру на Ленинском проспекте, обзавелись кое-какой мебелью и, хоть зарплата была небольшой, как-то сводили концы с концами. Отец Ирочки, Андрей Дмитриевич, души не чаял в младшей дочери, безумно любил свою первую внучку Алёнушку и во всём старался им помочь. Как могли помогали и мы. Трудно было даже представить себе, что ждёт их на чужбине, без жилья, в непривычно суровом климате да ещё с маленьким ребёнком.

К великому сожалению все наши усилия оказались напрасными. Мишенька, как всегда, в своём решении был непреклонен и наши уговоры на него не подействовали. Трудным тогда было наше прощание с сыном. На душе было недоброе предчувствие. Из всех ошибок, которые были нами допущены за прожитую жизнь, эта оказалась самой коварной и самой тяжёлой.

129

Общественная работа всегда была неотъемлемой частью моей жизни. Мне доставляло удовольствие быть среди людей и в меру сил служить им. Я принимал на себя эти обязанности добровольно и выполнял их не менее усердно, чем служебные, за которые получал зарплату. Даже когда я был предельно занят основной работой и не всегда имел возможность удовлетворять потребность в отдыхе и сне, находилось время на выполнение депутатских, партийных и других общественных поручений.

В разное время предпочтение отдавалось какой-то определённой работе. В школе и в первые годы студенческой жизни это были комсомольские задания. Когда комсомольская организация, которой я руководил, достигала каких-то успехов, я получал не меньшее удовлетворение, чем от отличных оценок в учёбе.

На старших курсах института приходилось работать председателем профкома. Когда в те трудные годы удавалось сделать что-нибудь реальное для улучшения жилищно-бытовых условий студентов или интересно организовать их досуг, это доставляло много радости.

Когда я стал главным инженером, предпочтение в общественной работе отдавалось научно-технической сфере деятельности. Первичные организации Научно-технического общества пищевой промышленности, которыми я руководил в Молодечно, Гомеле и Могилёве, стали самыми массовыми и эффективными в республике. Они способствовали вовлечению инженеров и передовых рабочих в техническое творчество, внедрению в производство достижений науки и передового опыта, повышению квалификации работников. Впервые в пищевой промышленности эти общественные организации приняли на себя функции технических советов предприятий и успешно их выполняли.

На протяжении двадцати пяти лет я совмещал директорские функции с депутатскими обязанностями и около половины этого срока избирался председателем Постоянной комиссии по промышленности, транспорту и связи Горсовета. Эта общественная работа отнимала массу времени, но когда достигались ощутимые результаты, она приносила и большое удовлетворение.

Когда я, работая в Минске, прервал общественную работу и впервые, после четырёхмесячного перерыва, вновь принял участие в очередной сессии Могилёвского городского Совета и совещании областного партийного актива, то понял, чего не хватало мне в этот трудный период моей жизни. Как верующему нужна молитва, так нужен был мне привычный ритуал этих форумов.

Но из всего перечня общественных деяний самой постоянной и, наверное, самой любимой была работа лектора, докладчика, пропагандиста. Ею я занимался со школьной скамьи и на протяжении всей сознательной жизни. В школе, армии и госпиталях я вёл беседы о международном положении, в институте делал доклады на сессиях студенческого Научного общества, а на предприятиях был пропагандистом в сети партийного просвещения, выступал докладчиком на торжественных собраниях, посвящённых различным праздничным датам, читал лекции в Обществе по распространению политических и научных знаний.

Ко всем выступлениям тщательно готовился и меня не пугало ни количество, ни состав слушателей. Запомнился случай, когда в середине моего доклада, посвящённого Дню работников пищевой промышленности, в большом зале городского Дома политпросвещения погас свет и, поневоле, пришлось говорить без подготовленных тезисов. Люстры зажглись, когда произносились последние слова речи, которые утонули в дружных аплодисментах зала. Присутствовавший на собрании Первый секретарь горкома партии Будунوف тогда признался, что не уверен, сохранил ли бы он в такой ситуации самообладание, сумел ли бы “без бумажки” благополучно закончить доклад перед такой большой аудиторией.

В кружках и семинарах, которыми мне приходилось руководить, ежегодно менялась тематика. Изучали историю партии, политэкономии, философию, конкретную экономику, произведения классиков марксизма-ленинизма.

Как-то, в конце семидесятых годов, горком партии принял решение об изучении в сети политпросвещения недавно вышедших из печати произведений Л. И. Брежнева: “Возрождение”, “Малая земля” и “Целина”. Они тогда наводнили прилавки книжных магазинов и киосков “Союзпечати”, о них печатались восторженные отзывы в газетах и журналах.

В своё время я удивлялся, как могли Ленин и Сталин, будучи предельно загруженными государственными и партийными делами, успевать писать сочинения по вопросам теории и практики строительства социализма. Я никак не мог себе представить, как мог Сталин в трудные послевоенные годы найти время изучать вопросы языкознания и написать книгу на эту тему. Но тогда нас убеждали, что они были гениями, которым под силу то, что немислимо для обыкновенных людей. О Брежневе же мы до сих пор знали только как о “выдающемся продолжателе дела Ленина”, но не как о теоретике и, тем более, писателе. Ему в последнее время и по бумажке читать было трудно.

Когда же я, готовясь к занятиям в семинаре, прочитал эти книги, моим восторгам таланту руководителя советского государства не было предела. Они действительно были написаны рукой мастера слова и читались с интересом.

На протяжении целого учебного года мы изучали произведения Л. И. Брежнева, вели по ним оживлённые дискуссии и восторгались литературным способностям, которые так блестяще раскрылись в воспоминаниях престарелого Генсека. Его биография совпала со всеми вехами жизни государства (индустриализация, коллективизация, война, восстановление народного хозяйства, освоение целинных земель).

Только позднее, в годы перестройки и гласности, раскрылись секреты творчества Брежнева. Оказывается, действительными авторами этих произведений были лучшие журналисты “Правды” и других центральных газет, которым Леонид Ильич поведал некоторые подробности прожитой жизни, а организацией творческого процесса занимались его первый заместитель Черненко и тогдашний глава ТАСС Замятин. Они же позаботились и о секретности работы по подготовке произведений вождя.

Семинары и собеседования по книгам товарища Леонида Ильича Брежнева (только так было принято называть Генсека) проходили довольно интересно и заслужили высокую оценку идеологического отдела обкома партии. Мою фотографию поместили на доске “Лучшие пропагандисты области”, что висела в Доме политпросвещения, и на одном из партактивов Прищепчик вручил мне Почётную грамоту обкома партии за успехи в пропагандистской работе.

Но ничто не приносило большего удовлетворения, чем интерес слушателей, повышение уровня их знаний истории и экономики страны. Многие из них со временем сами стали пропагандистами, лекторами и докладчиками.

Для меня же это оставалось любимым занятием до глубокой старости.

130

Моя сестра Полечка не нашла своего счастья и в Могилёве. Ни хорошее отношение руководства и коллектива автобазы “Белмясомолтранс”, ни довольно приличная квартира в центре города, ни лучший, чем в Ейске, семейный бюджет не радовали её. Она скучала по работе на вычислительной технике, что стало её специальностью, за тёплым морем и южным климатом, к которым успела привыкнуть, за многочисленными друзьями, с которыми сблизилась за два десятка лет жизни в городе, ставшим ей родным.

Не повезло на новом месте и Володе. Он, хоть и прошёл по конкурсу на место преподавателя общей физики Могилёвского педагогического института и затем даже получил должность старшего научного сотрудника, никак не мог привыкнуть к обстановке в гражданском учреждении после нескольких десятков лет работы в военном училище. Не находил он себе здесь места и без Ейской косы, где раньше проводил свободное время на рыбалке, и без друзей по училищу. Всё ему было не по душе в чужом городе.

Не могли они забыть и уютную двухкомнатную квартиру в центре курортного Ейска, которая казалась им лучше, чем теперешняя могилёвская.

Не прнесла радости и внезапная женитьба Бореньки. Их любимец, на которого они возлагали столько вполне обоснованных надежд, вдруг, не спросив даже совета родителей, привёл в дом молодую белорусскую девушку, которую объявил своей женой. Её звали Таней. Она была студенткой Педагогического института, росла без отца, а мать работала всю жизнь проводницей на железной дороге. У неё, как и у Бори, не было ни кола, ни двора и всё её приданное легко уместилось в одном небольшом чемодане. К тому времени они оба ещё не имели специальности, постоянного заработка и собственного угла, где могли бы хоть голову приютить в первое время своей семейной жизни.

Ни Полечка, ни Володя не умели в чём-то отказывать своему сыну. Они скромно отметили день бракосочетания, приняли молодых в свою тесную двухкомнатную квартиру и обеспечили им уход и внимание. Из последних сил родители стремились им во всём помочь, не жалея на это ни сил, ни средств. Больше, конечно, старалась Полечка, которая в желании угодить молодожёнам часто забывала о себе и муже, что не могло не отразиться на их отношениях.

Обстановка в семье стала напряжённой и трудно сказать, чем бы это кончилось, если бы не внезапно появившийся вариант обмена квартиры. Принадлежавшая им раньше двухкомнатная квартира в Ейске обменивалась на равноценную в Могилёве. Оказалось, что бывшим хозяевам их теперешней квартиры не подошёл жаркий южный климат и они пожелали вернуться в Белоруссию. Такой случай встречается редко и не воспользоваться им было нельзя. Более того, удалось договориться, что Боря с Таней смогут какое-то время пожить в своей комнате, пока найдут подходящее жилище.

Полечке в Ейске предложили прежнюю должность и это окончательно склонило их к немедленному возвращению в родной город, в свою любимую квартиру, к привычной работе.

В конце июня 1980-го года они покинули Могилёв. Трудным было прощание с Полечкой. Шло следствие, предстоял суд и не известно было когда мы вновь сможем увидеть друг друга.

Недолго новые хозяева терпели совместное проживание с молодожёнами. Им предложили в месячный срок освободить квартиру. Начался трудный период для молодой семьи. Они лишились не только крова, но и материнского ухода. Студенческой стипендии не хватало даже на скромное питание и основным источником их материального обеспечения стала денежная помощь родителей.

Из многочисленных проблем для них самой трудной оказалась жилищная. Тогда нелегко было найти комнату в частном секторе. Если даже это и удавалось, то требовали непомерно высокую плату за проживание. Несколько попыток устроить Таню и Борю у знакомых окончились неудачно, и Полечка, в поиске выхода из создавшегося положения, обратилась к нам с просьбой приютить молодых хотя бы на месяц, пока они не подберут себе подходящее жильё.

Известно, чем обычно заканчивается совместное проживание родителей с семьёй сына, но мало кто знает, что значит жить в одной квартире с семьёй племянника.

Выхода, однако, не было, отказать Полечке в её просьбе мы не могли, и пришлось согласиться на такой вариант. Месяц обернулся полугодовым их проживанием в нашей квартире и, как и следовало ожидать, привело к заметному ухудшению наших отношений с Борей и его молодой женой. Сказалось это и на отношениях с Полечкой, от которой нельзя было ожидать объективности, когда дело касалось её детей.

131

Следствие продолжалось более полутора лет. Был объявлен Всесоюзный розыск наших сбережений в сберегательных банках страны, допрошены сотни свидетелей, истребованы заключения многих предприятий и организаций, включая республиканские и союзные ведомства. Несмотря на давление со стороны Комитета народного контроля, уголовное дело, возбуждённое против меня по материалам ревизии КРУ Минфина БССР, было прекращено из-за отсутствия в моих действиях злого умысла и состава преступления.

Нам вернули изъятые при обыске сберегательные книжки и предъявили справку Одесской сберкассы о наличии там наших денег в сумме десяти рублей с копейками. Забытый нами пятирублёвый денежный остаток на счёте за прошедшие тридцать лет возрос в два раза. Таков был результат длительного и дорогостоящего розыска моих «тайных» вкладов в банках Союза.

Восторжествовала правда. Это была победа над Лагиром и мне казалось, что на этом, наконец, закончатся преследования и будет восстановлено моё честное имя. Но так только казалось. Мои недруги не

желали признать своё поражение и решили взять реванш в гражданском судебном процессе по взысканию с меня якобы нанесенного государству ущерба.

Несмотря на постановление следствия об отсутствии в моих действиях признаков злоупотребления служебным положением и преступных деяний, КНК БССР настоял на предъявлении иска на сумму 92,8 тысяч рублей к руководителям и главным бухгалтерам Могилёвского ПО мясной промышленности и мясокомбината, подписавшим якобы недостоверные отчёты по объёму реализации продукции и рекламациям за период с 1974-го по 1977-й год. На этот раз, правда, нас уже не обвиняли в умышленных махинациях и обмане государства с целью незаконного получения премий. Нас упрекали только в халатности, допущенной при подписании отчётов, которые мы должны были тщательно проверять во избежания ошибок. В результате этого, якобы, в некоторых квартальных отчётах был завышен объём реализации, а в других не учтены отдельные рекламации.

Исковое заявление, во многом повторяло материалы ревизии КРУ, а по рекламациям было дополнено несколькими фактами уменьшения стоимости продукции грузополучателями по разным основаниям. Рассмотрение иска было поручено судебной коллегии по гражданским делам Могилёвского областного суда под председательством члена Облсуда Тюниса. Защищать иск в суде поручили старшему юристконсульту Минмясомолпрома БССР.

Я не намерен был нанимать адвоката, так как мог сам опровергнуть иски без чьей-либо помощи. Кроме того, такие услуги мне бы дорого обошлись, но, когда мне позвонил один из лучших защитников областной коллегии адвокатов Борис Мельников и предложил своё участие в деле почти на волонтерских началах (следовало внести только незначительную сумму официального сбора в кассу Коллегии), я не смог отказаться. На протяжении долгих месяцев ревизии и следствия Мельников живо интересовался всеми материалами дела, возмущался допущенными нарушениями законов и сопереживал, когда свершилась расправа. Как мне рассказывал юристконсульт мясокомбината Шнайдерман, который был в большой дружбе с Мельниковым на протяжении многих лет, тот заявил о своём согласии бесплатно вести моё дело в любой инстанции, вплоть до Верховного Суда СССР. Такое сочувствие и соучастие одного из лучших юристов города и области не могло оставить меня равнодушным, и я дал согласие на его участие в судебном разбирательстве.

Суд продолжался более двух недель. В качестве свидетелей были допрошены десятки работников комбината, Минмясомолпрома БССР, Управления Госрезервов республики. Тщательному анализу была подвергнута достоверность отчётности в каждом из перечисленных в иске кварталах и ни в одном из них не было обнаружено искажений ни по показателю объёма реализованной продукции, ни по рекламациям. Больше всего споров вызвали имевшие место факты уценки стоимости отгруженной продукции. Председатель и члены суда с помощью опытных бухгалтеров изучили архивные и инструктивные документы и пришли к выводу, что в объём реализации включалась только сумма фактически оплаченной продукции, что штрафных санкций в этих случаях не предъявлялось и что согласно действующим положениям уценки не должны отражаться в отчётах, как рекламации.

Можно было только удивляться тщательности и скрупулёзности с какой исследовались многочисленные книги архивов и разъяснения министерств и ведомств, вниманию к показаниям свидетелей, ответчиков и привлечённых по делу специалистов. В отличие от Комитета народного контроля, суд выслушал наши объяснения по предъявленному иску, дал возможность изложить аргументы, доводы и расчёты. Пространным и убедительным было выступление адвоката Мельникова, который не только аргументированно отклонил иски министерства, но и потребовал частного определения по необъективному и предвзятому поведению истца.

Участвуя в том памятном судебном заседании, можно было поверить в положение конституции о независимости суда, подчиняющегося только закону. И в то же время было трудно себе представить возможность принятия по нашему делу объективного и справедливого решения.

Я даже проникся сочувствием к судьбе Цюнису, оказавшемуся в затруднительном положении. С одной стороны было очевидно, что в иске министерству следует отказать, а с другой стороны ни у кого не было сомнений, что за министерством стоит КНК и ЦК КПБ, которые по материалам этой же ревизии признали обман государства, жульнические махинации и присвоение денежных средств в больших размерах. Можно было не сомневаться, что принятие оправдательного решения не останется без последствий, характер которых не трудно было предвидеть.

Перед вынесением приговора был объявлен трёхдневный перерыв. Можно себе представить состояние участников процесса в эти дни. Ответчиков одолевала тревога, надежды, судьи, наверное, испытывали страх за возможные последствия принятия справедливого решения.

По ходу судебного разбирательства нельзя было ожидать удовлетворения всех требований истца, но никто из ответчиков не посмел даже подумать о возможности их полного отклонения. Лично мне представлялось, что будет принято какое-то половинчатое решение и с нас будет взыскана определённая, скорее всего небольшая, символическая сумма.

Какого же было наше удивление, когда 14 марта 1980-го года было оглашено решение об отсутствии материального ущерба и отказе в исковых требованиях истца по всей сумме иска.

Радости нашей не было предела. Опять победила правда. Решение суда в каком-то смысле можно было расценивать, как мою личную победу над Лагиrom. Оно даже давало основания на апелляцию о восстановлении в прежней должности и снятии незаслуженного партийного взыскания. Я же мечтал только о том, чтобы меня, наконец, оставили в покое. В этом я серьёзно сомневался и на это у меня были веские основания, о чём постараюсь рассказать ниже.

Решение суда ещё раз подтвердило, что и в пору всесильной диктатуры и беззакония были люди у которых совесть побеждала страх.

132

Шестьдесят пятая годовщина Октябрьской революции отмечалась особенно торжественно. На Красной площади был военный парад, который продемонстрировал возросшую боевую мощь Советского государства. Руководители партии и страны, как всегда, приветствовали многотысячные колонны демонстрантов, шествовавших мимо трибуны мавзолея Ленина. Среди них можно было в последний раз увидеть сгорбленную, немощную фигуру тяжело больного Брежнева. Восемнадцать лет он бессменно возглавлял советское государство. Конституция тогда не ограничивала сроки правления страной и никто из её руководителей добровольно свой пост не покидал по возрасту или по болезни. Поистине: кресло дороже жизни.

После праздника Брежнев больше не показывался на экранах телевизоров и 11 ноября сообщили о его кончине. Это не стало неожиданностью. К этому, казалось, давно были готовы. На похороны в Москву не стремились толпы желающих, как это было при смерти Сталина. Брежнев не пользовался в народе большим авторитетом и признанием. Годы его правления не зря вошли в историю, как период застоя. Хотя любимым его выражением было: “Экономика должна быть экономной”, семидесятые годы ознаменовались самыми низкими темпами роста валового национального продукта. Не было заметных сдвигов в повышении благосостояния народа. Большая часть бюджета страны направлялась на вооружение многомиллионной армии новыми видами оружия и в первую очередь ракетно-ядерного.

Средний возраст членов Политбюро составлял около семидесяти лет, но ни у кого и мысли не было об уходе на заслуженный отдых. Для людей, вкусивших мёд власти, отлучение от неё было крахом, катастрофой. Когда Брежнев стал совсем немощным, наибольшей властью в кремле овладел Андропов, покинувший пост Председателя КГБ и ставший секретарём ЦК КПСС. Используя неограниченные возможности ведомства, которое он раньше возглавлял, Юрий Владимирович умело расчищал себе дорогу к рулю государства. Ещё при жизни Брежнева искусно инспирировались слухи о ближайшем окружении Генсека: Гришине, Романове, Кириленко и других. Говорили о коррупции, взяточничестве, растратничестве государственных средств. Доставалось и самому Леониду Ильичу, впадшему в маразм и закрывавшему глаза на проделки своих близких родственников.

Заняв пост Генерального секретаря, Андропов активно взялся за реорганизацию в партии и правительстве. В первый же год своей работы в ранге Первого руководителя страны, он обновил Секретариат ЦК, сменил многих секретарей обкомов, министров, заведующих отделами ЦК КПСС.

Формально кресло номер два принадлежало престарелому и больному Черненко, а по степени доверия со стороны Андропова, роль второго человека в партии отводилась молодому выдвиженцу Горбачёву. Редко можно было видеть на экранах телевизоров сутулого, седого, как лунь, задыхающегося от лёгочной болезни Константина Устиновича. Он не мог привлечь симпатий широкой публики. Всё чаще на первых страницах газет были фотографии молодого и привлекательного Михаила Сергеевича, располагавшегося в президиумах рядом с Андроповым.

По инициативе Генсека началась компания по укреплению государственной и трудовой дисциплины, наведению порядка на предприятиях промышленности и сельского хозяйства, повышению ответственности руководителей за результаты работы. За малейшие нарушения виновные привлекались к строгой ответственности. Так продолжалось на протяжении всего 1983-го года и уже казалось, что скоро дойдёт очередь до иного подхода к межнациональным отношениям. Но до этого не дошло. В этом всё

оставалось по-прежнему. Андропов либо не хотел, либо не успел этим заняться. В конце первого года правления он тяжело заболел, а в феврале 1984-го года скончался от болезни почек и сердца.

Казалось, будет борьба за власть, но ветераны Политбюро, опасаясь непредсказуемого влечения Горбачева к реформаторству, предпочли кандидатуру Черненко и он был единогласно избран Генеральным секретарём, а Горбачёв теперь уже и де-юре и де-факто занял второе кресло в партии и государстве.

Новый Генсек вернул страну в Брежневское русло застоя. Больной и немощный глава государства не хотел, а может быть не успел осуществить какие-то новации и реорганизации в партии и государстве. Тринадцатимесячная эпоха Черненко была самой короткой в советской истории. В начале 1985-го года он слёг в больницу и вскоре скоростижно скончался от тяжёлой болезни.

Горбачев дождался своей очереди к рулю государства. Начался недолгий, но весьма знаменательный период его правления.

С 1982-го по 1984-й год в стране сменилось три лидера: Брежнев, Андропов и Черненко. Такого не знала история советского государства, а может быть и вообще мировая история. С приходом каждого нового вождя я связывал надежды на запрет дискриминации по национальному признаку, но, к великому моему сожалению, им не суждено было сбыться. Политика государственного антисемитизма оставалась неизменной.

133

ПКБ “Союзклейжелатинпрома” расширяло поле своей деятельности. Объём работ возрос и приходилось ежегодно увеличивать штат работников. Кроме предприятий, расположенных на Украине, Белоруссии и западной части России, стали поступать заявки из зоны обслуживания Болоховского и Олайненчкого ПКБ. Мы от заказов не отказывались и нашим специалистам теперь приходилось выезжать по сбору исходных данных в районы Западной Сибири, Зауралья, Прибалтийских республик. На развитие клеежелатиновой промышленности тогда выделялись большие капиталовложения и наши проекты подолгу не залеживались. Особенно много строилось предприятий желатиновой промышленности, но по объёмам производства, технике и технологии они значительно отставала не только от аналогичных в промышленно-развитых странах, но и от развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Ежегодно увеличивалась потребность в опытно-конструкторских работах. Если в производстве белковой колбасной оболочки в последние годы был достигнут некоторый прогресс за счёт использования импортной техники, то в производстве клея и желатина по-прежнему преобладал ручной труд в неблагоприятных, а порой и антисанитарных условиях.

Для изготовления опытных образцов устройств для механизации трудоёмких работ и внедрения их на предприятия отрасли при ПКБ был создан экспериментальный участок, который возглавил заслуженный изобретатель Белоруссии Фёдор Луговнёв.

Нами было разработано ряд важных изобретений, направленных на механизацию трудоёмких операций, повышение качества продукции и рациональное использование сырья. Наиболее ценными из них стали “Центрифуга для разделения суспензий”, “Способ производства преципитата”, “Агрегат для первичной обработки мягкого коллагенсодержащего сырья при производстве желатина”, “Способ сушки пищевых растворов”. На эти и ряд других изобретений были получены авторские свидетельства СССР. Они экспонировались на ВДНХ и были удостоены медалей Главной выставки страны. Могилёвское ПКБ стало лидером изобретательской работы в клеежелатиновой промышленности. Многие предприятия, учебные и научно-исследовательские институты приглашали нас к научно-техническому и творческому сотрудничеству, их специалисты становились соавторами ряда изобретений и опытно-конструкторских работ.

От внедрения наших разработок был получен значительный экономический эффект и мы стали получать приличное авторское вознаграждение.

Постоянно улучшались производственные и бытовые условия работников. Были приобретены “комплексные рабочие места конструкторов” нового образца, вычислительная и множительная техника, нормативная документация и техническая литература, оборудован оздоровительный пункт с бытовыми помещениями, душевыми и сауной.

Довольны были сотрудники, мы радовались высокой оценке работ со стороны заказчиков и Главка. Можно было и самому пожинать плоды своего труда. Не хватало только одного: спокойствия и уверенности, что Лагир, наконец, оставит меня в покое.

“Союзклейжелатинпром” имел собственную базу отдыха “Олайне” в Ассари, на Рижском взморье. Она располагалась в живописном месте, рядом с морем, имела хорошо оборудованные меблированные квартиры с удобствами и просторными кухнями с необходимой утварью и посудой. Сюда по профсоюзным путёвкам приезжали работники Главка и предприятий с семьями и за небольшую плату наслаждались в течение месяца природой, морем и солнцем. Квартир было всего несколько десятков и далеко не все желающие могли получить сюда путёвку. Два трёхкомнатных “Люкса” улучшенной планировки с каминами и импортной мебелью были предназначены для ежегодного отдыха семей начальника Главка Комлева и главного инженера Чеховского.

По личному указанию Александра Павловича мне предоставлялась возможность ежегодного отдыха в Ассари и я пользовался ею, предпочитая квартиру на базе отдыха, путёвкам в санатории Ялты или Сочи, куда я имел доступ, как инвалид Отечественной войны. Сюда мы могли приехать семьёй в пять-шесть человек, а в санаторий путёвка выписывалась только мне. Дети же надеяться на получение профсоюзных путёвок не могли. Они выделялись им очень редко и, как правило, в какие-то третьеразрядные здравницы.

С нами обычно выезжала одна семья наших детей с внуками. Они сами устанавливали очерёдность и нам в это вмешиваться не приходилось, но во всех случаях, когда этого желала семья Мишеньки, ей отдавалось предпочтение. Они жили на Крайнем Севере и больше других нуждались в отдыхе у моря. Случалось и так, что кроме одной семьи с нами отдыхали ещё и внуки без родителей, и нам приходилось обеспечивать надлежащий за ними уход.

Несколько раз нам удавалось отдыхать в люксовских трёхкомнатных квартирах, которые очень всем нравились. Особенно этому радовались дети. Здесь было много дополнительных удобств, а главное, можно было по вечерам разжигать камин. Больше всех ликовал Илюшка. В то время он был единственным мальчиком из всех наших внуков и, естественно, что эта мужская забава ему была по душе.

Приезжали мы в “Олайне” только в летние месяцы и здесь в эту пору было очень красиво. В лесу было много грибов и ягод, сбор которых доставлял много удовольствия и взрослым, и детям. Все солнечные дни проводили у моря. Здесь был прекрасный песчаный пляж, который содержался необычно чисто. Вода в это время прогревалась до 19-20 градусов и купаться могли не только взрослые, но и дети. Берег там пологий и они заходили далеко в море и учились плавать.

Наташка и Алёнка были неразлучны и вокруг них всегда собирались их сверстники из базы отдыха, признававшие их лидерами дошкольного общества. Зато между собой они не всегда ладили и нередко в их отношения приходилось вмешиваться взрослым.

Илюшка держался в стороне от двоюродных сестричек и в их играх не участвовал. Его больше интересовали игрушечные и настоящие автомобили. Уже в трёхлетнем возрасте он безошибочно отличал “Волгу” от “Жигулей” или “Москвича” от “Запорожца” (благо на этом тогда ограничивался перечень известных в стране машин).

Стоило спросить: “Какая машина проехала?”, как он мигом отвечал: “Зигуль” или “Жапаружиц”. Когда же его спрашивали: “Какого цвета машина?”, ответ был всегда одинаковый: “Зийёная”. Любые возражения он упрямо отвергал, повторяя: “Нет, зийёная”. Долго ещё для него все машины были зелёными.

Летом 1980-го года мы отдыхали с семьёй Вовочки и была с нами Наташка. Ей тогда было около пяти лет, а Илье недавно три года исполнилось. У нас в том году был трёхкомнатный “Люкс”, погода стояла чудесная и мы наслаждались отдыхом после тревог и волнений, связанных с недавним судебным процессом.

В одно погожее воскресное утро мы были разбужены стуком в дверь и радостным писком четырёхлетней Алёнки. Рядом с ней были улыбающиеся родители, решившие сделать нам сюрприз своим внезапным появлением. У них был двухмесячный отпуск и они совершали путешествие по Белоруссии и Прибалтике на своём новеньком “Жигулёнке”. Несколько дней они провели в Минске и Могилёве, и вот теперь заявили в “Олайне”. Наше предложение остаться до конца месяца они отвергли, мотивируя свой отказ желанием осмотреть достопримечательности Риги и Таллина, но согласились провести с нами несколько дней.

Мы выслушали рассказ о их жизни на Севере и планах на будущее. Несмотря на трудности освоения нелёгкой работы и таёжного быта (они жили на частной квартире, возили по утрам в тридцатиградусный мороз на санках Алёнку в детсад, что был в нескольких километрах от дома, были лишены привычных удобств), настроение у Ирочки и Миши было бодрым, и у них даже мысли не было о скором возвращении в Минск на прежнюю работу. Супруги радовались успехам в работе, высоким заработкам, а главное, хорошему отношению начальства и подчинённых. Миша недавно был повышен в должности и стал старшим

прорабом, ему доверили самостоятельный участок работы и он занялся строительством производственной базы прорабского участка. Теперь они могли себе позволить покупать добротную одежду, совершать увлекательные путешествия и отказаться от материальной помощи родителей. Хотя и не легко им жилось на Севере, но они были по-своему счастливы. Мы даже не рискнули тогда уговаривать их возвращаться домой.

После интересного путешествия по городам Прибалтики они рассказывали о своих впечатлениях и восторгались полученным удовольствием. Больше всех радовался Мишенька. Он с детства любил туризм. Тогда это были, в основном, пешие экскурсии по Крыму, Кавказу или Карпатам. Теперь осуществилась его мечта путешествовать за рулём собственного автомобиля. Мой сын по секрету мне сообщил, что его зарплата позволяет ему израсходовать несколько тысяч рублей во время летнего отпуска, покупать хорошие вещи жене и ребёнку, и ещё иметь приличные сбережения. Было приятно такое слышать и видеть его счастливым.

Искренне рад был их успехам Вовочка. Он то лучше всех знал, что стоило его гордому брату нищенское существование и унижения в его недавней жизни в столице.

135

Как и следовало ожидать, Лагир не смирился с решением областного суда и заставил министерство направить апелляцию в Верховный суд республики. С помощью Прокурора БССР и ЦК КПБ была проведена необходимая подготовительная работа и получено решение высшей судебной инстанции о направлении дела на повторное рассмотрение.

Об этом я узнал от члена областного суда Овсянниковой, которой было поручено готовить дело к слушанию. Она сообщила, что Цюнис понижен в должности, назначены новые заседатели, решено выделить прокурора для поддержания иска и рассчитывать на полный отказ в удовлетворении предъявленных министерством исковых требований на сей раз не следует. По её мнению, в случае оправдательного решения, будет назначено новое рассмотрение в областном суде Гомельской или какой-нибудь другой области республики.

Судья была со мной предельно откровенна и склоняла меня к тому, что в моих интересах согласиться на частичное удовлетворение иска без попыток апелляции в высшую судебную инстанцию. По всему было видно, что Овсянникова искренне мне сочувствует и к её советам нужно прислушиваться. Я заверил её в отсутствии моей вины и просил отнестись со вниманием к нашим доводам.

В этот раз слушание дела продолжалось всего два дня. Суд во многом использовал материалы предыдущего рассмотрения и ограничился меньшим числом свидетелей и специалистов. Зато истцу и ответчикам была предоставлена полная возможность привести необходимые доводы, расчёты и дать подробные объяснения по материалам иска. Заслушаны были также выступления адвоката, который просил суд отказать в иске в полной сумме, и прокурора, который предлагал признать иск обоснованным по четвёртому кварталу 1976-го года, где по его мнению не была отражена рекламация Московского холодильника № 9 на сумму 3468 рублей, что составляло стоимость уценки мяса переведенного из первой во вторую категорию. На этом основании предлагалось считать выплаченную мясокомбинату премию в сумме 6,2 тысяч рублей незаконной и подлежащей взысканию с ответчиков.

Прокурор, вероятно, получил указание доказать в суде искажение нами отчётных данных и получение необоснованной премии хотя бы в одном квартале и поэтому настаивал на своём предложении.

Несмотря на то, что в этом случае иск был бы удовлетворён только на 7% и с каждого ответчика была бы взыскана небольшая сумма, я понимал, что в этом случае будет считаться в принципе доказанным факт приписки и незаконного получения премии и поэтому, когда судья предоставила мне возможность дать повторные объяснения после выступления прокурора, я привёл аргументированные доводы в нашу защиту.

Во первых, я зачитал выдержку из разъяснения ЦСУ при Совете Министров СССР, приобщённого к делу, согласно которого в случаях, когда предприятием-потребителем продукция принята с учётом уценки в связи с переводом её в низший сорт, а разность в её стоимости исключена из отчёта по реализации предприятия-поставщика, претензии о возмещении разницы в стоимости включению в отчёт по форме №1-п (качество) "Отчёт о качестве промышленной продукции по данным рекламаций" не подлежат.

Во-вторых, я объяснил суду, что в соответствии с п. 5 Инструкции по составлению отчётов предприятий по форме №1-п (качество) рекламации, находящиеся в стадии разрешения, отражаются в отчёте после их разрешения. Поскольку эта претензия поступила на комбинат 14 декабря 1976-го года и находилась на рассмотрении до 12-го января 1977-го года, что видно из документов, приобщённых к делу, она никак не могла быть отражена в отчёте за четвёртый квартал 1976-го года.

Кроме того я привёл суду документ, имеющийся в деле, который подтверждал, что рассмотрение претензии закончилось отказом холодильника №9 от своих требований об оплате штрафа.

Доводы были настолько убедительными, что судьи, которые, как мне казалось, уже были склонны согласиться с требованием прокурора и таким образом закончить злополучное дело о приписках, не могли с ними не посчитаться.

В принятом решении не было признано умышленное искажение отчётности ни в одном из кварталов 1974-1977-го годов, однако суд признал халатным отношение руководства к выяснению причин недоплат покупателей по отдельным отгрузкам, в результате чего предприятию был нанесён материальный ущерб от разницы в предъявленной и оплаченной стоимости продукции. С целью возмещения этого ущерба с меня и главного бухгалтера решено было взыскать 1,3 тысяч рублей.

Одновременно суд решил взыскать с истца в пользу ответчиков стоимость услуг адвоката в связи с тем, что в основной сумме иска было отказано. Как потом выяснилось, возмещённая мне сумма была примерно равна взысканной с меня стоимости уценки продукции.

Решение суда превзошло все мои ожидания. Как и предыдущее судебное решение, я принял его, как победу правды над ложью, совести над страхом.

Судью Овсянникову, как и Тюниса, безусловно следовало отнести к числу людей, для которых закон выше диктата и насилия. Наверное, мне просто везло на таких замечательных судей.

Честно говоря, мне не верилось, что и это решение не будет обжаловано в Верховный суд. Как мне позднее рассказал главный бухгалтер министерства Нейфах, такое указание от Лагира действительно было получено и кассацию подготовили, но в последний момент он сам отменил своё требование. Наверное, так решили в ЦК КПБ.

136

Дела на Могилёвском мясокомбинате явно не ладились. Предприятие при новом директоре не только не награждалось знамёнами и не получало союзные и республиканские премии, но всё более скатывалось в число отстающих по основным показателям хозяйственной деятельности.

Ни уговоры и убеждения работников, ни строгие наказания виновных в невыполнении производственных, экономических и финансовых показателей не давали желаемых результатов. Воспоминания о былых достижениях и наградах коллектива выводили Мигурского из равновесия и приводили в ярость. Дорвавшийся до власти, самолюбивый и своенравный директор заподозрил руководителей цехов и отделов в злом умысле и подсиживании. В первую очередь подозрения пали на работников, которые открыто защищали меня в ходе ревизии, следствия и судебных разбирательств. Некоторых он понизил в должности, другим объявил взыскания, а отдельных даже уволил с работы.

Первой жертвой преследований стала, конечно, моя жена. Уже в первые дни властвования Мигурский пытался уличить её в хищении экспонатов из комнаты Трудовой славы и других мелких прегрешениях. Когда же эти попытки не увенчались успехом, он затеял против неё уголовное дело, обвинив в умышленном срыве выполнения плана по новой технике и прогрессивной технологии.

Когда в одном из кварталов комбинат снова не выполнил план по изготовлению новых видов продукции, директор обвинил в этом начальника технического отдела, которая якобы умышленно не довела задания до исполнителей.

Около полугода длилась судебная тяжба, пока областной суд под председательством той же Овсянниковой не отклонил обвинения Мигурского, признав их бездоказательными. Напрасными были его усилия добиться пересмотра дела с помощью административного отдела обкома партии (об этом мне позднее признался заведующий этого отдела Комар). Решение осталось в силе.

Затевая преследования против неугодного ему работника, Иосиф Казимирович не учёл, что Анна Абрамовна могла сохранить копии заданий по изготовлению новых видов продукции с росписями руководителей цехов об их получении, которые предъявила в суде, разоблачив тем самым шантаж и обман директора. Как потом выяснилось, изъятием этих документов в цехах и плановом отделе занимался главный экономист Саракуло по указанию Мигурского.

Когда попытки увольнения Анны Абрамовны за “умышленный срыв” выполнения плана закончились провалом, директор решил ограничиться освобождением её от занимаемой должности с предоставлением менее оплачиваемой работы. Он не посчитался ни с её заслугами в течении двенадцати лет работы в техническом отделе, ни с общепризнанными успехами комбината в работе по внедрению новой техники, рационализации и изобретательству, которую она возглавляла, и пошёл на крайнюю меру - ликвидацию технического отдела и подчинения его работников непосредственно главному инженеру.

Анне Абрамовне была предложена должность мастера субпродуктового отделения, которая тогда была вакантной. На эту работу нелегко было подобрать человека, так как это был самый трудный и грязный участок на комбинате и с обязанностями мастера никто до сих пор не мог справиться.

Расчёт был прост: ей была предоставлена работа, но она от неё отказалась и администрации ничего не оставалось, как уволить её по сокращению штатов.

Несмотря на советы детей не приступать к работе в вонючем субпродуктовом цехе и мои требования об увольнении с комбината, Анна Абрамовна приняла предложение Мигурского и вступила в должность мастера трудно управляемого цеха. Работать ей было тяжело и физически, и морально. Она уходила на работу раньше меня и возвращалась домой поздно вечером. Кроме производственных, технических и организационных неполадок, в которых всегда можно было обвинить мастера, над ней постоянно висела ответственность за хищения продукции подчинёнными ей работниками. Тогда за это несли ответственность не только рабочие, уличённые в воровстве, но и их руководители.

С большим трудом ей удалось навести надлежащий порядок в цехе, улучшить производственные показатели и снизить количество случаев хищений. Повысились качество продукции, технологическая и трудовая дисциплина.

В течение первого года работы в штрафной должности Анна Абрамовна вывела субпродуктовый участок в передовые, лишив тем самым Мигурского оснований не только на её увольнение за упущения в работе, но даже на привлечение к дисциплинарной ответственности.

Но не того десятка был теперешний директор, чтобы так легко отказаться от поставленной цели: расправиться с неугодными ему людьми. В упрямстве и хамстве ему трудно было найти равных.

При утверждении штатного расписания на 1982-й год он сократил должность мастера субпродуктового участка и подчинил это производственное подразделение мастеру по подготовке натуральной колбасной оболочки. В феврале этого же года он уволил Анну Абрамовну по сокращению штатов.

Можно было, конечно, добиться отмены необоснованного приказа директора. Тем более, что сокращённая им должность была вскоре вновь введена в штатное расписание. Для этого следовало обратиться в суд, который был бы вынужден принять решение о восстановлении в должности и выплате зарплаты со времени незаконного увольнения.

Однако, на сей раз мне удалось убедить жену в нецелесообразности её возвращения на комбинат, оградив её тем самым от новых преследований и издевательств самодура-директора.

Такую благодарность получила Анна Абрамовна за безупречную тридцатипятилетнюю непрерывную работу в мясо-молочной промышленности от бывшего “друга” нашей семьи Юзика, которого мы взрастили из пацана-обвальщика до руководителя крупнейшего предприятия отрасли. Такие случаи в то время не были исключением. За власть шла борьба не только в центре, в верхах, но и на всех других уровнях. И в этой борьбе не было места ни чести, ни совести, ни другим благородным человеческим качествам.

Анна Абрамовна была вскоре приглашена на престижную работу в промышленный отдел Облстатуправления, где подтвердила незаурядные инженерные способности и успешно работала на протяжении ряда лет до выхода на пенсию.

Справедливости ради должен сказать, что Мигурский подвергал гонениям и преследованиям работников не только, а вернее не столько, по национальному признаку, сколько по причине личной неприязни и подозрениям в подсиживании. Стоило не только высказать какое-либо критическое замечание в его адрес, но ненароком вспомнить о прошлых успехах предприятия, чтобы быть отнесенным к числу его недругов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так, в немилость к нему попала начальник колбасного цеха Филимоненко, которая была мною выдвинута на эту высокую должность в последний год работы директором комбината. Она закончила Одесский институт пищевой и холодильной промышленности и проявила себя грамотным инженером и хорошим организатором производства. Галина Александровна сменила на этом посту Эмму Сергеевну Попсуеву, которая была избрана председателем профкома.

Мигурский затаил зло на Филимоненко с того памятного собрания, когда она, в числе других, выступила в мою защиту, а затем была одним из инициаторов коллективных писем в партийные и советские органы о восстановлении меня в занимаемой должности. Иосиф Казимирович поставил задачу выдворить её с предприятия и шёл к этой цели с присущей ему наглостью и упрямством. К руководителю такого цеха всегда можно предъявить претензии, которые могли стать причиной наказания и освобождения от занимаемой должности, но Мигурский не стал утруждать себя поиском недостатков в работе. Он без

должных оснований объявил ей несколько дисциплинарных взысканий, а затем назначил внезапную инвентаризацию и по выявленным пересортицам, не приняв во внимание её объяснения, издал приказ о её увольнении.

Предвзятость директора была очевидной даже несведущему в колбасном производстве работнику и, когда Филимоненко обратилась с аргументированной жалобой в “Минмясомолпром” СССР, её восстановили в занимаемой должности. Мигурский, однако, от своей цели не отказался и вскоре она вновь была уволена. Несмотря на то, что и на этот раз причины освобождения её от должности были неосновательными, ей так и не удалось доказать необоснованность приказа, хотя она обращалась в различные административные и судебные органы.

Мигурский проявил здесь свои незаурядные способности улаживания конфликтных дел и отстоял своё явно предвзятое решение. Она была освобождена от работы и уволена с комбината.

По тем же причинам был уволен Фёдор Тимофеевич Луговнёв, заслуженный изобретатель республики, начальник птицецеха Антонина Павловна Пинязик и ряд других работников, внесших большой вклад в развитие и совершенствование производства.

С изменением статуса предприятия, с хроническими недостатками в его работе и порочными методами руководства комбинатом вскоре смирились в министерстве, городских и областных партийных органах и они, при очередной реорганизации управления промышленностью, не помешали Мигурскому занять пост генерального директора областного Производственного объединения мясомолочной промышленности.

Директором комбината стала Эмма Сергеевна Попсуева.

137

В жизни наших детей произошли заметные изменения. Самым существенным из них стала защита диссертации Вовочкой. Подготовка к ней длилась очень долго и проходила необычно трудно. По теме было опубликовано несколько научных статей о предложенных им новых методах упрочнения деталей машин, получено ряд авторских свидетельств, выполнен большой объём экспериментальных работ, а защита всё откладывалась. Всё это время соискатель получал минимальную зарплату и семья испытывала серьёзные финансовые трудности.

Защита состоялась на учёном совете Белорусского Политехнического института и прошла с большим успехом. Я имел удовольствие слушать доклад своего сына о результатах его научной работы и испытывал приятное чувство отцовской гордости. По своим способностям Вовочка заметно превосходил своих родителей.

Когда объявили результаты голосования, мы ликовали от радости. Это событие было отмечено торжественным ужином с участием ряда видных учёных в этой области. Фаина Захаровна поразила тогда всех своими кулинарными способностями, а я не переставал удивляться тому, что такие большие учёные пьют ни чуть не меньше многих простых смертных, для которых любая пьянка заканчивалась тогда, когда истощались все запасы спиртного.

Мучительно долгим было наше ожидание решения Высшей Аттестационной комиссии о присуждении звания кандидата технических наук. Если обычно для этого было достаточно нескольких месяцев, то Вовочке пришлось ждать кандидатских корочек около года. Наверное, ему и в этом “помогла” наша типично еврейская фамилия.

Когда и это препятствие было, наконец, преодолено наш сын стал старшим научным сотрудником Академии Наук БССР и получил прибавку к своей зарплате.

Заметных успехов добилась и Риточка. Она защитила диплом экономиста-финансиста и стала заместителем главного бухгалтера отделения сберегательного банка. Заместителем она была только формально. Фактически ей приходилось выполнять и большинство функций главного бухгалтера. И делала она свою работу так, что филиал банка на улице Киселёва стал образцово-показательным в городе.

Однако, изменения научного статуса Вовочки и служебные успехи молодых супругов не решили финансовых проблем семьи и они с трудом могли удовлетворять свои возросшие потребности.

Трудовые успехи Мишеньки были отмечены выделением ему двухкомнатной ведомственной квартиры в центре посёлка Советский с центральным отоплением и другими коммунальными удобствами. В суровых условиях Крайнего Севера это было чрезвычайно важно и заметно изменило бытовые условия их жизни.

Ирочка получила работу в производственном отделе того же СМУ, в котором трудился её муж, что кроме весомой прибавки в семейный бюджет, позволяло сохранять трудовой стаж и служебную квалификацию.

Верочка как-то незаметно выросла в ведущего специалиста в системе АСУ “Минмашмолпрома” БССР и получила повышение по службе. Разработанные ею задачи по автоматизации учёта и управления производством получили признание в отрасли и, хоть и с трудом, но всё же были внедрены на ряде предприятий республики. Однако, полного удовлетворения результатами своей работы она не чувствовала. На пути широкого использования возможностей применения ЭВМ в промышленности стояли косность и безразличие начальства, а порой и открытое сопротивление руководителей многих предприятий и организаций.

Она и Жора получили прибавку к зарплате, которая, как и прежде, далеко не обеспечивала их минимальные жизненные потребности.

У детей в Минске заметно улучшились жилищные условия. Вовочка произвёл капитальный ремонт своей трёхкомнатной квартиры на улице Киселёва, что в самом центре города, а Верочку вполне устраивала их небольшая, но очень уютная квартира в микрорайоне “Запад”. Мы помогли им в приобретении современной мебели и теперь у них дома стало ещё краше.

Одной из главных проблем было воспитание детей. Когда оба родителя работают, они не в состоянии уделять детям достаточного внимания, что, естественно, сказывается на их развитии. Ни детские садики, куда по утрам отправлялись Наташка и Алёнка, ни даже заботы Фаины Захаровны об Илюшке, не могли в полной мере заменить родителей. Это чувствовали мамы и папы. Об этом им подсказывали дети. Выхода, однако, не было. На одной зарплате не проживёшь. Да и не принято тогда было мамам сидеть дома хотя бы пару лет после рождения ребёнка.

От этого страдали не только дети, но и матери. Отработав полный рабочий день на основной работе, они заступали во вторую смену, которая начиналась с очереди в продовольственном магазине, продолжалась у плиты на кухне и заканчивалась уборкой квартиры и стиркой. Даже если мужья помогали им, основная тяжесть всё равно ложилась на женские плечи. Поэтому молодые семьи часто либо вовсе воздерживались от рождения детей, либо ограничивались одним ребёнком. Не были исключением и наши дети. Старшей нашей внучке Наташке уже исполнилось четыре года, а ни в одной из молодых семей не появился второй ребёнок.

Мы уже начали беспокоиться о неиспользованных возможностях расширенного воспроизводства в династии Гимельфарбов, когда Риточка сообщила о своей беременности. Семья Вовочки стала первой, принявшей такое смелое решение. Может быть причиной этому была их безумная любовь к своему единственному сыну, а возможно, такая смелость объяснялась тем, что Фаина Захаровна во многом помогала им в домашних делах и в воспитании ребёнка.

Важно, что такое решение состоялось, и 9 ноября 1979-го года на свет появилась наша очередная внучка. Теперь в этот день, кроме дня рождения наших сыновей и племянника Борика, мы отмечаем именины и нашей милой Диночки.

138

Как гром среди ясного неба было воспринято в народе сообщение о внезапной кончине Петра Мироновича Машерова. Он погиб в автомобильной катастрофе и власти объяснили это чистой случайностью. Недавно республика широко отметила его шестидесятилетие и, по сравнению с престарелыми членами Политбюро, он казался совсем молодым. Ходили даже слухи о предстоящем переезде его в Москву и назначении на пост председателя Совета министров СССР. Такое решение, наверное, было бы вполне логичным, тем более, что престарелый Тихонов, занимавший в то время этот высокий пост, уже явно неспособен был возглавлять правительство страны.

Можно без преувеличения сказать, что Машеров был одним из наиболее выдающихся руководителей партии и государства того времени. Под его руководством Белоруссия достигла расцвета своей экономики, науки и культуры, и стабильно опережала все другие республики Союза в темпах роста объёмов производства, других экономических показателей.

Не в пример другим партийным вождям, Пётр Миронович был грамотным, высоко культурным руководителем, и сильной личностью.

Если о некоторых наших учителях марксистско-ленинской идеологии разрешалось сообщать, что они закончили семинарию или землемерное училище, то Машеров получил высшее образование, начинал свою служебную карьеру со школьного учителя и мог выступить перед любой аудиторией “без бумажки”.

Если о большинстве партийных бонз времён “застоя” шла молва, как о деятелях, способных и себе положить в карман миллионы и задобрить тех, кто был над ними, то Пётр Миронович отличался своей личной порядочностью и честностью.

В одном только Машеров не уступал другим партийным руководителям - отношением к государственному антисемитизму, что процветал в Центре, Союзных республиках и особенно в Белоруссии, где он подогревался “научными трудами”, которые издавались массовыми тиражами и готовились специальными институтами, входящими в систему Академии наук БССР.

В этом я смог убедиться на своём горьком опыте, когда он поддержал антисемита Лагира и оклеветал меня на всю страну с трибуны Пленума ЦК. Наверное, у меня были основания злорадствовать о случившейся трагедии, но я тяжело воспринял весть о кончине Машерова и переживал по этому случаю.

Может быть такие чувства к погибшему лидеру были вызваны тем, что о мёртвых следует вспоминать только хорошее, а возможно тем, что я уже тогда понимал: Пётр Миронович, будучи воспитанником системы, и находясь в её тисках, поступить иначе не мог. Этого ему бы не простили ни “наверху”, ни широкие слои населения, воспитанные государственным антисемитским мировоззрением.

139

Отец Ирочки, Андрей Дмитриевич Зуськов, был высоко эрудированным, добрым и отзывчивым человеком. Из всех наших нееврейских родственников он отличался более уважительным к нам отношением, сердечностью и отсутствием малейших признаков антисемитизма.

Учитель по призванию, он отдал лучшие годы жизни делу воспитания подрастающего поколения, а став директором школы, проработал в этой должности до самого выхода на пенсию.

Это был прекрасный семьянин, отличавшийся преданностью жене и двум своим дочерям, которых безумно любил. Семья Зуськовых жила в мире и дружбе, и служила примером в небольшом городке Ляховичи, где они прожили лучшие годы своей жизни. Девочки с детства отличались жадой к знаниям, незаурядными способностями и радовали родителей поведением и прилежностью. После отличного окончания средней школы, дочери поступили в Минские ВУЗы и, казалось, родители могли только радоваться своему семейному счастью. Увы, как это нередко бывает в счастливых семьях, случилась беда. Жена Андрея Дмитриевича заболела неизлечимой болезнью, слегла, и вскоре умерла, оставив двух сирот на его попечение. Он окружил их теплом и заботой, создал им все необходимые условия для успешной учёбы. Только когда они закончили институты, стали специалистами и вышли в самостоятельную жизнь, Андрей Дмитриевич вышел на пенсию и переехал в Минск. Он продал дом в Ляховичах и поделил вырученные деньги между дочерьми, чем оказал им существенную помощь в оплате первого взноса при покупке двухкомнатной кооперативной квартиры в престижном районе столицы.

Как-то случайно, в доме отдыха он встретил женщину большой души и удивительной доброты. Они поженились и поселились в однокомнатной кооперативной квартире в отдалённом микрорайоне Минска. Евдокия Антоновна была очень внимательна к мужу и они зажили спокойной, размеренной и счастливой жизнью. Ирочка и Таня радовались счастью отца и прониклись уважением к его жене. Для Алёнки она стала любимой бабушкой.

Как я уже упоминал, Андрей Дмитриевич был ярким противником отъезда наших детей на Север и прилагал много усилий, чтобы его предотвратить. Он очень любил свою маленькую внучку и боялся, что больше её не увидит.

К сожалению, его предчувствия сбылись. Зимой 1979-го года он тяжело заболел и вскоре внезапно скончался от сердечного приступа. Тяжёлым было прощание с Андреем Дмитриевичем - замечательным человеком, прекрасным отцом и любимым дедушкой нашей Алёнки.

Похоронить его решили в Ляховичах, рядом с могилой первой жены. Попрощаться с любимым учителем и великим тружеником пришли тысячи жителей районного центра, в котором прошла почти вся его жизнь. У его изголовья в скорбном молчании сидели его дочери и Евдокия Антоновна.

Каждый раз, когда мне приходилось бывать в Ляховичах, я обязательно приходил к гранитному памятнику супругам Зуськовым, чтобы почтить их светлую память.

Рождение второго ребёнка в семье Вовочки было воспринято двумя другими молодыми семьями, как призыв к действию. В конце 1983-го года Верочка объявила, что ждёт второго ребёнка. В связи с этим она отказалась от своей очереди на отдых в Ассари предстоящим летом и уступила это право семье Мишеньки, оговорив возможность поездки с нами Наташки.

Нам удалось договориться о выделении трёхкомнатного “Люкса” на ведомственной базе отдыха “Олайне” и в начале июня семья из шести человек, включая двух старших внуков, отправилась на Рижское взморье.

В том году первый летний месяц в Прибалтике оказался необычно тёплым. Стояли ясные солнечные дни и море прогрелось до 18-19 градусов. По утрам, когда все ещё спали, мы с Мишенькой отправлялись на море, где делали зарядку и купались. Он хорошо плавал и заплывал далеко. Я не поспевал за ним и очень волновался, когда сын отрывался от меня и терялся из виду. На пляже в это время всегда было безлюдно, вода по-утрам была холодной, и я боялся, что, если ему вдруг понадобится помощь, некому будет её оказать. Мишка не раз обещал не тревожить меня своими заплывами, но каждое утро всё повторялось вновь. Мне ничего не оставалось, как заплывать вместе с ним, и когда сын видел, что мне это тяжело, он возвращался к берегу, чтобы не подвергать меня опасности. После купания мы долго гуляли по лесу и, только, когда солнце начинало припекать, возвращались домой, где всё уже было готово к завтраку.

Эти утренние часы с Мишенькой доставляли много удовольствия. Он был смелым и отчаянным, с ним было тревожно и волнительно, но вместе с тем я чувствовал себя как-то по особому легко и мне было приятно быть рядом с ним. Нам не часто удавалось это в его детстве и юности из-за моей занятости по работе, мы редко с ним встречались, когда он покинул наш дом после института, и только раз в году виделись теперь, когда он поселился на Севере. Ни раньше, ни позже я так много не общался с дорогим моему сердцу старшим сыном.

Многое было рассказано Мишеньке и о многом поведал он мне этим летом на отдыхе в Ассари. Главное, в чём я тогда пытался убедить его, была целесообразность скорейшего возвращения на “Большую землю”.

Нельзя сказать, что он не понимал моих доводов. Более того, мне даже казалось, что он с ними соглашался. Единственное, в чём мы тогда не пришли к согласию, были сроки. Я настаивал на его возвращении по истечении трёхлетнего контракта, а он просил ещё несколько лет, чтобы иметь возможность более полно реализовать свои возможности.

Не могу забыть с каким увлечением Мишенька рассказывал о своих планах на ближайшие годы. Тут было и расширение производственной базы участка, где он был единоличным хозяином, и совершенствование системы управления качеством работ, и программы обучения кадров, и многое другое. Главное, что радовало сына на Севере, было уважение начальства и подчинённых, и почти полное отсутствие антисемитизма. Ему даже казалось, что в райкоме (он был членом партии и секретарём первичной парторганизации управления) и в Главке к нему относились лучше, чем ко многим другим его коллегам по службе и общественной работе.

Он, не без гордости, рассказывал о высоких заработках, частых премиях, множестве добротных вещей, которые ему удалось приобрести за эти годы и, конечно, о прекрасной квартире, которую ему выделили вне очереди, как лучшему работнику управления.

Было приятно слышать о производственных успехах сына, об уважительном к нему отношении в коллективе и в городе, но какое-то предчувствие не покидало меня и сердце подсказывало, что его нужно как можно скорее вернуть домой. Я продолжал настаивать на своём, пытаясь всеми путями убедить его в своей правоте. Когда Мишенька исчерпал все доводы, он предложил встретиться в Советском, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой и условиями их жизни, и, с учётом этого, принять окончательное решение о возвращении в Минск. Поняв бесперспективность своих усилий, я был вынужден согласиться с этим предложением.

Лучше всех на отдыхе чувствовала себя Алёнка, которой было тогда около восьми лет (она уже была во втором классе). Ей всё здесь безумно нравилось: море, солнце, лес, общество двоюродной сестрички и многих ровесниц по двору. С ней были любящие и заботливые родители, а бабушка и дедушка уделяли ей больше внимания, чем другим членам семьи, потому что она была самой маленькой, приехала с Крайнего Севера и больше других внуков нуждалась в отдыхе, а ещё потому, что целый год её не видели.

Может быть поэтому, а может по складу своего характера, она поверила в свою исключительность и стала завидовать Наташке, которая была душой детской компании и признанным лидером малышей во

дворе. Дети безоговорочно ей подчинялись и охотно выполняли её команды. Алёнке тоже хотелось быть вожаком и она стала жаловаться нам на сестричку, обвиняя её в несправедливом к ней отношении. То ей мячик или другие игрушки реже, чем другим детям, доставались, то её жмурить чаще других заставляли. Мы, конечно, старались поддержать свою младшую внучку и, не вникая в детали, во всём упрекали Наташу. Однажды, мы в наказание за якобы нанесенные Алёнке обиды, решили оставить её на полдня дома, лишив возможности играть с детьми во дворе.

Наша старшая внучка, которая обычно мужественно выносила все наказания и редко плакала, на этот раз разревелась навзрыд:

-Вы обижаете меня, потому что здесь нет моей мамы, которая могла бы меня защитить, - сквозь слёзы упрекала она нас в незаслуженном наказании.

Когда позднее к нам в дом пришла группа детей и в один голос стали защищать Наташку, нам стало очень неудобно перед ней и её подружками. Мы были вынуждены извиниться и отменить своё наказание, а Ирочка тогда очень строго наказала Алёнку.

Этот случай убедил меня в нашем педагогическом невежестве и стал серьёзным уроком на будущее. Не только мы, взрослые, но и наша младшая внучка, сделали для себя должные выводы, и больше таких конфликтов не было.

Мы осмотрели с детьми достопримечательности Ассари и других курортных мест взморья, побывали в зоопарке, местах отдыха и на аттракционах, любовались красавицей Ригой и совершили поездку на теплоходе в открытое море. Вечером часто гуляли по набережной, а перед сном подолгу засиживались у камина.

Каждый день ходили к междугороднему телефону-автомату, чтобы узнать о самочувствии Верочки. Она успокаивала нас, убеждала в полном благополучии и желала хорошего отдыха. Так было до 28 июня. В этот день её домашний телефон упорно молчал и нас охватило тревожное ожидание. Всю ночь не могли уснуть в ожидании вестей из Минска, а рано утром почтальон доставил телеграмму Жоры: “Верочка родила девочку. Назвали Анечкой. Самочувствие мамы и дочки хорошее”.

На следующий день мы покинули гостеприимную базу отдыха и возвратились домой, чтобы познакомиться с новорожденной внучкой и помочь по уходу за ней.

141

К Первомайским и октябрьским праздникам в Могилёве всегда готовились очень тщательно. Главная магистраль города - улица Первомайская, на которой мы жили, украшалась красочными панно, транспорантами и флагами, освежались разметки дорог, ремонтировали и красили фасады зданий. Центральная площадь областного центра, что была за углом нашего дома, наряжалась в праздничное убранство задолго до наступления праздника. На фасаде Дома Советов и у памятника Ленину монтировались огромные портреты Маркса, Энгельса, Ленина, членов Политбюро и флаги Союзных республик.

В 1983-ем году подготовка к Первомаю началась раньше обычного и проводилась с особым размахом. Город и область добились заметных успехов в развитии экономики, науки и культуры. Большие денежные отчисления в городскую казну таких промышленных гигантов как комбинаты “Лавсан”, шёлковых тканей и искусственного волокна, заводов “Электродвигатель”, “Строммашина”, сельхозмашин и автомобильного позволили выполнить значительный объём работ по транспортному обслуживанию населения, дорожному строительству и благоустройству. Были построены Дворец пионеров и несколько Домов культуры, введены в эксплуатацию дополнительные троллейбусные линии, разбиты новые скверы и парки. Возле нашего дома, на площади Маневича, соорудили музыкальный фонтан с красочной подсветкой, подобного которому не было даже в столичном Минске. Построили многоэтажное здание обкома партии в современном стиле, ряд других административных зданий и большое количество жилых домов. Город рос и хорошел. Всё это радовало главу областной партийной организации Прищепчика, который по праву мог всё это занести в свой актив.

Может быть поэтому, а может ещё по каким-то другим причинам, он решил отметить очередной Первомай особенно торжественно. К празднику сменили асфальтовое покрытие на центральных улицах, город украсили гирлянды разноцветных лампочек, необычно много было лозунгов, флагов, вымпелов и других украшений. Погода стояла прекрасная и ожидалось большое праздничное шествие.

Однако, в канун праздника радостное настроение горожан было омрачено печальной новостью о трагической гибели в автомобильной катастрофе Виталия Викторовича Прищепчика. Вечером 29-го апреля он возвращался на машине из Бобруйска, где вручал Переходящее знамя комбинату “Бобруйскишина” -

одному из крупнейших предприятий страны по производству автомобильных покрышек. Вечерняя дорога была спокойной и пустынной. Но на одном из крутых поворотов, уже подъезжая к Могилёву, шофёр не справился с управлением. Машину вынесло на встречную полосу и “Волга” на большой скорости врезалась в большегрузный военный вездеход. От полученных травм Прищепчик и его водитель скончались на месте.

Милиция распространила версию, что, учитывая позднее время аварии, молодой шофёр мог просто заснуть за рулём. Многие предполагали, что водитель позволил себе принять приличную дозу спиртного на банкете в честь награждения шинников знаменем. Я же считал причиной несчастного случая грубое нарушение правил движения и вседозволенность для правительственного автотранспорта.

Мне не раз приходилось возвращаться из Минска в обкомовских и облисполкомовских автомобилях после республиканских партийных активов или пленумов. Как правило, кортеж машин останавливался посреди дороги, где-нибудь на живописной лесной поляне, куда доставлялись приличные запасы выпивки и закусок. Застолья на природе обычно продолжались далеко за полночь, а после этого, уставшие, а порой и подвыпившие водители, в сопровождении ГАИ, мчались домой, игнорируя дорожные знаки и ограничения скорости. Любая такая поездка могла закончиться несчастьем.

И такое нередко случалось в Белоруссии. Какой-то злой рок преследовал руководителей республики и областей. В автомобильной аварии погиб Председатель Президиума Верховного Совета Сурганов, министр культуры Киселёв. Недавно такое случилось с Машеровым. Ни один из этих и ряда других несчастных случаев в автоавариях не послужил предостережением для других. И вот результат. В расцвете лет погиб один из лучших руководителей областного масштаба, добрый и отзывчивый человек, Виталий Викторович Прищепчик.

Первомайскую демонстрацию, которую он так тщательно готовил, с центральной трибуны памятника Ленину приветствовали другие руководители области.

Похороны состоялись в первый же послепраздничный день. Попрощаться с уважаемым областным лидером пришли десятки тысяч жителей города и районов. Прибыла большая группа руководителей партии и правительства республики во главе с Первым секретарём ЦК КПБ Слюньковым.

Смерть Прищепчика была трудно восполнимой потерей для области. Это была большая утрата для меня лично. Никто из партийных лидеров так стойко и мужественно не ограждал меня от гонений и преследований антисемитов высокого ранга, как это делал Виталий Викторович.

142

Родители Жоры были неутомимыми тружениками. Большую часть жизни они провели в Ляховичах, что в Западной Белоруссии, принадлежавшей до 1939-го года Польше. Жили небогато, но и бедняками их не считали. Надежда Фоминична после войны закончила медицинский институт и работала врачём-рентгенологом в местной больнице, а Василий Тимофеевич был служащим районного масштаба. Работали они оба усердно и пользовались уважением у жителей небольшого местечка, состоявшего, в основном, из поляков и белорусов. Когда-то здесь жило много евреев, но в годы немецкой оккупации их постигла та же участь, что и всего еврейского населения Белоруссии.

Несмотря на скудные заработки, Каленчицы сумели построить добротный дом с приусадебным участком. Всё свободное от основной работы время они отдавали домашнему хозяйству, огороду и выращиванию свиней и птицы. Всё это позволяло не только жить в достатке, но и оказывать посильную помощь детям.

Двоим своим сыновьям, Жоре и Вите, они дали возможность закончить столичные ВУЗы и стать инженерами. Больше внимания в детстве и юности уделялось старшему Жоре, который болел тяжёлым заболеванием крови, могущим привести к фатальному исходу. Не зря, спасённый от казалась неминуемой смерти, Жора часто повторял, что до конца жизни будет в неоплатном долгу перед матерью. Он не только говорил об этом, но и делал всё возможное, чтобы помочь своим родителям в их тяжёлом крестьянском труде.

Большинство своих выходных дней и почти все ежегодные отпуска преданный сын проводил в деревне, на усадьбе родителей, где брал на себя самую тяжёлую и непосильную для них работу. Когда Верочка стала женой Жоры, её постигла та же участь. Большую часть праздничных и многие выходные дни провела она в Ляховичах, выполняя трудную и непривычную для неё сельскохозяйственную и другую домашнюю работу. Следуя примеру мужа, она с утра до вечера трудилась: убирала дом, мыла полы, готовила, стирала бельё, работала на огороде.

В доме привыкли видеть в них основных помощников. Младший сын Витя, когда был холостяком, кое в чём помогал родителям, а когда женился на дочери отставного полковника, вовсе забыл о своих

сыновних обязанностях. Они нередко приезжали с женой, а позднее и с малым ребёнком в отпуск или в выходные дни, чтобы отдохнуть, побыть на природе, погулять по лесу, поплавать и позагорать на речке, но ни у кого и мысли не возникало поручать им какую-то работу. Более того, Надежда Фоминична брала на себя заботы по уходу за ребёнком, предоставляя молодым возможность отдохнуть и развлечься.

Нередко случалось так, что в Ляховичи одновременно приезжали оба сына со своими семьями, и тогда можно было отчётливо видеть разницу в их отношении к родителям. Жора с Верочкой, как всегда, трудились весь световой день, а Витя с Ирой наслаждались природой, солнцем, чистым воздухом, оставив матери заботы по уходу за ребёнком и приготовлению пищи.

Надежда Фоминична почему-то старалась во всём ублажать жене Вити. То ли полковничьи погоны и богатство их новых родственников были тому причиной, то ли их чисто русское происхождение на это влияло, но отношение Жориных родителей к невесткам было далеко не одинаковым.

Верочке обидно было видеть такое неравенство, к которому здесь успели привыкнуть и уже перестали скрывать. Она не раз жаловалась и нам, но мы пытались её успокоить и старались не придавать этому серьёзного значения, пока не почувствовали это на себе.

По случаю шестидесятилетия Надежды Фоминичны в Ляховичах собрались все её родственники, друзья, знакомые и соседи. Приехали на это торжество и мы с Анечкой. Столы ломились от обилия закусок, вино лилось рекой, были тосты, песни, танцы и всё другое, что бывает на селе в таких случаях.

Наши подарки и тосты были не хуже полковничьих, наши поздравления и пожелания не менее искренними, но воспринимались они по-разному. Этого нельзя было не заметить, но мы пытались не обращать на это внимание. Старались до тех пор, пока не стали свидетелями непринуждённого разговора во дворе дома между подвыпившими гостями и хозяевами. Друзья юбиляра возмущались поведением жидов, не обращая внимания на наше присутствие. Антонине Фоминичне стало неудобно слушать это при нас и она знаком и мимикой потребовала изменить тему разговора. Только на это хватило мужества у неё и у Жоры, присутствовавшего при этом. Ни слова осуждения или порицания в адрес друзей-антисемитов мы не услышали.

Потом, правда, хозяйка дома извинялась перед нами за ненароком нанесенную обиду, ссылаясь при этом на затмение мозгов у её друзей от излишне выпитой водки, но это уже не могло ничего изменить. Можно было не сомневаться, что подобные разговоры не впервые велись в этом доме в наше отсутствие и, если не одобрялись, то спокойно воспринимались нашими, в общем милыми и добрыми родственниками. И не водка была тому виной. Не даром говорят: “Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке”.

Мы больше никогда не возвращались к этому случаю и старались забыть неприятный эпизод. Каленчицы бывали на всех наших праздниках и юбилеях в Могилёве, мы встречались с ними в Ляховичах и старались поддерживать нормальные родственные отношения.

С болью и сочувствием восприняли мы сообщение о тяжёлой болезни Надежды Фоминичны, явившейся следствием многолетнего воздействия рентгеновских лучей, и оказывали посильную поддержку семье в процессе лечения. К сожалению заболевание оказалось неизлечимым и его исход был фатальным. У Василия Тимофеевича не стало верного спутника жизни, дети потеряли добрую и заботливую мать, а жители Ляхович лишились прекрасного доктора.

Вместе со всеми родственниками мы скорбили о безвременной смерти Надежды Фоминичны. Осиротел дом Каленчицев. Жаль было Жору и его отца, для которых покойная была не только матерью и женой, но и главой семейства, и прочной опорой в жизни.

О неприятном эпизоде на её юбилее я вспомнил здесь только для того, чтобы еще раз подчеркнуть как важна национальная общность в семейных отношениях.

Согласно достигнутому в “Олайне” соглашению, вопрос о сроках возвращения семьи Мишеньки в Белоруссию должен был решаться с моим участием по месту их жизни и работы. Наши дети не горели желанием скорее вернуться домой и надеялись, что и мы перестанем их торопить, когда убедимся, как хорошо им живётся на Севере.

В начале сентября 1984-го года представился случай съездить на недельку в Советский, где размещалось СМУ-3, треста “Тюменьмонтажспецстрой” и я не преминул им воспользоваться. Находясь с группой работников ПКБ в длительной командировке по сбору исходных данных для реконструкции клеевого завода в Свердловской области, я, в ожидании нужных справок от районных и областных организаций, получил возможность, без ущерба для дела, это сделать. Благо от Свердловска туда шёл прямой поезд меньше суток.

Были проблемы с билетами, но, предъявив удостоверение инвалида Отечественной войны, я без очереди получил билет за полцены (такая льгота нам тогда предоставлялась) и удобно устроился на нижней полке плацкартного вагона. День выдался тёплый, солнце стояло ещё довольно высоко и тайга была удивительно красива. Казалось ей не будет конца. Она тянулась по обе стороны железной дороги и только изредка прерывалась небольшими строениями железнодорожных полустанков. Я любовался ею до самого вечера и уснул под впечатлением величия природных богатств необъятных просторов Сибири.

Утром картина за окнами вагона резко изменилась. Мы въехали в зону разработки нефтяных и газовых месторождений. Слышен был рокот мощной автомобильной и землеройной техники, высилось множество башенных кранов. Строились производственные корпуса, жилые дома, дороги, мосты, объекты соцкультбыта. Тайга отступила и поезд остановился на станции Пионерская. Проводник объявил, что следующая остановка - Комсомольская, а за ней - посёлок Советский. Все они располагались недалеко один от другого и создавали впечатление крупного промышленного района.

На перроне станции Комсомольская меня встречал Мишенька, которому я накануне позвонил из Свдловска. Не дожидаясь остановки поезда, он на ходу вскочил на подножку и я в миг оказался в его объятиях.

Тёплой и трогательной была наша встреча. Мы наперебой засыпали друг друга вопросами и не заметили, как поезд подкатил к перрону конечной станции. Нас встречали друзья и сослуживцы сына, и уже через несколько минут мы оказались во дворе Мишенькиного дома. Алёнка ждала нас на улице и с радостным визгом бросилась в объятия. Она заметно подросла. В сентябре ей исполнилось восемь лет.

Прибежала Иринка, которая по этому случаю отпросилась с работы. В виде исключения Мишенька тоже остался дома и весь остаток дня и до поздней ночи мы провели в разговорах о жизни и в приятном общении.

Утром следующего дня дети ушли на работу, Алёнушка в школу. Мне предоставилась возможность самому ознакомиться с условиями их жизни и быта, и выработать собственное мнение на сей счёт. Всё выглядело значительно лучше, чем я предполагал. Квартира отличалась от их столичной или нашей в Могилёве разве что только размерами: центральное отопление, холодная и горячая вода, газовая плита, все коммунальные удобства. Холодильник был забит до отказа продуктами, а на балконе стояли ящики и мешки с фруктами и овощами. В комнатах были ковры и стояла приличная мебель, в шкафах висела добротная одежда. Всё это создавало хорошее впечатление и меняло сложившееся у нас представление о жизни на Севере.

До прихода Алёнки из школы я успел побродить по посёлку. И здесь всё выглядело не так, как я представлял себе раньше. Вполне благоустроенный центр был застроен новыми жилыми и административными зданиями, дороги покрыты асфальтом, много зелени и цветов. В магазинах был приличный ассортимент продуктов, которые продавались без очереди и ограничения норм отпуска, как это делалось в то время в Белоруссии и даже в Москве. Многие дефицитные у нас товары завозились сюда по импорту. Торговали, к примеру, французским маслом, голландскими курами и сыром, венгерской сырокопчённой колбасой. В овощных магазинах продавался свежий виноград и арбузы.

Алёнка показала мне свою общеобразовательную и музыкальную школы, которые были недалеко от их дома. Она хорошо училась и уже неплохо играла на домбре.

В выходной день, по случаю моего приезда в доме собрались Мишины друзья, которые произвели приятное впечатление. Это были культурные и образованные люди, прибывшие сюда по контрактам из разных городов страны. Больше всех мне понравились Зингерманы - выпускники Ленинградского мединститута, с которыми наши дети были очень близки и дружили семьями. Все они убеждали меня в том, что лучше жить здесь в суровом климате, выполняя тяжёлую работу, чем там в нищете и дискриминации из-за своих неблагозвучных фамилий.

Несмотря на большую занятость производственными и общественными делами, Мишенька нашёл время, чтобы ознакомить меня с райцентром и его окрестностями. Он показал мне производственную базу участка, где строились новые здания и сооружения. На дверях его кабинета в только-что отстроенном административно-бытовом корпусе висела табличка: старший прораб М. Н. Гимельфарб. Когда я спросил, зачем было указывать фамилию, мой сын ответил, не без гордости, что она здесь почётна и отрицательных эмоций не вызывает.

В этом я лишний раз мог убедиться, когда на следующий день побывал с ним в райкоме партии. Он вошёл в кабинет Первого секретаря без стука и разрешения сидящей в приёмной машинистки. Хозяин района сказал мне тогда, что я могу гордиться своим сыном. Он не только прекрасный работник, но и лучший в районе секретарь первичной парторганизации.

Мы побывали с Мишкой на строительстве газопровода и компрессорных станциях, в близлежащих леспромхозах, где его хорошо знали и по-дружески тепло принимали. Меня одарили сувенирами и подарками, среди которых была довольно дорогая ондатровая шапка собственного изготовления и другие ценные вещи. Было приятно видеть с каким уважением здесь относились к моему сыну.

Перед отъездом мы были в гостях у Зингерманов. Жили они поблизости и занимали довольно просторную и благоустроенную квартиру. Супруги работали в Санитарно-эпидемиологической станции, где Марк был главврачом, а Таня - врачом по пищевой санитарии. Их дети - школьницы были круглыми отличницами и проявляли большие способности в музыке. Я с интересом слушал рассказы о настоящем, об их проблемах, планах на будущее. Меня вновь убеждали в материальных и моральных преимуществах здешней жизни.

После недельного пребывания в Советском я уже не был таким непреклонным и решительным сторонником немедленного возвращения детей в Минск. Мне стали более понятными мотивы, побуждающие их оставаться здесь в обозримом будущем. Они были довольно убедительными. В душе я вроде с ними соглашался, но сердце подсказывало иное: нужно любой ценой скорее вырвать их отсюда.

Я вновь и вновь возвращался к этой теме и добился, наконец, определённых сдвигов. Мне было обещано, что действующий контракт продлеваться не будет. Это означало, что их возвращения можно было ожидать осенью 1987-го года.

С хорошим настроением и чувством выполненного долга я возвращался домой из этой памятной поездки к сыну. Теплилась надежда на скорую встречу в Минске. К большому сожалению ей не суждено было состояться.

144

В декабре 1984-го года мы с Анечкой отмечали своё шестидесятилетие. Этот юбилей, конечно, праздновали не так широко и торжественно, как полувековой, десять лет тому назад. Тогда мы были в расцвете творческих сил, занимали видное положение в обществе и пользовались большим авторитетом в отрасли, городе и республике. Теперь и годы были другие (мы шли уже с ярмарки), и силы не те, и положение иное, и авторитет был сильно подмочен потоком лжи и клеветы, распространяемой в наш адрес многочисленными недругами-антисемитами “от Москвы до самых до окраин”. Хотя нам и удалось ценой невероятных усилий отстоять своё доброе имя, и врагам нашим не удалось в полной мере осуществить свои заветные цели, но отмыться от всей грязи, которой нас обливали в течении нескольких лет в центральной и местной печати, мы всё же не смогли. Возможности у воюющих сторон были далеко не одинаковыми.

На этот раз в газетах не публиковались Указы о награждении юбиляра, не было правительственных поздравительных телеграмм и в праздновании не участвовало так много важных должностных лиц, но всё же наш юбилей был отмечен достаточно хорошо, эффектно и торжественно.

Хотя уже не было в живых Прищепчика, а для нового хозяина области Леонова моё имя и должность ничего не значили, сочувствующий мне заведующий административным отделом обкома Комар дал согласие на выделение нам по этому случаю круглого зала ресторана “Могилёв”, являвшегося самым престижным местом для проведения больших торжеств в областном центре.

На праздник приехали все наши родственники из Белоруссии, Украины и России, друзья из Минска, Москвы и Ленинграда, ряд видных руководителей мясной и клеежелатиновой отрасли Союза и республики. Большое участие в подготовке и проведении юбилея приняли наши дети, включая и прибывшего из далёкой Сибири Мишеньку. Боря из Одессы и на сей раз подготовил интересный сценарий, значительная часть которого была стихотворной, и был томадой вечера. Не побоялись участвовать в торжествах Яковлев и Емельянов, что могло быть расценено Лагиrom и Бавриным, как вызов и выражение поддержки опального директора.

Руководители отрасли из Москвы огласили приказ министра о награждении Почётной грамотой и денежной премией. Было много подарков и добрых пожеланий. Самыми тёплыми были поздравления наших детей. Запомнилось выступление Мишеньки на этом вечере, в котором, кроме горячих поздравлений и искренних пожеланий были слова сердечной сыновьей благодарности родителям. Среди прочего наш сын тогда в шутку пообещал, что Тюмень преодолит отставание в расширенном воспроизводстве и вскоре подарит юбилярам не просто очередную внучку, как это сделали его собраты в Белоруссии, а продолжателя фамилии и наследника династии Гимельфарбов.

Поздравить нас пришла и делегация работников мясокомбината во главе с Эммой Сергеевной Попсуевой. Моя воспитанница, нынешний директор предприятия тогда заявила, что пока она будет руководить комбинатом, там будут звучать старые песни. Автором их слов будет Попсуева, а музыка

останется Гимельфарбовской. Нужно сказать, что это своё обещание Эмма старалась выполнять. Мигурский же не счёл тогда нужным даже по телефону поздравить нас. Может высокая должность не позволяла, а может совесть помешала.

Больше на нашей родине мы круглые даты не отмечали, а другие семейные праздники проходили незаметно и буднично.

145

Деятельность Горбачёва на посту главы советской империи в первые годы его правления вызвала всеобщее одобрение в народе. Такое же было и моё отношение к новому руководителю страны. Я с интересом слушал его выступления по радио и телевидению, ответы корреспондентам газет и телеграфных агентств на прессконференциях и с гордостью отмечал про себя, что пришла пора личностей, способных мыслить и думать о будущем страны, о нуждах людей.

Ко мне давно пришло убеждение, что “общие закономерности перехода к социализму”, какие радовали своей простотой и однообразием, и которым слепо следовали все руководители партии и правительства послесталинского периода, ведут страну в никуда. Её экономика топталась на месте и всё более отставала от развитых стран, а советский народ влачил нищенское существование и был лишён элементарных прав и свобод.

Провозглашённая Горбачевым политика “Перестройки и гласности” имела своей целью осуществление радикальных изменений в экономической политике государства и проведение ряда существенных демократических реформ. Он был первым советским руководителем, который понял, что систему, казавшуюся незыблемой, необходимо менять, придать ей другой облик, очеловечить. Только за это его уже следовало уважать и поддерживать.

Можно было только удивляться тому, как удавалось новому Генсеку, находящемуся в окружении могущественных старцев, стоящих на страже лживой идеологии, шаг за шагом отвоёвывать важные позиции и осуществлять поистине великие преобразования, казавшиеся раньше невыполнимыми. Новое мышление привело к окончанию холодной войны, выводу войск из Афганистана, разрушению Берлинской стены, демократизации общества. Люди обрели Свободу. Свободу думать, выражать свои мысли, ездить.

Горбачев стал первым советским лидером, который на деле признал подписанную СССР ещё в 1948 году “Всеобщую декларацию прав человека” и Хельсинкские соглашения 1975 года с их знаменитой гуманитарной “корзиной”, где содержались требования о соблюдении прав человека. Признал во многом, но не во всём.

Были все основания надеяться, что гласность и демократические формы правления приведут к существенным переменам и в национальной политике, и покончат, наконец, с государственным антисемитизмом в стране. Трудно было себе представить введение элементарных демократических начал без изменения позиции партии в “еврейском вопросе”.

Сомнения в обоснованности таких надежд появились уже к концу первого года правления Горбачева, когда “Правда” опубликовала его ответы на вопросы французского журналиста о положении евреев в СССР. Михаил Сергеевич тогда, без зазрения совести, заявил, что он не знает другой страны, где евреи пользовались бы такими политическими и иными правами, как в Советском Союзе. Это означало, что объявленное Горбачевым “новое мышление” не внесёт ничего нового в незыблемую политику государственного антисемитизма.

Подтверждением тому стали практические действия нового Генсека. В первые два года его правления еврейская эмиграция несколько не возросла по сравнению с предшествующим периодом и составляла всего около одной тысячи человек в год, что якобы подтверждало тезис “из счастливой страны не бегут”.

В то же время тысячи отказников увольнялись с работы и были лишены элементарных гражданских прав. Многие из них лишались свободы и отсиживали долгие сроки в тюрьмах и лагерях.

Свобода слова и печати вылились, в первую очередь, в издание массовыми тиражами брошюр, газет и журналов, пропагандирующих национальную вражду. В этом пальму первенства прочно удерживали такие известные в стране юдофобские издания, как “Наш современник” и “Литературная Россия”, находящиеся на государственных субсидиях.

Никто из руководителей партии и правительства не осмелился осудить безнаказанные хулиганские выступления фашистского общества “Память”. Юдофобские проявления не встречали серьёзного сопротивления со стороны видных партийных и государственных деятелей страны.

На 19-й партийной конференции, в 1988-ом году, зал восторженно воспринял откровенно антисемитское выступление писателя Юрия Бондарева, оставленное Горбачевым без комментариев. Его молчание могло быть расценено только как согласие с призывами известного идеолога борьбы с сионизмом.

Орган ЦК КПСС, “Правда”, и вслед за ней все другие центральные и республиканские газеты продолжали клеймить Израиль, как государство-террориста, угрожающего войной своим мирным арабским соседям. Советский Союз упорно воздерживался от восстановления дипломатических отношений с Тель-Авивом даже тогда, когда все остальные страны, возглавляемого им “социалистического лагеря” уже направили туда своих послов и имели широкие экономические, политические и культурные связи с единственным демократическим государством на Ближнем Востоке

Об отношении Горбачева к праву каждого человека свободно выезжать из любой страны, включая собственную, и возвращаться в неё, предусмотренного Хельсинкскими соглашениями и другими международными документами, подписанными СССР, можно судить не только по цифрам еврейской эмиграции в первые годы его правления, но и по издевательствам, которые чинились над людьми, которым удавалось получить разрешение на выезд из страны. Их лишали советского гражданства и ещё требовали за это незаконные унижительной оплаты в размере нескольких месячных окладов среднего специалиста. Каждого еврея-эмигранта пропускали через иезуитскую процедуру публичного посрамления, требовали не только безвозмездного оставления своего жилья, но и оплаты за его ремонт, лишали заслуженной трудовой пенсии и принуждали сдавать боевые и трудовые награды. А чего стоил таможенный досмотр в поисках крамолы и контрабанды?

В общем партия и её новый лидер ещё не решались поступиться своими “принципами” и давно созревшей к выезду семье Вовочки вновь пришлось отложить свои планы “на потом”.

146

Мишенька слов на ветер не бросал. Когда он на нашем юбилее в декабре обещал преодолеть отставание и подарить нам не просто очередную внучку, как это уже успели сделать другие наши дети, а наследника и продолжателя фамилии, у него на это были определённые основания. Он тогда мог уже давать какие-то обещания, так как знал, что Ирочка ждёт ребёнка.

Неясным оставалось другое: на каком основании был обещан мальчик? Тогда ещё советская медицина не всегда могла предсказывать кого именно следовало ждать родителям в ранней стадии беременности. Когда мы задали этот вопрос сыну, он ответил, что в этом нисколько не сомневается потому, что на этот счёт у него с Ирочкой нет никаких разногласий. Они оба хотят сына и поэтому только так должно быть. Так это и произошло!

Свой декретный отпуск Ирочка провела в Могилёве. Она не рискнула доверить важный и ответственный процесс деторождения медикам провинциальной больницы Крайнего Севера и пожелала оказаться в эти жизненно-важные дни под наблюдением доброго друга семьи Этти Евсеевны Мизиковской-Берлиной.

Роды прошли благополучно и 23-го июля 1985-го года мы узнали о рождении внука. Его назвали Андреем в честь покойного дедушки Андрея Дмитриевича, который безумно любил единственную внучку и страстно мечтал дожидаться и внука.

Мишенька звонил по несколько раз в день и был безумно рад сыну. Его мечта сбылась и, оставив все служебные дела, он самолётом примчался в Могилев.

Когда страсти немного улеглись, вновь, как и при рождении Алёнки, стал вопрос чью фамилию будет нести новорождённый. Конечно, по тем временам предпочтительнее звучала фамилия матери. Зуськову в Белоруссии жилось бы спокойней, чем Гимельфарбу и юридически Андрюшка такое право имел. Можно не сомневаться в том, что мать подобное предложение охотно бы одобрила, но Мишенька пожелал, чтобы сын носил отцовскую фамилию, и без серьёзного сопротивления со стороны супруги, он своё желание осуществил. Мы с Анечкой в решении этого вопроса не участвовали, но выбор родителей одобрили и оценили по достоинству.

Итак, равновесие было восстановлено. Теперь в каждой семье было по двое детей, а у нас с Анечкой стало шесть внуков! Это ли не богатство на старости? А если, кроме количества, учесть ещё и качество, то нам на самом деле было чем гордиться.

Пару недель счастливый отец провёл в родительском доме и, когда пришла пора возвращаться, пожелал увезти с собой жену и сына, которые могли бы ещё жить с нами хотя бы несколько месяцев, тем более, что был август и надвигалась зима. Ирочка, как обычно, была согласна с мужем, и наш маленький внук улетел с родителями.

Канун многих Первомайских праздников тех лет был связан и запомнился грустными событиями с далеко идущими последствиями. В конце апреля 1978-го года мне объявили проект постановления КНК БССР об освобождении от занимаемой должности и привлечении к уголовной ответственности, 29-го апреля 1983-го года погиб Прищепчик, а 28-го апреля 1986-го года советские средства массовой информации сообщили об аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

О катастрофе под Киевом можно было узнать днём раньше из передач зарубежных радиостанций, которые сообщили о регистрации повышенных доз радиации в ряде европейских стран и принимаемых мерах по защите населения. Запоздалая информация из Москвы была выдержана в спокойном тоне и ограничилась признанием самого факта и сообщением о назначении комиссии для выяснения причин аварии.

До конца апреля и в первые дни мая не принималось никаких мер по защите от радиации. 1-го мая везде, в том числе и в районах, расположенных в непосредственной близости от Чернобыля, прошли праздничные демонстрации трудящихся.

Маршировал и я в тот Первомай во главе колонны пищевых предприятий города. Шествие, как всегда, открыли школьники, которые несли в руках флаги, цветы и портреты Горбачева, руководителей партии и правительства. Погода стояла летняя и люди, в том числе дети, в праздничные дни гуляли на свежем воздухе, наслаждаясь солнцем и теплом.

Состоялась демонстрация трудящихся и в столице Украины, расположенной в сорока километрах от места трагедии. Как потом выяснилось, в праздничных колоннах киевлян не было жен и детей тогдашних руководителей республики. Они были в канун праздника вывезены в безопасные районы.

Местные партийные и советские органы Белоруссии, подчиняясь указаниям из Москвы, успокаивали население заверениями об отсутствии опасности для здоровья людей и утверждали, что радиационный фон находится в пределах нормы.

В Могилёве, который позднее был объявлен зоной бедствия, и где каждому жителю стали выплачивать по тридцать рублей “гробовых” (так тогда называли ежемесячные пособия на покупку “чистых” продуктов), в те майские дни не предупреждали об опасности пребывания детей на улице, не проводилась проверка на радиацию пищевых продуктов на рынках и в магазинах, отсутствовали профилактические меры по борьбе с последствиями радиации.

В начале мая Октябрьский райком партии, к которому относилось и наше ПКБ, созвал совещание руководителей предприятий и организаций для разъяснения оперативной обстановки в районе и предотвращения начавшейся среди населения паники. На нём выступил заведующий областной санэпидстанции Белов, который заверил, что обстановка находится под контролем и нет пока никаких оснований для беспокойства.

Когда я позднее спросил Владлена Николаевича, который был моим соседом и с кем мы были в приятельских отношениях, как следует понимать принимаемые рядом европейских стран, находящихся на более далёком, чем Белоруссия, расстоянии от Чернобыля, меры по защите населения от радиации, он ответил, что выполняет директивы Главного санитарного врача республики. По секрету он признал тогда, что в Могилёвской и Гомельской областях положение значительно хуже, чем в остальных районах республики, и поэтому он направил предложения в областные и республиканские директивные органы о проведении ряда мер по организации проверки продуктов на радиацию и предупреждению заболеваний людей.

Позднее на пищевых предприятиях и в первую очередь на мясокомбинате, молочном заводе и на рынках были введены должности дозиметристов и лаборантов по поголовной проверке скота, дозиметрическому контролю мяса и молочных продуктов.

Запомнилось интервью с академиком А. П. Александровым, который в течении нескольких десятков лет осуществлял научное руководство всеми советскими ядерными энергетическими программами, в журнале “Огонёк”. Он тогда отвергал претензии в отношении надёжности созданных под его патронатом злополучных реакторов “РМК-1000”, которые использовались на многих АЭС страны. В случившейся беде он обвинял только руководство и персонал атомной электростанции.

Прошло немало времени пока под давлением общественности и с помощью международных организаций по контролю за использованием атомной энергии были раскрыты действительные причины этой трагедии и скрываемые от народа факты об авариях на других советских ядерных энергетических установках.

В годы провозглашённой Горбачевым гласности, скрывались и последствия происшедшей катастрофы. По официальным данным, опубликованным тогда, значилось, что во время аварии погиб всего 31 человек. Нигде не говорилось о жертвах среди тысяч медицинских работников, солдат и рабочих, прибывших на место аварии для ликвидации её последствий.

Только когда перестала существовать советская империя стало известно, что из числа спасателей, находившихся там в первые дни после взрыва, со временем умерло не менее семи тысяч человек, а количество советских граждан, оказавшихся на пути прохождения радиоактивных облаков и подвергшихся в той или иной степени воздействию облучения, составляет по меньшей мере 35 миллионов. Следствием этого стали затем массовые заболевания жителей Украины, Белоруссии и ряда западных областей России раком щитовидной железы, лейкемией, кожными заболеваниями. Невиданно подскочила смертность.

Многие специалисты позже утверждали, что главная опасность ещё впереди и таится она в разрушенном четвёртом блоке реактора, законсервированном поспешно сооружённым саркофагом. В нём осталось более 200 тонн ядерного топлива и тысячи тонн радиоактивных веществ. Они предупреждали, что конструкции, которыми был накрыт этот блок, ветшают и нельзя гарантировать их абсолютную надёжность. Не исключалась возможность начала цепной реакции и тогда взрыв 26 апреля, по сравнению с новым, покажется детской хлопушкой. Если теперь мёртвой считается тридцати километровая зона вокруг Чернобыля, то новой мёртвой зоной может стать вся Европа.

Некоторые западные учёные высказывали мнение, что даже если удастся исключить опасность, которую таит Чернобыль, то не исключена возможность подобной аварии на любом из других 24-х реакторов чернобыльского типа, разбросанных по территории советского государства, если не будут устранены серьёзные недостатки в системе их безопасности.

Человечеству свойственно быстро забывать трагедии и катастрофы. Через несколько лет паника, охватившая народ после чернобыльской аварии, понемногу улеглась. Мы же, после 26-го апреля 1986-го года, впервые серьёзно подумали о необходимости спасения детей и внуков не только от государственного антисемитизма, но и от опасности, нависшей над ними в связи с проживанием в зоне повышенной радиации.

148

Демократизация общества в период правления Горбачева, позволила союзным республикам расширить свои права на управление экономикой. Одним из проявлений этого стал перевод предприятий союзного подчинения в ведение республиканских министерств и ведомств. Это коснулось не только крупных заводов тяжёлой промышленности, но и более мелких предприятий легкой и пищевой индустрии. В их числе оказались и все предприятия и организации мясной, молочной и клеежелатиновой промышленности, в том числе и наше ПКБ.

Нужно сказать, что это решение не вызвало большой радости ни у меня, ни у подчинённых мне работников. Более того, появились серьёзные основания для огорчения.

Во-первых, мы до сих пор не контролировались местными органами и чувствовали себя более свободно и безопасно, чем те коллективы, которые были в республиканском подчинении. Для меня лично это было особенно важно, потому что я, наконец, лишился “опеки” Лагира.

Во-вторых, мы лучше обеспечивались материальными и денежными ресурсами, чем аналогичные организации местного подчинения. Это особенно касалось нашего ПКБ, которому практически не было отказа во всех просьбах, с которыми мы обращались в Главк или министерство.

У меня была ещё одна веская причина для недовольства. Теперь, вместо Комлева, который относился ко мне с особенным вниманием и большим уважением, я попадал в подчинение Мигурского, который тогда ещё оставался генеральным директором областного Производственного объединения мясной и молочной промышленности.

Выбора, однако, не было и мне пришлось смириться с положением, ставшим для нас неизбежным. Теперь моим непосредственным руководителем стал тот самый Юзик, которому я в своё время помог стать инженером и специалистом отрасли, обеспечил приличный материальный достаток и жильё, создал все условия для успешной служебной карьеры и который, в “благодарность” за это занялся моим подсиживанием. Это он оказал помощь Лагиру в предании меня суду, а после расправы надо мной, издевался и над моей женой, выгнав её с комбината, где она безупречно отработала более двадцати лет. Не зря говорят: “Пути Господни неисповедимы...”.

Но Мигурский всегда держал хвост по ветру. Теперь, когда Юзик увидел, что я всё же остался на свободе и было восстановлено моё честное имя, у него вроде заговорила совесть, и он попытался загладить свою вину. По его указанию ПКБ было подчинено главному инженеру ПО Ивану Михайловичу Исайкину -

грамотному инженеру и разумному человеку, который не только в меру своих сил способствовал нашей работе, но и стал моим близким другом.

На протяжении нескольких лет работы в “Объединении” Мигурский не вмешивался в производственную деятельность проектно-конструкторского бюро (для этого у него не было знаний и опыта) и не проявлял по отношению ко мне своего жесткого начальствующего нрава.

Более того, Иосиф Казимирович часто отмечал положительную работу ПКБ и его руководства, награждал меня премиями и Почётными грамотами, неоднократно повышал должностной оклад. Когда вышла из строя моя легковая машина, он выделил ПКБ удобный “РАФ” Рижского автозавода и проявлял другие знаки внимания. Всё это, конечно, не могло изменить моего отношения к Мигурскому, как к человеку и руководителю, но всё же, в какой-то мере, сгладило неприятный осадок от необходимости работы под его началом.

Были и некоторые положительные особенности работы ПКБ в новых условиях. Мы вновь стали заниматься тематикой мясной отрасли промышленности. Наши разработки в этой области получили известность во ВНИИМПе, других научных и опытно-конструкторских организациях страны, стали поступать предложения о творческом и производственном содружестве.

Большой интерес к работе нашего коллектива проявил один из ведущих ученых ВНИМПа Михаил Львович Файвишевский, творческое содружество с которым продолжалось до последних дней моей работы в промышленности, а дружеские отношения не прерываются до сих пор.

С его участием были разработаны “Способ безотходной переработки кости и устройства для его осуществления”, соавторами которых мы с ним являемся. Эти изобретения были внедрены на Бобруйском мясокомбинате и на них получены патенты Российской Федерации.

ПКБ по заданиям ВНИМПа разработало конструкторскую документацию на ряд других технических новшеств и выполнило проекты для их внедрения на предприятиях страны. Мне приходилось часто ездить с Михаилом Львовичем по предприятиям Белоруссии и России, и я не переставал восхищаться его таланту, эрудиции и замечательным человеческим качествам.

Пришлось в те годы встретиться и с одним из моих недругов и активным помощником Лагира - Процким. Он работал заместителем директора желатинового завода и имел некоторое отношение к деятельности ПКБ. Бывший парторг был в своё время организатором группы анонимщиков, которая снабжала КНК и следственные органы фальшивой информацией о моих “злоупотреблениях”. Чувствуя вину за содеянное, Процкий, как и Мигурский, старался проявлять ко мне знаки внимания. Он предлагал свои услуги в изыскании дефицитных материалов, выделении транспорта, пытался оказывать другую хозяйственную помощь.

От всех его услуг я брезгливо отказывался и, по-прежнему, испытывал отвращение к этому мерзавцу и проходимцу. Признаюсь, что когда позднее Процкий был уличен в крупных хищениях и осуждён к десяти годам лишения свободы, я испытал чувство удовлетворения тем, что и в этом случае восторжествовала справедливость.

С работой в ПО мясной промышленности связано ещё одно приятное воспоминание. По предложению Ивана Михайловича Исайкина профком объединения выделил мне дачный участок в живописном месте, на берегу Ресты, небольшой, но очень чистой речушки, в Чаусском районе, недалеко от профилактория мясокомбината. Мы уплатили небольшую сумму за имеющиеся на участке строения и занялись их достройкой и реконструкцией. Во многом нам помогли дети и, особенно, Вова, но самое большое участие в этих работах, обустройстве участка и выращивании на нём овощей и ягод принимала Анечка. Она трудилась здесь с утра и до позднего вечера, и в том, что наша дача стала одной из лучших и самой уютной в районе, безусловно её заслуга.

Нас окружали хорошие соседи и мы получали удовольствие от общения с ними, Самым близким и лучшим из них был Исайкин и его дружная трудолюбивая семья.

Наша дача стала местом отдыха для детей и внуков. Она заменила им базу отдыха “Олайне” на Рижском взморье, которая теперь перешла в ведение “Минмясомолпрома” Латвии. Здесь они гуляли по лесу, купались, загорали, наслаждались свежими овощами и ягодами. Мы же с Анечкой трудились на даче всё своё свободное время.

Скорбная весть о большом несчастье, постигшем нашу семью, пришла опять таки в апреле. Поистине роковым стал для нас этот предпраздничный месяц. Беда случилась в конце марта, но мы не знали о ней целую неделю, и только недоброе предчувствие подсказывало, что случилось что-то страшное. Мы не

раз высказывали свою тревогу детям, пока, наконец, Вова не признался, что 31-го марта 1987-го года с Мишей произошёл несчастный случай с тяжёлым исходом.

Было это в выходной день, в воскресенье. На участке работали считанные люди, выполнявшие неотложные работы. Когда Мише стало известно о неожиданном прибытии автомобиля с тяжёлым оборудованием, он с трудом смог собрать только трёх человек для его разгрузки. Люди либо уехали из дому, либо были в нетрезвом состоянии (такое нередко случалось на Севере в выходные и праздничные дни).

Во избежании простоя транспорта, за что взыскивались большие штрафы, наш сын взялся участвовать в разгрузке в качестве грузчика и, когда работа уже заканчивалась, случилось несчастье. Один из рабочих поскользнулся на обледенелой дорожке, выпустил из рук тяжёлый груз и левая нога Мишеньки оказалась под ним.

Попытки рабочих унести пострадавшего в помещение оказались тщетными из-за невыносимой боли, и он пролежал на морозе около часа. Прибывшая, наконец, бригада “Скорой помощи” установила перелом бедра. Ему наложили шину и доставили в больницу посёлка Комсомольский, которая считалась лучшей в районе. Там ему сделали операцию и поставили ногу на вытяжку. Состояние его оценивалось, как тяжёлое.

Технический инспектор ЦК профсоюза, прибывший затем для расследования причин и обстоятельств несчастного случая, оберегая интересы производства, нашёл, что вины предприятия нет. Он дал заключение, что во всём виновата погода (скользкий грунт) и руководитель участка, т. е. сам пострадавший, который не принял мер безопасности и предосторожности, привлёк к работе неопытных грузчиков, не организовал расчистку дороги от снега и льда.

17-го апреля, после неоднократных тревожных звонков, мы получили небольшое письмецо (скорее записку) от сына, которое я храню до сих пор и привожу здесь дословно:

“Дорогие родители! Как вам уже известно, я нахожусь в больнице. Перспективы мрачные. Два месяца буду на вытяжке и три-четыре месяца в полном гипсе. В лучшем случае я вырвусь отсюда глубокой осенью, если лечение пойдёт в верном направлении. Больше всего беспокоюсь об Иринке и детях. Она каждый день, после работы, приезжает ко мне и совсем из сил выбилась. Дети дома одни. Мне их очень жаль.

Прошу маму, если ей позволяет здоровье, приехать хотя бы на месяц, чтобы помочь Иринке. И ещё одна просьба: заберите на лето Андрея. Только вы можете нам помочь. Прошу вас правильно меня понять.

Целую. Ваш Миша”.

Наш сын всегда был оптимистом и таких писем мы от него никогда не получали. Если он мог так написать, значит положение было очень трудным. Не было сомнений, что решение обратиться к нам за помощью Мишенька принимал один, без участия Иринки. Было ясно, что нужно немедленно ехать. Я предложил Анечке вылететь вместе первым же самолётом на Свердловск, но она отвергла этот вариант, как неприемлемый. Во-первых, такой путь потребовал бы две пересадки: одну на самолёт в Минске, а другую на поезд в Свердловске, что отняло бы много времени. Во-вторых, она считала, что там сейчас более нужна именно её помощь и моё присутствие может вызвать только дополнительные проблемы.

Анечка уволилась из ЦСУ, где в то время ещё работала, и собралась в дорогу. Я проводил её до Гомеля, откуда отправлялся самолёт с вахтой в аэропорт “Советский”. На одно свободное место было много претендентов, но слёзы матери, стремящейся скорее добраться к больному сыну, шепотом предложенная ею бутылка спирта подействовали на диспетчера, и ей достался единственный билет.

Дорога была трудной. Самолёт небольшой и некомфортабельный. Потребовалось несколько промежуточных посадок для дозаправки бензином. Укачивало. Но Анечка вынесла все испытания и вечером того же дня оказалась в Советском.

Тем временем Мишеньку перевели в больницу посёлка “Пионерский”, где заведующим хирургическим отделением работал молодой специалист, прошедший практику в Кургане у известного всей стране профессора Илизарова. Там обещали ускорить лечение за счёт применения “курганского” метода.

Из первого телефонного разговора с женой я понял, что сыну стало немного лучше. Ему поставили “аппарат Илизарова” и срастание кости ускорилось. Уменьшились и боли, которые не давали покоя. Теперь появилась возможность разделить заботы о нём и детях между двумя взрослыми женщинами, и всем стало легче. Андрюшка и Алёнка были с бабушкой, которая готовила им и Мишеньке вкусные блюда, а Иринка могла подольше задерживаться в больнице. Она договорилась о шестичасовом рабочем дне и у неё стало больше времени для ухода за больным мужем. Анечка словом и делом помогала ей в этом.

Андрюшке тогда ещё двух лет не было. Он был хорошим мальчиком, но требовал того, что положено ребёнку в таком возрасте. Алёнка, хоть и была уже в четвёртом классе, но и ей помощь и уход бабушки пришлись кстати.

Заведующий отделением и лечащий врач хорошо относились к Мишеньке и, в виде исключения, разрешили ему провести дни Первомайского праздника в кругу семьи. Он передвигался с помощью костылей, но выглядел уже значительно лучше, и казалось, что дело пошло на поправку.

Домашняя обстановка, материнский уход, забота и внимание жены, общение с детьми положительно повлияли на его состояние и вселили надежду на скорое выздоровление. В разговоре с ним по телефону я почувствовал прежнюю бодрость в голосе и оптимистичный настрой, от чего на душе полегчало.

Анечка побывала с детьми еще несколько недель и, когда всем уже казалось, что кризис миновал, она, по настоянию Мишеньки, возвратилась домой. Он, как и Иринка, были очень благодарны ей за оказанную помощь. Договорились, что как только потеплеет, Андрюшку привезут в Могилёв. Алёнке же профком треста пообещал путёвку в ведомственный пионерский лагерь на всё лето, в Геленджик.

Все тогда считали, что самое страшное уже позади.

150

Из всех советских праздников для меня самым большим был День Победы. Эти дни остались в памяти, начиная с первого, когда я был ещё студентом и жил в Грозном. Для меня этот праздник всегда считался самым значимым и важным. В этот день, 9 мая 1945-го года, закончилось одно из самых кровавых и жестоких побоищ человечества - Великая Отечественная война. Она была долгой, трудной и завершилась полным крахом фашизма, великой победой союзников по антигитлеровской коалиции. Были в ней не только победы. Мне лично больше запомнились горькие дни поражений 1941 - 42-го годов, когда немецкая армия, вооружённая первоклассной техникой, натренированная и обученная, руководимая именитыми генералами, легко преодолевала сопротивление плохо вооруженной, неподготовленной Красной Армии, возглавляемой нередко бездарными военачальниками. В эти первые месяцы войны погибли сотни тысяч советских воинов, а миллионы попали в плен. В числе пропавших без вести был мой брат Зюня, а я стал инвалидом.

Это была действительно народная, действительно священная война, которая стоила миллионов жертв, павших на полях сражений, уничтоженных в гетто и концлагерях, умерших от голода и холода в блокадном Ленинграде.

9-ое мая это действительно праздник со слезами на глазах, как поётся в известной песне, когда каждая семья не только радуется победе, но и оплакивает погибших в войне дедов и отцов, родителей, братьев и сестёр, родных и близких. Есть кого оплакивать и мне. Из всех моих многочисленных родственников чудом уцелела только младшая сестрёнка Полечка, спасённая добрыми людьми на оккупированной фашистами Украине.

Больше всех пострадал в той войне еврейский народ, геноцид против которого получил название Катастрофы. Шесть миллионов погибших - та кровоточащая рана, которая до сих пор не заживает в каждом еврейском сердце. Об этой трагедии не принято было говорить в советских средствах массовой информации. Сталин со своими подручными и их приемники, включая первого и последнего президента СССР Горбачева, боялись, что страшная правда о Катастрофе вызовет сочувствие к еврейскому народу. В своей антисемитской политике они не могли допустить, чтобы были обнародованы факты о сопротивлении евреев - их активном участии в борьбе с гитлеровским фашизмом на фронтах, в подполье и партизанских отрядах.

Много было написано в СССР о войне книг, сделано кинофильмов, поставлено спектаклей. В них говорилось о мужестве бойцов и командиров, о подвигах разведчиков и партизан. В них обычно подчеркивалось, что герой был славным сыном украинского, белорусского, русского или казахского народов. Однако, никогда не упоминалось, что герой сражения - сын или дочь еврейского народа.

Только из передач зарубежных радиостанций мы могли узнать, что солдат Дыскин, подбивший в одном бою под Москвой 7 немецких танков; командир подводной лодки Коновалов, потопивший фашистский транспорт "Гойя" с семью тысячами гитлеровских солдат и офицеров; руководитель и организатор обороны Брестской крепости Фомин; герой Малой Земли Кунников; легендарный военный разведчик Маневич; дважды Герои Советского Союза Смушкевич и Драгунский - евреи.

А сколько упрёков в свой адрес мы слышали в годы войны и особенно после неё. Евреи воевали в Ташкенте - говорили в народе. Приходилось это и мне не раз слышать. И это при том, что два моих старших брата и я, 17-летний доброволец ушли на фронт в первые дни войны, где братья погибли, не дожив до Победы.

На торжественных собраниях в День Победы в Могилёве не упоминались имена евреев - участников героической обороны города в июле 1941-го года, а на памятниках узникам гетто, установленным в городах Белоруссии, указывалось, что они сооружены в память о советских гражданах, погибших от рук немецко-фашистских оккупантов в годы войны.

9-го мая не проводились массовые демонстрации трудящихся, подобно тем, что ежегодно проходили 1-го мая и 7-го ноября. В этот день у аллеи Славы собирались ветераны войны и строем шли от мемориала Победы, что был сооружен у входа в парк культуры имени Горького, к памятнику Ленину на центральной площади города. Из года в год участников марша становилось меньше. Те же, кто доживал до очередного Дня Победы и был в состоянии пройти несколько километров по этому маршруту, одевали свои парадные костюмы, ордена и медали, и колонной, под звуки оркестров маршировали по главной магистрали города - Первомайской улице, где их приветствовали тысячи жителей, дарившие им цветы. Многие бывшие воины были на костылях или с палочками, а некоторые - в инвалидских колясках.

В отличие от первомайских и октябрьских демонстраций, на которые нас принуждали являться, в шествии ветеранов никого не заставляли участвовать. Все приходили по доброй воле. Сюда звала память сердца и потребность общения бывших воинов. Марш ветеранов войны в День Победы стал доброй традицией, которая со временем всё более крепла.

Мне было приятно встречать этот праздник в кругу друзей-фронтовиков. Кроме Бориса Берлина, о котором я уже рассказывал, среди них были Лазарь Иткин и Леонид Поляк, которые жили по соседству, были моими ровесниками и с которыми у нас была общность интересов и судеб.

Лазарь Синаевич получил на фронте такое же, как и я, ранение в ногу, что привело к неподвижности коленного сустава. Разница была лишь в том, что нестигаемой у него стала правая нога, а у меня левая. Он, как и я, после войны закончил институт, и получил диплом инженера. Даже служебная карьера его была похожей на мою. Несмотря на своё явно еврейское происхождение, внешность, акцент и проблемы с произношением буквы "р", он дослужился до должности главного инженера областного ПО пищевой промышленности и управлял там всей хозяйственной деятельностью и экономикой в "содружестве" с белорусским директором. Была у нас с Иткиным ещё одна общность - любовь к шахматам. Он считал эту игру самой лучшей и самой умной, что когда-нибудь придумали люди и отдавал ей всё своё свободное время. Для меня было большим удовольствием быть его противником в игре или партнёром в анализе интересных партий или композиций.

Леониду Мойсеевичу Поляку, как и мне, в 1941-ом было 17 и он, как и я, в том страшном году оказался в Армии. Там же в то время были все его старшие братья. Разница была лишь в том, что братьев у него было не два, как у меня, а четыре, и все они, слава Богу, живыми вернулись из пекла войны. Подобно мне, он вкусил полную чашу обид и унижений из-за своей еврейской фамилии, не раз попадал под "сокращения" и лишался любимой работы. Дискриминации подверглись и его дети. Зять Поляка, ровесник и друг наших сыновей, талантливый инженер Эдик Пурыжанский, долгое время не мог найти работу в Минске и вынужден был ездить в пригород, где с трудом устроился на небольшую зарплату.

По душе пришлись нам Леонид Мойсеевич и его милая жена Анна Наумовна, и мы дружили семьями.

Бориса Берлина, Лазаря Иткина и Лёню Поляка я знал много лет и между нами сложились дружеские отношения, которые продолжают до сих пор и, наверное, сохранятся до конца нашей жизни.

С ними, обычно, и отмечал я праздник Победы. Мы шли в одной шеренге и грудь каждого из нас украшали многие ордена и медали, которых мы были удостоены за боевые и трудовые подвиги, совершённые во славу Родины. Судя по количеству подаренных нам цветов, наша компания производила впечатление на людей, приветствующих ветеранов.

У нашего дома, что находился в конце маршрута, мы обычно покидали колонну и заходили ко мне домой, где Анечка ставила на стол бутылку "Столичной" и мы по традиции подымали тост "За Победу".

В том году хозяйки дома не было (она отмечала майские праздники с Мишенькой, в Советском), и Лёня Поляк пригласил нас к себе, в свою просторную квартиру, в многоэтажном доме довоенной постройки на соседней улице.

Анна Наумовна ждала гостей и накрыла великолепный стол. Был армянский коньяк, семга, салями и красная икра. Были тосты за Победу, за мир на земле и за нашу дружбу. Вспоминали павших в войну родных, близких и боевых друзей. Тепло и уютно было нам в этот день в доме Поляков.

Анечка вернулась домой в хорошем настроении от улучшения состояния здоровья Мишеньки, обнадеживающих прогнозов врачей и сознания выполненного долга. Мало того, что она смогла оказать существенную помощь по уходу за больным сыном и малолетними внуками, ей удалось ещё раз убедить нас в чудодейственной силе её лёгкой руки, которой в нашей семье приписывали все удачи и счастливые исходы во многих постигших нас бедах и несчастьях.

Перед отъездом из Советского она договорилась с Иринкой о порядке передачи информации о состоянии больного, выполнении врачебных назначений и рекомендаций, отправке в Могилёв Андрюшки, как только немного потеплеет.

Нужно сказать, что эти договорённости затем чётко выполнялись нашей невесткой. Мы получали по телефону почти ежедневные сводки о здоровье сына.

В доме наших соседей и друзей Марченко был организован медицинский штаб по расшифровке полученной информации, выработке рекомендаций и оказанию помощи больному. Им руководила Людмила Михайловна, врач высшей категории с тридцатилетним стажем, которая привлекла к участию в его работе своего мужа, Николая Яковлевича, опытного хирурга больницы Скорой помощи, и двух дочерей - Людмилу и Ирину - способных практикующих врачей. При необходимости Людмила Михайловна пользовалась консультациями коллег - видных специалистов Минска, Могилёва и других городов республики. Ей удавалось раздобыть дефицитные медикаменты и материалы, которые мы передавали или отправляли в Советский.

В июне Иринка привезла Андрюшу. Она побыла с нами несколько дней и собралась в обратный путь. Мы снабдили её необходимыми лекарствами, деликатесными продуктами и проводили в Гомельский аэропорт. Условились, что, как только Мишеньку выпишут из больницы, они приедут к нам на пару месяцев всей семьёй, а в конце года возвратятся в Минск насовсем. Ни у кого из нас тогда не было сомнений в том, что так оно и будет.

Судьбе, однако, угодно было распорядиться по другому. В конце августа, когда казалось, что болезнь должна была отступить, пришло известие об ухудшении состояния больного: поднялась температура, усилились боли в ноге, пропал аппетит. Людмила Михайловна заподозрила ошибки в лечении и предложила забрать Мишеньку домой. Она обратилась в республиканский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии с просьбой дать согласие принять его в стационар под наблюдение видных специалистов столицы. С помощью своих друзей и знакомых ей это удалось и осталась нерешённой только задача доставки больного в Минск.

По её совету я отправил несколько телеграмм министру здравоохранения Союза Чазову с просьбой оказать содействие в отправке больного в Москву или в Минск санавиацией, но все они остались безответными. Чтобы не терять время, я решил вылететь в Советский, чтобы решить эти вопросы на месте.

Когда, приехав, я увидел Мишеньку, то пришёл в ужас. Сын совсем ослаб, похудел, одни глаза и мягкая улыбка напоминали родные черты его лица. Он пытался скрыть от меня, как мучила его болезнь.

Первая его реакция на предложение поехать в Минск была положительной. Просил только поговорить с врачами и сделать всё возможное, чтобы это решение не вызвало у них обиды. Наш сын очень хорошо отзывался о своих врачах, считая их хорошими специалистами и чуткими, отзывчивыми людьми. Отношения с ними он считал дружескими и полностью им доверял. Во внезапном усложнении болезни он никого не винил и относил это на какие-то неизвестные до сих пор особенности своего организма.

В первый же день моего появления в больнице, меня пригласил главврач, который честно признался в том, что установить причину ухудшения состояния больного они пока не могут. К моему предложению о переводе сына в другую больницу он отнесся с пониманием, но только самолётом санавиации.

Заведующий отделением и лечащий врач предложили сделать ещё одну операцию с целью тщательной проверки зоны перелома и поиска причин медленного сращения кости, а затем уже принимать решение о целесообразности отправки больного на "Большую землю".

Мишенька отдал предпочтение этому предложению и мы дали согласие на операцию, которая была назначена на следующую неделю.

То ли надежда на её успех, то ли мой приезд, а может быть какие-то другие причины повлияли на состояние сына. Ещё до операции он почувствовал себя немного лучше, перестал отказываться от еды и с каждым днём его самочувствие стало улучшаться. У нас даже возникли сомнения в необходимости оперативного вмешательства, но врачи настояли и операция состоялась в назначенный срок. Она продолжалась около трёх часов и по мнению заведующего отделения внесла некоторую ясность в причины

осложнения болезни. Они, якобы, крылись в остеомиелите и кровоизлиянии в области перелома. Появилась надежда, что теперь лечение станет более эффективным.

После операции к сыну вернулся его прежний оптимизм, он всё более склонялся к решению оставаться в этой больнице до полного выздоровления. Я же продолжал настаивать на выезде в Минск. Моё мнение не изменилось даже тогда, когда нам отказали в выделении самолёта санавиации для доставки больного в Свердловск, откуда был прямой рейс на Минск. Облздрав предложил перевести сына в Тюмень. Там считали, что в областном центре найдутся квалифицированные специалисты по лечению подобных заболеваний и нет необходимости искать их в других областях и республиках.

Я продолжал упорствовать, настаивая на немедленном отъезде поездом в Свердловск, откуда можно было за пару часов долететь до Минска. Мне как будто удалось уговорить Мишеньку и мы стали готовиться к отъезду.

Было это, конечно, делом рискованным и вызвало немало возражений в нашей семье, у друзей и родственников. Зингерманы, с мнением которых в этом случае нельзя было не считаться, были категорически с этим не согласны, считали безумием решиться на такую поездку с тяжело больным человеком, и советовали согласиться с предложением Облздрави. Иринка тоже опасалась поездки поездом. Кроме того, она не видела реальной возможности обеспечить надлежащий уход за больным в чужом городе.

Тем не менее я продолжал настаивать на отъезде и велел врачам подготовить все необходимые документы. Когда всё было готово и на следующий день мы должны были уже покинуть больницу, Мишенька вдруг закапризничал, а к вечеру вовсе отказался от поездки. Он велел сдать билеты и возратить врачам историю его болезни. Как всегда, наш сын в принятом решении был непреклонен и мне ничего не оставалось, как выполнить его желание.

Чтобы как-то меня успокоить, он утверждал, что чувствует себя после операции намного лучше и в подтверждение этого сослался на снижение температуры, которая в эти дни действительно была близкой к нормальной.

Я потом не раз упрекал себя в проявленной слабости и беспринципности, но тогда я поступить по другому не мог. Не было уверенности в правильности моего решения, которое к тому же было связано с большим риском для Мишеньки. Кроме того, действительно появилась надежда на какие-то сдвиги в лечении.

Целую неделю провёл я ещё у постели больного. Он был спокоен и уверен в том, что поступил верно. Я так и не понял: или ему действительно стало лучше, или он делал вид, чтобы не волновать меня.

Было начало сентября и он стал беспокоиться о том, чтобы в хлопотах о нём не забыли о дне рождения Алёнки. Ей десятого сентября исполнялось 11 лет. Иринке было не до этого и я пообещал ему этим заняться.

Накануне, мы с именинницей закупили закуски, сладости и напитки, а в день рождения собрался полный дом её подружек. Алёнке с гостями было хорошо и весело. На следующий день мы поехали в больницу, где Мишенька тепло поздравил свою любимицу с днём рождения. Он был в тот день в хорошем настроении, много шутил и велел мне ехать домой, готовиться к их скорому приезду.

Я пообещал, что вместо меня вскоре приедет мама, которая ему была сейчас более необходима. До самого моего отъезда Мишенька казался бодрым и весёлым, только в минуты прощания он загрустил. В его глазах стояли слёзы. С комом в горле и чувством невыполненного долга покидал я палату тяжело больного сына.

152

От затеянной Горбачёвым перестройки советской системы ничего не получилось. Вместо косметического ремонта, произошёл её развал, который вышел изпод контроля. Из провозглашённого новым Генсеком лозунга “Ускорение и гласность” народу пришлось по душе только гласность. Всё более открыто стали требовать настоящей свободы слова, печати, собраний и митингов. И такие свободы были даны.

Во весь голос заговорили и евреи-отказники, требуя соблюдения в СССР прав человека, в том числе права на выезд. Не убоясь милицейских задержаний и кулачных расправ, они стали регулярно организовывать демонстрации протеста в самом центре Москвы.

Их требования получили широкую поддержку видных политических, общественных и религиозных деятелей Запада. С 1986-го года страну начали посещать американские конгрессмены и сенаторы, которые встречались с еврейскими отказниками и передавали властям пофамильные списки людей, которые годами находились в отказе.

Большое воздействие на Горбачёва оказывал президент США Рейган, который, оговаривал политическое, экономическое и военное сотрудничество с СССР непременным условием соблюдения прав человека. Он не раз публично осуждал советскую эмиграционную практику и настоятельно требовал от руководства страны признания права на свободный выезд из СССР граждан любой национальности.

В декабре 1986-го года, накануне приезда Горбачева в Вашингтон на очередные переговоры с Рейганом, ведущие еврейские организации США организовали всеамериканский марш протеста, в котором приняли участие около двухсот тысяч человек. Ораторами на митинге были вице-президент Буш, сенатор Доул и ряд других видных политических и общественных деятелей страны.

Несмотря на упорное сопротивление властей, эти и другие акции протеста оказали соответствующее воздействие на Горбачева, начался постепенный отход от политики “не пущать”. В 1987-м году был разрешен выезд из страны восьми тысячам евреев, что в несколько раз превышало квоту предыдущих лет, а в 1988-ом году СССР покинуло 19 тысяч человек.

К отъезду начали готовиться наши друзья и знакомые в Минске и в Могилёве. Уверенности в том, что советская эмиграционная политика останется неизменной в обозримом будущем не было, и многие евреи решили, что пришла пора воспользоваться горбачевскими свободами, пока не поздно. Среди них была и семья Вовы.

Пришлось в пору накопленный и неиспользованный ранее опыт. Они вновь получили приглашение из Тель-Авива, которое легко реализовали в израильскую визу.

Отношение наших детей и родственников к желанию Вовы покинуть страну было разным. Если мы с Анечкой к тому времени уже почти созрели к отъезду, Верочка к этому ещё не была готова. Жора и слушать не хотел об этом. Даже тревожный диагноз врачей, установивших опасные изменения в щитовидной железе Наташки, не повлияли на его категорический отказ вести какие-либо разговоры на эту тему. Он оставался убеждённым патриотом. Белоруссия была его Родиной, здесь был его отчий дом, он и не мыслил, что когда-нибудь сможет навсегда покинуть землю своих предков. Верочка, хоть и не разделяла мнения Жоры, была на распутьи.

Она по горло была сыта унижениями и оскорблениями на национальной почве, ей давно надоело быть человеком второго сорта и она, как и Вова, мечтала реализовать свои знания, опыт и способности в свободной стране, где нет дискриминации и положение в обществе не зависит от национальной принадлежности. К выезду её склоняла и опасность проживания детей в зоне повышенной радиации. Кроме того, она просто не мыслила себе жизнь вдали от родителей, братьев, родных и близких.

С другой стороны, Верочка, воспитанная на традициях предков, не хотела тогда разрыва с Жорой на почве семейных разногласий.

Очень важно было знать как отнесётся к отъезду Вовы его брат, с мнением которого в нашей семье все очень считались. Наверное, и в этом случае оно было бы решающим, но задавать больному Мишеньке этот вопрос никто не решался и окончательное решение отложили до его выздоровления и возвращения домой.

153

По вечерам мы с волнением ждали телефонных звонков от Иринки. После моего отъезда из Советского первые её сообщения особой тревоги не вызывали, но и о существенных положительных изменениях не говорили. Было решено, что Анечка поедет к ноябрьским праздникам, с расчётом пребывания там до выписки Мишеньки из больницы. Мы тогда считали, что они смогут вернуться домой вместе к Новому году.

Однако, в начале октября мы получили неожиданное и тревожное сообщение о новом несчастье: Мишенька заболел гепатитом и помещён в инфекционное отделение больницы. По истине злой рок преследовал сына. Иринка совсем растерялась и просила о помощи. Она считала, что только счастливая рука матери сможет отвести беду.

Долгих её убеждений не понадобилось. Анечка переговорила с Евдокией Антоновной, которая согласилась присмотреть Андрюшку, и на следующий день собралась в дорогу. В Гомель пришлось ехать через Минск. Запомнилась сцена прощания. Ребёнок очень привязался к бабушке и называл её мамой. Когда он понял, что она всерьёз покидает его, он расплакался, вцепился в её юбку и долго не отпускал, пока сестра Иринки, тётя Таня, силой не увела его в другую комнату. Долго ещё стоял в ушах плач ребёнка, когда мы, наконец, оставили квартиру своих родственников.

В Гомеле с большим трудом раздобыли билет на вахтовый самолёт. Утром следующего дня Анечка была уже в Советском.

Из телефонного разговора с ней в день приезда стало ясно, что состояние сына крайне тяжёлое. Как оказалось, желтухой его наградила стоматолог, который ещё при мне занимался лечением его зубов. По настоянию Марка Зингермана было проведено тщательное расследование, которое установило, что инфекцию внесли плохо простерилизованным шприцем. До Мишеньки им делали укол больному, у которого затем выявили гепатит. Виновной оказалась медсестра, которую тут же уволили с работы, но беда от этого меньшей не стала.

Инфекционная желтуха сама по себе очень опасна и нередко приводит к тяжёлым последствиям. А тут ещё ослабленный длительной и тяжёлой болезнью организм. Мишенька отказывался от пищи, ослаб, не спадала высокая температура и врачи воздерживались от каких-либо обнадеживающих прогнозов.

С учётом состояния больного, вопреки строгим законам инфекционной больницы, Анечке разрешили остаться с сыном, и она сутками не отходила от его постели. Им отвели изолированную палату, имевшую отдельный выход. Условия были ужасными: пища несъедобная, в палате было холодно, отсутствовали элементарные удобства. Контакт с больными представлял большую опасность, но материнская любовь и готовность к самопожертвованию ради спасения сына лишали её чувства страха. Благодаря усилиям Иринки и Зингерманов удавалось добыть дефицитные лекарства и нужные продукты. Мишенька получал всё необходимое для лечения. Это и круглосуточный уход матери сотворили чудо. После ноябрьских праздников наш сын был вырван из объятий, казалось, неминуемой смерти.

Однако, побеждена была только желтуха. Главная же болезнь оставалась. Более того, за время нахождения в инфекционной больнице она ещё более прогрессировала и теперь представляла реальную опасность для ослабленного гепатитом организма. Боли в ноге усилились, появилась опухоль, была высокая температура. Когда Мишеньку вернули в хирургическое отделение, врачи, которые раньше были уверены в успехе лечения и возражали против его перевода в другую больницу, признались в своей слабости и обратились за помощью в Облздравотдел. Из Тюмени направили на консультацию заведующего хирургическим отделением областной больницы. К его приезду были подготовлены свежие рентгеновские снимки, которые показали, что сросшаяся кость вновь дала трещину, и Мишеньке в третий раз поставили аппарат Илизарова.

Процедура установки аппарата довольно сложная и проводится под наркозом. Из объяснений врачей я понял, что в поломанной кости просверливаются отверстия и туда вводятся металлические стержни, которые скрепляются болтами. За счёт этого кость сжимается по линии излома и находится в таком состоянии до полного сращения. Как утверждали сторонники этого способа лечения переломов, он в несколько раз ускоряет процесс выздоровления и в большинстве случаев даёт лучшие результаты, чем обычно применяемый метод наложения гипса. Далеко не все больницы, даже в крупных городах страны, тогда владели технологией применения этого новшества и могли использовать его в своей практике. Некоторые хирурги отказывались от внедрения метода Илизарова по принципиальным соображениям, отрицая его эффективность.

Молодой врач-новатор в больнице посёлка Пионерский на протяжении нескольких лет довольно успешно применял аппарат Илизарова и имел основания гордиться этим. Во всех случаях, как он сам рассказывал, кость срасталась с первого раза и ему никогда раньше не приходилось делать повторные операции одному и тому же больному. Такой случай, как у нашего сына, когда дважды вновь появлялись трещины и приходилось повторно скреплять кость стержнями, ему встретился впервые. Неудивительно, что он растерялся и запросил консультанта из Тюмени.

Прибывший в больницу пожилой хирург отнёс осложнения в лечении только за счёт гепатита. Он порекомендовал ряд дополнительных медикаментов и посоветовал, в случае крайней необходимости, доставить больного в Тюмень. Каких-то сомнений о наличии других причин критического состояния у него не возникло. Он категорически отклонил все иные предположения местных врачей, ссылаясь на свой богатый опыт лечения подобных заболеваний.

Когда, после двух недель лечения, выполнения всех советов и рекомендаций консультанта, состояние Мишеньки не улучшилось и на лицо была явная опасность его жизни, главврач настоял на срочной отправке больного в областной центр и вызвал для этого самолёт санавиации.

Мать и жена решили ехать с Мишенькой и оставаться там на всё время лечения. Требовалось немалое мужество для такого поступка. Стояла зима и столбик термометра не подымался выше двадцати пяти - тридцати градусов мороза. В Тюмени не было наших родственников или знакомых, которые могли бы им помочь. Оба были измучены физически и морально. В Минске без должного ухода оставался двухлетний Андрюшка, а в Советском - школьница Алёнка. И всё же отважные женщины решились на это

В пути разразилась метель при сильном порывистом ветре, была плохая видимость и самолёт на полпути сделал вынужденную посадку. Было ужасно холодно и, опасаясь простуды, женщины укутали Мишеньку всеми наличными пледами и одеялами. Только на следующий день, со второго захода, их маленький самолёт добрался до аэропорта Тюмени. У взлётной полосы уже стояла машина Скорой помощи, которая доставила их в областную больницу.

В приёмном покое их ждал знакомый хирург, который приезжал в Пионерское в качестве консультанта. Состояние больного он оценил, как очень тяжёлое.

Заставив Мишеньку поесть кое-что из принесенного ужина и выпить стакан горячего чая, Анечка и Иринка, измученные тяжёлой дорогой, страхом и волнениями, кинулись искать место для ночлега. Короткий зимний день шёл к концу, наступали сумерки, крепчал мороз. Как и везде, найти свободные места в гостиницах города было невозможно и трудно себе представить, что было бы, если бы их не пожалела администратор одного из отелей, поселившая усталых женщин в недорогом номере.

С утра следующего дня они заступили на дежурство у постели Мишеньки, которое продолжалось около двух месяцев. Врачи долго присматривались, делали массу анализов и тестов, и всё никак не находили причины кризиса и пути спасения больного. Опухоль увеличивалась, температура не спадала, кровотечение не уменьшалось. Положение усложнялось тем, что нога была в аппарате, который боялись снимать, так как никто здесь не смог бы его вновь поставить. Попытки добраться к месту перелома вызывали страшную боль и приводили к ослаблению креплений. Приходили специалисты из мединститута, других научных и лечебных центров города, высказывали разные предположения, требовали новых анализов, но к единому мнению прийти не могли. Так продолжалось несколько недель.

Наконец, опасаясь фатального исхода от потери крови, решились на операцию со снятием аппарата. Когда Мишеньку везли в операционную он заподозрил, что ему могут ампутировать ногу, но врачи убедили его, что вовсе не имеют подобных намерений. Такие же заверения получили мать и жена.

Можно поэтому понять состояние несчастных женщин, когда Мишеньку через несколько часов вывезли из операционной с одной ногой. Вторая была удалена почти до самого туловища. Когда обезумевшие жена и мать в слезах стали упрекать врачей в обмане, они объяснили, что гистологическая проба подтвердила самые страшные опасения - саркому. Первому результату не поверили и заставили лабораторию повторить анализ. К сожалению, диагноз подтвердился. Ни о согласии больного на ампутацию, ни о советах с родственниками не могло быть и речи. Выбора не было. Ногу следовало удалить и при этом нужно было убрать как можно больше поражённой болезнью кости, чтобы не лишиться хотя бы небольшой надежды на сохранение жизни.

Мишенька долго не приходил в сознание. В реанимационной комнате, кроме него, почти без сознания были убитые горем мать и жена.

Разум вернулся к Анечке и Иринке когда Мишенька застонал и открыл глаза. Он настолько ослаб от истощения и потери крови, что казалось, что сама смерть стоит у его изголовья. Нужны были силы, мужество и выдержка для решающего этапа борьбы за его жизнь. Из всех предыдущих он стал самым трудным.

Если раньше, в Советском, им во многом помогали друзья и знакомые, то здесь, в чужом городе, они на это рассчитывать не могли. До сих пор их союзником был оптимизм больного. Теперь на это надеяться было трудно. А главное - его физическое состояние было намного хуже.

Но Мишенька и теперь оказался умицей. Оценив обстановку и поняв, что без его помощи матери и жене не обойтись, он призвал их к спокойствию и попросил чего-нибудь пожевать. Не думаю, что после тяжёлой операции ему на самом деле хотелось есть. Скорее всего, он заставлял себя делать это, но теперь его меньше приходилось убеждать и упрашивать.

Иринка и Анечка поделили обязанности. Когда одна из них рыскала по магазинам и базарам в поисках нужных продуктов, овощей, фруктов и соков, другая дежурила у постели больного и ухаживала за ним.

Повышенное внимание оказывали врачи. Осознав свою вину в несвоевременной постановке диагноза, они боялись ответственности за допущенную халатность, которая усугубила болезнь и вызвала неоправданные страдания. Лучше других, наверное, это понимал заведующий отделением, который выезжал в Пионерское в качестве консультанта. По наличным симптомам он должен был ещё тогда провести нужные исследования и распознать опасную болезнь. Тем более он обязан был это сделать здесь, уже в первые дни наблюдения за состоянием больного.

Выводы сделало начальство. Через несколько дней после операции он, осматривая состояние швов на культе сына, сказал, что ему объявлено решение об увольнении и с завтрашнего дня приступит к работе новый заведующий хирургическим отделением.

Более месяца продолжалась борьба за жизнь Мишеньки. Он получал нужное питание и необходимое лечение, но больше всех старался сам, скрупулёзно выполняя все назначения и благодарно принимая уход матери и жены. Он был уверен в своём скором выздоровлении и прилагал к этому максимум усилий. К нему вернулся прежний оптимизм, чему, наверное, способствовало то, что ни тогда, ни позднее он не знал истинного диагноза своей болезни.

С каждым днём сыну становилось лучше: спала температура, уменьшились боли, он стал лучше есть. Появилась надежда, что вновь свершилось чудо, и смертельная опасность миновала.

Подробности двухмесячного единоборства со смертью, как и ужасный врачебный диагноз женщины от меня скрывали. Они держали их в секрете, опасаясь, что я могу такое не вынести. Единственное, что от меня не скрывали - ампутацию ноги. Мои предложения приехать в Тюмень жена отвергла, считая, что это могло только осложнить ситуацию.

В это трудное время я получал большую моральную и материальную поддержку от наших друзей. Кроме семьи Марченко, мне во многом помогали Людмила Иосифовна Шейграцева - заведующая отдела ЦСУ, где последние годы работала Анечка, и её муж - главный экономист завода “Электродвигатель”, Василий Степанович Неколышин. Они почти ежедневно навещали меня, оказывали посильную помощь во всём, но ценнее всего была их моральная поддержка, в чём я больше всего нуждался. Их дружбу и внимание в эти трудные дни я не забуду до конца своей жизни.

В начале января состояние Мишеньки улучшилось настолько, что, по мнению врачей, можно было начинать подготовку к отъезду. До Москвы решили лететь самолётом, а оттуда шёл прямой поезд в Могилёв.

Перед отъездом из Тюмени, Иринка поехала в Советский, чтобы уволиться с работы, собрать необходимые вещи и договориться об уходе за Алёнкой.

К её приезду Анечка, с помощью главврача, купила авиабилеты и подготовила сына в нелёгкий путь домой. Машина “Скорой помощи” доставила их к трапу самолёта и им разрешили досрочную посадку.

В аэропорту Щереметьево их встречал мой племянник Валерий, который, вместе с женой Машей, создали Мишеньке нужные условия для кратковременного отдыха. Я впервые за последние месяцы имел возможность услышать родной голос сына по телефону. Как он не старался, но скрыть от меня своё состояние ему не удалось. На следующий день молодые Елизаровы проводили своих родственников на Белорусский вокзал.

Московский поезд прибывал в Могилёв в начале шестого утра. Неколышин договорился с шофёром служебного “Рафика” о встрече больного и сопровождавших его женщин, и вместе со мной выехал на вокзал. Когда я увидел Мишеньку в дверях вагона, меня охватил ужас. Лицо его было мертвенно бледным и изменилось до неузнаваемости. Он с большим трудом удерживал на костылях исхудавшее тело и не в состоянии был двигаться без посторонней помощи. Анечка выглядела не на много лучше и еле держалась на ногах. Самой сильной среди них казалась маленькая ростом и хрупкая Иринка. Наверное, сказывалась разница в возрасте.

Пятиминутная дорога домой прошла в тишине. Все оставались со своими мыслями. Молча рассматривали друг друга в тусклом освещении салона автомобиля. Было ещё темно и во дворе нашего дома не было ни души. Мы помогли сыну подняться по ступенькам к лифту. Как только переступили порог квартиры, Мишенька повис на мне и еле слышно произнёс:

-Наконец-то я дома.

Со времени назначения меня на должность генерального директора ПО мясной промышленности я получил доступ к некоторым привилегиям, которые полагались руководителям такого ранга. Одной из них было право пользоваться медсанчастью обкома партии. Вся наша семья обслуживалась спецполиклиникой, где, кроме партийного и советского актива, лечились некоторые хозяйственные руководители областного масштаба.

Здесь работали лучшие врачи, не было очередей, был образцовый порядок и чистота. Поликлиника была обеспечена современной аппаратурой и медтехникой. Сюда в первую очередь направлялись дефицитные лекарства. В необходимых случаях больные направлялись в лечкомиссию ЦК КПБ, где могли получить консультацию, назначения и рекомендации видных медицинских светил республики.

Из-за большой занятости я редко пользовался этой льготой и меня больше приглашали к врачам по повесткам для профосмотра. Редко навещали поликлинику и дети. У них в этом просто не было необходимости. А вот Анечке, после того, как у неё был диагностирован арахноидит, пришлось довольно часто ходить по врачам не только в Могилёве, но и в Минске.

Когда наши дети уехали в столицу, они были сняты с учёта в спецполиклинике и лишились привилегий в медобслуживании. Могли и мы с Анечкой потерять эти льготы, когда я попал в опалу и был освобождён от занимаемой должности, но этому помешал Прищепчик, по указанию которого я не был выведен из состава обкома и ещё долго оставался депутатом Горсовета.

В период Горбачевской перестройки и гласности народ всё настойчивее стал требовать отмены привилегий для партийных и советских работников, в том числе и льготного медицинского обслуживания. Партноменклатура не желала расставаться со льготами и обкомовская поликлиника существовали до начала девяностых годов, но туда резко ограничили доступ новых пациентов.

Теперь Мишенька нуждался в спецполиклинике, но мы не решались даже просить об этом, предвидя вероятный отказ. Однако, Людмила Михайловна, пользуясь своими связями, взялась уладить это дело и вскоре наш сын был допущен к привилегированному медобслуживанию, что было крайне важно в его состоянии.

При выписке из тюменской больницы, по просьбе Анечки, ей на руки были выданы две истории болезни. Согласно одной из них значился диагноз: “Ампутация правой ноги вследствие остеомиелита”, другая, недоступная для больного, указывала выявленную саркому. В поликлинику были переданы документы с настоящим диагнозом.

Не все врачи были согласны с нашим решением скрывать от больного заболевание, но у нас не хватило мужества открыть ему правду и вытекающую из неё смертельную опасность, которая над ним нависла. На сохранении тайны больше всех настаивала мать. Она первая затеяла эту ложь и называла её святой. Даже мне и нашим ближайшим родственникам она не сразу доверила свой секрет и сделала это только под клятвенное обещание не признаваться в этом Мишеньке. В то же время она больше всех надеялась на чудо и верила в его выздоровление.

Со временем эта вера постепенно передавалась мне и детям. Каждый день в нашей семье начинался и заканчивался заботой о больном сыне. Для него добывались самые изысканные продукты, самые дорогие фрукты и овощи, самые дефицитные лекарства. Я забыл о бывшей скромности и теперь готов был унижаться перед любым дельцом или спекулянтом в стремлении достать всё необходимое для Мишеньки. Когда в Могилёве иссякли запасы чёрной икры и её не стало даже в обкомовском буфете, я доставал этот вкусный и любимый сыном деликатес в Бобруйске и Минске. Даже зимой, когда ни в одном закрытом распределителе нельзя было найти свежих фруктов, овощей и цитрусовых, я покупал их по бешеным ценам на рынке.

В бытность руководителя крупной мясной фирмы мне никогда не привозили дефицитные продукты домой и я не знал дороги в магазин с “чёрного” хода. Я и жене запрещал это делать, считая что директор-еврей не должен давать повод для упреков в злоупотреблении служебным положением.

Теперь же, когда деликатесные мясoproductы были нужны для больного сына, я молчаливо взирал на то, как экспедитор мясокомбината Марат, по просьбе моей жены, доставлял нам домой отборные продукты по недорогим ценам.

Нужно отдать должное кулинарным способностям Иринки и Анечки. Они, соревнуясь друг с другом, готовили Мишеньке много вкусных и полезных блюд.

Заботливый уход, отменное питание и надлежащее медицинское обслуживание не замедлили сказаться на состоянии сына. Он окреп, посвежел и прибавил в весе. Чтобы оградить его от угарного газа автомобилей, которым был насыщен воздух в центре города, Вова с помощью Анны Абрамовны оборудовал для него отдельную комнату на даче, которую облицевали фигурной рейкой и обставили привычной ему мебелью, прибывшей из Советского.

В начале лета на приусадебном участке поспела клубника, а позднее созрели огурцы, молодая картошка, помидоры, малина. Мишенька любил рвать с куста малину и забрасывать ароматные ягоды в рот. Он получал большое удовольствие от собранных на собственном огороде овощей, ягод и молодой картошки.

Чтобы сын не так болезненно переносил свою неполноценность, я дал ему возможность пользоваться моим “Москвичём” с ручным управлением. Несмотря на то, что педали управления были установлены с учётом отсутствия или бездействия левой ноги, а у него отсутствовала правая, он быстро освоил технику вождения и свободно управлял автомобилем не только в сельской местности, где находилась наша дача, но и в городе. Мы даже совершили с ним поездку на машине в Минск, в ходе которой он не только с успехом справился с дорогой на двухсоткилометровой автостраде, но и свободно ездил по

центральным улицам столицы, которые я старался избегать из-за множества ограничений и большого количества транспорта.

Мишенька быстро обзавёлся друзьями, одним из которых стал мой непосредственный начальник и сосед по даче Иван Михайлович Исайкин. Они были одного возраста и имели общие интересы. Приезжали к нему и коллеги по прошлой работе из Минска и они часами беседовали о делах в “Промналадке”, куда он мечтал вскоре возвратиться. Часто его навещал друг юности Эдик Пурыжанский, у которого они с Иринкой снимали комнату в кооперативной квартире, в первые годы после женитьбы.

Но самым близким для него человеком, как и в детстве и юности, оставался младший брат Вовочка. Как и раньше, между ними не было секретов и они доверяли друг другу все свои сокровенные желания, тревоги, сомнения. Братья подолгу засиживались одни в разговорах о прошлом, настоящем и будущем. Они всегда нуждались друг в друге. Родились вместе (с промежутком в двадцать пять минут), росли рядом, учились в одной школе, в одном институте, на одном факультете и в одной группе. Они дружили и защищали один другого от недругов. После института вместе уехали в Минск и долго, до самой женитьбы Мишеньки, жили сообща в однокомнатной квартире у автозавода, которую затем уступили Верочке, когда она обзавелась семьёй. Даже когда Мишка уехал на Крайний Север, Вовка не мог дожидаться его приезда в отпуск, и при первом же удобном случае умчался в Советский на встречу с братом.

Мы не знали содержания разговоров, что велись между ними, и никогда не спрашивали их об этом, но после одного из них Мишенька сказал нам, что полностью одобряет планы брата покинуть страну и просил не препятствовать этому. Он считал, что его примеру затем должны последовать и мы, и семья Верочки, даже в том случае, если на это не согласится Жора. Не исключал наш сын и возможность своего отъезда, когда окрепнет после болезни и будет в состоянии трудиться. Он не сомневался в том, что Иринка с детьми поедут с ним по первому его зову.

Ещё в начале лета, когда Мишенька почувствовал себя лучше, он попросил нас отвезти его домой, в Минск. Он скучал по своей просторной квартире на Ленинском проспекте, которую получил перед отъездом на Север и которой не успел даже вдоволь насладиться, по городу, что стал любимым, по родным, друзьям и знакомым, что жили в столице, по “Промналадке”, в которую надеялся вернуться. Он мечтал скорее отправить Алёнушку в столичную школу, а Андрюшку в “свой” детский садик, что был рядом с их домом.

Мы в душе были согласны с Мишенькой, считая его просьбу правомерной и вполне осуществимой. Анечка даже соглашалась пожить какое-то время в Минске, чтобы помочь по уходу за сыном и внуками, но Иринка и слушать не хотела об отъезде, опасаясь ухудшения медицинского обслуживания и условий жизни в Минске. Кроме того, её преследовал постоянный страх возврата болезни.

Хоть мы на этот счёт занимали тогда разные позиции, но её можно было понять и нам пришлось с ней согласиться. С помощью Шейграцевой, которая к тому времени была выдвинута на должность заместителя председателя райисполкома, удалось определить Андрюшку в лучший в городе ведомственный детский сад, а Алёнку в престижную среднюю школу имени Зои Космодемьянской, недалеко от нашего дома. Иринку устроили экономистом-финансистом в отдел цен облисполкома, чему она была очень довольна.

Материально семья была вполне обеспечена. Мишенька получал до сих пор свою среднюю зарплату по бюллетню о временной нетрудоспособности. Она в несколько раз превышала мой довольно приличный директорский оклад. Мы полагали, что в таком же размере его организация будет выплачивать и пенсию, так как несчастный случай был связан с производством.

Когда же закончился срок выплаты по бюллетню, СМУ “Тюменьмонтажспецстроя” сообщило, что выплата пенсии будут производиться в размере 50 процентов средней зарплаты по причине наличия вины пострадавшего в полученном им увечьи. При этом они сослались на заключение технического инспектора ЦК профсоюза, производившего расследование причин несчастного случая.

Несмотря на абсурдность этого решения, понадобилось несколько месяцев для восстановления справедливости. По направленным мною жалобам ВЦСПС отменил решение отраслевого профсоюза и потребовал нового расследования. Когда же, наконец, было получено заключение об отсутствии вины пострадавшего, администрация и профком СМУ решили увеличить выплату лишь на 25 процентов. Только по решению Народного суда администрация СМУ была вынуждена возобновить выплату пенсии в размере полного среднего заработка и произвести перерасчёт за весь прошедший период.

Мишенька в этой тяжбе не участвовал и в судебные инстанции не вызывался. Переписку по жалобам и защиту искового заявления в суде выполнял от его имени я. Об этом мы рассказали ему только тогда, когда получили окончательное судебное решение.

Мишенька стеснялся своей инвалидности. Теперь, когда к нему вернулся здоровый цвет лица и атлетическое телосложение, костыли казались совсем неуместными, и он попросил заказать ему протез. Культя была совсем маленькой и врачи не советовали утруждать её протезом, но мы не могли отказать ему в этой просьбе и взялись решить эту нелёгкую задачу. С помощью той же Людмилы Иосифовны вышли на лучшего мастера протезной фабрики, который поддался нашим уговорам и согласился выполнить трудный заказ. Ценой больших усилий, после многократных примерок и исправлений, протез был изготовлен и перед нами предстал прежний Мишка, такой же, каким он был, когда последний раз приезжал на отдых в Ассари. Он впервые после болезни одел свой новый, купленный перед болезнью шерстяной костюм, посмотрел на себя в зеркало и довольно улыбнулся.

Радость его, однако, была преждевременной. Он смог только несколько минут постоять на протезе перед зеркалом и был вынужден снять его из-за боли в культе. Долго ещё Мишка мучил себя тренировкой ходьбы на протезе. Только ему одному было известно, чего это стоило. Он скрывал от нас мучения, которые ему доставались от попыток научиться с помощью палочки ходить на искусственной ноге, вновь и вновь надевал протез и пытался ходить в нём по комнате.

Мне однажды удалось увидеть каких усилий стоили ему эти тренировки, глядя в замочную скважину двери его комнаты. После нескольких попыток пройти без костылей от одной стены к другой он был весь мокрый и бледный.

Когда же мы пытались отговаривать его от этих занятий и просили отложить их до осени, он убеждал нас, что ему совсем не больно и нужно только привыкнуть и приспособиться.

Долго ещё Мишенька мучил себя занятиями ходьбы на протезе. Прошло несколько недель изнурительных тренировок, пока он сам не понял, что эти занятия нужно отложить до лучших времён, когда окрепнет культя и ослабленный болезнью организм. Чтобы ускорить этот процесс, он стал заниматься физическими упражнениями, делал усиленную утреннюю зарядку и даже научился плавать с одной ногой.

Смешанное чувство радости и тревоги владело нами весной и летом 1988-го года. Мы радовались казавшемуся надёжным выздоровлению сына, и думали, что великое чудо, на которое мы в тайне надеялись, совершилось. В то же время нас не покидала тревога за его жизнь, которой не переставала угрожать коварная болезнь.

К великому сожалению для радости тогда было меньше оснований, чем для тревоги.

155

Обстановка в стране претерпевала существенные изменения. От затеянного Горбачевым ускорения экономического развития так ничего и не получилось, зато гласность продолжала набирать силу. Свобода слова больше всего проявлялась в антисемитских публикациях в печати и всё более наглых и угрожающих выступлениях активистов общества “Память”. Антиеврейские проявления не только не встречали серьёзного сопротивления, но часто даже пользовались поддержкой и попустительством со стороны видных партийных, государственных и общественных деятелей.

В то же время громче прежнего заговорили евреи-отказники. За стенами Кремля и в Ленинграде продолжались демонстрации активистов, в которых участвовали уже не сотни, а тысячи людей. Они требовали свободы выезда из страны.

Весной 1988-го года в Москве состоялась очередная встреча “в верхах”, в ходе которой Рейган продолжил свой прессинг о соблюдении в СССР прав человека и в первую очередь права на выезд. В своей резиденции американский президент принял тогда большую группу диссидентов и еврейских отказников, открыто заявив им о своей поддержке. Такое трудно было даже представить себе в прошлом. Руководители партии и государства не осмелились прокомментировать “поступок” главы великой державы, но в центральных газетах было опубликовано сообщение МИД, где указывалось, что Рейган приветствовал “не самых лучших из советских людей”.

Инициатор перестройки и гласности оказался в тупике и, желая оставаться на плаву международной политики, был вынужден ещё более приоткрыть заслонку еврейской эмиграции. Если за весь 1988-й год страну покинули 19 тысяч человек, то уже за первые месяцы следующего года из СССР выехало более 20 тысяч. Массовый поток становился всё более неуправляемым.

Вышли из под контроля и другие жизненные процессы в советской империи. От косметического ремонта, затеянного Горбачевым, ничего не получилось. Независимости потребовали прибалтийские республики, начались волнения в Карабахе и Грузии. Рушилась вся система, хороня под обломками жизни и надежды, в том числе надежды великого реформатора. Были ещё предприняты попытки её сохранить и восстановить какой-то порядок. В Вильнюсе и Тбилиси были задействованы воинские соединения, от пуль

погибло немало непокорных защитников свободы и независимости, но остановить процесс уже было невозможно. Всё рушилось. Сложнейшие процессы привели к изменению погоды не только в социалистическом лагере, но и на всей нашей планете.

Тогда ещё не верилось, что всё это всерьёз и надолго. Казалось, что этому скоро придёт конец. Будут восстановлены прежние порядки и вновь закроется железный занавес. В этой ситуации нельзя было сидеть сложа руки, доверив свою судьбу стихии. Особенно это касалось евреев. Нужно было принимать конкретное решение: или ехать, пока не поздно, или оставаться здесь в ожидании непредсказуемого будущего.

Первым в нашей семье твёрдое решение о незамедлительном выезде принял Вова, который начал активную подготовку к этому.

156

Осенью 1988-го года состояние Мишеньки резко ухудшилось. Он ослаб, похудел, потерял аппетит и всё больше тянулся к постели. Мы реже стали выезжать с ним на дачу, а вскоре пришлось отказаться и от непродолжительных прогулок перед сном. Не помогали уже ни химиотерапия, ни переливания крови, ни дефицитные лекарства, которые мы с трудом доставали для него с помощью наших друзей-медиков.

В октябре открылась рана на культе и усилились боли. Мы переселили сына из большой спальни, которую он занимал с Иринкой со времени приезда к нам, в мой кабинет и создали ему максимум удобств. Чтобы заставить его что-нибудь поесть готовили некогда любимые им блюда и снова добывали самые дефицитные и дорогостоящие фрукты и деликатесы.

Рана кровоточила и требовались ежедневные перевязки. Людмила Михайловна договорилась с главврачём поликлиники о выделении самой лучшей медсестры, которую в определённое время привозила дежурная машина.

Когда боли стали невыносимыми она же помогла решить вопрос о выделении наркотиков, которые через каждые четыре часа вводила медсестра “Скорой помощи”.

Иринка, теряя веру в чудо, которое еще недавно казалось ей возможным, стала какой-то странной, нервной, неразговорчивой и вроде перестала нас замечать. Складывалось впечатление, что она чем-то обижена или в чём-то нас упрекает.

Не чувствуя своей вины, мы болезненно переносили изменившееся к нам отношение невестки. Особо обидно было Анечке. Убитая горем, она из последних сил моталась по городу в поисках лекарств и продуктов, таскала на себе тяжёлые мешки с дефицитами, чтобы накормить семью, готовила, стирала, убирала и, как могла, ухаживала за больным сыном, а вместо благодарности, видела замкнутость и недовольство Иринки.

Мне часто приходилось видеть её в слезах. Это были слёзы горя из-за мучений Мишеньки и обиды из-за гнетущей обстановки в семье. Я пылался успокоить жену, убеждая её в необходимости понять невестку, которой в постигшей её беде не хватало больше сил и терпения для контроля за своими действиями и поведением. В этом, наверное, была большая доля истины.

Обстановка в доме становилось всё более сложной. По мере ухудшения состояния сына и необходимости всё большего ухода за ним, оставалось всё меньше сил и времени для ухода за детьми. Кроме того, их нужно было оградить от вида страданий, переносимых уже почти беспомощным отцом. С болью в сердце решили отправить Андрюшку в Минск, где за ним взялись ухаживать Евдокия Антоновна и тётя Таня.

Я был свидетелем прощания Мишеньки со своим трёхлетним сыном. Еле сдерживая слёзы, дрожащим от волнения голосом Мишка произнёс:

-Будь умницей, малыш. Слушайся маму.

Он привлёк Андрюшку к груди и крепко поцеловал. За этой сценой, рыдая, наблюдали бабушка и мама.

Мишка стал грустным и замкнутым. Мы старались не оставлять его одного в комнате. Часто приходил Эдик Пурыжанский, навещали друзья и коллеги по работе. Он получал тёплые письма из Советского. Оттуда поступали и деньги, собранные сотрудниками СМУ на лечение. Приезжали родственники из Одессы, Москвы, Минска. Вова и Верочка проводили у постели брата свободное от работы время.

Как-то поздно вечером, когда все в доме уже спали, Мишенька спросил меня:

-Это все приезжают к нам прощаться со мной?

Я, как всегда, успокаивал его и убеждал, что вскоре всё пойдёт на поправку, а приезжают к нему потому, что любят его и хотят ему помочь.

9-го ноября братьям-близнецам исполнялось 40 лет и мы решили отметить юбилей у постели больного. Из Минска, кроме Вовки и Верочки, приехали Рита, Жора и Таня, а из Одессы - Боря с Люсей. Мишенька получил много подарков. Мы подарили ему тогда импортную магнитоу "Хитачи", которую нам уступили нам друзья Гликины, недавно побывавшие в Германии. Много тёплых слов услышали именинники на этом необычном празднике. Мишка был возбуждён и негромко подпевал мелодиям доносившимся из японской чудотехники.

Нам было приятно, что наш подарок доставил ему такое удовольствие. Часами Мишенька слушал новости и любимую музыку. Особенно по душе ему были песни бардов и мы покупали ему все новые кассеты.

После праздников сочли нужным отправить в Минск и Алёнку. Она была недовольна нашим решением и умоляла нас не делать этого, но мы посчитали, что так будет лучше для неё и для Мишеньки. Теперь внимание матери доставалось только сыну. Я и Иринка утром уходили на работу, а она весь день ухаживала за ним. Когда мы вечером возвращались домой, то заставляли её обычно у кровати больного. Она о чём то рассказывала ему, пытаясь отвлечь от болей и грустных мыслей.

31-го декабря в семье, как всегда, отмечался не только новогодний праздник, но и день рождения Анечки. По установившемуся обычаю купили ёлочку, установили её в Мишенькиной комнате и нарядили разноцветными лампочками и игрушками. Из Минска приехали Вова с Ритой, Верочка с Жорой и Алёнка. Дети поздравили мать с днём рождения и вручили ей подарки, а мы поздравили их с Новым годом. В душе мы тогда уже понимали, что этот новогодний праздник может стать последним для Мишеньки. С тяжёлым предчувствием вступали мы в 1989-й год.

Состояние сына ухудшалось с каждым днём. Он был в полном сознании, понимал, что у него мало шансов на выздоровление, и, наверное, удивлялся тому, что его любящие, казавшиеся ему всемогущими родители, на этот раз не могут ему ни в чём помочь. Наш сын, умирая, так и не узнал настоящего диагноза своей болезни. Мы всё не решались открыть ему эту тайну, откладывая её на потом.

Как-то вечером, когда мы были с ним одни в комнате, он высказал подозрение, что ему могли внести вирус СПИДа подобно тому, как внесли инфекционную желтуху, и попросил взять у него кровь на анализ. Мы выполнили его просьбу. Как и следовало ожидать, анализы исключили наличие этой болезни.

Мишенька был очень добрым и никогда не оставался безучастным к людской беде. Когда случилось землетрясение в Армении и в начале 1989-го года был брошен клич о помощи пострадавшим, он, прикованный к постели смертельной болезнью и сам нуждающийся в помощи, потребовал от Иринки перечислить в фонд помощи 150 рублей. В то время это были большие деньги. Иринка просила согласиться на меньшую сумму, но он настоял на своём и его желание было исполнено.

А болезнь всё прогрессировала. В начале февраля Мишеньке стало очень плохо. Усилилось кровотечение, он наотрез отказывался от пищи и совсем ослаб. Из-за сильных болей увеличили дозу наркотиков, но они уже мало помогали и он с трудом выдерживал интервал между уколами.

Утром 23-го февраля мы поздравили его с днём Советской Армии и вручили подарок по этому случаю. После очередного укола он почувствовал себя немного лучше и захотел послушать Розенбаума. Песни любимого барда доставили ему удовольствие и он еле слышно стал подпевать мелодию. Под вечер женщины уговорили его выпить немного бульйона и пососать куринную ножку. Мишенька задремал, а мы устроились у постели, наблюдая за его тревожным сном. В половине двенадцатого он проснулся от недостатка воздуха и, после нескольких конвульсивных движений, скончался.

157

Смерть Мишеньки застигла нас врасплох. Он умер, так и не узнав о своём страшном диагнозе. Мы не решились раскрыть ему правду и не успели даже как следует с ним попрощаться. Все, что происходило в ту ночь и в течении нескольких следовавших за ней дней, вспоминается в каком-то тумане. Я и Анечка как будто вовсе не участвовали в этих событиях или молча соглашались с решениями, которые за нас принимали дети, родственники и друзья.

В объединении была образована комиссия по организации похорон во главе с заместителем генерального директора Кузником. Все заботы о похоронах взяла на себя Попсуева. В полдень 24-го февраля началось прощание с покойным. Ему одели протез и нарядили в лучший чёрный костюм, который он только пару раз успел одеть при жизни. В белой рубашке и тёмном галстуке он лежал, как живой. Лицо было измучено болезнью и сильно изменилось. Кто не видел его в последние месяцы, с трудом узнавали его.

Квартира наша не могла вместить всех, кто хотел отдать ему последний долг и пришлось устанавливать очерёдность. У гроба побывали друзья детства и юности, соученики по школе и институту, коллеги по работе, соседи, работники комбината и объединения. Пришёл и Мигурский во главе группы руководителей ПО и комбината. Гроб утонул в цветах, а вдоль стен в несколько рядов выстроились венки в траурных лентах. До конца следующего дня приходили всё новые люди. Некоторых мы видели впервые.

Хоронить Мишеньку решили в Минске. Он любил этот город и так рвался туда в последний год своей жизни. Эмма Сергеевна выделила автобус и грузовую машину, а объединение - автомобиль "РАФ".

Иринка предложила процедуру кремации, считая её на порядок выше обычного захоронения на кладбище. Её поддержала Верочка. Мы согласились с их решением, как и со всем другим, что нам предлагалось в эти дни. Наши дети взяли на себя все заботы, связанные с организацией похорон в Минске.

Из Могилёва выехали на рассвете и в полдень колонна автомобилей подъехала к высотному дому на Ленинском проспекте, где на 14-ом этаже была Мишенькина квартира. Следовало, наверное, дать возможность соседям попрощаться с покойным и сделать поминки в его квартире, но там жили квартиранты и пришлось ограничиться кратковременной стоянкой во дворе и прощальными sireнами автомобилей.

Процедура прощания прошла в квартире Вовочки. Сюда из Москвы прибыли братья Елизаровы, дети дяди Бори из Одессы, тётя Поля из Днепродзержинска, руководители "Белпромналадки" и сотрудники "Минмясомолпрома" республики. Духовой оркестр исполнял траурные мелодии.

В назначенное время процессия на автобусах и автомобилях направилась к крематорию. Там состоялся траурный митинг и прощание с покойным родных и близких. В скорбном молчании у гроба, кроме родителей, стояла жена и дочь, брат и сестра, родственники, друзья. Все они по очереди прощались с Мишенькой. Последней над ним склонилась мать. Она казалась невменяемой и её еле оторвали от гроба, когда площадка с телом сына стала опускаться в подземелье.

Поминки были на квартире у Вовочки. Несколько раз менялись люди за длинными столами, уставленными напитками и закусками. Они тепло говорили о Мишеньке, но мне не понятна была суть их речей и воспоминаний. Хотя я и был атеистом, мысли мои были обращены к Богу, которого я упрекал в допущенной несправедливости, когда сын ушёл из жизни раньше своих родителей.

158

Мы не находили себе места в опустевшей после смерти сына квартире. Иринка увезла все свои вещи в Минск, не оставив нам ничего в память о Мишеньке. Она тяжело перенесла смерть мужа и была всем и всеми недовольна. Наверное, больше других её недовольство чувствовали мы, как будто именно мы были больше всех виновны в произошедшем несчастье. Её и детей временно приютила сестра Таня и они первое время редко звонили нам.

Анечка всё время плакала, а я не находил ни слов, ни сил, чтобы успокоивать её. Пытался искать отдушину в работе, но всё валилось из рук.

Как только я почувствовал, что в состоянии держать руль автомобиля, мы поехали в Минск навестить Мишеньку. Только сейчас, стоя перед небольшой мраморной нишей, за которой покоился прах нашего сына, мне стало ясно, какую я совершил ошибку, когда дал согласие на кремацию. Я понял, что этого не смогу себе простить никогда. Мы были лишены возможности даже посидеть у могилы, как это из покон века принято у людей, возложить к надгробью цветы, поставить памятник.

Обида и угрызения совести не давали покоя. Я не стал делиться своими мыслями с Анечкой, оберегая её от дополнительных страданий, но оказалось, что она чувствовала тоже самое и не меньше меня от этого страдала. Мы решили любой ценой исправить допущенную ошибку и перезахоронить сына. Теперь об этом просила и Иринка.

Поначалу казалось, что дело это несложное и связано только с затратами, но, когда мы обратились к директору Северного кладбища, расположенного рядом с крематорием, стало ясно, что задача эта почти неразрешима. Отставной офицер, управлявший многие годы самым большим в Минске кладбищем, наотрез отказал нам в просьбе о выделении места, сославшись на пункты инструкции. Когда же я, наверное, впервые в своей жизни, предложил ему взятку, он пригрозил мне прокурором и заверил, что пока будет на этом посту подобных нарушений не допустит.

Обращения в вышестоящие организации положительных результатов не дали. Меня успокаивали тем, что кремация сейчас широко применяется во всём мире, убеждали, что со временем мы успокоимся и сами откажемся от этой идеи.

Однако, чем больше нас отговаривали, тем упорнее мы добивались поставленной цели. Я использовал разные каналы в Минске и Могилёве и, когда уже казалось, что все пути пройдены, вспомнил,

что бывший председатель Горисполкома Сергейчик теперь работает в должности заведующего Облкоммунхоза. Мы хорошо знали друг друга по совместной депутатской деятельности и я решил обратиться к нему со своей бедой. Выслушав меня, Александр Адамович сказал, что дело это трудное, но пообещал сделать всё возможное. Честно говоря, мне тогда не очень верилось в реальную помощь Сергейчика. Я подумал, что ему просто неудобно было мне отказать, поэтому он решил отделаться формальным обещанием.

Каково же было моё удивление, когда после очередной командировки в Минск, Александр Адамович возвратил мне моё заявление с резолюцией заместителя министра коммунального хозяйства: “Разрешить в виде исключения”.

Когда я принёс эту бумагу директору кладбища, он усомнился в подлинности распоряжения министерства и позвонил своему непосредственному начальнику, но тот, вероятно, был уже предупреждён замминистра и дал указание выполнить резолюцию руководителя ведомства. Остальное было уже делом техники. Служители кладбища произвели перезахоронение, выполнили работы по обустройству могилы и мы получили возможность сидеть на скамейке у надгробья и приносить сыну свежие цветы.

С помощью того же Сергейчика изготовили памятник оригинальной формы и художники выгравировали на нём портрет Мишеньки по одной из последних его фотографий. С чёрного отполированного гранита он смотрел на нас своим умным, чуть прищуренным взглядом и, как мне казалось, в чём-то нас упрекал.

159

Семья Вовочки активно готовилась к отъезду. Предстояла долгая и трудная дорога. Путь в Америку тогда лежал через Австрию и Италию с остановками непредсказуемой продолжительности. Диночке шёл только десятый год и она была очень слабенькой из-за недавно перенесенной тяжёлой болезни. Илюшке в марте исполнилось двенадцать и он страдал аллергией. Не блистала здоровьем и Риточка, которую мучили головные боли.

Нужно было подумать об одежде и обуви для детей и взрослых, продуктах питания на долгое путешествие, деньгах на подготовку к отъезду и на время нахождения в пути.

Некоторые наши знакомых умудрялись перед отъездом продавать свои квартиры и выручать приличные деньги. Официально это тогда не разрешалось, но люди находили окольные пути и как-то решали эти вопросы. За взятки “нужным” людям в квартиру заблаговременно приписывали кого-то из семьи покупателя, а затем, опять-таки за деньги, переоформляли жильё на нового хозяина.

Как я уже упоминал, семья Вовочки занимала большую трёхкомнатную квартиру в престижном районе Минска, на которую претендовали богатые и влиятельные люди. Было много желающих решить все их финансовые проблемы. Наши дети решительно отказались от предложенных махинаций, это противоречило их жизненным принципам.

Вовочка с группой коллег из Академии наук взялся, в свободное от основной работы время, выполнить несколько хоздоговорных работ, что позволило ему существенно облегчить их финансовое положение. В какой-то мере помогли им и наши небольшие сбережения. Они смогли перед отъездом приодеться, купить всё самое необходимое и даже некоторые сувениры на продажу в случае острой необходимости.

Подготовку к отъезду особо не рекламировали, ибо по финансовым соображениям нужно было оставаться до последних дней на работе. Кроме того, огласка предстоящего отъезда могла вызвать хулиганские проявления и попытки грабежа.

Летом 1989-го года Вовочка с семьёй приехали к нам в отпуск. Это был его прощальный визит в родительский дом. В течении двух недель он помогал нам по хозяйству, достраивал и благоустраивал дачу, налаживал бытовую технику. Я впервые отметил в нём способности мастерового мужчины, способного своими руками выполнить любую столярную, плотничью или слесарную работу. Узнали мы в нём и полезного советчика по всем жизненно-важным вопросам и проблемам.

Старались и мы ему помочь, как могли. Я обучил его вождению автомобиля, а мать заготовила им в дорогу приличный запас разных консервов.

Вся семья отдыхала на даче. Лакомились свежими овощами, ягодами и фруктами с нашего огорода и сада. Приятной и тёплой была эта последняя, перед отъездом, встреча с детьми и внуками в Могилёве.

Нужно было торопиться с выездом ибо пошли слухи о предстоящих изменениях в иммиграционной политике, в частности, о возможных сокращениях выездов по израильским визам.

В начале октября был отправлен багаж, а вскоре приобретены билеты на поезд “Москва - Варшава”, следующий на запад через Минск. Вовочка съездил в Москву, где оформил выездные документы и обменял советские деньги на валюту. Разрешалось обменивать только сто рублей на человека, но зато обменный курс был очень выгодным. Один доллар тогда стоил только 65 копеек.

За несколько дней до отъезда мы выехали в Минск, чтобы помочь детям в последних приготовлениях. На каждого члена семьи разрешалось вывозить только два чемодана и пришлось выбирать чему отдавать предпочтение. Решили, что консервы оставлять не следует, а всё остальное упаковали на оставшееся свободное место. В итоге многим вещам не хватило места и их раздали родственникам и соседям. Пришлось оставить полные собрания сочинений классиков русской и зарубежной литературы, которые собирались годами по подписке или приобретались за большие деньги с рук и в букинистических магазинах.

Когда сдали багаж в доме находилось ещё много ценных вещей, к которым за многие годы успели привыкнуть и которые жаль было оставлять. Больше всего расставанию с любимыми книжками и игрушками были огорчены дети. Нам и семье Ритыного брата Семёна пришлось разбираться с оставленным имуществом, наводить порядок в квартире, чтобы сдать её представителю жилуправления и оплатить стоимость ремонта. Несмотря на то, что квартира содержалась в хорошем состоянии и безвозмездно передавалась государству, взыскивалась ещё довольно большая сумма на предстоящие ремонтные работы.

Проводить семью Гимельфарбов-младших на вокзале собралось много родственников, друзей и знакомых. Были тёплые напутствия и добрые пожелания. Не обошлось без слёз и рыданий.

В одном вагоне должны были уехать несколько семей и, когда подошёл поезд, у входных дверей скопилось много людей, которым нужно было успеть за пятнадцать минут пройти проверку бдительного проводника, загрузить чемоданы и занять места. Из-за недостатка времени началась суматоха и нам пришлось подавать Вовочке чемоданы в окно. В спешке провожающие даже не успели толком попрощаться с отъезжающими и бежали вслед уходящему поезду до конца платформы.

Больше других этому огорчалась Анечка, которой казалось, что она не успела сказать детям и внукам на прощание самое главное. Как мы с Верочкой её не успокаивали, она ещё долго плакала навзрыд на перроне вокзала, умоляя нас взять её с собой в Брест, куда мы должны были выехать на Жориной машине, чтобы встретить поезд и помочь перенести вещи для таможенного досмотра. С трудом удалось убедить её в нецелесообразности такого вояжа и необходимости оставаться в Минске для уборки и сдачи квартиры.

Сами же мы поспешили перегнать поезд и успели прибыть на Брестский вокзал за полчаса до его прибытия. Здесь проводилась смена вагонных осей в связи с разницей в ширине колеи, и поезда, идущие за рубеж, имели двухчасовую стоянку. В это время проходил таможенный досмотр пассажиров и багажа.

Мне приходилось кое-что слышать о таможенном контроле, но то, что довелось увидеть здесь, оказалось намного ужаснее представляемого. Таможенники в форме и в штатском без стыда и совести копались в чемоданах, сумках и баулах, выворачивали наизнанку карманы, вытряхивали содержимое портфелей и женских сумочек, а нередко уводили людей в отдельные комнаты для обыска и досмотра одежды.

Не было поблажек и нашим детям. В отдельные комнаты их, правда, не уводили, но разного рода придинок хватило. То ложки показались антикварными, то стоимость ювелирных изделий посчитали завышенной, то в документах что-то странное находили. Илюшка несколько раз выбегал к нам в зал ожидания с какими-то женскими украшениями, запрещёнными к вывозу, но больше всего мальчика огорчило то, что пришлось распрощаться с коллекцией юбилейных монет, которые он собирал в течении нескольких лет. Сколько не упрашивали родители и не умолял таможенников Илюшка, они остались равнодушными и безучастными к мольбам и слезам, и, под угрозой изъятия, потребовали оставить монеты провожающим. Я принял от внука дорогую для него коллекцию, пообещав ему сохранить её и вернуть при первой возможности.

Когда раздался звонок отправления поезда, таможенники, наконец, закончили досмотр и разрешили отъезжающим посадку. Не уверен был я тогда, что когда-нибудь ещё увижу уезжающих в неизвестность детей и внуков. Спазмы сжимали горло. Через металлическую решётку забора мы видели, как поспешно забрасывал Вовочка последние чемоданы в вагон отходящего поезда и слышали последние слова Риточки с подножки движущегося вагона:

- Мы обязательно заберём вас отсюда! До встречи в Америке!

Под реформами, как известно, принято понимать изменения в экономике, политике или методах управления с сохранением существующего государственного строя. Только этого, наверное, и хотел Горбачев, находясь в форватере времени, которое требовало перемен. Начав процесс “Перестройки”, он поначалу вовсе не стремился к коренной ломке тоталитарного строя, а только пытался реформировать то, что могло, как ему казалось, помочь созиданию “социализма с человеческим лицом”.

Однако, со временем Михаил Сергеевич потерял управление и “процесс пошёл” сам по себе, а он помышлял только о том, чтобы доплыть до какого-нибудь берега. Его непоследовательность и бесконечные колебания постепенно вели к развалу государства и уходу от принципов социализма и коммунизма. Горбачев хоть и оставался Генсеком, но влияние партии всё более падало и Конституция больше не признавала её руководящую роль в стране.

В апреле 1990-го года на смену Политбюро был создан президентский Совет, в состав которого вошёл отъявленный антисемит и националист Валентин Распутин.

Усилились антирусские выступления в союзных республиках. Если раньше лидеры литовского “Саюдиса” не решались претендовать на большее, чем экономический суверенитет в рамках СССР, то теперь Верховный Совет республики, возглавляемый Ландсбергисом, взял курс на полный разрыв с Москвой, которая в свою очередь не остановилась ни перед экономической блокадой, ни перед военной угрозой.

В стране появилось много кооперативов и совместных предприятий. Росла инфляция, заметно повысились цены на продукты питания и промышленные товары. Зарплата уже не обеспечивала сколько-нибудь сносного прожиточного минимума и многие работники промышленных предприятий, учебных заведений и научных организаций, в поисках выхода из создавшегося положения, занялись спекуляцией.

Они “доставали” дефицитные товары на базах и в магазинах, продавая их по более дорогим ценам на рынке. Когда таким путём заработать недостающие на жизнь деньги стало труднее, люди ринулись в ближнее зарубежье. Они закупали в магазинах “Хозтовары” дешёвые металлоизделия и посуду, везли их в Польшу, где продавали по более высоким ценам. Там накупили одежду и обувь, которые сбывали на местных рынках. Такой бизнес давал приличный заработок и достаточно было хотя бы одной такой поездки в месяц, чтобы обеспечить семью всем необходимым. “Мешочниками” (так тогда называли людей, занимающихся коммерцией) становились не только рабочие, служащие и инженерно-технические работники, но и многие видные учёные, руководители предприятий и организаций.

На границе образовывались километровые автомобильные очереди. Предприимчивое население кинулось в рыночную торговлю.

Когда ко мне обращались работники ПКБ с просьбой предоставить им недельный отпуск без содержания для поездки в Польшу, я не мог им в этом отказать. Я знал, что в противном случае они бросят работу и уйдут в какой-нибудь кооператив, так как на низкую ставку конструктора или проектировщика было невозможно прожить. Так поступали и другие руководители предприятий и организаций. От этого страдали производственные показатели, но иного выхода не было и с этим приходилось мириться.

Со временем я стал искать другие пути выхода из создавшегося положения. Кроме плановых тем, мы взялись выполнять неплановые работы на предприятиях других отраслей промышленности в Белоруссии и далеко за её пределами. Стали применять “договорные” цены и доплаты за срочность, что позволило значительно улучшить финансовое положение ПКБ и повысить зарплату работникам. Если раньше, при определении размера оплаты труда, мы должны были руководствоваться только типовыми ставками, то теперь руководителям стали разрешать устанавливать оклады, исходя из своих финансовых возможностей. Я стал широко пользоваться этим правом, что приостановило уход специалистов в кооперативы и уменьшило желание просить отпуск “за свой счёт”.

Чёткое выполнение договорных обязательств и надлежащее качество проектных работ привлекали заказчиков из других областей и республик, что и помогло нашему ПКБ оставаться на плаву. Наличные финансовые ресурсы позволяли не только постоянно увеличивать зарплату работников, но и расходовать много денег на приобретение оборудования, инвентаря и оргтехники.

Однако, так было далеко не везде. Большинство предприятий испытывали серьёзные экономические и финансовые трудности. В стране в целом началось падение экономики.

После отъезда Вовочки отношения в семье Верочки резко изменились. Жора, по-прежнему, исключал возможность своего выезда из страны и требовал от жены отказаться от этой идеи. Она же, наоборот, всё больше склонялась к мысли, что следует сделать всё возможное для ускорения отъезда, пока ещё не были введены ограничения на эмиграцию. Больше всего Верочка опасалась влияния Чернобыля на здоровье детей. Когда врачи обнаружили увеличение щитовидной железы у Наташки, её волнения возросли и она с нетерпением стала ждать возможности выезда.

Обстановка в доме Каленчицев накалялась с каждым днём. К ежедневным ссорам на бытовой почве прибавились и сцены ревности. Верочка долго скрывала это от нас, но когда осознала безвыходность сложившейся ситуации, заговорила о разводе.

Пытаясь отвести беду, пообещали дочери помочь ей уладить её конфликт с мужем. Такую попытку, впервые за шестнадцать лет их семейной жизни, мы сделали, но серьёзного разговора не получилось. Жора свёл конфликт с женой к непонятой ею шутке и дал понять, что не намерен слушать наши советы на эту тему.

Таким зятя раньше видеть не приходилось. Мы тепло относились к Жоре с первых дней его прихода в нашу семью и всегда защищали его от упрёков и обид жены. В ответ мы постоянно чувствовали доброе и внимательное отношение к себе. Нам по душе была его забота о детях, которые в свою очередь любили отца. Приятно было видеть и взаимную любовь супругов.

Не одну бессонную ночь провела Верочка в постели матери, обсуждая с ней свои семейные отношения. Она отдавала себе отчёт в серьёзности сложившейся ситуации, предвидела последствия развода, но не находила иного выхода. Трудно было ей рвать семейные узы, навсегда расставаться с человеком, которого продолжала любить, оставлять детей без отца. И всё же она продолжала убеждать себя и нас в неизбежности разрыва с Жорой.

Со временем мы и сами поняли, что разногласия в семье Верочки носят принципиальный характер, что разрешить их путём уговоров и переговоров на любом уровне уже невозможно, и были вынуждены дать согласие на их развод.

Была ещё попытка примирить супругов в суде. Им предложили уладить разногласия и сохранить семью, но это усугубило распри. Очередное судебное разбирательство завершилось решением о разрыве их семейных отношений.

С нетерпением и тревогой ждали мы вестей от детей, впервые в своей жизни оказавшихся за рубежом. Если мы с Анечкой хоть в Болгарии однажды побывали и кусочек Румынии проездом увидели (в капстраны нас по понятным соображениям “не пустили”), то нашим детям (второму поколению) и тем более внукам (третьему поколению) и это было недоступно. Им, кроме разрешения властей на выезд, ещё для этого всегда не хватало денег, и они, поэтому, за границу и не стремились.

Покойный Мишенька по этому поводу говорил: “Курица не птица, Болгария не заграница, а страны НАТО в нашей семье спросом не пользуются”.

Телефонный разговор с Веной, где у детей была первая долговременная пересадка, состоялся в предпоследний день октября и продолжался только две минуты. За это время мы успели записать номер их телефона и узнать, что все они здоровы и находятся на какой-то спортивной базе недалеко от австрийской столицы. Риточка пыталась взахлёб ещё поделиться их первыми впечатлениями, но мы, несмотря на большой интерес к этому, прервали её восторги, зная что значил для них каждый доллар.

Когда мы тут же позвонили в стол заказов междугородней телефонной станции и попросили соединить нас с Веной, девушка с металлическим оттенком в голосе отчеканила, что международные разговоры предоставляются не раньше, чем на следующие сутки. Пришлось довольствоваться и этим.

С тех пор и на протяжении всего времени пребывания детей в Австрии мы разговаривали с ними не реже одного раза в неделю. Нам это тоже недёшево стоило, но отказать себе в этом не было сил. Мы больше не останавливали Риту, когда она восхищалась обилием и качеством товаров, красотой окружающей их природы, чистотой и порядком в Вене, И даже тогда, когда она поделилась с нами возникшими у Илюшки проблемами с изучением большой разновидности неизвестных ему раньше марок автомобилей. Теперь его познаний в этой области было явно недостаточно. Известных ему “Жигулей”, “Москвичей” и “Запорожцев” здесь вовсе не было, но зато было такое количество других машин, что познать, а тем более научиться отличать их по внешнему виду за такое короткое время, было просто невозможно.

Многое удивляло и взрослых. На протяжении всей своей жизни в Союзе они сталкивались с двумя главными житейскими проблемами: первая - как заработать нужную сумму денег, вторая - как “добыть” необходимые товары. Трудно сказать какая из них была сложнее, когда даже имевшиеся деньги, не просто было превратить в товар. За изделиями “повышенного спроса”, особенно импортными, приходилось выстаивать в километровых очередях, их “доставали” за взятку в закрытых распределителях или с “чёрного” хода магазинов, баз, продовольственных и промтоварных складов. Здесь же второй проблемы не было. За деньги можно было купить любые товары, в любом количестве и самого высокого качества. Мало того, их навязывали покупателю назойливые рекламы магазинов и средства массовой информации. Им было трудно всё это сразу понять. К этому нужно было привыкнуть.

Появилась, правда, новая и не менее трудная проблема: как преодолеть соблазн приобретать хорошие товары, о которых они раньше только могли мечтать и которые здесь им предлагались на каждом шагу. Особо трудно было отказать детям в их просьбах и желаниях. Но, когда все они были сыты и получали всё необходимое для жизни, бороться с такими “трудностями” было всё-таки не так сложно.

Они были довольны условиями жизни и отношением к ним администрации лагеря. Их разместили у подножья Альпийских гор, в красивом курортном месте, окруженном сосновым бором и живописными холмами. Вена была рядом, но в целях экономии денег, они туда особо не стремились.

Первое непродолжительное знакомство с привокальной площадью, когда они только успели сойти с поезда, стоило им нескольких десятков долларов, которые пришлось потратить на игрушки и конфеты детям. Такого обилия сладостей и забав им раньше видеть не приходилось, их нельзя было оторвать от витрин магазинов и киосков. Было ясно, что ещё две-три поездки по городу могут опустошить и без того худые кошельки, тогда как неизвестно, что сулит им ближайшее будущее.

Вовочка как то сказал по телефону, что они часто вспоминают нас, когда открывают очередную банку свиной тушёнки, мясного гуляша или языка в желе. Дети не отказывались от заграничной пищи, но больше просили привычной русской еды. Запас консервов расходовали бережно, понимая, что главное ещё впереди.

Из телефонных разговоров мы поняли, что дети и взрослые чувствовали себя хорошо и морально, и физически. Они успели отойти от кошмаров отъезда, отдохнули и даже поправились.

К ним приезжали представители еврейских организаций, которые уговаривали ехать в Израиль. Тем, кто давал на это согласие, тут же оформляли билеты и немедленно отправляли туда. Наши дети ждали своей очереди на интервью в американское посольство, надеясь на возможность выезда в США.

В конце ноября они сообщили, что время их первой пересадки истекло. Им объявили об отъезде в Рим, где тысячи беженцев из СССР ждали решения своей судьбы. Там должен был определиться путь их дальнейшего следования.

Долгим и трудным был наш последний телефонный разговор с Веной. В тревоге и волнении мы теперь ожидали известий из Рима.

163

Порядок приёма работников по личным вопросам в ПКБ соблюдался мною также свято, как и во времена работы руководителем крупного предприятия или ПО. Теперь, правда, в отведенные для этого дни в приёмной ожидало меньше людей, чем раньше, и перечень вопросов и просьб был иным, но не было случая, чтобы вовсе не было желающих поговорить наедине о возникших проблемах, желаниях и сомнениях производственного, общественного, семейного и личного характера.

Секретарь-машинистка как-то раскрыла мне содержание разговора между двумя молодыми сотрудницами в ожидании приёма, который вызвал её удивление. Она оказывается считала, что к директору ходят только о чём-то просить, а тут были чисто семейные дела, с которыми молодые женщины шли “исповедываться батшке”.

По возрасту я многим из работников уже не только в “батьки”, но и в дедушки годился. Большинство инженеров и конструкторов только недавно институты закончили, а мне было уже за шестьдесят. Средний возраст всего персонала нашего бюро был чуть больше тридцати лет. Некоторые ещё были холостыми, а другие только поженились и с ходу столкнулись со множеством житейских проблем. Тут были и жилищная неустроенность, и вопросы определения детей в ясли и садики, и материальные трудности.

Всё это часто порождало семейные скандалы и ссоры, которые нередко разрушали молодые семьи, пополняли армию матерей-одиночек и плодили безотцовщину.

Конечно, сейчас у меня не было таких возможностей помочь людям, как раньше. И жилфонд был значительно меньшим, и лимиты денежной помощи не могли быть сравнимы с прежними, но тем не менее я старался, как мог, решать вопросы, с которыми ко мне обращались работники ПКБ. Удавалось, например, почти полностью удовлетворять просьбы по получении мест в детских дошкольных заведениях, определять одиночек в общежития предприятий-заказчиков, а кое-кому и квартирные проблемы решить. Некоторым оказывалась материальная помощь и никому не было отказано в выдаче внеочередного аванса в счёт зарплаты. Когда возможностей помочь не было, доброе слово, совет и сочувствие тоже приносили ощутимую помощь.

Как-то, к моему удивлению, на приём пришла секретарь нашей парторганизации Светлана Фежюкова. Парторг тогда ещё считался вторым человеком в коллективе и мог решать все вопросы с руководителем в любое время. При этом к его слову директор обязан был прислушиваться, а мнение и советы учитывать даже тогда, когда они не совпадали с его желаниями.

Света окончила Могилевский машиностроительный институт и, как молодой специалист, была направлена на инженерную должность на желатиновый завод, где прилежно работала и вскоре была избрана секретарём партийной организации. Она фанатично верила в марксистско-ленинскую идеологию и в коммунистические идеалы, и в меру сил старалась ими руководствоваться. Всё это не всегда сочеталось с реальной жизнью и не совпадало со взглядами и действиями руководителей завода. На этой почве у неё с ними возникали частые распри, результатом которых стало её добровольное увольнение с предприятия.

Она попросилась на любую работу в ПКБ и я предложил ей вакантную должность заведующей проектного кабинета и архива. Фежюкова активно взялась за дело, выступила с рядом ценных инициатив. В коллективе стали отмечать её заслуги в информационном обеспечении, что способствовало повышению уровня и качества проектов, конструкторских разработок. На первом же отчётно-выборном партсобрании её избрали секретарём партийной организации и она с увлечением взялась за эту работу.

Во всех производственных и общественных делах Светлана Михайловна занимала принципиальную позицию и всегда была сторонником объективного и справедливого решения возникающих вопросов. Такая позиция парторга пришлась мне по вкусу и не было оснований для серьёзных разногласий между нами. Она служила примером добросовестного отношения к работе, личной порядочности и честности.

Эти жизненные принципы нередко вступали у неё в противоречия с окружающей реальной действительностью, где властвовали лицемерие, бесчестье и обман. По этой причине она не нашла взаимопонимания и с мужем, молодым учёным, пренебрегавшим её идеалами и стремящимся к научной карьере всеми доступными тогда методами. Когда Светлана Михайловна поняла, что её мировоззрение ему чуждо, она не поступилась своими принципами и ушла с малолетним ребёнком к матери, оставив мужу квартиру и всё совместно нажитое имущество. Таков уж был характер у Светы Фежюковой.

Предвидя, что её визит ко мне в приёмные часы вызовет моё недоумение, она предупредила, что вопросы у неё сугубо личные и поэтому она сочла уместным решать их именно в такой обстановке.

Светлана Михайловна выразила своё удовлетворение работой, обстановкой, царящей в ПКБ и просила оставить её в занимаемой должности независимо от того, какой будет реакция на то, что она собирается мне изложить. После такой преамбулы Света изложила суть дела, которое сводилось к тому, что она не разделяет теперешней политики КПСС и лично её Генсека Горбачева, который молча взирает, как партийные лидеры в Центре и на местах пренебрегают ленинскими принципами руководства и постепенно сползают на путь мошенничества, обмана и наживы, как под видом создания акционерных обществ, коммерческих объединений, совместных предприятий и кооперативов разворовывается общественная собственность, народное добро. Она возмущалась тем, как богатеют дельцы и махинаторы и нищают честные труженики. Руководители партийных комитетов, по её мнению, не только не пресекали жульничество и воровство, а нередко сами ему потворствовали. Убедительными примерами из жизни в столице, городе и области Фежюкова подтвердила свои выводы и обобщения. Она заявила о своём намерении оставить руководство партийной организацией ПКБ и приостановить своё членство в КПСС до изменения обстановки в партии.

Фежюкова надеялась на понимание и поддержку. В душе я во многом был согласен с ней, но предвидя реакцию партийных органов и возможные последствия, попытался тогда уговорить её повременить с решением и высказал надежду на перемены к лучшему в скором будущем. При этом мне искренне хотелось как-то успокоить Свету и оградить её от неминуемых гонений и преследований, в результате которых она могла бы лишиться работы и двухкомнатной квартиры, которую должна была получить в конце года.

Когда я намекнул ей о такой опасности, она заявила, что не представляет себе, как такое может случиться в возглавляемой мною организации, а если что-нибудь подобное произойдёт, она изменит своё мнение обо мне, как о коммунисте, человеке и руководителе.

В общем не получилось у меня тогда разговора по душам со Светланой Михайловной и она ушла от меня недовольной и раздосадованной. Мои советы, уговоры и предупреждения не возымели желаемого результата. На следующей неделе поступило её официальное заявление с просьбой об освобождении от обязанностей секретаря парторганизации и выхода из партии, в связи с несогласием с её политической линией.

Тогда развал КПСС ещё только начинался и ощущалось это в непоследовательном и беспринципном поведении её руководства. Примеров добровольного выхода из партии рядовых её членов, тем более партийных активистов, в нашем городе ещё не было и поэтому поступок Федюковой оказался сродни грому среди ясного дня.

Поначалу давление было оказано на меня и руководство объединения. Мне было предложено оказать влияние на Федюкову и любой ценой принудить её отказаться от своих намерений. Партийные органы предложили при необходимости заинтересовать Светлану Михайловну увеличением оклада, немедленным выделением жилплощади и любыми другими методами поощрения. Однако все уговоры оказались тщетными.

Второй тур обработки парторга провели руководители объединения. Там ей пообещали престижную работу в аппарате с более высоким окладом, квартиру в новом доме в центре города и другие блага, но она от всего этого отказалась и продолжала настаивать на немедленном рассмотрении своего заявления.

Очередную попытку повлиять на Федюкову предпринял райком партии. Когда уговоры на неё и там не подействовали, её пытались запугать исключением из партии за использование своего положения в корыстных целях и вымогательство льгот и привилегий. Ей также угрожали освобождением от занимаемой должности. Однако и эти меры на неё не подействовали. Более того, она пригрозила жалобой в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

На закрытом партийном собрании в присутствии Первого секретаря райкома Тамары Михайловны Кот она подтвердила своё желание выйти из партии по мотивам изложенным в её заявлении и привела веские доводы, побудившие её принять такое решение. Большинство коммунистов с пониманием отнеслись к её выступлению и она была исключена из членов КПСС.

Трудно было даже мысленно представить себе возможность подобного поступка секретаря первичной партийной организации несколько лет тому назад. Скорее всего Федюкова тогда лишилась бы не только работы и квартиры, но и свободы. Сейчас же было время Горбачевской гласности и демократии, и партийные органы не решились на репрессии против молодого коммуниста, демонстративно покинувшего ряды начавшей разлагаться партии.

Это был первый, но далеко не последний случай выхода из КПСС в нашем городе. В конце 1990-го года многие коммунисты перестали платить членские взносы, а в следующем году началась массовая сдача партийных билетов. В мае 1991-го года отказался и я платить взносы, и вышел из партии, в которой состоял почти столетие.

164

Первое письмо из Рима мы получили к ноябрьским праздникам. Вовочка сообщал, что они благополучно перенесли дорогу и устроились на частной вилле в пригороде итальянской столицы. Условия здесь были намного хуже чем в Австрии. Никто больше не заботился об их питании и отдыхе. Ночи уже были прохладными, а летняя дача, которую они снимали, не отапливалась. Квартиры с удобствами в городе были им не по карману.

Кругом красота необыкновенная. Рекламы заывают в театры, музеи, увлекательные путешествия по стране, но за всё нужно платить, а денег совсем мало и неизвестно было, как долго нужно будет ждать интервью а Американском посольстве. Приходилось экономить и на питании. Благо ещё запасы консервов спасали.

Тем не менее настроение у детей и взрослых было бодрым. Они наслаждались солнцем, которое днём грело ещё не по-осеннему, тёплым морем, обилием недорогих фруктов и овощей, необыкновенно красивым городом. Хотя и жалко было денег, но они совершили несколько интересных экскурсий и осмотрели многие достопримечательности Рима. Их цель была Америка и они были полны решимости добиваться её достижения.

Мы написали тёплое письмо, в котором поддержали их оптимистический настрой и похвалили за выдержку и мужество в достижении своей мечты. Советовали продать сувениры, а в случае необходимости часть одежды и обуви, чтобы обеспечить детей необходимым питанием, просили оберегаться простуды. Поздравляли Вовочку и Диночку у которых 9-го ноября был день рождения.

Хорошо было бы помочь им деньгами, но тогда обменять советские рубли на валюту было почти невозможно, и если это нам каким-то чудом и удалось бы сделать, то отправка денег за границу считалась контрабандой и категорически запрещалась.

Домашнего телефона у детей не было и связь с ними поддерживалась только письмами. Они шли долго и были не частыми. В волнении томились мы в их ожидании и умоляли чаще писать.

Уже потом нам стало известно, что жилось им в Италии не сладко. Декабрь и январь были в том году необычно холодными и Риточка заработала себе артрит, который остался ей на всю оставшуюся жизнь. Вовочке приходилось подрабатывать на случайных работах, чтобы прокормить семью. Продали все сувениры и кое-что из вещей. Были проблемы со спонсорами, без чего не вызывали на интервью.

Дети не хотели волновать нас и поэтому не обо всём писали, они понимали, что помочь мы им не можем..

В январе мы, наконец, получили радостное письмо: интервью прошло успешно и семья получила статус беженцев. Путь в Америку открыт! Билеты на самолёт заказаны на первое марта. Вовочка предупредил, что писем больше не будет и обещал позвонить, как только они прибудут на место.

В тревоге длились долгие дни ожидания, пока второго марта не раздался телефонный звонок из Баффало. Риточка сообщила, что прилетели благополучно, их встретили и приютили Пурыжанские, в ближайшие дни они позвонят из своей квартиры и сообщат номер домашнего телефона.

Нам этого было мало. Ждать их звонка не хватило терпения и мы тут же заказали разговор с Баффало. Из него мы узнали некоторые подробности перелёта через океан и первые впечатления об Америке. Больше всего восторгов было от “Боинга”, который ошеломил их размерами и комфортом. За телевизором, роскошным двухразовым питанием и прекрасным обслуживанием как-то незаметно прошёл многочасовой перелёт, и они оказались на другой стороне земли, в знаменитом аэропорту имени Кеннеди. В самолёте Илюшке преподнесли торт и поздравили с днём рождения. Так авиакомпания чествует всех именинников, оказавшихся на борту их лайнеров.

Восхищались они и вниманием своих друзей, которые их тепло приняли, позаботились о жилье и всём необходимом на первое время их жизни на новом месте.

Многое показалось им необычным в этой удивительной стране: и порядок найма квартиры, и срок установки домашнего телефона, и огромные супермаркеты с невообразимым обилием всевозможных продуктов, и травяные газоны, которые подстригаются специальными машинами, и приветливые лица американцев, говорящих “Хеллоу” совсем незнакомым людям, которых встречают на улице.

Разговор был односторонний. Говорили по очереди дети и внуки, а мы слушали и только изредка выдавали какие-то нечленораздельные звуки радости и восторга. Мы забыли о стоимости международного телефона и не замечали время, пока телефонистка не предупредила, что прервёт нас через одну минуту. Вовочка успел ещё только сказать, что они начали подготовку документов в вашингтонский Центр иммиграции и натурализации, и нам следует готовиться к отъезду.

165

В Белоруссии, как и в других республиках СССР, нарастали темпы инфляции. Цены на продукты питания и промтовары из месяца в месяц повышались. Введенные в 1990-ом году новые должностные оклады работникам ПКБ, которые тогда казались вполне приличными, уже не обеспечивали минимального прожиточного минимума и вновь начался отток специалистов в кооперативы, торговлю и другие коммерческие структуры.

Пришлось в срочном порядке менять штатное расписание и увеличивать зарплату работникам. Финансовые возможности для этого были, однако, согласно действовавшему тогда положению, рост зарплаты не должен был опережать рост производительности труда. Банк выдавал наличные деньги для расчёта с работниками не под фактический объём реализации, как это было раньше, а в пересчёте на достигнутый уровень выработки продукции на одного трудящегося с учётом соблюдения требуемого соотношения между ростом зарплаты и производительностью труда. Так как ценники на разработку проектов оставались старые, а выработка на одного работника определялась в рублях, достичь требуемого соотношения было невозможно и мы не могли получить необходимую сумму денег для полного расчета с людьми. Наши объяснения о выполнении плановых показателей по объёму выпуска проектной продукции,

производительности труда, прибыли и наличии свободных средств на текущем счёте в расчёт не принимались, и наши сотрудники не могли получить свои честно заработанные деньги.

Мои хождения к банковскому начальству результатов не давали и приходилось прибегать к различным комбинациям, чтобы вымолить необходимую сумму на выплату зарплаты. Во время одного визита я был принят старшим экономистом планового отдела банка Софьей Ароновной Дольниковой, которая прониклась сочувствием ко мне. Она без труда разоблачила попытку получения нами завышенного аванса, резонно заметила, что таким путём мы долго не протянем и посоветовала поискать другие возможности для выхода из создавшегося положения. Когда же я признался ей, что найти их не могу, она пообещала, что попробует нам помочь.

При следующей встрече она со знанием дела легко убедила меня, что нами не используются некоторые положения сборников цен на проектные работы, позволяющие применять повышающие коэффициенты, чем занижается договорная стоимость работ. Кроме того, Дольникова предложила определять договорные цены на выполнение смет и конструкторских разработок по трудозатратам. С учётом введения новых повышенных окладов работникам это заметно увеличивало суммарный объём работ. На конкретных примерах Софья Ароновна показала, что в текущем году объём реализованной проектной продукции, а, следовательно, и производительность труда, возросли бы в размере, превышающем рост заработной платы.

Мои опасения возможных претензий со стороны контролирующих органов и, в первую очередь, Народного контроля, которого я по-прежнему остерегался, она категорически отвергла, потому что, по её мнению, эти рекомендации не противоречат закону. Кроме того, она считала, что в таких тонкостях ревизоры просто не разберутся.

Несколько часов разговора с Дольниковой было достаточно, чтобы я понял не только суть полезных советов толкового экономиста, но и необходимость занять такого работника в ПКБ. Не откладывая эту идею в долгий ящик, я тут-же предложил Софье Ароновне должность главного экономиста с окладом значительно превышающем небольшую ставку, получаемую ею в банке. Предложение застигло её врасплох, но она сходу отвергла его по ряду причин. Дольникова заявила тогда, что не может бросить любимую работу и уйти из банка, в котором проработала более двадцати лет. Она была направлена сюда после окончания финансово-экономического института, в совершенстве познала все тонкости банковского дела и стала ведущим специалистом в этой области, с мнением которого считались не только в городской и областной конторах банка, но и в Госбанке республики. Оставить любимое дело ради материальной выгоды она не собиралась. Софья Ароновна предположила, что работу главного экономиста ПКБ вполне могла бы выполнять Забелышинская, которая работала у нас главным бухгалтером. Любовь Владимировна имела высшее экономическое образование, большой опыт работы в пищевой промышленности и в ЦСУ, где она в последнее время работала заместителем заведующего отделом. Дольникова давно знала Любу и не представляла её в роли главбуха, которая не соответствовала её специальности, опыту и желанию.

Дольникову можно было понять и ей трудно было возразить. Действительно, ей не было резона менять привычную и любимую работу в Госбанке на предложенную мною должность в проектной организации. Верно было и то, что Забелышинская по образованию и опыту работы соответствовала должности главного экономиста.

Была ещё одна причина по которой мне не следовало предлагать Софье Ароновне работу в ПКБ. В случае её согласия, все руководящие управленческие должности были бы заняты евреями. Появлялись веские основания обвинить меня в нарушении партийного принципа подбора кадров. Этим могли воспользоваться подчинённые Лагиру органы контроля, в сфере влияния которых я теперь вновь находился.

Однако, чем более сомнительными были возможности завлечь Дольникову в ПКБ, тем более мне этого хотелось, и тем настойчивее я уговаривал её согласиться с моим предложением. Более месяца продолжались переговоры и, когда казалось, что никаких надежд на их положительный исход не осталось, Софья Ароновна принесла заявление о приёме на работу. Она призналась, что решилась на это из-за нанесенной ей очередной обиды, унижающей её честь и достоинство, как человека и специалиста. Управляющий банком отклонил предложение о назначении её на вакантную должность заместителя заведующего планового отдела банка. Вакансия была замещена молодым специалистом, единственным преимуществом которого была принадлежность к основной национальности. Это был уже не первый случай, когда её служебному росту мешало еврейское происхождение. На этот раз сработали гордость и самолюбие, и она, с болью в сердце, решила подать заявление об увольнении в связи с переходом на другую работу.

Я, как мог, успокаивал Дольникову, а в душе был рад открывшейся возможности поработать с грамотным, толковым и опытным экономистом, приятным и умным человеком.

В своём выборе я не ошибся. Мы проработали вместе несколько лет, вплоть до моего увольнения, и я получал большое удовольствие от общения с ней. Из любой сложной ситуации она находила правильный и, наверное, единственный выход. Мы успешно конкурировали с другими проектными организациями отрасли и обеспечивали устойчивое финансово-экономическое положение ПКБ. Софья Ароновна пользовалась авторитетом в коллективе и никто не возмущался тем, что у руководства одни евреи.

На этом примере я мог ещё раз убедиться в том, как важно руководствоваться при подборе кадров, в первую очередь, не политическими качествами и национальной принадлежностью работника, а его эрудицией, способностями, знаниями и отношением к делу.

166

Письма из США приходили не часто. Ещё реже были разговоры по телефону. У детей на них просто не было денег, да и нам они были не по карману. Когда же мы совсем изводились в ожидании очередного письма, то позволяли себе заказать Баффало, чтобы узнать, хотя бы, о здоровье детей. О чём ещё можно было говорить с далёкой Америкой, если за считанные минуты нужно было отдать недельный заработок. Да и разговоры телефонные как-то не клеились у нас. На все наши вопросы мы получали уклончивые ответы, что всё нормально, всё в порядке и волноваться нам нет никаких оснований.

Наши письма в Америку были частыми и однообразными. В них была мольба о более подробной информации касательно их новой жизни, учёбы, поиска работы, настроения. Дети отделивались общими фразами, что все здоровы и всё у них хорошо. В лучшем случае нам сообщали некоторые подробности о детях и об их успехах в школе.

Мы чувствовали, что от нас что-то скрывают и отправили резкое письмо с настоятельной просьбой написать честно и открыто обо всём, что беспокоит и тревожит их.

В ответ мы получили первое откровенное письмо от Вовочки. В нём наш сын поделился с нами некоторыми мыслями об их новой жизни. После первых восторгов от изобилия товаров, заботы о детях, которых возят на учёбу в школьных автобусах и кормят вкусными завтраками, социальной защите малоимущих, которым платят вполне приличные пособия, демократических свобод и отсутствия дискриминации, они столкнулись со множеством житейских проблем, которые неизбежно встают перед иммигрантами вообще и перед “русскими” евреями в особенности.

Как не возмущались мы, писал Вова, несправедливым к нам отношением в Союзе, но если мы там чего-то стоили в своём деле, с нами всё же считались, как со специалистами, наши знания, опыт, способности были кому-то нужны. Здесь же мы потеряли свой социальный статус и пока не можем быть востребованы в промышленности, науке, культуре и других сферах человеческой деятельности. Наши дипломы здесь не признаются, а научную степень, к которой многие долго и упорно стремились, приходится вовсе скрывать, чтобы не лишиться возможности получить какую-нибудь подсобную работу с минимальным заработком.

Здесь бывшие старшие экономисты, главные инженеры, зав. лабораториями и зав. секторами в поисках любой неквалифицированной работы могут только вспоминать о своём былом “величии”.

Многие жестко советуют вновь прибывшим: “Забудьте о своём прошлом.” Они рекомендуют приспосабливаться к условиям новой жизни. Тем более, что они здесь не такие уже и плохие. Щедрое американское общество обеспечивает всем безбедное существование. Никто не живёт под открытым небом, а о здешнем питании, которое доступно и бедным, только мечтать могли наши доктора и кандидаты наук. Всем беженцам обеспечено бесплатное медицинское обслуживание, а их дети могут бесплатно учиться и пользоваться благами, которых они “там” и во сне не видели.

Некоторые следуют этим советам, довольны и, вроде бы, даже не плохо устроились: получают “Велфер”, пользуются многими льготными программами, ходят в синагоги, посещают школы английского языка и отмеряют свою жизнь от пособия к пособию.

Наши дети по этому пути не захотели идти и для них жизнь оказалась намного труднее. Они не пожелали забыть свой долголетний опыт, профессионализм, умение. Вова и Рита отказались от “Велфера” и ринулись искать работу, но даже подсобную работу нельзя было найти без языка. Пришлось, в первую очередь, браться за английский и они учили его круглые сутки с перерывами на сон и еду. Пользовались учебниками, кассетами, слушали телевизионные программы и радио и, когда стали понемногу понимать и чуть-чуть говорить, нашли работу.

Рита пошла подсобной рабочей в магазин-мастерскую, где шили и монтировали гардины по заказам клиентов. С её слабым здоровьем нелегко было выдержать полный рабочий день у швейной машины, но она упорно осваивала новую работу и вскоре стала самостоятельно её выполнять.

Вова катал тележки в супермаркетах, работал паяльщиком в ремонтной мастерской и выполнял другую неквалифицированную работу, какая попадалась под руки, не считаясь со временем и тяжестью.

Дети не жаловались и не сожалели о своём выборе. Они успокаивали нас тем, что живут сейчас не хуже, а значительно лучше, чем раньше, а чтобы жить ещё лучше, как живут большинство американцев, нужны годы, воля и терпение. Используя знакомую терминологию, Вова называл время адаптации в американское общество “переходным периодом”.

Рита писала, что вскоре мы узнаем свой компьютерный номер в Вашингтонском центре и будем приглашены на интервью в американское посольство, но теперь ни она, ни Вова на выезде не настаивали. Учитывая специфические особенности нашего статуса, психологии и ментальности, они считали, что этот вопрос мы должны решать сами, взвесив все “за” и “против”. О своём решении они не жалели. Хотя и нелёгкой была их теперешняя жизнь, были надежды на лучшее будущее и радость за детей, которым в Америке действительно хорошо. Что касается взрослых, решающих вопрос о выезде, то они должны считаться с тем, что их здесь ждут серьёзные проблемы житейского, языкового и психологического характера. Об этом предупреждали нас дети в своём первом и последнем откровенном письме.

Вова и Рита заверили нас, что с любым принятым нами решением они согласятся.

167

Письмо из Вашингтонского Центра службы иммиграции и натурализации о назначении интервью в посольстве США, в Москве мы получили неожиданно быстро. Обычно со времени направления туда анкет и до присвоения номера на компьютере, проходит не менее года, а нередко и больше. В нашем же случае прошло только шесть месяцев, а нам уже сообщили дату встречи с представителями иммиграционного ведомства для решения вопроса о получении статуса беженца. На подготовку длинного перечня необходимых документов давалось всего три месяца, и нам следовало быть в Москве 11 марта 1991-го года.

Честно говоря, мы даже не рады были такому быстрому обороту дела. Когда я об этом позвонил Верочке в Минск, она от неожиданности даже опешила и заявила, что совсем к этому ещё не готова.

Ехать следовало всей семьёй, а к тому времени ещё не было ясно даст ли Жора согласие на отъезд детей и подпишет ли заявление об отсутствии претензий к своей бывшей супруге. Он усиленно уговаривал Наташу остаться с ним и она склонялась к тому, чтобы дать на то согласие. Ей недавно исполнилось шестнадцать, она была студенткой медучилища и успела уже получить советский паспорт.

О поездке на интервью без дочери Верочка и мыслить не могла, и мы начали осторожную, но целенаправленную обработку девочки. Ей приводились многочисленные доводы и аргументы в пользу отъезда, её предупреждали об опасности проживания в зоне повышенной радиации и угрозе развития болезни щитовидной железы, а она твердила одно: “Это моя родина и я отсюда никуда не уеду”.

Решающий разговор с ней у меня состоялся один на один, когда я напросился проводить её к автобусу, что шёл в микрорайон “Запад”, где жил Жора. Уже стемнело, накрапывал мелкий дождик, автобусы один за другим полупустыми уходили от остановки, а мы всё говорили и говорили. Наташенька плакала... Она не поддавалась на уговоры и убеждала меня, что не может навсегда оставить отца, одинокого дедушку в Ляховичах, тётушек и дядечек, подруг и друзей, бросить своё медучилище, откуда открывалась дорога в мединститут, и ехать на другой конец света, где всё чужое, непонятное, и даже по русски поговорить будет не с кем.

Когда весь мой запас доводов и убеждений иссяк и я уже готов был признать очередное поражение, в голову пришёл последний аргумент, который оказался решающим и склонил Наташу согласиться поехать на интервью. Я повёл разговор о маме, которая её безумно любит, не мыслит себе жизни без неё, которую она своим поступком в могилу сведёт. Я упрекал Наташу в том, что при всём обилии любви и жалости, которую она испытывает ко всем своим родственникам, она совсем не жалеет человека, давшего ей жизнь и любящего её больше всех на белом свете.

Когда подошёл очередной автобус, внучка, сквозь слёзы, произнесла:

- Я поеду с вами в Москву, но не мучайте меня больше своими разговорами.

Наташа уехала, а я еще долго оставался на скамейке пустующей автобусной остановки в раздумии о том, почему мы, взрослые, терзаем детские души своими поступками и действиями.

168

Пока Иринка только догадывалась о возможности нашего отъезда, она относилась к этому довольно спокойно. У нас возобновились прежние отношения, мы нередко бывали у неё в Минске и, как могли, помогали ей. Она отказалась от квартирантов, произвела капитальный ремонт своей квартиры, обставила её

с нашей помощью добротной импортной мебелью и полностью посвятила себя детям. Работа в финотделе облисполкома её вполне устраивала и ею там были довольны. Зарплата была небольшой, но, с учётом полагающейся им части Мишенькиной пенсии, денег на жизнь хватало и материально они были вполне обеспечены. Нуждались больше в моральной помощи и поддержке, которая им оказывалась. Одно то, что мы жили рядом и к нам можно было в любое время обратиться, было для Иринки очень важно.

Известие о нашей поездке на интервью вызвало настоящий шок в семье Зуськовых (такую теперь фамилию носили и дети) и они не считали нужным скрывать от нас своего отношения к этому. Больше всех возмущалась Алёнка. Ей стукнуло уже тринадцать лет и рассуждала она не по-детски серьёзно.

Когда я, как-то, гуляя с ней по лесу возле нашей дачи, попытался высказать свои тёплые чувства, она грубо прервала меня и совсем по-взрослому заметила:

- Своё отношение к детям, дедушка, нужно подтверждать делами, а ты с бабушкой бросаешь нас одних на произвол судьбы.

Тяжело было слушать такие слова от любимой внучки, которая так рано стала сиротой, но, к сожалению, в них была и доля правды. Я попытался тогда объяснить Алёнушке, что мы вовсе их не бросаем, а только на какое-то время расстаёмся, что делаем это, чтобы иметь возможность оказывать им реальную помощь. Я добавил, что мы с удовольствием взяли бы их с собой, но мама об этом даже слушать не хочет и заявила, что о её выезде из Белоруссии и речи быть не может, а мы уже слишком стары, чтобы нам можно было доверить воспитание малолетних детей.

Даже маленький Андрюшка, которому только шесть лет исполнилось, принимая от нас в подарок автомобиль “Москвич”, на котором он мог самостоятельно ездить, нажимая ножками на педали, спросил меня в день своего рождения:

- Если ты меня так сильно любишь, то зачем же ты от меня насовсем уезжаешь?

Ему, самому маленькому из шести внуков, которого мы все очень любили, я и не пытался что-нибудь объяснять, а только твёрдо пообещал:

- Мы расстанемся не насовсем, Андрюшка. Мы скоро обязательно снова будем вместе, мой мальчик.

Иринка, хоть и не скрывала своего недовольства, старалась в разговорах избегать этой темы. Только раз, когда мы как-то за столом, в присутствии друзей и родственников, в очередной раз коснулись возможности их отъезда сейчас или в недалёком будущем, она вновь наотрез исключила такой вариант для себя, но то ли в шутку, то ли всерьёз заметила, что детей своих она могла бы доверить только Вовочке и никому другому. Больше мы с ней эту проблему не обсуждали.

Очень болезненно восприняла известие о приглашении нашей семьи на интервью сестра Анечки - Полина, которая очень страдала от своего одиночества. После развода с Петей она так и не создала новой семьи и жила одна с сыном Ариком. Теперь, когда ей было уже за шестьдесят, сын женился и она осталась совсем одна. Мы стали для неё единственной опорой и надеждой. Полечка просила не оставлять её одну и обратилась с просьбой в американское посольство приобщить её к нашей семье. Было мало надежд на успех этой затеи, но мы решили сделать всё возможное, чтобы ей помочь. В нашем обращении в службу иммиграции и натурализации были убедительные доводы и, к общей радости, перед самым выездом в Москву, мы получили сообщение об удовлетворении нашего ходатайства. Сестра Анечки могла ехать на интервью, как член нашей семьи.

Труднее было с моей Полечкой. Хоть она и не была одинокой и формально считалась вполне материально обеспеченной (пенсия отставного подполковника была выше моей директорской зарплаты), её нельзя было оставлять без нашей моральной поддержки и помощи во всё осложняющейся ситуации в стране. Несмотря на то, что её сыновья к тому времени уже успели защитить диссертации, занимали довольно высокие должности и получали вполне приличную зарплату, она не прекращала о них заботиться и на это уходила значительная часть их семейного дохода. На этой почве продолжались разногласия с Володей и семья не вылезала из долгов. Ни ссоры с мужем, ни наши уговоры, ни убеждения её детей в том, что они уже способны прожить без её помощи, на неё не действовали.

У нас были серьёзные основания беспокоиться о прочности их брака с Володей. Полечка могла в любое время остаться одна, без достаточных средств к существованию и необходимой моральной поддержки. Рассчитывать, что её, на старости лет, приютят дети не приходилось. В их семье только она была полной еврейкой и сполна получала всю жизнь полагающиеся по этому статусу дивиденды. Володя, хоть и имел полуеврейское происхождение по матери, гордо носил отцовскую фамилию. Валера и Борик считались по паспорту русскими и это сыграло свою роль в их образовании и росте служебной карьеры. Их жёны были русскими и не следовало ждать, что у них когда-нибудь появится желание привлечь постороннее внимание к полуеврейскому происхождению своих мужей. Да и сама Полечка позволяла себе пользоваться

своим правом семейного гостя не более одной недели, пока ещё сохранялись запасы привезенного продовольствия и достаточные для покупки подарков денежные средства.

Наше предложение о смене местожительства застигло семью Елизаровых врасплох. К этому они тогда оказались совсем неподготовленными. Володя, который к тому времени ещё оставался непоколебимым патриотом советской страны, считал выезд изменой Родине и категорически исключал такую возможность по отношению к себе. Он заявил, что никуда не поедет, а если этого захочет Полечка, то он препятствовать не будет. Что касается детей, то они, по его мнению, должны были сами решать эти вопросы. Позднее Володя уточнил, что Борик в любом случае останется с ним и переедет с семьёй в Ейск, в их двухкомнатную квартиру в центре города. Ехать одна Полечка не решалась.

В сложной ситуации тогда оказались и наши одесские родственники. Полуеврейская семья Бори была на распутье. Жена Люся, чистокровная украинка, всеми своими корнями была привязана к селу Евтодия, где она родилась, жили и умерли её родители, и поблизости от которого теперь жила её сестра Лиля с семьёй. Никакие уговоры Бори на неё не действовали и об их отъезде тогда не могло быть и речи.

Старшая дочь Светочка, ровесница наших мальчиков, по паспорту была украинкой, муж её Саша, русский, и потому они не испытывали дискриминации, несмотря на еврейское происхождение отца-Бори. Покидать родину они ещё не собирались.

Кто в их семье давно созрел к отъезду - дочь Аллочка и её муж Лёва. Он, кроме еврейской фамилии Гишвалинов, обладал всеми другими отличительными особенностями настоящего еврея и был по уши сыт антисемитизмом, который, несмотря на его кандидатскую степень и большие способности, не позволял ему подняться выше должности старшего научного сотрудника в исследовательском институте пищевой промышленности. Они готовы были воспользоваться любой возможностью покинуть страну, но помочь им это сделать сейчас по степени родства мы не могли.

Складывалось так, что на интервью мы должны были ехать только с Верочкой и примкнувшей к нам тётей Полей, а все другие наши родственники оставались здесь в ожидании других возможностей для отъезда или в процессе созревания к этому.

169

О предстоящей в марте поездке нашей семьи в Москву знали только близкие родственники. Даже друзья не были посвящены в эту тайну. Её разглашение могло стоить мне не только увольнения с работы под любым удобным предлогом, но и осложнений с выдачей загранпаспорта по мотивам допуска к секретной документации или другим надуманным причинам. Могла лишиться по этим же причинам своей должности и Верочка. Неприятна была бы и молва по этому поводу.

Всю подготовительную работу и оформление необходимых документов к интервью взяла на себя Анечка. Приходилось только удивляться её внезапно раскрывшимся способностям к выполнению этой непростой работы. Ей, которой всю жизнь трудно было даже письмо написать, пришлось заполнять массу анкет и других бумаг, большинство из которых были на английском языке, но она с этим прекрасно справилась. Были у неё, конечно, языковые трудности (в школе и институте мы изучали немецкий), но она успешно их преодолевала при помощи словарей, которыми мы к тому времени успели обзавестись.

Пользуясь своим служебным положением, я договорился с одним из наших заказчиков о бронировании мест в гостинице на всю семью, под предлогом выезда на празднование юбилея нашего столичного родственника. В то время было совсем непросто определить несколько человек на ночлег в центре Москвы.

С помощью друзей удалось купить билеты на поезд “Могилёв-Москва” в оба конца, и вечером десятого марта вся наша семья отправилась на интервью. Поезд прибыл на Белорусский вокзал в шесть утра и через полчаса мы уже были на улице Чайковского, где тогда размещалось американское посольство. Несмотря на ранний час, у здания стояло уже несколько сот человек.

В Москве оказалось намного холоднее чем в Могилёве, весной здесь ещё и не пахло. Лежал снег и было морозно. Я отправил женщин и детей в только что открывшееся кафе погреться и позавтракать, а сам остался в очереди. Здесь были люди из всех концов нашей необъятной Родины. Некоторые добивались гостевой визы, но большинство желало навсегда покинуть страну.

Мне раньше казалось, что статус беженца получают в основном евреи, стремящиеся убежать от антисемитизма и дискриминации. На самом деле в тот день они здесь были не в большинстве. Многие русские, украинцы и белорусы говорили о преследованиях, которым они подвергались в связи с принадлежностью к некоторым религиозным сектам. Армяне рассказывали, что бежали из Баку, где начались погромы со множеством человеческих жертв, а литовцы, эстонцы и латыши утверждали, что

подвергаются гонениям из-за их стремления к независимости от России. Были в очереди и азербайджанцы, и грузины, и представители других национальностей и этнических групп. Все они причисляли себя к гонимым в стране, где дружба народов считалась основополагающим принципом существования государства, а преследования на расовой, национальной и религиозной почве были по закону уголовно наказуемыми.

Много было и евреев. Они приехали из Украины и Молдавии, Белоруссии и России, Средней Азии и Кавказа. Были и местные жители - москвичи. И каждый со своей историей и основаниями просить статус беженца. Хотя в стране уже несколько лет властвовала демократия и гласность, говорили шёпотом, опасаясь, на всякий случай, доносов.

Очередь двигалась быстро и в полдень мы оказались у калитки постового милиционера, который следил за порядком, требуя оставлять сумки и металлические предметы за оградой посольства. Хотя мы и беспокоились за сохранность своих вещей, пришлось всё оставить под присмотром чужих людей, что были дальше нас в очереди.

У окошка в вестибюле долго проверяли наши документы, потом разрешили подняться на второй этаж на интервью. Семьи в полном составе, включая детей и престарелых, приглашались в одну из освобожденных комнат, где проводились собеседования. Как мы успели заметить, они продолжались не более десяти-пятнадцати минут.

Вскоре и нас пригласили в комнату, где за стеклянной перегородкой сидел уже немолодой мужчина. На ломаном русском языке он вежливо представился офицером службы иммиграции и натурализации США, назвал своё имя и удостоверился в явке на интервью всех членов нашей семьи.

После нескольких формальных вопросов по моей анкете, офицер попросил подробно рассказать каким преследованиям и гонениям я подвергался, почему решил эмигрировать из СССР. Мне показалось, что слушал он меня невнимательно и мой рассказ воспринял с недоверием. Когда я закончил говорить, офицер с нескрываемым недовольством заявил, что по моему образованию и служебному положению не видно, что я подвергался дискриминации, а от бытового антисемитизма никто не застрахован и в Америке. Он утверждал, что если все взрослые в нашей семье смогли получить высшее образование, а я стал генеральным директором крупного промышленного предприятия, то ни о какой дискриминации в отношении нас не могло быть и речи. Не говорило об этом и моё полувекое пребывание в партии.

Чтобы убедить его в существовании государственного антисемитизма и целенаправленном преследовании меня на национальной почве, я предъявил ему постановление КНК БССР об освобождении от занимаемой должности и привлечении к судебной ответственности. Я положил перед ним папку с вырезками из центральных, союзных и республиканских газет, где меня обзывали жуликом, ловкачем и проходимцем, обвиняли в должностных преступлениях и присвоении государственных средств, затем постановление областного суда, признавшего меня невиновным во всех предъявленных мне обвинениях.

После долгого и внимательного ознакомления с документами и газетными публикациями, офицер попросил оставить их ему, заявив, что больше вопросов к нам нет и велел прийти за решением к концу рабочего дня.

Полной уверенности в том, что представленные доводы будут признаны убедительными и станут основанием для положительного решения у нас не было, но по поведению офицера в конце интервью, выражению сочувствия на его лице можно было догадаться о его добром расположении и доверии к нам.

С волнением ждали мы результатов интервью. У Анечки от напряжения и усталости болела голова, а дети, не понимая всей значимости происходящего, требовали чего-нибудь пожевать. Мы зашли в ближайшее кафе и заказали обед. Когда вышли на улицу, немного распогодилось. Блеснуло солнце и стало теплей. Было только три часа дня и до получения ответа оставалось ещё несколько часов. Чтобы убить медленно тянущееся время, кружили по тротуарам вдоль посольства, изучая архитектуру зданий и любуясь иллюминацией центра Москвы.

К пяти часам вечера у здания посольства стали собираться люди. Многие из них уже были нам знакомы по утренней очереди. Вскоре из здания вышел сотрудник посольства, который стал громко зачитывать фамилии. Один за другим подходили к нему соискатели статуса и по выражению их лиц можно было легко догадаться довольны ли они полученным решением. Толпа ожидающих быстро уменьшалась, а нас всё не вызывали. Когда осталось всего несколько человек и наше волнение достигло предела, наконец, было зачитано что-то похожее на нашу трудно произносимую фамилию. На всякий случай я поднял руку и попросил ещё раз зачитать её. Сомнений больше не было. Нам вручили документ, по внешнему виду которого можно было безошибочно понять, что это решение о предоставлении членам нашей семьи статуса беженца.

Следовало пройти медицинскую комиссию и выполнить ряд других формальностей, для чего мы остались ещё на несколько дней в Москве, но главное уже было решено: путь в Америку открыт.

170

Под влиянием демократических свобод и ослабления централизованной власти Москвы усилились тенденции к независимости в союзных республиках. Теперь уже не только Эстония, Латвия и Литва требовали экономической и политической свободы, но об этом во всеуслышание заговорили даже такие исконно верные дружбе и единству регионы, как Украина и Белоруссия.

Руководители Советского государства, в первую очередь президент Горбачев, увлекшись перестроечными реформами и гласностью, поначалу видимо не заметили или не придали должного значения нарастающему стремлению лидеров ряда республик к полной самостоятельности, а когда развал “единого и могучего” Союза стал очевидным, уже практически противодействовать этому процессу не смогли.

Национальные регионы один за другим объявили о своей независимости. При этом, правда, ещё подразумевалось сохранение единого экономического пространства, общей внешней политики и нерушимого военного союза, но опасность полного развала СССР была уже налицо.

Горбачев и архитекторы “перестройки” предприняли несколько отчаянных попыток сохранить страну, как единое целое. В марте 1991-го года состоялся Всесоюзный референдум по вопросу сохранения СССР. Несмотря на то, что 76 процентов взрослого населения высказалось за единство страны, руководители некоторых республик, в том числе России и Украины, всячески этому препятствовали.

Летом того же года в Москве и других местах состоялось несколько совещаний с участием глав теперь уже независимых государств с целью согласования и подписания Союзного договора, предусматривающего добровольное объединение национальных республик и сохранение единой страны, однако прийти к полному согласию не удалось и было решено направить проект договора на доработку с учётом предложений и замечаний, внесенных при его обсуждении, после чего вновь собраться для его очередного рассмотрения.

Руководители республик отбыли в свои столицы, а Михаил Сергеевич отправился на отдых во вновь построенную летнюю резиденцию в Форосе, на южном берегу Крыма.

Шёл август 1991-го года и ничто не предвещало существенных перемен до возвращения президента СССР в Москву. Полной неожиданностью для всех явилась пресс-конференция высокопоставленных государственных чиновников, переданная по центральному телевидению. Из неё стало ясно, что образован Государственный Комитет по чрезвычайному положению, куда вошли министр внутренних дел, министр обороны, председатель правительства и другие руководители страны. Не вызывало сомнения, что ведущая роль в создании комитета принадлежала председателю КГБ Крючкову. Зачитали обращение ГКЧП к народу, в котором была забота об обществе, сохранении целостности государства, о нуждах людей. На слух вроде все звучало складно. Страна действительно нуждалась в переменах, в каких-то решительных действиях по предотвращению развала. Однако, в лицах гекачепистов, смотревших на нас с экранов телевизоров, в произносимых ими речах не чувствовалось уверенности в своих действиях, воли к достижению поставленной цели, готовности к смелым и решительным действиям. Даже о смещении президента не было чётко заявлено, а утверждения о его временном отстранении от власти в связи с плохим состоянием здоровья прозвучало неправдоподобно.

Безусловно, речь шла о заговоре с целью смены власти. Был уже такой прецедент в СССР, когда в 1964-ом году на смену Хрущёву пришел Брежнев, но тогда это всё же решалось открыто, путём голосования на пленуме ЦК КПСС. Здесь же президента отстраняли от должности в его отсутствии, прикрываясь его неадекватностью по состоянию здоровья. Всё это выглядело неубедительно, неестественно и было похоже на беззаконие.

Лично мне тогда не верилось в успех путча и представлялось, что он вскоре лопнет, как мыльный пузырь. Так оно в жизни и произошло.

Против ГКЧП решительно выступило руководство Российской Федерации, во главе которого был в прошлом опальный Борис Ельцин. Он объявил Комитет незаконным и потребовал его немедленного роспуска. Двоевластие длилось недолго. Горбачев вернулся в Москву и приступил к исполнению своих обязанностей, а гекачеписты арестованы. Однако, недолгим было уже правление президента. Развал страны теперь стал неминуемым.

Много есть версий о причинах крушения Советского Союза. Американцы вроде полагают, что всё сделали они. Взвинтили гонку вооружений до космических масштабов, подкрепили всё соответствующей

пропагандой и сработала некая таинственная пружина, которая мгновенно разрушила, казавшийся незыблемым, монолит.

В Германии высказывались предположения, что заслуга в этом принадлежит одному Горбачеву, стремившемуся Европе удружить, а в России бытует мнение, что это дело на троих сварганили в Беловежской пуще коварный Ельцин, хитрый Шушкевич и злобный Кравчук.

Руководители трёх братских республик, недавно объявивших о своей независимости, собрались в декабре 1991-го года под Брестом и, игнорируя волю народа, выраженную в референдуме, обнародовали решение об образовании Содружества независимых государств.

Толком тогда, наверное, мало кто понимал что такое СНГ. Ясно было одно, что три главные союзные республики вышли из СССР и Советское государство прекратило своё существование.

К тому времени уже было абсолютно ясно, что идейно-политический и экономический потенциал развитого социализма давно себя исчерпал, но такого быстрого развала первой советской державы, а следовательно и всего социалистического лагеря никто не ожидал. Не было никакого сомнения в том, что не будь Горбачевской “Перестройки” сверхдержава могла бы просуществовать ещё довольно долго.

В Москве ещё какое-то время было два президента, но так долго продолжаться не могло. С падением СССР пал его первый и последний президент - Михаил Сергеевич Горбачев. Россией, провозгласившей себя правопреемницей советского государства, стал править в прошлом верный сын коммунистической партии, выдворенный недавно со всех партийных постов и покинувший её ряды - Борис Николаевич Ельцин.

171

После интервью в американском посольстве все наши родственники посчитали, что у них осталась последняя возможность отдохнуть на нашей уютной даче на берегу Ресты. Предполагалось, что мы покинем страну не позднее весны 1992-го года и в их распоряжении оставалось только одно лето. Вот почему о своём желании побывать у нас в гостях заявили Верочка и Иринка с детьми, Полечка и Володя из Ейска, Полечка из Днепропетровска, Фанечка из Ленинграда. Пришлось по-братски разделить летний сезон между ними и подготовиться к их приёму.

Первыми, после завершения учебного года, приехали Верочка, Наташка и Анечка. Погода в июне стояла хорошая и к концу срока им даже удалось насладиться купанием в тихой речушке, что была в десяти шагах от нашего дома. Захватили они также начало клубничного сезона и вволю поели молодой редиски и зелёного лука с огорода. Много гуляли по лесу и с удовольствием собирали ранние грибы. Кто знал придётся ли им такое иметь в далёкой Америке.

В начале июля Иринка привезла Андрюшку и Алёнку. Мы отвели им удобную спальню на втором этаже и уделили максимум внимания. Их мы принимали на своей могилёвской даче, наверное, в последний раз. Было ещё много клубники, поспели огурцы и молодая картошка. В разгар лета они много купались, плавали, загорали. На природе отметили Андрюшкин день рождения и вручили ему подарки. Дети были довольны, но и на сей раз не обошлось без обид. На прощание Алёнка вновь нас упрекнула, что бросаем их здесь одних.

Более двух недель отдыхала у нас Фанечка. Мы понимали, что это, наверное, последняя возможность выразить ей нашу благодарность, за неоценимую помощь, которую семья Эйдельштейнов оказала мне и Полечке в нашем сиротском детстве. Анечка создала ей все условия для приятного отдыха и одарила одеждой, хозяйственной утварью и посудой, которую мы не могли увезти с собой в Америку.

К концу лета приехала Полечка Днепропетровская. Так мы называли сестру Анечки. Ей меньше, чем всем другим нашим родственникам нравился отдых на природе и она предпочитала походы по магазинам в поисках модной одежды и обуви, посещения кино и прогулки по городу. Ей было передано многое из гардероба сестры и она довольная уехала готовиться в дальнюю дорогу.

Елизаровы в том году отменили свой приезд на дачу. Полечке неожиданно выделили горящую путёвку в одесский санаторий “Куяльник” и она не могла не использовать эту единственную в своей жизни возможность побывать на престижном курорте. Условились о встрече с ними весной следующего года.

Не побывали у нас тем летом и наши одесские родственники. Они готовили к отъезду Аллочку с Лёвой. Вместо Израйля молодая семья выбрала местом постоянного жительства Германию, которая в том году увеличила квоту приема еврейских иммигрантов из СССР.

Мы начали готовить документы на приватизацию своей квартиры. Новое жилищное законодательство теперь допускало передачу жилья в частную собственность, куплю и продажу квартир.

Некоторые преуспевающие дельцы уже успели приобрести по несколько престижных квартир в центре города.

Я просто поражался тому, как бывшие партийные лидеры, которые поучали нас партийной этике, ленинской честности и скромности теперь разбежались по разным коммерческим организациям, осели в торговых структурах, создали свои кооперативы и на глазах богатели.

Белорусские деньги (“зайчики”) обесценивались. Продукты и товары дорожали. Быстро возрастала дистанция между доходами бедных и богатых. Нищими становились инженеры, конструкторы, учителя, ученые. Коммерсанты и дельцы меняли рубли и “зайчики” на доллары, цена которых постоянно росла.

Центральный городской стадион, напротив нашего дома, стал вещевым рынком. Сюда “мешочники” приносили товары, привезенные из Польши, Турции и даже Китая, и продавали их по дорогим ценам. Здесь же по вечерам часто выступали популярные эстрадные артисты. Билеты были нам недоступны, но мы могли слушать их концерты, усиленные электроникой, бесплатно, на улице.

Нашу спецполиклинику сделали общедоступной. Постепенно исчезли ковры, пёстрые шерстяные дорожки и дорогие занавеси. Очереди на приём к врачам стали такими же как и везде в городе.

Теперь, когда партия перестала быть руководящей и направляющей силой общества, её многие стали вспоминать добрым словом. Не стало единого руководителя, державшего в своих руках все бразды правления, взвалившего на свои плечи многие непартийные функции и подмявшего под себя все органы власти. Сейчас, когда не стало партийного контроля, многие местные руководители возомнили, что им всё дозволено, перестали считаться с общественным мнением. Взамен партии ничего пока не было создано. Царили бесхозяйственность, разворовывание государственной собственности, произвол.

Из-за безответственности и отсутствия контроля за межреспубликанскими поставками была нарушена ритмичная работа предприятий промышленности и других отраслей народного хозяйства. Хозяйственный механизм стал давать сбой.

Законы рынка, на которые в последнее время возлагались большие надежды, пока эффективного воздействия на экономику не оказывали и она начала постепенный откат назад. Единственное, что принесли новые хозяйственные реформы, было накопление богатств у незначительной части населения и обнищание подавляющей массы народа.

В Могилёве - крупном промышленном центре, где раньше был постоянный избыток рабочих мест, вдруг появились безработные. Из-за недостатка сырья и комплектующих изделий многие предприятия стали работать не на полную нагрузку, проводили сокращение численности работников или отправляли их в отпуск без сохранения содержания.

Развал единого государства и независимость, к которым так сильно стремились руководители союзных республик, ставшие теперь президентами, привели к отрицательным результатам.

172

Перед новогодним праздником мы получили короткое, но бодрое письмо от Вовочки. Он писал, что ему предложили инженерную должность в фирме, занимающейся проблемами керамики. Работа была не совсем по специальности, но тем не менее ему было приятно сознавать, что его знания и опыт, наконец, были востребованы.

Наметился прогресс и у Риточки. Она уже прилично говорила по-английски и полностью всё понимала. В магазине, где она продолжала работать, оценили её способности к дизайну, стали поручать самостоятельную работу и повысили зарплату.

Взросший доход позволил им снять квартиру с тремя спальнями в хорошем и благоустроенном районе города. Они смогли обзавестись некоторой мебелью и купить необходимую одежду, обувь и другие товары для себя и детей, которые учились в престижной школе и имели большие успехи в учёбе.

Теперь, когда они почувствовали себя немного увереннее, изменилось их отношение и к вопросу нашего выезда. В определённой мере этому способствовало всё ухудшающееся положение в республиках бывшего СССР.

В письме были конкретные советы относительно подготовки к отъезду. Они касались отправки багажа, распродажи имущества, приобретения необходимой одежды и обуви, а главное - обмена денег.

Рита советовала беречь доллары, которые нужны будут перед отъездом для покупки билетов и на первое время жизни в Америке. Здесь, писала она, все должны иметь свою машину. Без этого не могут обойтись не только богатые, но и бедные. Город занимает большую площадь и автобусы ходят по определённым маршрутам, ими не всегда можно добраться куда следует, а проезд стоит дорого. Она рекомендовала мне легализовать советское водительское удостоверение, которым я смогу воспользоваться

какое-то время, так как жизнь придется начинать с покупки автомобиля, который там является предметом первой необходимости.

И ещё они советовали беречь себя и детей от болезней. Больных Америка не принимает и бесплатной медицины у них нет. Предупредили и о необходимости запастись советскими медикаментами на первое время.

Советы были полезными, но трудно выполнимыми. Предстояли сложные проблемы. Главной из них, конечно, была финансовая. Крупных сбережений у нас никогда не было, а небольшие деньги, которые мы хранили в сбербанке на чёрный день, съела инфляция. Расходы же предстояли большие.

Немало и других непростых вопросов предстояло решить перед отъездом, но решение наше было твёрдым: мы едем в Америку!

173

В ПКБ и в ПО мясомолочной промышленности всё ещё не догадывались о моём предстоящем отъезде. Я не давал для этого повода и работал в полную силу. Несмотря на трудное финансовое положение предприятий, заказов на проектирование хватало, что обеспечивало устойчивое экономическое положение нашего бюро.

С нового года мы смогли вновь повысить зарплату. Она росла в ногу с инфляцией и это позволило сохранить кадры ведущих специалистов. Моим заместителем на протяжении последних десяти лет был Анатолий Васильевич Бугаенко. Он закончил пищевой институт на Дальнем Востоке и очень мало поработал на предприятиях отрасли. Ему нравилось проектирование и он прошёл путь от инженера-технолога проектного отдела до главного инженера ПКБ, постепенно расширяя свой кругозор и повышая квалификацию. Анатолий Васильевич отличался усердием, усидчивостью и работоспособностью. Был строгим и принципиальным с подчинёнными, требовал от них дисциплины и порядка. Однако, несмотря на эти и другие положительные качества, многие в ПКБ его почему-то недолюбливали.

Большим авторитетом и уважением в коллективе пользовался другой мой заместитель - главный конструктор проектов Сергей Максименко. Он пришёл в ПКБ после окончания Могилёвского машиностроительного института и буквально за несколько лет вырос с инженера-конструктора третьей категории до главного специалиста. Сергей Евгеньевич одинаково владел проектной и конструкторской работой, но охотнее брался за творческие разработки, где в большей мере проявлялись его инженерные способности.

Когда, в последнее время, я всё чаще задавался вопросом о своём преемнике, то всё же отдавал предпочтение Бугаенко.

На своём месте были и руководители отделов: Аверьянов, Батютов, Гаюк, не говоря уже о Софье Ароновне Дольниковой, которая оказалась бесценным работником и ведущим специалистом по экономике и финансам.

Можно было не сомневаться в том, что если моему преемнику удастся сохранить эти кадры, ПКБ, и после моего ухода, останется на плаву и преодолит любые трудности только зарождающейся рыночной экономики.

Мне было легко и приятно работать с моими подчинёнными. Как и раньше, не чувствовал никаких проблем и в отношениях с руководителями объединения, предприятий и организаций отрасли. С Мигурским старался не контактировать и все вопросы, по-прежнему, решал с его заместителем Исайкиным.

Хорошие отношения сохранились с руководителем ведущего предприятия отрасли, Попсуевой, которая постоянно относилась ко мне с подчеркнутым уважением и старалась во всём помочь. Когда в городе стало трудно с продуктами, она организовала доставку в ПКБ колбасных изделий и других дефицитных мясопродуктов и мы могли купить их по недорогим ценам. Нередко нам перепали и другие товары, которые она добывала по бартерным сделкам для своих работников.

Недавно по её инициативе отмечалось двадцатилетие санатория-профилактория “Реста”. Несмотря на то, что я уже полтора десятка лет этой здравницей не занимался, на торжествах не только отметили мои заслуги в её строительстве и развитии, но посвятили этому значительное место в стихотворном сценарии, талантливо сочинённом главврачём Дидиковым и его заместителем. Мне оказали большие почести, вручили Почётную грамоту и памятные сувениры. О заслугах Попсуевой в здравоохранении работников комбината на юбилее почти никто и не вспомнил. На это, согласитесь, способен не каждый директор. Мигурскому, по крайней мере, такое было не дано.

Продолжалось творческое содружество со многими ведущими научными и конструкторскими организациями отрасли, внедрение на предприятиях наших разработок и изобретений. За некоторые из них

мне выплатили авторское вознаграждение, которое исчислялось трёхзначными цифрами и раньше могло бы оказать заметное влияние на наш семейный бюджет, но теперь, когда деньги обесценились, моему финансовому положению это не очень помогло.

Готовясь к предстоящему увольнению с работы, я стал постепенно возлагать всё больше директорских функций на своих замов. Они теперь сами разрабатывали тематические планы, анализировали работу отделов и служб, участвовали в решении финансовых вопросов, которыми раньше занимались только мы с Софьей Ароновной. Даже на многие совещания в ПО и управление мясомолочной промышленности Агропрома БССР я стал направлять вместо себя Бугаенко или Максименко (в зависимости от тематики рассматриваемых вопросов).

Первым изменения в стиле руководства ПКБ заметил Исайкин, который, с присущим ему тактом, не замедлил выяснить у меня причины возросшего доверия к моим заместителям. От него, непосредственного руководителя, доброго и отзывчивого человека, нельзя было больше скрывать моего намерения оставить работу, и я признался ему в этом, сославшись на возраст (мне шёл уже 68-й год) и на состояние здоровья.

Иван Михайлович горячо и искренне убеждал меня в том, что моей работой в объединении и Агропроме очень довольны, утверждал, что не представляет себе, как они обойдутся без меня и как я смогу жить без работы. Он просил остаться в должности хотя бы до моего семидесятилетия, но когда понял, что решение моё твёрдое и причины убедительны, предложил съездить в отпуск, отдохнуть и вернуться к этому разговору в конце лета.

Обком профсоюза выделил мне и жене путёвки в санаторий “Друскеникай” на июнь месяц, а Мигурский распорядился о выплате месячного оклада на лечение и отдых.

Прибалтийские курорты нам очень нравились. Умеренный климат, сосновые леса, благотворные минеральные воды и хорошее обслуживание обеспечивали максимальный лечебный эффект и мы возвращались оттуда всегда окрепшими и довольными. Сейчас, когда психологическое напряжение и физическая усталость достигли предела, месячный отдых в санатории был для нас очень кстати. Особенно в нём нуждалась Анечка. На неё легли основные заботы по подготовке к отъезду и она совсем выбилась из сил.

Однако, к моему удивлению и нескрываемому недовольству, она решила уступить путёвку своей сестре, мотивируя это занятостью неотложными делами и желанием предоставить Полечке единственную за многие годы возможность побывать в хорошем санатории. Мои уговоры отказаться от этой идеи и поехать со мной на неё не подействовали.

Обиднее всего было то, что её сестре эта поездка не принесла ни пользы, ни удовольствия. Санаторий был прекрасный и условия отдыха отменные, но ей с первых же дней не понравилось питание и медобслуживание. Она так же не нашла себе интересной компании и, не пробыв даже половины положенного срока, Полечка возвратилась домой. Не много радости и мало пользы принесла мне тогда последняя в жизни путёвка в профсоюзную здравницу.

По возвращению домой я официально заявил об увольнении в связи с уходом на пенсию с 1-го августа 1992-го года. Обязанности директора ПКБ были возложены на Бугаенко.

Трогательным было прощание с коллективом. От тёплых слов и добрых пожеланий, произнесенных на банкете по этому поводу, захватывало дыхание и душили слёзы. Мне тогда казалось, что присутствую на своих похоронах. Что-то подобное я чувствовал полтора десятка лет тому назад, когда КНК БССР пытался на общем собрании коллектива добиться одобрения принятого им решения об освобождении меня с занимаемой должности и привлечения к судебной ответственности. Пытаясь защитить меня от карающего меча партии, люди и тогда говорили о моей преданности Родине, ратных и трудовых подвигах, производственных и творческих успехах, большом экономическом эффекте от внедрения изобретений, технологических и конструкторских разработок, о добром отношении к людям. Я уже тогда имел право на льготную пенсию, как инвалид Отечественной войны, и был готов этим воспользоваться, но палачи-антисемиты жаждали крови и отказывали мне в этом. Смелые выступления сослуживцев в мою защиту существенного влияния на их намерения не оказали.

По смыслу речи на том и на этом собрании были похожими. Разница была лишь в том, что тогда добрые слова людей звали к борьбе за справедливость и возрождали надежду на успех правого дела, а сейчас они касались только прошлого, которое никогда уже не могло повториться.

Мои руководители и подчинённые уговаривали меня остаться в коллективе на любой другой должности, которую я посчитаю для себя приемлемой, на которой смогу передать свой опыт ученикам и воспитанникам. Не догадываясь ещё о настоящей причине увольнения, эти милые и добрые люди не могли понять моей решимости расстаться с ними навсегда.

Тяжело мне было покидать работу, которой служил почти полстолетия. Я понимал, что на этом моя трудовая деятельность, без которой лишалась смысла и сама жизнь, заканчивалась.

Не радовал вручённый мне на память ценный подарок - прекрасный чайный сервиз на 24 персоны, который в наш багаж уже не умещался.

Трудно было собраться с мыслями, чтобы найти нужные слова для ответного слова. Сквозь слёзы я выразил моим коллегам, друзьям и соратникам слова искренней благодарности, заверил их в том, что никогда не забуду дела, которому был предан, замечательных людей, которые были рядом со мной в большом трудовом и жизненном пути.

174

Наши приготовления к отъезду вступили в завершающую стадию. Как и раньше, главную роль в них играла Анечка. Она и вещи в комиссионные магазины сдавала, и посылки на почту относил, и баулы упаковывала, и поиском покупателей на квартиру, дачу и гараж занималась.

Одних только посылок с книгами около двухсот отправила. Трудно нам было с ними расставаться. Годы мы их с трудом добывали, выстаивая в длинных очередях магазинов периодических изданий. Наша домашняя библиотека включала собрания сочинений классиков русской и мировой литературы, энциклопедии, редкие издания на идиш. Жаль было оставлять такое богатство, и Анечка по утрам таскала на почту тяжёлые тюки с книгами в надежде отправить их детям, в Баффало. Посылки за границу не каждый день принимали и на это почта имела строгие лимиты. Нередко, когда подходила наша очередь, окошко закрывалось и приходилось возвращаться с грузом домой, чтобы на следующий день вновь попытаться счастье. Это не только отнимало много времени, но и стоило больших денег. И всё же Анечка не жалела ни сил, ни средств и ей удалось отправить рекордное количество посылок в нашем городе.

Вещи в комиссионках долго не находили покупателя, приходилось переоценивать их и добротные изделия отдавать за бесценок. Большую часть одежды, обуви, аудио и видеоаппаратуры раздали перед отъездом родственникам.

Очень жаль было расставаться с дачей. На её строительство и обустройство мы затратили много сил и средств. Она была любимым местом отдыха наших детей и внуков, но оставить семейную ценность было некому и мы её отдали чужим людям почти даром. Так же поступили и с добротным гаражом, рядом с домом, в центре города.

В июле приехали попрощаться Елизаровы. Они были довольны тем, что вернулись в Ейск, где было много друзей и знакомых, в свою квартиру. Полечку пригласили на должность администратора базы отдыха на берегу моря, чему она была очень довольна, а Володя вновь отдавал всё свободное время рыбалке. Об отъезде в Америку он и слушать не желал, подтвердив намерение доживать отведенные годы на своей Родине и в своём доме.

О желании уехать заявил только их сын Валера и невестка Маша, у которой в США жила мать и отчим. Поехать с ними согласилась и Полечка. На том и порешили, и мы пообещали по приезду оформить на них вызов. Часть нашего имущества и домашних вещей отвезли семье младшего сына Борика, которая жила тогда временно в Могилёве.

Тяжёлым было прощание с Полечкой, которая опять оставалась одна в рабском услужении своим детям и внукам.

Приехали попрощаться и наши одесские родственники. Старший брат Анечки Борис всю жизнь вынашивал мечту жить рядом с нами. В этом желании мы были с ним солидарны. Наши отношения иначе как братскими нельзя было назвать. Их основой было не только семейное родство, но и общность взглядов по всем жизненно важным вопросам. К сожалению, пришлось признать, что дороги наши уже никогда не сойдутся и вряд ли нам удастся даже когда-нибудь встретиться. Их младшая дочь Аллочка с семьёй недавно насовсем уехала в Германию и они были намерены следовать за ними.

На день рождения Андрюшки поехали в Минск. Младшему внуку исполнилось семь лет и Иринка готовила его в школу. Мы привезли ему в подарок настоящий подростковый велосипед “Орлёнок” в расчёте на будущее. Хотя он и не доставал ещё ножками до педалей, радости мальчика не было предела.

Заказали билеты на самолёт. Половину стоимости нужно было оплатить долларами и на это ушли все наши сбережения. Ближайшей датой вылета из Минска было 17 августа 1992-го года. До отъезда оставалось меньше месяца.

Республики бывшего Советского Союза самостоятельно шли к капитализму. На этом пути у каждой из них были какие-то особенности. Общим для всех была приватизация государственной собственности и отказ от социалистических принципов и социальных завоеваний трудящихся. Не стало почти бесплатного жилья, дешёвых билетов на поезда и самолёты, копеечной стоимости проезда в городском транспорте, льготных путёвок в дома отдыха и профилактории и многого другого, чем до сих пор гордились граждане СССР и что в какой-то мере компенсировало их небольшую зарплату и нищенский образ жизни.

Государство теперь не регулировало цены на продукты питания, промтовары и услуги, и они непрерывно росли. Чтобы сохранить хотя бы минимальную покупательную способность населения, правительство повысило зарплату всем категориям трудящихся.

До сих пор все жаловались, что плохо жить без денег, теперь поняли, что и с деньгами лучше не стало. В Белоруссии, в отличие от некоторых других республик СНГ, зарплату и пенсию выдавали вовремя (“зайчики” печатались в достаточном количестве), но товарные запасы от этого не увеличились и купить необходимые продукты становилось всё труднее. Эмиссия денег привела к повышению инфляции и безудержному росту цен.

Рублёвые сбережения, что хранились людьми на “чёрный день”, быстро обесценивались и все торопились побыстрее отоварить наличные деньги, а ещё лучше превратить их в доллары, цена которых непрерывно росла.

Если в конце прошлого года доллар стоил около пятидесяти рублей, то ко времени нашего отъезда, буквально за несколько месяцев, его стоимость возросла до двухсот рублей, но даже за такие деньги было трудно произвести обмен. На валютных операциях наживались богачи и спекулянты, которые скупали недвижимость и драгоценности.

Самыми богатыми и влиятельными людьми в центре и на местах стали те же партийные лидеры и их ставленники. Председателем Совета министров Белоруссии назначили бывшего председателя Госплана и члена ЦК КПБ Кебича, а Председателем Верховного Совета республики стал неуч и партийный палач Лагир, который сменил на этом посту академика Шушкевича.

Они, правда, недолго продержались на этих постах. Первый был смещён из-за провала экономической политики правительства, а второго изгнали с позором с должности спикера белорусского парламента из-за очевидной безграмотности, бескультурья и дури (я мог в очередной раз порадоваться божьей мести моим врагам и недругам), но можно было не сомневаться в том, что времени нахождения у власти им хватило для личного обогащения.

Обнищание населения, коррумпированность всего государственного аппарата и рост преступности создавали удручающую картину в эти первые годы независимой республики Беларусь.

По вечерам улицы Могилёва были безлюдны. Боялись грабежей и мародёрства. В нашем доме в большинстве квартир были оборудованы металлические двери с кодовыми замками. Мы не успели обезопасить своё жильё и по ночам испытывали чувство страха за сохранность своих баулов, подготовленных к отъезду.

Самым трудным для нас оказалась продажа квартиры. Я даже в душе позавидовал Вовочке, который не имел этой заботы и безвозмездно передал жильё государству. Несмотря на то, что квартира была большой и удобной, располагалась в самом престижном районе, продать её оказалось совсем непросто. Можно было напороться на жуликов, которые специализировались на этом бизнесе, была опасность грабежа вырученных денег, не исключался риск получения фальшивых купюр. Мы готовы были продешевить с ценой, лишь бы избежать этих и других опасностей.

Как-то мне позвонил директор совхоза “Кадино” Липкин и попросил встретиться с ним по важному вопросу. Я знал Валерия Фёдоровича по совместной работе в Агропроме и встречах на совещаниях в обкоме и облисполкоме, и пригласил его домой вечером того же дня. Наш гость приступил к теме разговора без подготовки. Он заявил, что может купить нашу квартиру под офис совместного Белорусско-Польского предприятия по выращиванию овощей, если мы согласимся на умеренную цену. Как выяснилось, предложенная им сумма была скорее мизерной, чем умеренной, и оказалась в несколько раз дешевле минимальной оценочной стоимости, но зато сделка была официальной и лишена опасности обмана или афёры, что для нас было важнее денег. Мы согласились с предложенными условиями и договорились об оформлении документов на продажу.

Долларов у нас было немного, но зато рублей и зайчиков к отъезду набралось около ста тысяч. Таких сбережений у нас никогда в жизни не было. В недалёком прошлом это считалось большим

богатством. Сейчас же этого еле хватило для обмена в банке на положенные нам по закону шестьсот долларов (в случае выезда за рубеж на постоянное место жительства тогда разрешалось обменивать не более ста долларов на одного человека). Мы принесли в банк полный чемодан с деньгами, а вышли оттуда с несколькими стодолларовыми купюрами в кармане.

В начале августа Верочка уволилась с работы и приехала с детьми к нам. Она не занималась распродажей вещей. Их квартира, домашняя утварь и мебель остались Жоре. Единственной ценностью, принадлежавшей ей, был автомобиль “Москвич”, подаренный мною в начале года, когда мне, как инвалиду войны, выдали новый “Запорожец” с ручным управлением. Она продала его за восемьдесят тысяч и смогла купить на эти деньги меховую шубку себе и кое-что из одежды и обуви детям.

Верочка тратила массу времени на хождение по магазинам и рынкам в поисках товаров, которые им могли понадобиться в Америке. Купила девочкам дорогие джинсы, разные майки, бельё, обувь. Приобрела себе модное пальто и не пожалела отдать спекулянту 25 тысяч рублей за импортную кожанную куртку, чтобы в Америке не показаться нищей.

Она обижалась на Жору, который отказался нести какие-то расходы по отъезду детей и даже на билеты для них денег не дал. Может быть он так выражал своё недовольство.

Перед отъездом позвонила Попсуева и попросила зайти попрощаться. Она послала за мной машину вечером, когда в заводоуправлении уже никого не было. Мы сидели в её кабинете и вспоминали годы становления, строительства и развития комбината. Сюда, в эту комнату, на протяжении многих лет я приходил каждый день в семь утра и уходил поздно вечером. Эмма Сергеевна сохранила привычную обстановку кабинета и здесь всё было до боли знакомо. Она сказала, что никогда не забудет годы нашей совместной работы и все доброе, что было для неё сделано. Мы зашли в комнату Трудовой славы, где по-прежнему висели фотографии лучших людей комбината и находились правительственные награды, которых коллектив был удостоен за трудовые подвиги и творческие успехи.

В углу директорского кабинета стояла стопка коробок с обувью. Эмма Сергеевна, как бы извиняясь, объяснила, что ей теперь приходится заниматься и обменными операциями, чтобы как-то обеспечить потребность своих работников в дефицитных товарах. Она предложила отобрать себе нужную обувь по недорогой цене. Я начал отказываться, но по её настоянию всё же выбрал несколько пар импортных туфель, уплатив за них удивительно мало денег.

Попсуева предложила автобус для доставки нас в аэропорт и мы тепло с ней попрощались. Надолго осталось в моей памяти последнее посещение предприятия, которому были отданы лучшие годы моей жизни.

176

Теперь, когда отъезд семьи перестал быть тайной, мы не могли избежать прощальных визитов друзей и знакомых. Они одобряли наше решение, выражали добрые чувства и желали счастья на новом месте. Самыми трогательными были последние встречи с семьями Марченко, Неколышиных и Берлиных. Наша дружба с этими замечательными людьми выдержала испытания времени и в искренности их доброго отношения к нам можно было не сомневаться.

Мы тепло попрощались с друзьями и коллегами по работе - Полиной Степановной и Михаилом Кириловичем Кожевными, Раисой Давыдовной Матвеевой, Маргаритой Яковлевной Шапиро, Фёдором Тимофеевичем Луговнёвым. Это были стойкие бойцы, с которыми вместе шли на трудовые подвиги и достигали больших трудовых и творческих успехов. Они были с нами и в годы бедствия и преследований - не отступили, не бросили в беде, не предали. Их солидарность в мужество помогли выстоять в борьбе со злом, завистью, клеветой, отстоять своё честное имя и человеческое достоинство.

Было много звонков от руководителей предприятий и организаций отрасли, работников министерства, научных и конструкторских организаций. Директор ВНИМПа, Андрей Борисович Лисицин, попросил найти возможность приехать в институт, чтобы попрощаться и обговорить некоторые вопросы, связанные с внедрением совместных разработок.

Я воспользовался поездкой в Москву за пакетом выездных документов и побывал в институте. У нас была тёплая прощальная беседа с руководителями НИИ и Михаилом Львовичем Файвишевским, с которым мы были не только соавторами научных разработок и изобретений, но и стали добрыми друзьями.

Андрей Борисович, недавно ставший директором головного научно-исследовательского института отрасли, поблагодарил за внимание, которое было ему оказано, как молодому специалисту, когда он, после окончания ВУЗа, прибыл на Могилёвский мясокомбинат, и за помощь в работе над кандидатской диссертацией. Он подписал справку, позволившую вывезти за рубеж все мои авторские свидетельства и

зарубежные патенты на изобретения. В ней удостоверялось, что в них не содержится секретных и не подлежащих публикации в открытой печати сведений.

Уходя из института, я понимал, что на этом навсегда закончилась моя научная и творческая деятельность, которые занимали важное место во всей прошлой жизни.

Накануне нашего отъезда позвонил заместитель директора Слонимского мясокомбината - Михаил Абрамович Белкин. Это был один из ветеранов мясной промышленности, который дольше других евреев оставался руководителем предприятия и стал экс-директором всего пару лет тому назад, когда по Белоруссии прокатилась очередная волна антисемитизма. Нас связывала давняя дружба, общие интересы и во многом схожая судьба. Он уточнил время нашего выезда и пообещал приехать в аэропорт, чтобы попрощаться и оказать помощь при сдаче багажа.

Меня тронул поступок друга и я от души поблагодарил его за участие и внимание.

177

Автобус приехал за нами, как и было условлено, в пять часов утра, когда город ещё спал. Мы разбудили детей, попили чаю за кухонным столом в последний раз в своём доме, присели на дорожку и окинули прощальным взглядом квартиру, где прожили более двадцати лет. Здесь учились и писали дипломы дети, отмечались праздники и памятные семейные даты, страдал и умер в ужасных муках Мишенька. В комнатах и сейчас, перед самым нашим отъездом, было чисто и уютно, как и всегда раньше. Почти вся мебель в гостиной, спальне, на кухне и в моём кабинете оставалась на своём месте. На стереосистеме лежал диск Розенбаума, песни которого так любил наш покойный сын. На столе стояла ваза со свежими гвоздиками, принесенными вчера кем-то из прощавшихся с нами. Как обычно, закрыли дверные замки своими ключами, которые решили увезти с собой на память (вторые ключи, накануне, передали новому хозяину).

Погрузились тихо, чтобы не разбудить соседей и избежать прощальных эмоций, которые были бы неизбежны в этом случае. Чаше забило сердце, когда покинув двор, въехали на проспект Мира, ведущий к автострате на Минск. Всё ещё не верилось, что навсегда оставляем город, где прожили в общей сложности почти тридцать пять лет. Тут выросли дети, прошли лучшие годы жизни. Нередко сгущались тучи, нависала тревога и охватывал страх за себя и детей, но больше всё же было радостных, счастливых и незабываемых дней и событий.

Дорога в аэропорт оказалась долгой и хватило времени мысленно обозреть годы, прожитые в Белоруссии. Почему-то не хотелось вспоминать ужасы преследований и гонений, унижения и оскорбления, обыски милиции и допросы следователей. Из памяти восставали семейные радости, трудовые и творческие достижения, признания заслуг.

В раздумьях прошло несколько часов и автобус подъехал к недавно построенному главному корпусу нового аэропорта. Здесь нас встречал Михаил Абрамович, который помог доставить багаж к стойкам таможенного контроля. Баулы оказались тяжёлыми, их было много (по два на каждого отъезжающего) и к работе пришлось привлечь шофёра автобуса и водителя автомобиля Белкина. Ребята были крепкие и справились с этой задачей довольно быстро.

Аэровокзал был построен по западным образцам и выглядел ультрасовременным: самооткрывающиеся двери, кондиционированный воздух, приятное люминисцентное освещение, импортное оборудование по приёму багажа, конвейеры для транспортировки грузов, удобные кресла, идеальная чистота. Даже не верилось, что это отечественный аэропорт.

Поверить в это помогли таможенники, которые тут же приступили к досмотру багажа. Порядок обращения с пассажирами, недоверие и подозрительность были такими же, какие пришлось видеть недавно в Бресте при отъезде наших детей. Та же бесцеремонность, грубость и хамство. Несмотря на то, что наличная техника позволяла просветить содержимое чемоданов, контролёры вскрыли все наши баулы и рылись в коробках и свёртках в поисках контрабанды. Было такое впечатление, что они не сомневались в её наличии и поэтому, не обнаружив недозволенных к вывозу вещей в очередном бауле, таможенники без раздумий приступали к следующему, надеясь, что найдут искомое именно в нём. Когда, порывшись в последней упаковке, они так и не нашли ничего подозрительного, блюстители порядка стали с точностью до грамма проверять вес каждого баула. В некоторых из них они нашли превышение нормы на несколько килограммов и нам пришлось доплатить более ста долларов за лишний вес.

Дрожащими руками отдавала Анечка драгоценную валюту кассиру. Шутка ли сказать: ещё в дорогу не выехали, а такие непредвиденные расходы понесли.

Когда унижительная процедура проверки багажа была, наконец, закончена, мы попросили шофёра автобуса отвезти нас на квартиру к Иринке, чтобы попрощаться с детьми и отдохнуть перед дорогой (наш самолёт отправлялся утром следующего дня). Он охотно согласился выполнить нашу просьбу и мы с Белкиным отправились в город.

Во дворе нас уже давно ждали Андрюшка и Алёнка, которые знали о нашем приезде. Мы отблагодарили водителя бутылкой “Столичной” и сувенирной коробкой импортного коньяка, попросили передать большое спасибо Эмме Сергеевне и тепло попрощались с ним.

Приготовленный для нас семейный обед с десертом оказался нетронутым. Михаил Абрамович вынул из своего чемоданчика бутылку шампанского и большой пакет деликатесов слонимского производства, которые всем пришлось по вкусу.

Белкин признался, что и сам собирается в Бруклин на следующий год. Он недавно проводил туда семью своей дочери и ждёт приглашения на интервью.

Мы сердечно поблагодарили Михаила Абрамовича и душевно попрощались с ним. До нашего отъезда оставалась одна ночь.

178

Не спалось. Вечером был долгий и трудный разговор с Иринкой. К нему часто подключалась и Алёнка, которая по-прежнему считала, что мы бросаем их на произвол судьбы. Наши убеждения о целесообразности следовать за нами, как только мы обустроимся на новом месте, они отвергали по тем же причинам. Мы настаивали на своём и выдвигали всё новые доводы. Чтобы как-то закончить разговор, Иринка произнесла неопределённо: “Поживём - увидим”.

Один Андрюшка был настроен дружелюбно и миролюбиво. Когда я, прощаясь с ним, спросил приедет ли он к нам, когда мы его сильно попросим, он твёрдо ответил:

- Не плачь, дедушка, я к тебе обязательно приеду.

Тяжело было оставлять детей и Иринку было жалко. Я мысленно пообещал сам себе, что непременно заберем их при первой возможности.

Анечка, наконец, уснула, а я всё ворочался в постели в мыслях о прошлом и тревоге о будущем. Казалось только задремал, когда раздался телефонный звонок. Это Валерий Шаболтас, друг Мишеньки по совместной работе на Севере, предупреждал, что приедет за нами через полчаса. Он взялся проводить нас в аэропорт.

Собрались быстро, не стали будить Алёнку с Андрюшкой. Во дворе стояла и Жорина машина. С нами была только ручная кладь и мы легко разместились в двух автомобилях.

Было ещё темно. Дорога была пустынной и мы быстро добрались до аэровокзала. Наш самолёт улетал в восемь утра и до отправления оставалось ещё около двух часов. Жора увёл Анечку и Наташку в дальний угол для прощального разговора, а мы направились к стойкам регистрации билетов.

Напрасно мы думали, что муки таможенного досмотра закончились накануне, при сдаче багажа. Самое страшное было впереди. Вчера рылись в баулах, а сегодня шарили по карманам и копались в дамских сумочках и ручной клади. Нас почему-то обыскивали более тщательно, чем других пассажиров. Не иначе как решили взять реванш за вчерашнюю неудачу, или выполняли чьё-то спецздание.

Уже объявили посадку, а наши вчерашние знакомые всё продолжали досмотр. Когда, наконец, закончили обыск женщин и детей, у которых ничего подозрительного не обнаружили, старший по смене велел мне следовать за ним. Он привёл меня в свой кабинет и бесцеремонно приказал:

- Выкладывайте валюту и ценности добровольно! У нас мало времени.

Я освободил содержимое карманов джинсовой куртки и брюк, где были загранпаспорт, записная книжка, перочинный ножик, несколько монет и четыре двадцатипятирублёвые купюры, которые забыл отдать вчера детям на конфеты и мороженное. Таможенный начальник с недоверием посмотрел на меня и взялся сам выворачивать мои карманы и ощупывать с головы до пяток.

Закончив унижительный обыск и не найдя ничего запретного, он велел забрать документы и вещи, включая и четыре купюры с изображением Ленина, и со злостью произнёс:

- Всё равно я вам не верю, только времени нет с вами возиться больше.

Посадка в самолёт заканчивалась и только Анечка с детьми стояли у стойки пограничника, проверявшего их загранпаспорта. Рядом в слезах стояли Жора и Иринка. Навзрыд плакали дети. Нас торопили и я не успел даже толком попрощаться с провожающими. В спешке мы похватили сумочки с ручной кладью и, как оплётанные, поспешили за проводницей.

ТУ-144 был заполнен до отказа. Приветливые и приятные на вид молодые стюардессы предлагали газеты, журналы, прохладительные напитки и конфеты. Дети быстро успокоились и с удовольствием принимали угощения, а мы, четверо взрослых, никак не могли прийти в себя от нанесенных обид, оскорблений и последней пощёчины, которую на прощание нанесли нам стражи порядка нашей бывшей родины.

Мы сидели в своих креслах, как побитые, и старались ни о чём не разговаривать. Когда принесли завтрак и предложили на выбор любые напитки, включая алкогольные, я попросил рюмку водки и баночку пива. Выпив спиртное и слегка закусив, вроде почувствовал успокоение и задремал. Не заметив удобств комфортабельного советского самолёта, совершавшего зарубежный рейс, не получив удовольствия от непривычно вежливого обслуживания бортпроводниц, я проснулся от мягкого женского голоса, известившего о прибытии нашего самолёта в ирландский аэропорт Шенон.

Проспал момент, когда самолёт пересёк границу моей бывшей родины и избежал ожидаемых волнений по этому поводу. Такое случилось первый раз в жизни и были основания для эмоций. Мы навсегда покидали страну, где жили и умерли наши родители, где мы родились и прожили долгую жизнь, где выросли дети и внуки.

В этом аэропорту мы поняли, что Минский только внешне похож на заграничный. Тут уже всё было по-другому. И непривычное обилие товаров в киосках и подарочных павильонах, и неоновые рекламы кафе и ресторанов, и отсутствие очередей у багажных стоек и бюро справок, и идеальная чистота в туалетах, а главное - обращение к пассажирам. На каждом шагу мы слышали один и тот же вопрос: “Мей ай хелп ю?”. Хотя мы и не понимали английского, но нам с первых минут стало ясно, что здесь все полны желания помочь людям. Не заметили мы и таможенников, копающихся в чемоданах и ручной клади. Вместо этого были конвейеры с просвечивающими аппаратами, исключающие доступ в самолет оружия, взрывчатых веществ и других запрещённых предметов. Все были к нам предельно внимательны и очень вежливы.

Когда мы, покинув советский самолёт, обнаружили пропажу одной упаковки с памятными сувенирами, сотрудники аэропорта организовали поиск и предложили то же сделать и экипажу самолёта. Они очень старались нам помочь и не их вина была в том, что эти усилия не увенчались успехом (нельзя было в Шеноне найти то, что у нас украли в Минске), но забота и искреннее желание помочь трогали.

Хоть времени до посадки на наш рейс было меньше двух часов и нам трудно было понять о чём вещало местное радио, мы успели и билеты зарегистрировать, и пройти проверку содержимого ручной клади, и отдохнуть в удобных креслах, и спокойно, без всякой суеты занять свои места в “Боинге”, поразившем наше воображение своими размерами и невиданными доселе удобствами. Огромный воздушный корабль легко взмыл в воздух и взял курс на Нью-Йорк.

Хоть мы и были приятно удивлены непривычно высокому уровню обслуживания на ТУ-144, доставившему нас утром в Шенон, но то что мы увидели на “Боинге” превзошло все наши ожидания. Несмотря на то, что на борту было более трёхсот пассажиров, в течении нескольких минут все были обеспечены наушниками, которые позволяли слушать то, что происходило на экранах телевизоров или по трансляции из нескольких программ радио. Когда все удобно устроились в креслах и стали кто слушать приятную музыку, кто смотреть кинофильм или листать свежие газеты и журналы, началась кормёжка, которая практически не прекращалась на протяжении восьми часов полёта. Бригады стюардесс в белоснежных нарядных блузках наперебой предлагали прохладительные и крепкие напитки, лучшие марки вин и натуральные соки, различные деликатесные закуски и свежие фрукты. Всё было удивительно вкусно и трудно было устоять от соблазна не попробовать это.

Я выпил пару бокалов приятного вина, закусил несколькими бутербродами с сёмгой и сыром и, под звуки приятной классической музыки, предался раздумиям о прошлой и будущей жизни.

Вспомнились милые и добрые родители. Прекрасно образованный отец сделал всё возможное, чтобы привить детям любовь к знаниям и сделать наше детство счастливым. Мать отдавала всё свое время детям и дому и являлась подлинным “ангелом семьи”. Родительская любовь и внимание остались незабываемыми на всю жизнь. Учёба в школе давалась легко, мне было лестно ходить в отличниках и получать почётные грамоты, которыми я награждался по итогам каждого учебного года. Многие сверстники завидовали этому.

Было ли моё детство счастливым? Трудно даже самому себе ответить на этот вопрос. Можно ли назвать счастливым ребёнка, потерявшего в девять лет отца, в одиннадцать - мать и редко встававшего из-за стола сытым?

Детство оборвалось в шестнадцать лет - началась война. Сразу же записался добровольцем на фронт. Воевал так же добросовестно, как и учился. Ордена Славы был удостоен за оборону Днепропетровска. Но военная карьера закончилась осенью 1941-го, когда был тяжело ранен взрывом мины. Потерял левый глаз, была изувечена нога, смертельно опасным оказалось ранение в голову, из которой было извлечено несколько осколков. Навсегда осталось искажённым лицо, обезображенное шрамами военных ранений.

Однако, унынию не поддался и рук не опустил. В Бакинском госпитале сдал экзамены за десятый класс и уже в конце 1942-го поступил в институт, который закончил с отличием через пять лет. Начало служебной карьеры складывалось удачно и моим успехам завидовали многие, однако никому и в голову не пришло бы назвать мою юность счастливой.

Ещё в институте пришла любовь. Жена Анечка - красивая и тонко всё чувствующая женщина, неизменно была предана мне, делила со мной все радости и печали. Она подарила мне двух мальчиков-близнецов и прелестную дочку, которыми есть все основания гордиться. В нашем доме всегда властвовала любовь, дружба, единство и взаимопонимание, забота о детях и уважение родителей.

Была ли наша семейная жизнь счастливой? И да, и нет. Да, потому что семья всегда оставалась командой единомышленников, которая неизменно была со мной, готовая прийти на помощь в любое время и в любой ситуации. Это была та тихая гавань, в которой всегда можно было найти покой и поддержку. Хотел бы здесь подчеркнуть особую роль, которая в нашей семье принадлежит моей жене Анечке, взвалившую на свои хрупкие плечи основные тяготы жизни. Она решала все финансовые, хозяйственные и экономические проблемы, и в том, что у нас по ним никогда не возникало серьёзных кризисов, безусловно, её заслуга. До конца своих дней я останусь в неоплатном долгу перед ней за любовь, заботу и внимание, которые она постоянно проявляла и проявляет ко мне. Наши дети доставляли нам много радости. Они выросли честными, порядочными, образованными людьми и прекрасными специалистами. Мы всегда ощущали их преданность и уважение. Всё это даёт основания считать нашу семейную жизнь счастливой.

С другой стороны, можно ли назвать счастливой семью, которая пережила неизлечимую болезнь любимого сына и его смерть в расцвете лет? Мишеньки не стало, когда ему только исполнилось сорок.

Трудовые и творческие успехи мои многим казались фантастическими и неправдоподобными. К двадцати шести годам прошёл путь от инженера-технолога до главного инженера предприятия, в сорок лет стал директором, а в сорок пять генеральным директором самого крупного производственного объединения мясомолочной промышленности Белоруссии. И это на волнах всё нарастающего государственного антисемитизма и с такой типично еврейской фамилией. Везде были трудовые успехи, переходящие и памятные знамёна, почётные знаки и высокие правительственные награды.

Не было, наверное, второго еврея в отрасли, получившего более тридцати авторских свидетельств и зарубежных патентов на изобретения и удостоенного почётного звания "Заслуженного изобретателя".

Было чему завидовать многим русским коллегам и специалистам других коренных национальностей. И ещё как завидовали! Но можно ли назвать мою трудовую жизнь счастливой?

Воспоминания о многолетних преследованиях, кошмарах милицейских допросов и домашних обысков, омерзительной лжи и отвратительных кличек в республиканской и союзной печати, незаконные освобождения от занимаемых должностей и увольнения с работы ставят под сомнение и этот вопрос.

Вместе с тем нелёгкие трудовые будни, непрерывный поиск новых технических решений и постоянное противостояние дискриминации и антисемитизму нередко радовали производственными и творческими достижениями, победами в борьбе за чистоту своего имени и человеческое достоинство.

Ещё один немаловажный вопрос стал предметом моих раздумий на борту самолёта, пересекающего океан и уносящего меня навсегда из моего прошлого. Он касался продления рода Гимельфарбов и сохранения семейных традиций. Из троих братьев, после смерти родителей, в живых остался только я, и на меня одного выпала эта важная миссия.

Я мог с чистой совестью сказать, что сделал всё от меня зависящее. Моя семья сохранила отцовскую фамилию и добрые традиции моих предков. Основными жизненными принципами наших детей стали трудолюбие, верность родительскому долгу, честность, порядочность, доброта.

Вместе с тем многое мы растеряли и есть основания для беспокойства. В нашей семье мало что сохранилось от еврейской веры и традиций, которым так преданы были мои родители. Даже те небольшие знания языка и литературы, которые я успел получить за четыре года учёбы в еврейской школе до её

закрытия в годы сталинской диктатуры, не удалось сохранить. Теперь мне стоило бы больших трудов даже небольшое письмо написать на идиш. Родным языком для нас и детей стал русский.

Только двое из шести наших внуков носят фамилию моих родителей и только на них ещё можно надеяться, как на продолжателей рода.

Можно, конечно, оправдываться тем, что в этом не только моя вина. Такова судьба всех евреев из бывшего СССР, большинство из которых не сохранили и того, чем я ещё владею. В этом нам помогло советское государство, которое вышибло из нашего сознания всё еврейское и трвило нас только за то, что мы носили имена и фамилии, данные нам родителями.

Мы были гонимыми и преследуемыми, независимо от того, каким был наш социальный статус, образование, таланты и как много полезного мы делали во славу нашего отечества. Давно следовало бежать нам от мачехи-родины, но только сейчас появилась у нас такая возможность.

Под крыльями “Боинга” уже видны были небоскрёбы Нью-Йорка и статуя Свободы. По радио сообщили о прибытии в аэропорт имени Кеннеди.

Что ждёт нас в этой загадочной и незнакомой стране?